

# Гонсало Гуарч

## Армянское древо

### Пролог Бальтасара Гарсона

*Армянскому народу, принявшему христианство в 301 году и ставшему жертвой, первого геноцида XX века.*

*Памяти Генри Моргентгау*

*Посвящается памяти наших предков*

**Мовсисян К. Г.**

«Г. Э. Гуарчу удалось проникнуть в самую глубину чувств людей, переживших трагические события и давно ушедших из жизни. „Армянское древо“ не просто роман — это исторический документ, повествующий о причинах, приведших к геноциду армянского народа в 1915 году в период заката Отоманской империи. Вымышленные персонажи книги, прототипами которых были живые люди, становятся по мере развития сюжета реальными личностями. Дарон Нахудян, от имени которого ведется повествование, взял на себя тяжкий груз ответственности по составлению единой картины из мозаичных осколков, яркость которых меркнет от времени»

«„Армянское древо“ — волнующий рассказ об ужасающем, но еще недостаточно известном геноциде, который мир, к тому же, не всегда признает. До сегодняшнего дня Турция отрицает факт этого геноцида, хотя современные турки не имеют ничего общего с событиями того периода. Парламент Франции признал факт геноцида армянского народа в конце 2000 года».

«Эта книга представляет собой невероятное документальное свидетельство. Меня поразило, насколько реально описана действительность того времени. Потрясает история большой армянской семьи, младший представитель которой упорно ищет свои корни, одновременно пытаясь проникнуть в суть прошедших событий. Книга Г. Э. Гуарча даст возможность узнать еще одну веху в многострадальной истории древнего народа, к которому я с гордостью принадлежу»

*Т. Г. Агопян*

## Пролог

Дорогие читатели!

Если так получится, что вы откроете книгу именно на этой странице, то первый вопрос, который вы, наверное, себе зададите: «почему вдруг Гарсон (я почти привык к тому, что фамилия моего деда Бальтасар упоминается в последнее время лишь в семейном кругу)

написал пролог для данного произведения?» Этот вопрос заслуживает ответа.

На мой взгляд, написать исторический роман об армянском геноциде — не только правильная идея, но и настоящая необходимость. Таким образом будет воздано должное более чем полутора миллионам армян, жестоко уничтоженным во время первого в двадцатом веке геноцида. Когда автор книги обратился ко мне через одного нашего общего друга написать пролог, я занимался (и сейчас еще занимаюсь) подготовкой к чтению на летних курсах университета Эскориала истории XX века в геноцидах и массовых убийствах, коими столь богато ушедшее столетие. Оно запомнится как самое жестокое и кровавое на всем протяжении существования человечества.

В XX веке погибли по причине войн, массовых убийств и преступлений против человечества 180 миллионов человек, и лишь 24 миллиона умерли естественной смертью. Очевидно, что человеческая злоба и извращенность куда более смертоносны, чем все вместе взятые катастрофы. В доказательство можем взять недавние и особенно болезненные примеры: Босния, Руанда, террористическое нападение на башни-близнецы в Нью-Йорке, война в Афганистане, война на Ближнем Востоке. С каждым днем отсутствие взаимопонимания между так называемыми мировыми лидерами становится все более вопиющим и тревожным. Так что, получив это предложение, я сказал себе: Бальтасар, тебе нужно попытаться систематизировать свои мысли и скромно прибавить их к прекрасному произведению автора этой книги. Здесь мы имеем дело с моральными обязательствами и ответственностью, ибо он посвящает свой труд идее, вызывающей к нашей совести и призывающей помнить высказывание, что: «Те, кто пренебрегают значимостью фактов скорее в силу своей убогости, чем величия, осуждены на то, чтобы вновь пережить их».

Бесчувственность, навязанная нам экономически глобализованным миром, не должна приводить к тому, чтобы мы утратили общие постулаты, которые объединяют нас как часть международного сообщества, испытавшего и испытывающего постоянные массовые агрессии. Ощущение, что все мы потенциальные и обреченные жертвы, сплывает нас перед лицом агрессоров и убийц и заставляет переживать всякую смерть, пытку или исчезновение человека, совершенно ничем с нами не связанного и живущего в самом дальнем уголке планеты, как свою собственную. К сожалению, не этими чувствами руководствуются многие правители или вояки, вознамерившиеся разрушить все то позитивное, что создало человечество; более того, эти чувства отнюдь не стали всеобщими. Именно поэтому мы приветствуем такие произведения, как эта книга, вызывающая к всеобщей совести, которая до сих пор, словно рок, тяготит всех нас.

До каких пор некоторые «лидеры» будут заставлять нас выносить груз высокомерия, беззакония и покорности, используемых ими как инструменты власти? Мир не является следствием войны, а война не есть нечто обязательное в этом мире. Мир — это идея, чувство, идеал, за которые мы все должны бороться, сохраняя при этом уважение к достоинству, жизни, свободе. Чтобы претворить их в жизнь, мы не можем разрушать само понятие человека, существа, подверженного деградации. Страдания многих людей, переживаемые время от времени целыми народами, обнажают темную, порочную сторону человеческой природы, несовместимую с достоинством человека. Борьба за свободу нередко превращается в борьбу за мир и выживание, через нее мы стремимся восстановить достоинство народа, нации и просто людей, разделяющих идею гуманности, представляющую собой важнейшую составляющую человеческого существа.

В конце 1880 года число армянских граждан на территории собственно Османской империи (нынешняя Турция) составляло 2 500 000 человек. В 1923 году в Турции их осталось менее 100 тысяч. Что же произошло? Как стало возможно, что правители, армия и столько людей — крестьян, трудящихся, философов, писателей, — потеряв разум, начали этнические чистки, реализуя теорию очищения наций и жизненного пространства, которая через годы приведет к холокосту еврейского народа от рук Гитлера и его подручных?

В этой книге рассказывается, что история массовых убийств берет свое начало в конце XIX века. Но история армянского народа неизмеримо более древняя, она уходит корнями в

глубину веков.

Как можно прочесть в энциклопедиях, Армения расположена между иранскими плоскогорьями и Малой Азией, Черным морем и равнинами Закавказья и Месопотамии. Это нагорье размером около 400 тысяч квадратных километров, расположенное на высоте в среднем 1700 метров над уровнем моря. Самая высокая вершина — гора Арарат — 5165 метров. Современная Республика Армения находится в центральной и восточной части своих бывших исторических территорий.

Цепи Понтских гор на севере и горы Тавра на юге являлись естественными преградами и оказали существенное влияние на тысячелетнюю историю армян. Внутри этой территории многочисленные овраги рассекают страну в направлении восток-запад и юго-восток, затрудняя сообщение между северной и южной частями.

Речная сеть довольно разветвленная. Обычно внутри армянской территории реки представляют собой бурные водяные потоки, зажатые между скалистых берегов. В горах Армении зарождаются и текут в сторону Персидского залива исторические реки Евфрат и Тигр, самая большая по протяженности река Араке берет начало на горе Бингель (3650 метров) что на северо-востоке от озера Ван, пересекает долину Арарата, далее она сливается с Курой и впадает в Каспийское море.

Самые большие озера — Ван (1590 метров над уровнем моря), Севан (1916 метров) и Урмия расположены соответственно в Турции, Республике Армения и Иране, что наглядно показывает как разделена историческая армянская территория.

Происхождение и древняя история армян, известных так же, как *хай*, а их страна *Хайастин (Айастан)*, не очень изучены из-за отсутствия достоверных археологических данных и собственных письменных источников. Первое тысячелетие их истории, вплоть до изобретения алфавита в V веке новой эры, известно в основном лишь из иностранных исторических документов, но и они фрагментарны и противоречивы. Как гласит легенда, после разрушения Вавилонской башни, давший название народу Хаик — сын Торгома, внук Бомера и сам внук Ноэля, — сбежавший от гнета царя Вавилонии Бела, расположился со своим народом в долине у подножия Арарата. Хайк убил Бела и стал главой армянской нации.

После завоевания грекомакедонцами (IV век до н. э.) греческие авторы упоминают Армению как страну, народ которой говорил на армянском языке. Исходя из этой языковой идентичности, в 189 году до н. э. Арташес объявляет независимость страны от греческого господства и образует царство Большой Армении. Он основывает Арташесидскую династию (Арташесян), которая удерживает власть до I века н. э. Наибольшего расцвета она достигает при Тигране Втором Великом, могущество которого простирается от Каспийского моря до Палестины и от Понтийского царства до Месопотамии. Аршакидская династия (Аршакуни) — вторая монархия в истории Армении — правила в стране с 66 по 428 год. В этот период в Армении стали проповедовать Евангелие апостолы святой Иуда Фаддей и святой Варфоломей. В 301 году при царствовании Трдата Третьего Армения принимает христианство в качестве официальной религии и становится первым государством в мире, признавшим христианство в качестве официальной религии.

В 387 году Армения была поделена между Византией и Персией. Создание алфавита в 406 году укрепляет национальную идентичность, а война Вартананка (451 г.) против персов увенчалась признанием религиозных и национальных свобод, записанных в Договоре Неварсака (451 г.).

После периода владычества арабов (701–885 гг.) династия Багратидов (Багратуни) укрепила национальное единство (885–1045 гг.). Под влиянием византийского экспансионизма, нападений турок, селеусидов и монголов суверенитет над национальной территорией был утерян.

Армянское государство было восстановлено в 1080 году на берегах Средиземного моря. Армянское царство Киликия вплоть до своего распада в 1375 году было одним из главных торговых центров этого периода и базой для Крестовых походов тех, кто

направлялся на Святую землю.

Начиная с XV века Армения была поделена между Турцией и Персией. В XVIII веке в Армении имели место несколько национально-освободительных движений, а в 1828 году Россия присоединила значительную часть армянской территории. Возрождение национального и культурного духа укрепляет у армян уверенность в важности собственных прав, и эти права благодаря международной дипломатии находят свое отражение в Сан-Стефанском и Берлинском договорах (1878 г.). Возрождение национального самосознания привело к образованию политических партий, которые направят армянское развитие в сторону национального освобождения.

Напряжение между армянами и турками возросло, когда под влиянием России армянские граждане Османской империи осознали, что независимость Армении может стать реальностью (хотя об этом говорилось лишь в самой общей форме).

Один народ и одна страна. Пламя революции начинает разгораться в сердцах армян, томящихся под игом деспотической власти султана Абдул-Гамида Второго. Но вскоре, как это часто бывает, возникают разногласия, и армянские повстанцы делятся на две группировки. Одна из них принимает название Гнчак («Колокол») — 1887 год, а вторая — Дашнакцутюн («Федерация»). Султан Абдул-Гамид, стремившийся усилить националистические настроения среди турок, пытается натравить курдов против их соседей армян, вызвать неприязнь к ним, их настроениям и чаяниям. Испытывая на себе растущее давление, к которому прибавился еще рост налогов, армяне в 1894 году подняли восстание, которое было зверски подавлено воинскими подразделениями курдов, разрушившими деревни и города и уничтожившими тысячи армян.

Два года спустя армяне вновь пытаются восстать против турецкой автократии и в надежде на то, что встретят понимание у европейских государств, захватывают Оттоманский банк в Стамбуле. Такого понимания не было проявлено, зато репрессии со стороны официальных властей были ужасны. Группировки турок — мусульман, объединенные в воинские подразделения с помощью официальных турецких властей, утопили в крови порыв целого народа, убив более 300 тысяч непокорных армян.

К этому периоду относится начало истории семьи Назаряна — Нахудяна. В повествовании эти две линии умело увязываются между собой. Автор с большим сочувствием относится к жертвам, тонко описывает палачей в лице, прежде всего, Османа Хамида и его сына Кемалья Хамида, раскрывает нам жестокую действительность этнической чистки, всего геноцида. Человеческая злоба и подлость не имеют границ, но солидарность, воля к выживанию самих жертв тоже безмерны. Автор высказывает очень важную мысль: необходимо восстановить память, вырвать ее из пут забвения, из оков времени и официальных версий истории.

Человек, рассматриваемый не просто как личность, но и как член сообщества, имеет право как на свое собственное, так и на коллективное видение истории, и никто не может лишить его этого права или как-то влиять на его переживания.

Когда все учреждения становятся неэффективными, когда все официальные установки оказываются ложными и невнятными, когда безнаказанность превращается в норму, навязанную правителями и военными ради собственного выживания и еще большего издевательства над жертвами, вынужденными обивать пороги в поисках справедливости, единственное, что нам остается — это память. И все ясно должны понимать, что она представляет собой неотъемлемое право людей, а правосудие является насущной необходимостью перед лицом безнаказанности.

Положение армян в Турции в первые годы XX века не улучшилось. В 1908 году конституционный путч младотурков<sup>1</sup>, объединившихся вокруг Комитета за единение и

---

<sup>1</sup> Младотурки — европейское название членов турецкой организации «Единение и прогресс», основанной в 1889 году и возглавившей борьбу против абсолютизма. После поражения Турции в Первой мировой войне самоликвидировалась.

прогресс, вызвал новые надежды у армянской части населения Османской империи. Это националистическое движение первоначально сформировалось в ответ на политику султана и имело целью освободить империю от иностранного вмешательства и модернизировать страну. Первоначально ставилась цель сохранить многонациональную империю, обеспечив представительство разных наций в парламенте (османизм).

Уже в 1909 году в Киликии были совершены новые убийства армян. На практике ничего не изменилось. Новая революция была не в состоянии вдохнуть новую жизнь в агонизирующую империю и лишь подпитывала традиционные предрассудки.

С 1909 по 1914 год национализм младотурков претерпевает идеологическую трансформацию — он переходит к поддержке империи, но уже не на основе многонациональности, а на базе «святого единства турецкой расы», в которую входят народы от Урала до Центральной Азии, говорящие на тюркском языке (пантюркизм). В этой связи политические требования армянского меньшинства, частично поддержанного Россией, были восприняты как шаг, создающий угрозу распаду империи.

В 1915 году турецкое правительство проводит секретное совещание под председательством Талаата и принимает решение об истреблении армян. Назначается исполнительная комиссия, в задачу которой входит проведение в жизнь программы уничтожения армян.

В рамках этой программы комиссия решает освободить из тюрем 12 000 преступников, которым и поручается проведение геноцида.

Рене Пино в своей книге «Преследование армян» (Париж, 1916 г.) писал:

«Предполагалось разделаться с армянским вопросом, стереть с лица земли все, что связано с нашим народом, нашей культурой и обычаями с тем, чтобы создать условия для объединения народов тюркского происхождения и расширения своих границ, далеко за пределы Каспийского моря.

Колонны депортированных армян простирались на десятки километров. По мере продвижения их ряды редели под ударами сабель, выстрелов ружей, от голода и изнеможения... Эти несчастные создания становились жертвами самых отвратительных животных инстинктов палачей...

Их пытали и убивали, а те, кто достигал Месопотамии, оставались без какой-либо защиты, без еды, в гиблых местах пустыни; жара, влажность и болезни ускоряли гибель этих несчастных, привыкших к здоровому климату гор.

Остатки армянских беженцев погибали от лихорадки и нищеты».

Другие армяне, служившие в турецкой армии, тоже были депортированы и направлены в так называемые трудовые батальоны, где вскоре умирали от преждевременной смерти. Массовые расправы перемежались с физическими и психическими пытками, которые имели все тот же трагический финал, что и в других случаях.

Турки были чудовищны и безжалостны. 24 апреля 1915 года турецкий министр внутренних дел Талаат-паша под предлогом мнимого армянского восстания приказал арестовать около 600 представителей армянской интеллектуальной элиты, руководства, коммерсантов, состоятельных людей и отправить их в провинции Айш и Чанкири, где все они были убиты. Так было положено начало грандиозной акции, направленной на полное уничтожение армянского народа.

Геноцид был всеохватывающим и жестоким. Сначала он был направлен против военных и общественных лидеров. Затем друг за другом прокатились волны миграции за рубеж. По мере опустошения деревень — а этот процесс хорошо отражен в этом произведении — мужчин сразу же расстреливали, женщины и дети становились жертвами сексуальных надругательств, их вынуждали проходить пешком огромные расстояния, в пути они умирали от усталости, обезвоживания и голода, а те, кто переносил все эти беды,

попадали в концентрационные лагеря.

В этих лагерях, самым ужасным из которых был расположенный в Сирии — Дер Зор, армяне перед смертью принимали неопишуемые пытки, похожие на те, которые много лет спустя испытали на себе евреи в фашистских лагерях смерти. Как и евреи, армяне были сожжены или погибли в топках. Многих армян, живших в Турции, в частности в Трапезунде, погрузили на пароходы, а затем сбросили за борт в центральной части Черного моря. Еще в 1921 году, уже после Первой мировой войны, турецкие сторонники Кемала удерживали в тюрьмах армян, подвергая их бесчеловечному и унижительному обращению.

В мире нет такого богатого языка, который смог бы описать ужасы, выпавшие на долю безвинных жертв. Последствия столь ужасных истязаний очевидны. Те, кто оказались свидетелями смерти своих родных и близких, были согнаны в определенные места и подвергнуты таким неопишуемым пыткам и унижениям, что смерть казалась им избавлением.

*(Жак де Морган, История армянского народа, Бостон, 1947 г.)*

В течение лишь одного с небольшим года (1915/1916) Османская империя уничтожила 1550 тысяч армян (за время Первой мировой войны всего погибло 2300 тысяч человек) только за то, что они — и армянами и зависели от турецких властей. И все-таки 28 мая 1918 года, после битв при Сардарабаде, Паш-Абаране и Каракилизе, была объявлена независимость Армении со столицей в городе Ереване.

По окончании первого мирового противостояния, в августе 1920 года, уже после того, как в 1919 году был подписан Версальский мир и создан Международный трибунал для суда над кайзером Вильгельмом Вторым (хотя суд и не состоялся, поскольку он скрылся в Голландии, а она отказалась его выдать), союзные державы подписали Севрский мирный договор, согласно которому авторов геноцида над армянами должны были предать Международному уголовному суду. Ему предстояло стать первым международным органом, который мог бы рассматривать «преступления против человечества». Статья 230 гласила, что в случае, если Лига наций образует Международный уголовный суд для осуждения геноцида армян, турецкое правительство примет на себя обязательство выдать обвиняемых и признает юрисдикцию этого суда.

Договор так и не был ратифицирован. В Турции начались судебные расследования, однако как только был вынесен первый смертный приговор, начались народные волнения, за которыми стояли, конечно, сами гражданские и военные власти, и суды окончательно прекратились.

Независимость Армении была эфемерной, так как 2 декабря 1920 года молодая республика была советизирована. Вскоре после этого она вошла в состав Советского Союза, и начался период подчинения иностранному господству и одному из самых жестоких в истории человечества тоталитарных режимов. Ярким доказательством этого был Иосиф Сталин, учинивший в тридцатых годах уничтожение крестьян и рабочих.

Под влиянием политических и геостратегических интересов человечество вновь оказалось неспособно дать справедливый ответ на чаяния жертв и международного сообщества. Снова, так же как и в последующие годы, за исключением судебных процессов в Нюрнберге и Токио, безнаказанность осталась нормой.

История армянского народа и его героического сопротивления была вскоре забыта, его стали замалчивать официальные органы, а историки игнорировать. Что было бы, если бы в соответствии с Севрским мирным договором международная общественность не осталась безучастной? То есть если бы турецкий геноцид был бы осужден.

Нет сомнения, что в последующие годы этот урок сослужил бы большую службу и новых преступлений геноцида удалось бы избежать.

Лишь много лет спустя, благодаря настойчивости пострадавших от геноцида армян, разбросанных по всему миру, вновь заговорили об армянском геноциде и стали призывать,

по крайней мере, к исторической ответственности Турцию — наследницу Османской империи, так никогда и не признавшую геноцид армянского народа.

Европейский парламент принял 14 ноября 2000 года смелую и исторически важную резолюцию, в которой содержится призыв к турецкому правительству признать геноцид армян.

Французский парламент в свою очередь единогласно принял 18 января 2001 года закон, осуждающий геноцид армянского меньшинства. Правительство Турции отреагировало на этот закон отзывом из Парижа своего посла «для консультаций».

В политическом плане 23 августа 1990 года парламент Армении начал на этот раз необратимый процесс обретения независимости, основанный на принципах Республики Армении от 1918 года, государственные символы которой приняты новым государством. Используя свое право на самоопределение, парламент принял декларацию о правах человека и заявил о признании международных норм.

На историческом референдуме, прошедшем 21 сентября 1991 года, армянский народ выразил свою волю на отделение от Советского Союза и провозглашение независимости. За это проголосовало 97 процентов избирателей. Независимость была официально провозглашена 23 сентября, а 2 марта 1992 года Армения вступила в Организацию Объединенных Наций, войдя в содружество народов как суверенное государство.

Из-за всего, что описано выше, в знак уважения к памяти стольких жертв нельзя соглашаться с безнаказанностью. Единственным этически правильным и приемлемым было бы призывать к уголовной ответственности тех, кто, злоупотребляя своей должностью и полномочиями, использовали свою власть против незащищенных граждан, нападали на них, убивали, похищали и подвергали пыткам. Поэтому мы приветствуем Международный уголовный суд как одно из завоеваний человечества. Суд будет юридическим органом, созданным в мирное время, он не покончит с массовыми нарушениями прав человека в мире, но зато станет инструментом по предупреждению и наказанию этих нарушений.

Благодарю Г. Э. Гуарча за это произведение, которое волеется во все расширяющийся хор голосов тех, кто, как и мы, верит в новый мир, более солидарный, более терпимый и более справедливый.

*Бальтасар Гарсон Реаль  
магистр — главный судья инспекции  
Мадрид, 4 апреля 2002 года*

## **Благодарность**

Идея о написании книги «Армянское древо» возникла у меня в один из вечеров июня 1999 года в местечке Эль-Ботанико-Кадис во время беседы с Терезой Жендро Агопян и ее мужем Филиппом. Она предположила тогда, что я мог бы стать тем автором, который рассказал бы правду о том, что произошло в те времена. Приняв решение, я после долгой подготовки и изучения существовавших тогда немногочисленных документов написал в течение 2000 года эту книгу.

Армянский геноцид, чудовищная бойня, перенесенная этим беспримерным народом, долгое время оставались скрытыми от широкой публики. Даже сегодня Турция продолжает отрицать факт геноцида.

Тем не менее исторические доказательства привели к тому, что многие правительства начинают признавать его. Французский парламент, подталкиваемый многочисленной армянской диаспорой, проживающей во Франции, завершил длительный процесс законодательного рассмотрения этого вопроса. Признание факта геноцида было обозначено как «историческая потребность».

Армяне — европейский народ, исторически проживающий между Турцией, Грузией, Азербайджаном и Ираном, в пункте соприкосновения цивилизаций, сформировавших его

национальные черты и культуру, но не затронувших при этом его западное и христианское призвание. Благодаря упорству армянских писателей, философов и летописцев национальные особенности и культура этого народа избежали полного забвения.

Лично для меня книга «Армянское древо» явилась подлинным вызовом. Я должен поблагодарить Терезу Жендро за ее огромную заинтересованность в том, чтобы эта книга увидела свет. Моя благодарность также и Арману Гаспару, глубокому знатоку армянского мира и истории Армении, вся жизнь его была посвящена именно этому. Благодарю также Мириам Тей из издательства «Бронсе» за ее персональный и профессиональный интерес к выходу книги. Спасибо моей семье, супруге Амалии, трем моим детям — Гонсало, Носио и Паломе — за их терпение и советы. Моему секретарю Мерседес за ее понимание и труды по расшифровке рукописи. В общем, благодарю всех моих друзей.

Эта книга посвящена армянскому народу, который смог восстать из пепла и проявить способность к выживанию в качестве современного крепкого сообщества, несмотря на ужасы геноцида, долгие годы жизни в изгнании и на непонимание своего окружения. Как указывает герой этой книги Дарон Нахудян, «все, о чем здесь рассказано, произошло уже давно. Очень давно. Над подлинной историей насмехались, ее попирали, зарывали в темную землю Турции. Но они, герои этой грустной истории, находятся здесь, среди нас. Мы можем еще многому научиться у них. Они не просто пыль и пепел, как говорят некоторые, их дыхание продолжает толкать нас вперед».

*Агуадутьсе, Альмерия, октябрь 2001 года*

## **Карта геноцида армян**

### **Основные маршруты депортации армян во время геноцида**

#### **Действовавшие в 1915 году железные дороги**

#### **Ветвь Арамян**

**Ширак Арамян** (1850–1896) — армянин, христианин. Родом из г. Ван (армянская Турция). Армянский лидер. Отец Халил-бея. Убит в одном из рейдов османской армии.

**Халил-бей** (примерно 1892–1950) — армянин, обращен в ислам. Родом из г. Ван (армянская Турция). Сын Ширака Арамяна. Захвачен в одном из рейдов османской армии. Воспитывался во дворце Долмабахче (Константинополь). Офицер османской армии. Женат на Ламии-паше. Отец Нади Халил. Умер в Константинополе в 1950 году.

**Мухамед-паша** (1855–1915) — турок, мусульманин. Родился в Константинополе в зажиточной семье. Учился в Париже по специальности инженер железных дорог. Был назначен генеральным директором Османских железных дорог. Женат на Фатиме Мунтар.



Супруги имели одну дочь Ламию-паша, которая вышла замуж за Халил-бея. Покончил жизнь самоубийством в 1915 году в Багдаде.

**Фатима Мунтар** (1870–1915) — турчанка, мусульманка. Родилась в Измире (Смирна) в зажиточной семье, хозяйка судоходной компании «Мунтар и Гурум». Вышла замуж за Мухаммед-пашу. Имела единственную дочь Ламию-паша. Умерла от аппендицита в г. Алеппо.

**Ламия-паша** (Константинополь, 1898–1945) — турчанка, мусульманка. Дочь Мухаммед-паши и Фатимы Мунтар. Вышла замуж за Халил-бея, имела единственную дочь Надю Халил.

**Надя Халил** — (Стамбул, 1932 г. р.) — турчанка, мусульманка. Дочь Халил-бея и Ламии-паши. Вышла замуж за Крикора Хамида Нахудяна, от этого брака родила Лайлу Х. Халил. Преподаватель истории искусства в университете Дамаска.

**Лайла Х. Халил** (Стамбул, 1966 г. р.) — турчанка, мусульманка. Дочь Крикора Х. Нахудяна и Нади Халил. Получила высшее медицинское образование в Великобритании.

## Ветвь Нахудян

**Богос Нахудян** (Трапезунд, 1870–1915) — армянин, христианин. Сын Атома Нахудяна. Женат на Азатуи Назарян, от брака имел двоих детей — Алик и Оганнеса. Удочерил Мари — дочь от первого брака супруги. Коммерсант, убит во время геноцида.

**Азатуи Назарян** (Урфа, 1876 — Трапезунд, 1915) — христианка, армянка. Имела дочь Мари, зачатую в результате изнасилования Османом Хамидом. Впоследствии вышла замуж за Богоса Нахудяна, от этого брака имела двух детей — Алик и Оганнеса. Умерла от сердечного приступа.

**Осман Хамид** (Диарбекир, 1856 — Константинополь, 1920) — мусульманин, турок. Мутесариф<sup>2</sup> г. Урфа. Соучаствовал в геноциде. Изнасиловал Азатуи Назарян и зачал Мари Х. Нахудян. Умер предположительно в результате самоубийства в военной тюрьме Константинополя.

**Аиша Сугур** (Диарбекир, 1872 — Урфа, 1895) — мусульманка, турчанка. Супруга Османа Хамида. Имела сына Кемалья Хамида.

**Кемаль Хамид** (Диарбекир, 1891 — Берлин, 1920) — мусульманин, турок. Сын Османа Хамида и Аиши Сугур. Офицер турецкой армии. Соучаствовал в геноциде. Похитил и изнасиловал Мари Нахудян, от которой имел сына Дарона Нахудяна. Впоследствии похитил и изнасиловал сводную сестру Мари Алик Нахудян, от которой имел сына Крикора Х. Нахудяна. Умер в Берлине при странных обстоятельствах.

**Мари Х. Нахудян** (Урфа, 1896 — Стамбул, 1965) — христианка, армянка. Дочь Азатуи Назарян, родившей от изнасиловавшего ее Османа Хамида. Была похищена Османом Хамидом, который передал ее своему сыну Кемалю Хамиду. Он изнасиловал Мари Нахудян и имел от нее сына Дарона Х. Нахудяна.

**Алик Нахудян** (Трапезунд, 1901 — Париж, 1988) — дочь Богоса Нахудяна и Азатуи Назарян. Была похищена и изнасилована Кемалем Хамидом, от которого родила Крикора Х. Нахудяна.

**Оганнес Нахудян** (Трапезунд, 1897 — Каир, 1972) — христианин, армянин. Сын Богоса Нахудяна и Азатуи Назарян. Женился на Норе Азатян, с которой имел единственного сына Дадхада Нахудяна.

**Армен Азатян** (Эрзерум, 1867–1915) — христианин, армянин. Женился на Лерне Ташьян. От этого брака имел дочь Нору Азатян (1900 г.). Убит во время геноцида.

**Лерна Ташьян** (Алеппо 1878, — Эрзерум, 1915) — христианка, армянка. Вышла

---

<sup>2</sup> Уездный начальник.

замуж за Армена Азатяна, имела от него дочь Нору Азатян (род. 1900 г.). Убита во время геноцида.

**Нора Азатян** (Эрзерум, 1900 — Каир, 1988) — христианка, армянка. Дочь Армена Азатяна и Лерны Ташьян. Учительница начальных классов. Вышла замуж за Оганнеса Нахудяна, от которого имела одного сына Дадхада Нахудяна.

**Дадхад Нахудян** (Каир, 1930 — Париж, 1992) — христианин, армянин. Сын Оганнеса Нахудяна и Норы Азатян. Преподавал современную историю в университетах Нью-Йорка и Сорбонны. Женится на Элен Уорч. У супругов родился единственный сын Арам Нахудян.

**Крикор Нахудян** (Берлин, 1920 — Дюссельдорф, 1966) — агностик. Сын Алик Нахудян и Кемаль Хамида. Офицер немецкой армии. Член нацистской партии. Женат на Наде Халил. От брака родилась Лейла Х. Халил (1966 г.), Покончил жизнь самоубийством в психиатрической больнице в Дюссельдорфе.

**Дарон Х. Нахудян** (Трапезунд, 1917 — Стамбул, 1997) — сын Мари Х. Нахудян и Кемаль Хамида. Составитель «Армянского древа».

## Ветвь Касабян/Мозян

**Жак Уорч** (Париж, 1858–1945) — католик, француз. Высокопоставленный чиновник Банка Франции. Вступил в брак с Терезой де Бенжан. У супругов в 1886 году родился сын Эжен Уорч. После смерти Терезы Жак сошелся с Зварт Касабян.

**Зварт Касабян** (Смирна, 1872 — Париж, 1960) — христианка армянка. Преподаватель танцев. Вышла замуж за Жака Уорча в 1915 г.

**Эжен Уорч** (Париж, 1886–1960) — католик, француз. Врач психиатр. Женится на Анн де Вийе в 1928 году. От этого брака в 1930 году родилась Элен Уорч.

**Элен Уорч** (Париж, 1930) — католичка, французенка. Доктор семитологии. Замужем за Дадхадом Нахудяном. От брака имеет сына Арама Нахудяна.

**Луи де Вилье** (Париж, 1866–1920) — католик, француз. Женится на армянке Ноэми Мозян. Когда Луи де Вилье был послом Франции в Швейцарии, у супругов родилась дочь Анн де Вилье.

**Ноэми Мозян** (Константинополь, 1870 — Женева, 1940) — христианка, армянка. Писательница. Вышла замуж за Луи де Вилье. От брака родилась дочь Анн де Вилье.

**Лин де Вилье** (Женева, 1908 — Пар, 1997) — атеистка, французенка. Автор новелл. Вышла замуж за Эжена Уорча в 1928 году. От брака родилась дочь Элен Уорч.

**Арам Нахудян** ( 1963 г. р) — атеист, гражданин Соединенных штатов Америки. Дипломат. Сын Дадхада Нахудяна и Элен Уорч.

## 1

### Признание Дарона Нахудяна

Я мог бы сказать, что эта история меня не касается. Что не следует смотреть назад. Что прошлое полно призраков.

Но это было бы неправдой. Может быть, я нахожусь как раз в центре этой истории. Сейчас, когда конец жизни близок, я точно знаю, что я сделал лишь то, что должен был сделать, — помешать тому, чтобы все кануло в небытие. Чтобы ветер не унес листья деревьев. Сейчас они уже сухие, желтые и неживые, но когда-то эти листья делали деревья густыми и привлекательными.

Вы хотите знать, кто я такой? Сейчас представлюсь. Дарон Нахудян. Сын Мари Нахудян и... Кто был моим отцом? Эта ветвь моих предков оказалась гнилой и бесплодной. Не могу не признать и того, что половина моей крови, видимо, тоже такая.

Человека, от которого я был зачат, звали Кемаль Хамид. О нем рассказывается на этих

страницах. Он пытается объяснить своими словами и в своем облегченном стиле, почему все это произошло. Почему они вели себя таким образом. Но это все гнусное вранье. Ведь случилось то, что случилось. Даже мою мать он сделал жертвой своей мрачной личности.

Нас хотят убедить в том, что это судьба. Конечно... Нас уверяют, что все, что случилось, было предопределено заранее. Что все произошло так, как должно было произойти. Что ничего нельзя было изменить.

И это все неправда. Все могло быть по-другому. Такие люди, как Талаат, как Энвер, как Джемаль, как Кемаль Хамид, сотворили все это из-за своей ненависти, из-за своего высокомерия, из-за своей алчности, только из удовольствия причинять зло. Это история о том как готовился армянский геноцид. О том, как политики использовали свою власть, направив ее против целого народа — армян. Так что это история о том, что не должно было случиться никогда. О людях по ту и по другую сторону событий и о том, как они вели себя в этих обстоятельствах. О турках, которые смогли сделать выбор между добром и злом, и об армянах, которые что-то сделали хорошо, а что-то плохо. Такова вечная история человечества. Молва вдруг преобразует людей, делая из них монстров.

Все о чем здесь рассказано, произошло уже давно. Слишком давно. Подлинная история была извращена, над ней надругались ее забросали комьями земли, темной земли Турции. Но павшие описанные в этой истории находятся здесь, они среди нас. Мы многое можем узнать у них. Они не превратились в пыль или пепел как уверяют некоторые. Они дышат, и их дыхание помогает нам идти вперед.

\* \* \*

Так что я, Дарон Нахудян, сделал только одно: собрал листья которые разметал ветер. Я и сейчас их собираю, хотя силы уже не те. Хочу объяснить, что именно я хотел рассказать в этой истории. Как я соединял одни ветви с другими. И какие плоды это мне принесло.

Зачем я занимался всем этим? Лишь затем, чтобы хоть что-нибудь сделать и как-то восстановить картину. Нет, у меня и в мыслях не было заново переписывать судьбы людей. Я просто следовал моему долгу. И только ему.

Я хочу всего лишь объяснить, что, несмотря ни на что, это дерево будет расти из года в год. Придет осень, и с него опадут листья. Потом наступит зима, и оно будет казаться мертвым. Но вернется весна, и дерево вновь оживет.

Но пора приступить к рассказу. Это будет рассказ о рискованной и опасной жизни моей семьи в те далекие и трудные годы. Что выпало на долю каждого из родственников и как они встретили свою судьбу.

Написать его оказалось далеко не легким делом. Приходилось действовать как бы вслепую, рыться в старых документах, дневниках, письмах, газетных заметках, пытаюсь восстановить события давнего прошлого. Я искал новых и новых людей, убеждал их вспоминать то, что рассказывали им их родители или деды. О тяжелых воспоминаниях, преследовавших их всю жизнь.

Здесь изложено то, что удалось извлечь из полусгнивших от времени страниц, из памяти тех, кто пережил эти события или узнали о них от других.

Когда я слушал рассказы разных людей, я понимал, что не могу позволить себе, чтобы эти истории забылись. Ведь тогда страдания тех, кто погиб на этом пути, оказались бы напрасными. Равно как забылись бы уроки этих событий. И это определило мой выбор.

Нет, этот труд не был легким. Но думаю, что его итоги стоили затраченных усилий. По крайней мере, я понял, почему и как вели себя те, кто оказался в столь ужасных обстоятельствах.

\* \* \*

Моя мать Мари Нахудян не хотела что-либо рассказывать мне. Она предпочитала,

чтобы я был в неведении относительно всего, что касалось моего отца. Ни слова я не услышал и о ее семье. Она избегала говорить обо всем этом, словно эти воспоминания причиняли ей боль.

Она не знала или, может быть, не хотела знать, что мне было известно уже очень много, хотя я и не показывал этого.

Собственно, нельзя было не знать, ведь в доме было полным-полно документов, книг, разных записок и фотографий. От ее родителей ей достался дом в Трапезунде. Усилиями моего «отца» Кемаля Хамида он был превращен в большой склад, где хранилась его добыча, и он был уверен, что ему никогда не придется давать отчет кому бы то ни было. Некоторое время спустя, когда события миновали, моя мать попыталась вернуть то, что не принадлежало ее семье. Но никто не захотел принимать бесчисленные коробки с документами, и даже книги и собрания фотографий. В те годы они стали опасными свидетельствами того, от чего вообще следовало отделаться. Каждый говорил ей: «Прошлое уже позади. Сейчас надо смотреть вперед. Да, все мы пострадали. В эти годы мы потеряли многое. Сейчас лучше всего все забыть и начать все сначала». Но моя мать, так же как и многие другие, считала, что это было бы не лучшим решением. Как можно было все забыть? Нет. Историю никогда не следует забывать. Ведь она наша лучшая учительница.

Когда через некоторое время моя мать переехала в Константинополь, ей было жаль оставлять весь этот архив. Один старьевщик даже предложил ей купить его на вес. Но она перевезла все в свой новый дом, заполнила этим архивом несколько комнат. Когда приезжаю в Стамбул, я живу в этой большой квартире, занимающей целый этаж.

Моя мать никогда не рассказывала мне, что именно было в этих ящиках. Книги постепенно переехали на деревянные полки и заняли собой почти все стены нашего дома. Я никогда не считал, сколько их, этих книг, но уверен, что число их превышает двадцать тысяч. Я неоднократно расспрашивал мою мать об отце. Не ему ли принадлежали эти книги? Она ни разу не ответила мне. «Нет, не ему». Как-то раз она начала было что-то говорить, но залилась такими безутешными слезами, что я даже испугался. Она только сказала, что все эти книги — о привидениях. Это так разволновало меня, что я не раз вставал ночью и начинал ждть, когда же из длинных рядов книг начнут выходить привидения.

Это и понятно. Я был всего лишь маленьким мальчиком без отца, а мать — я уже тогда понимал — была больна и полна разных страхов.

Потом я подрос. Когда мне было одиннадцать или двенадцать лет, я начал листать некоторые книги. Моя мать не запрещала мне читать их, но и не стимулировала такое чтение. Вскоре я перестал ходить в школу. Ко мне приходили два учителя и занимались со мной. Один из них был армянин — он учил меня арифметике, физике, химии и биологии. Другой был французом — он давал мне уроки французского, английского, немецкого, истории и литературы. Моя мама боялась, как бы со мной чего не случилось, и решила не пускать меня в школу. Сама она очень редко выходила на улицу. Друзей у меня не было, и я начинал придумывать их себе. Кроме того, я стал читать одну книгу за другой. И вскоре понял, что надо бы упорядочить их, классифицировать. Это стало моим главным развлечением.

Моя мать с годами стала уходить в себя, удаляться от окружающей ее реальной жизни. В последние годы ее жизни я не слышал от нее ни единого слова. Она только смотрела, как я ухожу и прихожу, как пытаюсь навести порядок в этой огромной библиотеке.

Скоро я понял, что с ней произошло. Она была не в состоянии пережить ту боль, которую причинила ей гибель всей ее семьи. Огромная травма от ужасающего геноцида разбила ее жизнь на тысячи мелких осколков.

Понемногу действительность стала раскрываться передо мной. Это был довольно длительный процесс, который продолжается, по существу, всю мою жизнь. Но я не раскаиваюсь, потому что он оказался весьма увлекательным. Как сложить эту огромную головоломку, собирая воедино разные детали, как получить из них историю моей семьи? Семьи, члены которой были мне лично почти незнакомы? Семьи, к которой я юридически не

принадлежал, но вместе с тем являлся деталью этой огромной мозаики?

\* \* \*

Когда прошла почти половина моей жизни, я понял, что у меня еще есть время взяться за эту неподъемную задачу. Итоги моих трудов перед вами, на этих страницах, где растет армянское древо.

## 2

### В поисках корней

Моя мать, Мари Нахудян, практически ничего не рассказывала мне о том, что с ней произошло. Как я уже писал, у нее был молчаливый, меланхолический характер, особенности которого усилились к концу ее жизни.

Она часто рассказывала, что была дочерью Азатуи Назарян и Богоса Нахудяна. Тогда у меня не было никаких причин предполагать что-то иное, а далекую и ненавидимую фигуру Османа Хамида я воспринимал только как отца моего отца Кемалья Хамида. Что еще могло быть общего у меня с ним?

Я уже кое-что рассказало моем детстве. Перестав ходить в школу, я остался без друзей, без контакта с другими детьми. Я замыкался на самом себе. Моя мать, похоже, хотела, чтобы я все время сидел дома. А я, хоть и был ребенком, понимал, что она больна, и мне было жаль ее.

Я садился на пол среди ящиков и начинал открывать их. Моя игра состояла в том, чтобы классифицировать то, что было внутри ящиков. Это была всего лишь игра. Я делал горки из книг, документов, отдельных листков, вырезок из газет. Понемногу я стал интересоваться их содержанием. Еще до того, как моя мать стала совсем молчаливой, она научила меня армянскому языку. Кроме того, я сносно понимал по-турецки и по-французски. Потом приходившие домой учителя научили меня английскому и немецкому. Я очень хотел знать, что было написано в тех бумагах. И это стало большим стимулом в изучении языков.

Иногда я сбегал из дома. Моя мать, казалось, не замечала этого или не хотела обращать внимания.

Когда мне исполнилось двадцать лет, я уехал в Париж. Я не мог больше вести тот образ жизни, хотя в последние годы редко бывал дома. Почти все время я бродил по Стамбулу или его окрестностям, пользуясь любым предлогом, чтобы не возвращаться домой. Тем не менее моя мать продолжала хорошо относиться ко мне. В один из дней она попросила меня подняться к директору банка и предоставила мне право подписывать ее счета. Видимо, в моменты прояснения она поняла, что могла умереть или совсем сойти с ума и что лучше всего было сделать именно так, как поступила она.

Деньги не интересовали меня. Они никогда не имели для меня большой ценности. Они лишь помогали нам выжить, что само по себе немало. Признаться, у меня всегда было достаточно средств, чтобы жить вольготно.

\* \* \*

Но продолжим наш рассказ. В Париже мои дела пошли хорошо. Я начал знакомиться с интересными людьми, прошел подготовительные курсы для вступления в университет, успешно сдал экзамены и поступил на гуманитарный факультет. Через четыре года я стал дипломированным специалистом по истории.

Потом вдруг мне пришло в голову, что я уже пять лет не видел своей матери, и вернулся в Стамбул. Она меня встретила так, как будто я вернулся из кратковременной прогулки на улице. Помощница, которая находилась с ней всю жизнь, сказала, что моя мать

чувствовала себя хорошо. Разве что была чуть больше угнетена.

Проходили годы. Я много путешествовал по миру, но немало времени проводил в поездках между Парижем и Стамбулом. Я был очарован этими двумя городами и всегда считал, что моим любимым городом стал бы гибрид между ними, потому что то, чего не хватало одному городу, было в достатке у другого. Я мог позволить себе такой образ жизни, поскольку у меня не было экономических проблем и я не хотел связывать себя какой-то постоянной работой. Время от времени я работал в каком-нибудь издательстве в качестве переводчика с турецкого языка или с арабского на французский. Потом мне предложили работу в должности корректора.

Я стал подолгу бывать в Стамбуле. Наша квартира, занимавшая целый этаж, была такой большой, что создавалось впечатление, будто я там живу один. Я знал, что моя мать очень больна, и не винил ее ни за характер, ни за то, что она не выказывала большой ласки ко мне. Похоже, она просто хотела, чтобы ее оставили в покое.

Моей матери никогда не приходило в голову сменить квартиру. Она находится на третьем этаже здания в стиле неоклассицизма. Все его двенадцать балконов выходят на Босфор. Это само по себе многого стоит. Да и вообще, это потрясающая квартира, в которой располагается огромная библиотека, много старинной крупногабаритной мебели конца прошлого века, множество разных предметов, зеркал, ламп, ковров. Слишком много вещей, чтобы пришла мысль о переезде.

Но это еще не все. По крайней мере в восьми комнатах, выходящих во двор, до сих пор стоят ящики, причем некоторые из них до сих пор не распакованы. В них документы, письма, дневники, вырезки. За столько лет я не смог навести порядок и в половине из них. Да и куда я мог их девать? Это был дом, полный воспоминаний, рассказов и привидений. Как можно все это распродать и уехать? Для этого надо быть другим человеком. Но я понимал, что все это было всего лишь цепью, которая привязывала меня к этому месту.

Я до сих пор живу в этой квартире. Время от времени выезжаю в Париж и живу там целый сезон. А потом возвращаюсь обратно. Всегда возвращаюсь. Вставляю в замочную скважину ключ, толкаю дверь, и всегда происходит одно и то же. Я думаю, что это запах истории. Он особый — смесь старой бумаги, легкой влажности, разлагающегося лака мебели, моря (моряки Босфора называют его «бриз»), ношеной одежды, много лет висящей в шкафах.

Каждый раз, входя в дом, я ждал, что как в далеком детстве моя мать позовет меня «Дарон!». Но слышал лишь скрип паркета от моих шагов. Моя мать сидела, окруженная тишиной, в компании Салимы, нашей помощницы.

В один из дней я пригласил адвоката. Сказал ему, что, учитывая состояние, в котором находится моя мать, самым разумным было бы подготовить кое-какие доверенности. А если она вдруг скончается?

Адвокат попросил у меня старые доверенности, чтобы актуализировать их. Когда я объяснил ему состояние, в котором последнее время находилась моя мать, он настоял, чтобы я не тянул с этим делом. Он ушел в сильном волнении. Ведь он был и нашим администратором, доверенным лицом моей матери в течение стольких лет.

Каждый раз, когда мне надо было что-то найти, я останавливался, чтобы прикинуть, где что могло быть. Я увез в Париж много книг и документов. Но это был всего лишь один процент того, что хранилось на нашей квартире. Откуда все-таки появилось это огромное количество бумаг?

У меня было слабое представление о том, где именно могут находиться доверенности. Я направился в спальню моей матери, которую она занимала до того момента, как медсестра настояла, чтобы ее перевезти в более спокойное место. Я открыл шкаф, и он заскрипел так, как будто я причинил ему боль. Я вытащил один из внутренних ящиков. Он был полон бумаг. Это было настоящим библейским проклятием. Бумаг было столько, что больше не стоило открывать ни один из ящиков. Но доверенности нашлись. Они лежали в пакете, перевязанном зеленой лентой.

Тогда я вывалил все содержимое ящика на кровать. Может быть, там были и другие важные документы. В последние дни перед выездом из Парижа я решил для себя, что надо раз и навсегда покончить с организованным беспорядком в моей жизни. Дальше так жить было нельзя.

Я открыл створку ставни, и свет от Босфора меня ослепил. Солнце в Париже было совсем другим. Я присел на краю кровати и разложил вокруг себя кучу документов. Бумаги. Когда-нибудь они прикончат меня. Я провел больше половины своей жизни среди бумаг и вдруг понял, что ничего не знаю ни о своей семье, ни об обстоятельствах, в которых она жила. А каковы они были, эти обстоятельства?

\* \* \*

Но вот я увидел коричневый пакет толщиной почти в два сантиметра, на нем была наклеена этикетка, срезы которой были окрашены синим цветом. На ней что-то было написано очень мелким почерком. Это был почерк моей матери. Надпись была по-армянски, Я подошел к окну. Море было сине-стального цвета. Я надел очки для чтения и прочитал с удивлением то, что было написано рукой моей матери.

Азатуи Назарян. Армения. Дочь Бедроса Назаряна и Зепюр Арасян. Родилась в Урфе, Турция, в 1876 году и скончалась в Трапезунде в 1915 году.

Была похищена и изнасилована мутесарифом Диярбакира Османом Хамидом во время массовых убийств 1895 года. В результате изнасилования родилась Мари Нахудян. Эта фамилия была дана ей, потому что Азатуи удалось бежать, после чего она вышла замуж за Богоса Нахудяна, с которым имела еще двух детей — Оганнеса и Алик.

Комок застрял у меня в горле. Несмотря на долгое молчание, моя мать хотела, чтобы я узнал ее подлинную историю. Все эти годы я жил в полном неведении, уговаривал, чтобы она рассказала мне хоть что-нибудь. Все тщетно — добиться этого было уже невозможно, так же как связать воедино всю эту историю, рассыпавшуюся на тысячи мелких осколков.

Я много читал о годах массовых убийств, о распаде Оттоманской империи, о Первой мировой войне. Я даже слушал в Париже лекции, которые читали непосредственные участники тех событий. Это были армяне, взывавшие к наказанию виновников геноцида. Даже турецкое правительство, сформированное под давлением союзников в 1919 году, в официальном заявлении признало то, что на самом деле произошло. Я говорил со многими, пытаюсь найти первоисточник. Но это было похоже на поиски иголки в стоге сена.

То, что я нашел сейчас, было для меня подлинным богатством. Я направился в библиотеку, по пути открывая пакет. В нем была целая куча клочков бумаги с написанными от руки текстами на армянском языке. В них раскрывались мои корни.

\* \* \*

### **Рассказ Азатуи Назарян**

Мы, члены семьи Назарян, всегда жили в Урфе, недалеко от сирийской пустыни. Урфа тогда находилась на перекрестке дорог — в ней останавливались караваны, выходявшие из Алеппо в Диарбекир, а затем из Аль-Фурат — большой пустыни, по которой протекает река Евфрат.

Мой прадед выращивал табак. Это занятие стало семейным делом, и мой отец изготавливал знаменитые сигареты, которые продавались от Иерусалима до Константинополя.

Дела у нас шли хорошо. Мы считали себя благополучной семьей, и многие люди завидовали нашей жизни.

Потом мой отец умер. Это случилось в 1894 году, и с ним, видимо, ушла и наша удача. Через несколько месяцев начались беспорядки. Султан Абдул Гамид снова объявил армян вне закона.

Когда однажды ночью загорелись постройки, в которых сушился весь урожай табака, моя мать даже не заплакала. Она только сказала, что хорошо, что пожар не увидел наш папа, иначе он умер бы от расстройства.

Дядя Горусдян зашел к нам и сказал, что причина пожара — зависть. Потом мы узнали, что завидовали не только нам.

Иногда я думаю, что лучше было бы умереть вместе со всеми. Но потом я встаю против всего этого и сажусь за письменный стол, не зная даже, прочитает ли кто-нибудь эти строки. По крайней мере, совесть моя останется спокойной. История, изложенная на бумаге, имеет больше шансов остаться в памяти людей.

Рождество 1895 года оказалось очень тяжелым. Турки уже не считали нужным скрывать свои намерения, и моя мать решила, что как только представится возможность, мы уедем в Алеппо. Там, по крайней мере, мы будем не так заметны. Но мы не успели. Уже 1 января мусульмане бегали по улицам и, крича до хрипоты «*Аллах Акбар!*», «*Аллах Акбар!*», поджигали дома армян. Мужчины пытались защитить своих близких, но турецкие солдаты стреляли в них. Мы поняли, что пришел день Страшного суда. Моя мать вывела нас через заднюю дверь дома в переулок, и мы вместе с другими соседями побежали по переулку. Потом один из священников направил нас в церковь. Это было святое место, и мусульмане должны были с уважением относиться к нему.

Церковь очень быстро наполнилась людьми. Почти все они были армянами, хотя и попадались семьи маронитов<sup>3</sup>, опасавшиеся за свою жизнь так же, как и мы. В храме собрались все армяне Урфы, которые успели добежать до него. Епископ поднялся на кафедру и своим зычным голосом призвал всех к порядку, потребовав уважения к святому месту. Снаружи доносились крики разгоряченной толпы, стучавшей в огромные ворота храма. Многие женщины плакали. Другие женщины, и среди них моя мать, пытались навести порядок, помогая маленьким детям и старикам.

Один из священников начал читать молитву «Воздадим хвалу милосердному Богу», и почти все поддержали эту молитву. Может быть, и не стоило этого делать, потому что крики разгоряченной толпы снаружи все усиливались — они расценили нашу молитву как провокацию. И вдруг наступила тишина. Из-под главных ворот внутрь церкви пополз дым. Они пытались зажечь храм! Все случилось в одну секунду. Мы еще не успели среагировать, как потолок храма загорелся. Объятые паникой, мы стали кричать, предчувствуя, что вот-вот умрем.

Я находилась рядом с амвоном. Маленькая дверка, спрятанная под лестницей, открылась, и кто-то толкнул меня в темный проход. Я закричала, пытаясь известить мою семью, но не успела — меня уносила вперед толпа, напиравшая на меня сзади. Проход вел к маленькой крипте, от которой поднималась каменная винтовая лестница на одну из башен, стоявшей по соседству с церковным кладбищем. Я не знала, куда выведет тот проход. Дым начинал заполнять его, и, кашляя, я вышла на воздух, а вместе со мной еще пять или шесть человек.

Думаю, что только нам и удалось спастись. Обернувшись назад на храм, я увидела, что он превратился в огромный пылающий погребальный костер. Жар обжигал щеки, и слезы тут же высыхали. Там нечего было больше делать, и мы в замешательстве, в глубоком горе отошли от того места, где пережили такое страшное несчастье.

Едва мы вышли из церкви, как в нас стали бросать камни. Камень попал мне в голову, и

---

<sup>3</sup> Марониты — приверженцы особой христианской церкви.



я упала, как подкошенная.

Я пришла в себя в какой-то темной комнате. Поднеся руку ко лбу, я пыталась унять нестерпимую боль, и вдруг почувствовала, что пальцы мокры от крови. Я вспомнила все, что со мной произошло, и меня охватило чувство тоски и неверия в то, что с нами стряслось.

Я пролежала без движения несколько часов. Какие-то тени входили в комнату и выходили из нее, и я поняла, что осталась жива. Что произошло со мной, я не понимала, и пришлось сделать невероятное усилие, чтобы понять, что именно случилось. Кто-то проникся сочувствием ко мне и спас меня при крайних обстоятельствах.

Какие-то женские руки помогли мне прийти в себя. Я хотела спросить, кто они и почему помогали мне, но не смогла произнести ни слова. Мне поднесли чашку чая, и я сделала несколько глотков, хотя и приняла твердое решение умереть. Как легко было умереть, и одновременно как трудно!

Я провела в той комнате нескольких дней. Одна старушка давала мне еду, промывала рану на голове, очищала язвы на ногах какой-то коричневой жидкостью. Когда я набралась сил, я встала и прошла от одной стены к другой. Я не могла думать о том, что произошло со мной, потому что каждый раз, когда я вспоминала, меня охватывала паника и я теряла способность размышлять.

Однажды утром старушка попросила меня переодеться. Я отказывалась, но она настояла, говоря, что иначе ее накажут, поэтому я уступила ей, хотя и очень неохотно. Потом она причесала меня как смогла тщательно, и я подчинилась ей, не понимая, что именно меня ждет.

Она проводила меня в сад. Мы находились, видимо, в большом доме, потому что вошли в выложенный камнем внутренний дворик, который иногда служил входом. Потом она провела меня в полутемный салон и сделала мне успокаивающим жест.

Спустя несколько минут в комнату вошел мужчина среднего возраста. У него была внешность грубого и крепкого человека. Я сидела на длинной скамье, протянувшейся, как это часто бывает в турецких домах, вдоль всей стены, и смотрела на него с вызовом, вкладывая в свой взгляд все мои чувства по отношению к нему. В те моменты я испытывала жуткую ненависть ко всем мусульманам. Я винила всех их без исключения в ужасном преступлении, совершенном в церкви и во всем городе Урфа.

Мужчина остановился посреди комнаты, скрестив на груди руки. Он посмотрел на меня с ухмылкой, и это вызвало у меня отвращение, поскольку в этом взгляде выразились все его чувства. Потом он заговорил по-турецки в жестком, не допускающем возражений тоне.

«Я не знаю, как тебя зовут, христианка. Да мне это и неважно. С сегодняшнего дня тебя будут называть Салима и ты примешь фамилию этого дома — Хамид. Я решил спасти тебе жизнь, но я не хочу, чтобы ты строила себе иллюзии. Я это сделал только для того, чтобы иметь тебя при себе. Я буду пользоваться этим так часто, как захочу. И мне наплевать, что ты думаешь и какую ненависть ты ко мне испытываешь. Я предупредил тебя, что мне все это безразлично».

Я выслушала эту гнусную речь, и не один мускул не дрогнул на моем лице. Я чувствовала себя очень далеко от всего того, что происходило, и вышла из комнаты, даже не посмотрев на него.

Тогда мужчина сменил свою позу равнодушия и с несвойственной его возрасту ловкостью кинулся ко мне и, схватив за руку, швырнул на пол. Он избивал меня ногами, бил по лицу.

Так началась моя жизнь с Османом Хамидом в его доме в Урфе. Этот мужчина ненавидел меня. Вообще он испытывал жуткую ненависть ко всем христианам и особенно к армянам.

Осман несколько раз насиловал меня, хотя я делала все, чтобы избежать этого.

Поначалу, чтобы добиться своей цели, он даже связывал меня. Мне пришла мысль о том, что все это было частью наказания, которое по непонятной мне причине Бог послал на армян.

Когда я сопротивлялась, он бил меня изо всех сил. Он хотел показать, кто был хозяин, а кто рабыня. Я испытывала к нему огромное отвращение и показывала ему это, оскорбляла его и провоцировала выполнить свою угрозу убить меня.

Потом я впала в апатию. Я позволяла ему владеть мной и намеренно показывала свое равнодушие. Но когда я оставалась одна, глубочайшая ненависть разрывала меня изнутри и я придумывала самые разные способы мщения. Он был для меня виновником всего, что произошло с нами. Он воплощал для меня все самое плохое. В какой-то момент мне показалось, что это был сам дьявол в образе человека, о чем мне рассказывали в детстве в школе.

В один из дней я узнала, что забеременела, и мне захотелось отомстить ему. Я решила убить плод нашей проклятой связи. Но у меня не поднялась рука. Конечно, решение было принято на холодную голову, и я собиралась сообщить ему, когда все будет сделано. Я представляла себе его удивление и его гнев, когда он узнает о том, что произошло, ведь когда он овладевал мной, он бормотал, что хотел от меня сына.

Однажды утром я решила, что время пришло. Я больше не могла вынашивать плод. Я ощутила в себе перемены и какие-то неудобства. Нашла большую иглу... Но мужество оставило меня.

В отчаянии я стала биться о мебель, о стены, я каталась по полу, пытаюсь за один раз покончить со всем этим.

Меня вдруг охватила паника, которая возникла где-то в глубине моего организма. Я села на пол, пот градом катил с меня, я была ужасно возбуждена, не понимала, что со мной происходит. Комната закружилась вокруг меня, и я упала навзничь, сильно ударившись головой об пол.

Тогда, находясь почти в бессознательном состоянии, я осознала, что не надо было этого делать. Я должна была оставить жизнь существу, которое зародилось внутри меня. Оно действительно появилось в результате постоянных актов насилования Османом Хамидом, но не оно было виновато в этом изнасиловании.

И я разрыдалась в полном отчаянии. Я плакала по моим родителям, братьям и сестрам, по всей моей семье. По всем безвинным армянам, убитым в церкви Урфы.

В то мгновение я поняла, что, несмотря ни на что, мне повезло. Я продолжала жить, и должна быть благодарна Богу за это. Осман Хамид был не более чем испытанием, посланным мне. Он мог овладевать моим телом, насиловать меня, избивать оскорблять, но он ничего не получит от меня. Никогда.

Я поняла, что мне надо сделать. Мне надо было улучшить момент и бежать. Но я сбегу не одна. Я возьму с собой свою дочь — тогда мне казалось, что связанное со мной крохотное создание, непременно должно быть девочкой. Я назову ее Мари Нахудян.

Именно в те дни султан разослал во все провинции указ который предписывал уважать жизнь и имущество его подданных христиан. Армяне могли пока еще пожить. Султан не хотел, чтобы убийства и преследования продолжались.

К тому периоду моя беременность становилась заметной и Осман оставил меня в покое. Когда он возвращался из поездок в Константинополь, куда его нередко вызывали, он с сомнением и ухмылкой смотрел на меня, будучи уверенным, что моя кротость являлась доказательством его победы. Он получит от меня то, чего добивался, — сына, турка и мусульманина. Какая разница, что его мать была армянкой? Никакой. Это не имело никакого значения. Все дело в том, что ему удалось удовлетворить свои капризы.

Мое новое положение позволило мне перемещаться с чуть большей свободой. Сначала я ходила только по дому, а потом выходила и на рынок в постоянном сопровождении старой Самы. Лицо мое всегда было закрыто. Для него это была всего лишь публичная демонстрация его успеха.

Осман Хамид занимал очень важную должность мутесарифа Урфы. Он пользовался

доверием Высокой Порты<sup>4</sup>, что обеспечивало ему абсолютную безнаказанность и, кроме того, явилось источником его обогащения.

Самой главной стороной личности Османа Хамида была жадность. Он был готов убить из-за денег. Он мог украсть все, на что падал его взгляд. Потом он разговаривал с шейхом или каким-нибудь имамом и как-то успокаивал свою совесть. Этот человек любил золото куда больше, чем кого-либо из своих близких, и горе тому, кто попадался на его пути с какими-нибудь богатствами.

В один из дней Османа срочно вызвали в Константинополь. Поездка обычно была долгой — на дорогу туда и обратно уходило больше месяца, да и то, если в Константинополе у него не было других дел.

Со мной он даже не разговаривал. Да и что он мог сказать мне? Из опасения повредить ребенку он уже не отваживался бить меня. Признаться, это обстоятельство уберегло меня от многих побоев, ведь я не упускала случая продемонстрировать ему мою ненависть и презрение. Он как-то выносил мою ненависть, но мое презрение выводило его из себя. В этих случаях он предпочитал уходить, бормоча оскорбления и угрозы, а иногда кричал, что как только родится сын, он отдаст меня на растерзание своим слугам, а потом убьет.

Для меня все это не имело значения... Какая разница, что он сделает со мной? У меня появилась причина, ради которой стоило выносить все это. Я убегу от него со своей дочерью. Я не могла сдерживать улыбки, представляя себе, что произойдет потом. Он лопнет от отчаяния и злости!

Но мне приходилось соблюдать осторожность. Не показывать, что питаю какие-то надежды. Наоборот, я была сама покорность и молчаливость, как если бы смирилась с неодолимой судьбой.

Сама ходила за мной как тень. Ей наверняка были даны строгие указания и высказаны такие угрозы, которые, как ей было хорошо известно, были далеко не пустыми словами. Осман Хамид считался одним из самых коварных и опасных людей Урфы. В этом городе у него не было необходимости отчитываться перед кем бы то ни было за свои самые жестокие поступки.

На следующий день после отъезда Османа Хамида в Константинополь я обнаружила, что дверь его личного кабинета не была закрыта на ключ. Видимо, в спешке сборов он забыл закрыть дверь. Сама была на кухне, так что я могла свободно ходить по всей квартире. Никто не предупреждал меня, что мне запрещено входить в его кабинет, впрочем, в этом не было необходимости — кабинет всегда был наглухо закрыт.

Было невозможно преодолеть соблазн. Я заглянула в галерею — никого не было. Тогда я вошла в кабинет и закрыла дверь изнутри на ключ. Дверь имела глазок, так что никто не смог бы войти в кабинет неожиданно. Да и вообще, кабинет был закрыт, каким всегда его оставлял Осман Хамид.

Я осмотрелась. В большой комнате стоял полумрак. Главное место в ней занимали два больших кедровых стола с инкрустациями из жемчуга. Большой книжный шкаф был забит связками документов и книгами, многие из которых были завернуты в пергамент.

На столе я увидела раскрытое письмо. Оно было напечатано на бланке султана и адресовано большому визирю.

Я быстро пробежала текст: «Вы приглашаетесь на координационное совещание. Возникшая проблема вытекает из продолжающегося восстания, что может вызвать интервенцию европейских держав. Целесообразно прекратить преследования и восстановить нормальную ситуацию до получения новых указаний. Подпись: Камиль-паша».

---

<sup>4</sup> Порта (также Оттоманская Порта, Блистательная Порта, Высокая Порта) — фр. *porte* и итал. *porta* — дверь, врата — принятое в истории дипломатии и международных отношений наименование правительства (канцелярии великого везира и дивана) Османской (Оттоманской) империи, распавшейся после Первой мировой войны.

Вот почему Осман так поспешно выехал в Константинополь.

\* \* \*

На этом заканчивался незавершенный рассказ Азатуи Назарян. Трагедия этой женщины, моей бабушки, напрямую ударила по мне. Во время чтения я сдерживал дыхание — впервые в моей жизни некто, живший задолго до меня, незнакомый мне, но одновременно очень мне близкий, рассказывал мне из первых уст, как все начиналось.

Азатуи Назарян... Что случилось с ней? А с моим дедушкой Богосом Назаряном? А с Алик и Оганнесом?

Я не мог устоять. Мне надо было побольше узнать о происшедшем. Я всю ночь думал об этом. Когда рассвело, я уже знал, где искать важные документы.

На следующее утро я пошел в бюро путешествий и заказал билеты в Лондон. Мой друг Джеймс Гамильтон не подведет меня. У него были ключи от основного архива Форин Офис, и, кроме того, он был мне кое-чем обязан.

На всем пути до Лондона я думал об Османе Хамиде. И хотя я испытывал ненависть к нему, он все-таки был отцом моего отца, и я не мог оставаться абсолютно объективным. Из прочитанного мной рассказа было видно, что Осман Хамид был лишен этики и моральных принципов. Такая беспомощная женщина, как Азатуи, много натерпелась от него. Меня распирало любопытство узнать, что же произошло потом.

Джеймс встретил меня на вокзале. В Лондоне стояла промозглая погода, и я с тоской вспомнил жаркое восточное солнце, которое оставил в Стамбуле несколько дней назад.

Мы поехали прямо в здание Исторического архива. Директор — невозмутимый англичанин, выслушал меня бесстрастно, лишь изредка кивая головой. Джеймс, судя по всему, был его большим другом, потому директор без всяких промедлений нажал на кнопку звонка, и служащая отвела нас в архив. Эти люди были прекрасно организованы, уже через несколько минут я держал в руках маленькую картонную карточку.

Хамид, Осман

Осман Хамид (1856–1920). Турок. Сын Мохаммеда Хамида и Амины Бельхадж. Родился в Диарбекире, Турция. Майор 2-й армии. Назначен мутесарифом Диарбекира (1895–1909 гг.). Женат на Айхе Сугур. Его сын Кемаль Хамид также несет ответственность за массовые убийства армян.

Вместе с карточкой мне вручили картонную папку, в которой находился конверт из плотной коричневой бумаги. На конверте была наклеена этикетка с надписью на английском языке:

Осман Хамид родился в Диарбекире в 1856 году. Поступил в кадетское училище в 1872 году, которое закончил в чине офицера в 1876 году. Его карьера не была блестящей. Мы знаем лишь о его участии в качестве командира в массовых убийствах в г. Ван в 1894 году. Но он получил политическое признание и через несколько месяцев был назначен мутесарифом Диарбекира. В чем состояли его заслуги? В том, что не проявлял ни малейшей жалости к армянам и вообще к христианам, а также отличался абсолютной верностью султану. Покончил жизнь самоубийством в военной тюрьме Константинополя в 1920 году после того, как был приговорен к пожизненному заключению.

Эта заметка, напечатанная на машинке каким-то архивариусом, отдавала каким-то

прогорклым запахом. Документу было, вероятно, лет восемьдесят. Я был взволнован и обеспокоен. Я словно открыл ящик Пандоры, ведь вся эта информация непосредственно касалась меня.

Я достал из конверта другие бумаги. Там было всего три официальных документа, но их оказалось достаточно, чтобы понять многое из того, что произошло в те страшные дни.

### **Документ № 1. Протокол показаний Османа Хамида на заседании трибунала Военного совета в Константинополе (перевод с турецкого языка с арабскими буквами).**

Именем Бога Милостивейшего и Всемогущего.

Я, Осман Хамид Казим, офицер армии Османской империи, мутесариф Диарбекира в период с 1895 по 1909 годы имею честь разъяснить Трибуналу мои действия, в связи с чем ЗАЯВЛЯЮ:

1. Мое поведение как офицера и джентльмена безупречно, лишь наилучшим образом исполнял полученные указания. Я никогда не превышая своих полномочий, единственной моей заботой было обеспечить благополучие и безопасность моих солдат.

2. Что касается должности мутесарифа Диарбекира, которую мне было поручено исполнять, заявляю следующее:

В эти годы наша родина испытывала сильное политическое, экономическое и военное давление со стороны иностранных держав. Я лишь выполнял то, что следовало из решений правительства, назначенного Его Величеством Султаном Абдул Гамидом Вторым.

В связи с вышеизложенным нет ничего, что заставило бы меня устыдиться, или что нанесло бы ущерб интересам моей страны, ради которой я служил.

С учетом всего изложенного выше убедительно прошу Трибунал (далее неразборчиво) и таким образом незамедлительно освободить и реабилитировать меня. 19 сентября 1920 года.

Подпись: Осман Хамид Казим.

### **Документ № 2. Обвинительное заключение (краткое изложение).**

Первое. Доказано также, что обвиняемый Осман Хамид действовал с намеренной жестокостью, о чем свидетельствуют собранные военные сводки его старших начальников, исполненные в годы, когда и не предполагалось, что когда-нибудь они будут предъявлены беспристрастному Государственному трибуналу.

Осман Хамид не был хорошим офицером. Он дурно обращался с подчиненными. Он заставлял расстреливать всех призванных в армию армян, служивших в подчиненных ему подразделениях. Он никого не брал в плен, за исключением лишь тех, кого подвергал пыткам, а затем расстреливал. Он неизменно уничтожал своих противников. Он бравировал своей тактикой «выжженной земли». Осман Хамид не был хорошим воином. Турецкая армия всегда заботилась о чистоте своего знамени...

Второе. О мутесарифе Диарбекира. Его пребывание на этом посту было губительным. Во время печальных событий в Урфе на Рождество 1895 года он проявил неопишемую жестокость при поджоге храма, в котором находилось много армянских христиан. Эти действия не согласуются с нашим Кораном. Совею наоборот. Он содействовал тому, чтобы иностранная пресса нападала на нашу родину в весьма болезненный для нее период. Его действия представляли собой один из самых отвратительных варварских актов, вызвавших наступление

иностранных держав...

**Документ № 3. Из персональных заметок, найденных в кабинете дома, принадлежавшего Осману Хамиду в Диарбекире в 1915 году. Отрывок из последнего документа (приобщен в качестве вещественного доказательства Трибуналом Константинополя).**

Наконец наступил день, когда воды вернутся в свое русло. Эти армянские собаки получают по заслугам. И не только здесь, в Диарбекире, но и по всей стране. Пришел час мщениа. Смерть христианам.

Таково было мировоззрение человека, ненавидевшего тех, кто был непохож на него. Осман Хамид и люди его пошиба добивались своих целей, отдавая себе отчет в том, что их намерения могли привести к катастрофе.

Эти документы объясняли многое. Было неясно, как они попали в архив МИД Великобритании. Возможно, они фигурировали на заседаниях военных советов, проходивших в Константинополе в двадцатых годах.

Я уже собирался уходить, когда вернулась служащая архива. Она еще кое-что нашла. Это была еще одна папка из плотной бумаги. В ней находилась тетрадь размером сантиметров двадцать в длину и четырнадцать в ширину в черном клеенчатом переплете.

Служащая сказала, что, пока я читал, она продолжала поиски. Были другие «Хамиды», но эта папка была определенно связана с Османом. Наклеенная на обложке этикетка гласила: «Кемаль Хамид — массовые убийства армян».

Она положила тетрадь передо мной и впервые за все время улыбку. Я смотрел на женщину и удивлялся своему везению. До сих пор я был уверен, что ничего больше не найду, и вдруг обнаружил признание, написанное собственноручно человеком, который зачал меня. Мне было неприятно называть его отцом. Его образ, далекий и мрачный, неизменно вызывал у меня внутреннюю дрожь. Если бы я лучше знал его, может быть, тогда я лучше бы понял причины его поступков. Но я с самого начала ненавидел его. Он являлся причиной того состояния, в котором находилась моя мать — существо без эмоций и каких-либо стимулов. Я вспомнил, что в течение многих лет Кемаль Хамид был для меня сатаной, воплощением зла. Это мучило меня всю мою жизнь, и даже сейчас его образ продолжал ужасать меня.

Я раскрыл эту потрепанную тетрадь. Ее страницы слегка склеились. Много лет никто не притрагивался к ним. Может быть, она так и осталась бы не востребованной, если бы не моя интуиция, которая привела меня сюда.

Записи были на турецком языке, и я легко читал их. Я поблагодарил служащую за любезность и снова засел за чтение короткого рассказа, который мне показался потрясающим. Этот документ стоил поездки и дурной погоды в Лондоне.

\* \* \*

**Биографические заметки майора Кемалья Хамида. Служба разведки Третьей турецкой армии.**

Я решил написать эти строчки, потому что понял, что судьба направила меня в нужное место в дни, когда решалась судьба армянского вопроса. Хочу описать все это, чтобы оно не стерлось с памяти. Не буду скрывать, что благодаря моему специальному образованию я способен помнить о событиях в самых мелких деталях. Я не хотел бы также, чтобы

обстоятельства повлияли на мою оценку этого явления, и потому я решил описать с максимальной точностью все то, о чем тогда говорилось, и кто именно принимал участие в тех событиях.

Берлин, 16 февраля 1920 года

Меня зовут Кемаль Хамид. Я сын Османа Хамида и Айхе Сугур. Он был мутесарифом Диарбекира. Думаю, что сейчас наступил момент, чтобы объяснить, что именно случилось и каково было мое настоящее участие в тех событиях.

В течение многих лет нас называли преступниками, убийцами, и даже развратниками. Но когда наступил день суда, никто не захотел вспоминать, почему именно все это произошло. Нас судил не турецкий народ. Нас судили иностранцы. Державы, которые выиграли войну. И правосудие превратилось в месть.

Я хорошо знаю, что именно произошло. Я знаю, потому что был очевидцем. Я участвовал в подготовке. Я подчинялся приказам и исполнял их. Наша родина была в опасности. И наша религия тоже. В какой-то момент в меня закрались небольшие сомнения, и я переговорил с муллой. Он заверил меня, что Бог на нашей стороне. Что нам только надо следовать его предначертаниям. Бог изъясняется прямо, хотя и может показаться, что порой витиевато. Так сказал мулла, который благословил меня. Он был доктором теологии и хорошо знал, что говорил.

В Военной академии на последнем курсе кто-то пришел к нашему директору полковнику Осману Юсуфу. Меня вызвали к нему. Человек крестьянской наружности выступал от имени Комитета за единение и прогресс. Полковник выглядел весьма возбужденным и соглашался со всем, что говорил посетитель.

Я подумал, что речь шла о каком-нибудь важном политическом деятеле. Он говорил о родине. Об отсталости нашей страны.

О ее недругах. Говорил о сирийцах, греках, армянах. В основном об армянах.

У меня в ту пору был друг армянин Ардаг Джембазян. Он всегда казался мне хорошим человеком. Но этот посетитель (как я узнал позже, его звали Атиф-бей) открыл мне глаза. Он сказал, что армяне — те же евреи. Их интересуют только деньги. Они хотят захватить лучшие земли, лучшие дома, банки. Многие из них изучали медицину или право, но при этом преследовали свои собственные цели. Посетитель убеждал, что армяне потихоньку овладевают душой нашего народа. Если так дело пойдет и дальше, очень скоро они станут нашими господами, и было бы нелепостью допустить это. В тот момент я все сразу понял. Было бы логично решить этот вопрос радикально... Или я не прав?

В том же кабинете мне предложили вступить в партию. Я согласился не без гордости. До сих пор никто не предлагал мне ничего подобного. У меня не было покровителей. Моя мать плохо ко мне относилась, а мне хотелось только идти вверх по лестнице. Расти. И — почему нет — делать деньги. Есть люди, которым стыдно признаваться в этом. Мне — нет.

Помню, полковник предложил мне сигарету, когда посетитель, похожий на крестьянина, ушел. Он выглядел очень довольным и впервые обратился ко мне с большой сердечностью, как если бы между нами произошло нечто важное. По правде говоря, это было странно. Полковник Юсуф был жестким, суровым человеком, вся академия его боялась. Но что-то произошло между нами, он улыбался. Я тоже был доволен. В любом случае было бы глупо не использовать эту ситуацию. Все равно, что плыть против течения.

Начиная с этого дня для нескольких человек, — тех, кто был отобран, — был прочитан курс лекций. Главное в нем было — борьба с внутренним врагом. Борьба против групп сепаратистов и националистов. Не допускать проникновения иностранных держав внутрь империи. Мы получили наименование «Специальная организация» (Techkilat-i Mahsousse).

Еще до окончания курса мы поехали в Анкару, где познакомились с другими товарищами. Почти все они были военными, хотя встречались и гражданские лица. Нашим

командиром там был подполковник Хусамеддин-бей. Его задача состояла в том, чтобы обучить нас специальным приемам.

Не знаю почему, меня назначили в отдел контрразведки. Как мне говорили, я отвечал требованиям, предъявляемым к этой специальности. Какие-то положительные стороны у меня были. Мое воинское звание в тот момент было лейтенант (я только что получил назначение), однако согласно действовавшему в армии положению, если нужно было, я мог отдавать приказы даже майору.

Я узнал немало интересных приемов. Меня научили лгать и обманывать так, чтобы ни один мускул у меня не дрогнул. Это всегда у меня получалось неплохо, но кое-какие недостатки мне удалось преодолеть. Научили меня проникновению в ряды противника. Я узнал, как маскироваться, прятаться, как выживать. Для этого надо было ужесточить наше отношение к возможным врагам. Мы должны были понимать, что можем использовать их в наших целях, но это никак не должно затрагивать нас лично. Нас обучили очень важному делу — пыткам. А также весьма необходимому умению убивать, оставаясь хладнокровным, — иногда это может быть жизненно важно.

Но все это относилось лишь к техническим приемам. Больше всего меня интересовало, как научиться допрашивать, добывать правду из человека. Если к индивидууму применять надлежащие методы, он не сможет сохранить свою твердость, как бы он ни упорствовал, как бы ни пытался скрыть информацию. В конце концов он заговорит.

Наша организация владела безотказным оружием. По существу, мы были второй властью. Никто не был выше нас — ни судьи, ни обычные военнослужащие, ни парламент. Уже на конференции в Эрзеруме было принято решение, что Специальная организация будет представлять власть от внешних до внутренних границ.

Я быстро поднимался по служебной лестнице. Меня направили на несколько месяцев в Германию. Там я познакомился с немецким послом в нашей стране бароном фон Вангенхаймом. Это произошло на одном из приемов в Берлине. Он представил меня Фридриху Науманну. Оба они считали, что Турция является лучшей союзницей Германии. Действительно, кайзер глубоко восхищался нашим народом.

Именно в Германии я впервые услышал об «армянском вопросе». Науманн прочитал нам лекцию, в которой со всей прямотой сказал, что мы, турки, излишне терпимы к нетурецким народам, живущим в нашей империи. Именно об этом говорил мне раньше Атиф-бей. Все сошлось, логика казалась очень убедительной.

Жизнь в Берлине отвечала всем моим мечтам. Платили нам там намного больше, чем в Турции. Нас приглашали на приемы, конференции и разные праздники. Создавалось впечатление, что нас носили на руках. Для желающих всегда находились девочки.

Но я берег себя. Я знал, что когда-нибудь нам придется так или иначе показаться публично. И я хотел полностью использовать те знания, которые нам давали в Германии. У нас были хорошие преподаватели. Очень культурные люди, подлинные ученые, и все к нашим услугам. Нам рассказывали о мировой истории, о том, как одни расы господствовали над другими, о человеке-арийце. Все это меня очень интересовало, и я понял, что встретил здесь свое настоящее призвание.

В Берлине меня представили Хуманну. Он был личный представитель кайзера в немецком посольстве в Константинополе. Никогда до этого я не встречал человека настолько открытого и настолько остроумного, и он сразу же проникся ко мне дружескими чувствами.

Я очень ценил его дружбу. Хуманн поддерживал тесные дружеские отношения с Энвером-пашой. Кроме того, я знал, что Хуманн занимает высокое положение в секретной службе Военно-морских сил Германии, которыми командовал фон Тирпиц и с которым я однажды познакомился. Ганс Хуманн стал знаменитым после своего невероятного подвига — когда военный корабль «Лорелей», охранявший немецкое посольство в Константинополе, смог пробраться сквозь Дарданеллы несмотря на преследования со стороны англичан. В Берлине говорили, что этот эпизод подтолкнул к началу войны с русскими.

Хуманн по-настоящему любил Турцию. Да и как ему было не любить ее, если он



родился в ней? В Смирне его отец привил ему большую любовь ко всему турецкому. В том числе, к нашей археологии.

Ему нужен был такой человек, как я. Он понимал, что обстоятельства очень скоро заставят Турцию изменить свою внутреннюю политику. Как и у Германии, у нас было много врагов. Если мы, турки, хотим выжить, то нам нужно прежде всего вычистить наш дом изнутри.

Вообще-то, я верил только в три вещи: в Комитет за единение и прогресс, в Специальную организацию, в которой состоял, и в самого себя. И все это было направлено на то, чтобы превратить Турцию в современную страну.

Кроме того, находясь в Берлине, я понял, турецкая империя представляет собой лакомый кусочек для великих держав. Все они, за исключением Германии, испытывают страшную зависть к нашим безмерным владениям. Они хотят расчленивать нас, уничтожить, а потом, как хищники, поделить добычу.

Франция мечтала заполучить Сирию. Англия уже давно проникла в Египет и Месопотамию. Россия хотела укрепить свои границы на Кавказе, обеспечить навигацию в Черном море и выход через Босфор. Греция стремилась не только к полной независимости, но и требовала себе так называемую «единую территорию». Такая страна, как Греция, требовала себе «единую территорию»! Того же добились или продолжали добиваться Сербия, Албания, Болгария, Румыния — страны, обязанные своим рождением Турции.

Нет, так больше нельзя. Тучи войны закрывали небо и предвещали наш конец, если только мы немедленно не изменим нашу политику.

Вместе с Хуманном я побывал на совещании фонда Гобино — Ферайнигунг. Там я впервые встретил уже тогда знаменитого доктора Назима в сопровождении Ахмеда Ризы. Оба они приехали из Парижа для участия в совещании.

Я чувствовал себя среди привилегированных людей. Я толком не мог понять, почему выбор пал именно на меня. Кем я был в то время? Амбициозный молодой офицер, и только. Но с того момента, как Атиф-бей обратил на меня внимание, все, казалось, шло как по маслу.

Однажды вечером мы ужинали в небольшом ресторане, специализировавшемся на баварской кухне. Там находились Хуманн, очень довольный тем, что подтвердили его назначение в Константинополь, доктор Назим, которого мне представили несколько дней назад как архитектора перемен, Ахмед Реза — лидер либералов, которые завершили присоединение своей группы к Комитету, Фалих Хилки — новый влиятельный человек, недавно сблизившийся с Талаатом. В качестве специального приглашенного там находился знаменитый писатель Пауль Рорбах, пришедший в сопровождении аристократа графа Ф. В. фон дер Шуленбурга. Среди них я был никто. Я отчаянно робел при мысли, что любой из них мог вдруг спросить меня, кто я такой и какие имею заслуги. Сначала, еще до того, как все расселись, я спрашивал себя, не лучше ли было сказать Хуманну, что я чувствую себя здесь очень неловко, и уйти.

Но нет. Как раз наоборот, все относились ко мне вполне сердечно. Это становилось все более явным по мере того, как продолжался ужин и росло число тостов со шнапсом. Должен признаться, что мне было очень приятно, и в этой теплой обстановке моя робость прошла.

После ужина заводилой стал Пауль Рорбах. Думаю что я еще не встречал человека с такими четко сформулированными идеями. Он выложил очень дерзкий и оригинальный тезис который был тут же принят всеми нами. Речь шла о жизненном пространстве — «*le-bensraum*». Он утверждал, что для полного развития каждому народу необходима определенная территория. И если это жизненное пространство было в силу обстоятельств кем-то «захвачено» (именно это слово он употребил), надо очистить его и вернуть себе. В этом, уверял Рорбах, и есть суть проблемы. Такое «очищение» оправдывало само себя.

Я видел, что доктор Назим был в полном восторге от этой идеи. Он спросил у Рорбаха, где именно он почерпнул эту идею. «То там, то здесь» — был уклончивый ответ. В ней не было ничего нового, ее высказывали на собраниях самого фонда Покровители фонда фон

Эуленбург, а также Ганс фон Вольцоген обсуждали все это с графом де Гобино.

«У этих людей действительно ясные мысли, — утверждал Рорбах. — Они развили идею о чистокровных расах, и это означает, что в конце концов одни расы начнут господствовать над Другими. Кроме того, я лично считаю, что вся эта болтовня о расах просто выдумка. В конце концов воды вернутся в свое русло и сильные, творческие расы будут господствовать в мире».

По всем этим вопросам было полное взаимопонимание. Все исходило из того, что османские турки представляют собой южную ветвь арийцев, а германцы — северную, и обе эти ветви дополняют друг друга.

Было уже довольно поздно, когда Хуманн произнес нужное слово «депортация». Для него это решение не вызывало сомнения. Он сказал, что в скором времени его родина будет вынуждена депортировать французов из приграничных германских территории. Поляки тоже, разумеется, мешают прогрессу его страны, добавил он. Он говорил также о необходимости захватить часть Украины. Это выглядело более утопично, но он заверил, что настоящие немцы давно мечтают об этих территориях. Это все равно, что принести в большой дом хороший набор продуктов. «Это всегда неплохо», с глумливой улыбкой заметил он. Мы все оценили его большое чувство юмора и светлый ум. А я особенно, поскольку чувствовал себя так, словно взвился на высокое облако. Все эти люди представляли для меня верх человеческой мысли. Здесь не говорили глупости. Они не были чистыми интеллектуалами, которые не стоили и ломаного гроша. Эти люди были практиками. Они были патриотами, отдававшими свои знания на алтарь светлого будущего своей страны.

Хуманн рассказал о том, как он был в Сербии на должности военного атташе австро-венгерской армии. Там не разводили нюни, там просто уничтожали тех, кто мог представлять собой опасность. Кроме того, оттуда вывезли тысячи детей (разумеется, самых лучших), чтобы воспитать их должным образом. Хорошей породой пренебрегать не стоит.

Помню, что доктор Назим казался излишне возбужденным. Он много пил, но, несмотря на это, не пропускал ни слова. Он был очень взволнован и напоминал шахтера, который полжизни провел стуча своим кайлом по темной породе, а тут вдруг увидел блеск золотой жилы. Он молчал почти до самой ночи, и никто не хотел уходить из этой компании. Все мы, кто там был, понимали, что переживаем исторический момент. В воздухе царил напряженность, и оно росло по мере того, как проходили часы.

Доктор Назим был последним, кто изложил свои тезисы. У него лихорадочно горели глаза.

«Друзья!» — мы переглянулись, потому что Назим был известен тем, что понятие дружбы было ему неведомо. С другой стороны, в тот момент мы испытывали чувство товарищества, которое перекрывало все другие эмоции. «Друзья! Я всех вас хорошо знаю. Я знаю, в чем состоят ваши идеи. Они полностью совпадают с моими мыслями. Мы связаны друг с другом нашими принципами. Вы знаете, что несколько лет тому назад меня выслали в Париж. Мне повезло, ведь другие погибли в Турции за свои идеалы.

Все, кто находится здесь, независимо от того, турок он или нет, хочет видеть Турцию процветающей и современной. Свободной от врагов.

Вы спросите себя: кто же они, наши враги? Кто мешает нашей стране развиваться дальше? Почему Турция, похоже, движется в сторону, противоположную от цивилизованного мира?»

Он выдержал длительную паузу и выпил глоток вина. Мы все застыли в ожидании, ведь еще до его прихода Хуманн предупредил нас, что Назим собирается сделать важное заявление.

«Я поясню свою мысль. Я пришел к ней ценой огорчений боли, опасения за то, что может случиться с нашей любимой страной».

«Так вот, — энергично продолжал он. — Наши враги это мужчины и женщины,

родившиеся в Турции, в разных уголках нашей империи. Это люди, которые выдают себя за наших соотечественников. Это существа, которые кишат вокруг нас, требуя себе прав и всяких льгот. Друзья, Турция всегда была слишком великодушна к своим врагам, и это приведет ее к краху».

«Ото, — Назим стал говорить по слогам, как будто ему было трудно произносить, — греки, сирийцы, курды. А также, и в первую очередь, — армяне. Да, армяне. Они проникли на ключевые позиции нашего гражданского общества. Это адвокаты банкиры, архитекторы, врачи, политики, многие из них — крупные землевладельцы. Хозяева лучших поместий, самых больших и рентабельных производств.

Они, армяне, манипулируют нашим парламентом, несмотря на то, что имеют немного депутатских мест. Они заправляют нашей экономикой из глубин своей темной финансовой империи. С помощью разного рода ухищрений они захватили самое ценное в нашей стране.

Нет, не удивляйтесь. Приезжайте в Константинополь и спросите: „Кому принадлежит этот строящийся дворец?“ Ответ будет: „армянину“. „Кто владеет этим ювелирным магазином?“ — „Армянская семья“. „Кто президент этого мощного банка?“ — „Конечно — армянин“. И при этом мы могли бы усомниться: „Может быть, армяне более умные, чем турки?“

Я рассею ваши сомнения: нет. С полной уверенностью и убежденностью скажу — нет. Армянин не стоит и одного турка». — Назим обратил в бесконечность свой полный ненависти взор. Это чувство захватывало его целиком.

«Армянин стоит меньше. Намного меньше. Я даже скажу вам яснее. Я придерживаюсь твердого убеждения, что армянин ничего сам по себе не стоит. Ничего! Друзья, товарищи, в нашем доме враг. Около двух миллионов армян, четыреста тысяч осевших у нас греков, двести тысяч сирийцев в Анатолии, миллион неграмотных и диких курдов и много других национальных меньшинств, в том числе эти двуликие евреи, которые ведут себя как армяне, но, по крайней мере, более скрытно. Я думаю, что здесь, в Германии, они представляют собой то, что армяне — в Турции. Это раковая опухоль для наших стран».

Жесткие и искренние слова раскрыли мне глаза. Я много лет готовился к этому, даже не зная толком, к чему именно. Я не представлял, какова на самом деле цель нашей длительной подготовки. К чему наши бессонные ночи, когда мы готовились к экзаменам в Военной академии. Бдение наших профессоров. Тяжелейшая учеба в условиях военной дисциплины. Интуиция Атифа-бея, указавшего мне путь. Сейчас я понял, в чем было мое предназначение. И дело не в том, чтобы я испытывал какую-то особую ненависть к армянам. Разве что небольшую зависть. Я вспомнил своего друга Джамбазяна. С первого момента нашего знакомства я интуитивно понял, еще не заговорив с ним, что он умнее меня.

Доктор Назим снял тяжелую пелену с моих глаз, и я увидел, что моя жизнь вот-вот примет новый оборот. Могу поклясться, что я почувствовал восторг. Я был готов пройти тот тяжелый и долгий путь, который они мне укажут.

Доктор Назим сделал большой глоток вина, чтобы снять спазм в горле, и я невольно сделал то же.

«Вы спросите меня: „Что мы можем сделать для решения этой большой проблемы? По какому пути нам надо пойти, чтобы покончить раз и навсегда с этой раковой опухолью, пожирающей день за днем Турцию?“ Я долгие часы разговаривал на эту тему с нашими дорогими друзьями фон Неуратом и Вильгельмом Сольфом — советниками немецкого посольства в Константинополе. Кстати, они просят меня извинить их за то, что их нет сегодня с нами. Тем не менее они просили меня сообщить вам об их заинтересованности в скорой встрече в Нюрнберге».

Доктор Назим замолчал и дружески обратился к Паулю Рорбаху:

«Вы рассказали здесь нечто весьма интересное. Я всегда думал об этом, но ни разу не смог сформулировать это с таким совершенством, с каким сформулировали вы. Я имею в

виду вашу прекрасную теорию. Жизненное пространство. В нем сейчас главная проблема Турции. Позвольте мне развить эту мысль.

Действительно, наша империя обширна, ее даже можно назвать огромной. Но значительная часть ее непродуктивна, изрезана горами, польза ее состоит лишь в ее дикой красоте. Лучшие земли, самые стратегически важные почвы, по-настоящему нужные для развития нашей страны, заняты чужаками. Я не соглашусь с тем, что армяне — главным образом, именно они — являются турками. Говорить так, значит, обманывать себя. Они — неверные, предатели, воры. Неверные не только потому, что исповедуют иную религию, но и потому, что ненавидят нашу. Предатели, потому что многие из них являются иностранными агентами. Русские прекрасно знают, что в лице армян они имеют пятую колонну, готовую вонзить кинжал в спину Турции. Равно как это знают англичане, французы, американцы. Воры, потому что они всегда пользовались тайными методами, чтобы завладеть тем, что казалось им наиболее ценным».

Назим внимательно посмотрел на Хуманна.

«Да, жизненное пространство, „lebensraum“. Вернуть назад пространство, нужное нашему народу. Возвратить его своим подлинным хозяевам. Турецкому народу, — Назим сделал глубокий вздох, как бы пытаясь взять себя в руки, — Я знаю, что здесь, в Германии, происходит нечто подобное. Здесь проблема евреев. Так же, как и армяне в Турции, они захватили себе все, что хотели. Путем обмана, воровства, жульничества. Об этом нам могут долго и подробно рассказывать наши немецкие друзья».

«Вы, — Назим указал на Хуманна, — дали мне ключ к решению вопроса. Самый лучший способ уничтожить врага — изгнать его из мест, которые он считает своим домом. А потом, потом мы посмотрим.

Вот вы говорили мне об испанской инквизиции. Как она обогнала свое время. Как испанцы смогли решить свою проблему. Испания была тогда сильно заражена. Ее правители опередили свое время. Они изгнали евреев. Они вернули себе украденное у них золото, земли, имущество... Нам надо бы поучиться у испанцев. Они сделали, что хотели, и сделали это хорошо.

Да, друзья мои. Турция сможет выйти на свой путь. Надо сказать ясно и определенно, что существует армянский вопрос. Это вопрос государственный, и он должен быть решен любой ценой. Здесь нельзя ссылаться на какие бы то ни было чувства, надо думать только о спасении родины. И здесь, друзья мои, нет места жалости.

Мы знаем, мы абсолютно уверены, что немцы помогут нам в этом важном деле. Каким бы трудным ни был этот путь, каким бы тяжелым нам его ни сделали. Мы, настоящие патриоты, покончим раз и навсегда с этим проклятым армянским вопросом».

Доктор Назим закончил свою речь в таком сильном нервном напряжении, что у него дрожали веки и, как в лихорадке, тряслись руки. Было ясно, что он не думает ни о своем здоровье, ни о самом себе. Я понял, что это был цельный человек, за которым я должен идти во что бы то ни стало.

После короткой паузы Хуманн тяжело поднялся. Действие алкоголя, захвативший его интерес к обсуждаемому вопросу усталость, вызванная поздним бдением, — все это навалилось на него. Тем не менее он казался настолько взволнованным мыслями, высказанными Назимом, что ему было трудно произнести хоть слово. Он тоже обильно потел, его глаза блестели неестественным блеском, а левый глаз сильно дергался. У него были такие большие и такие крепкие руки, что, казалось, он мог сокрушить ими все что угодно.

«Друзья, — его голос охрип из-за алкоголя и плотной завесы дыма от турецких сигарет, которые мы все курили, — я абсолютно уверен, что само Провидение дало нам возможность собраться этой ночью.

Мы все здесь дети двух империй — Германии и Турции дружественных наций, объединенных единой судьбой. Мы унаследовали блестящую историю, создавшую

предпосылки для будущего.

Но одна часть мира нам завидует, другая — ненавидит, хотя и боится. Народы, не имеющие будущего, как пиявки пьют из нас кровь, пользуются нашим великодушием и нашей силой плетут во тьме заговоры, стремятся объединиться с нашими врагами, шпионят даже внутри наших казарм, ждут подходящего момента, чтобы нанести нам удар».

Хуманн был так взволнован, — по правде говоря, мы все Шли в таком состоянии, — что ему пришлось выпить бокал шампанского, предложенный ему Паулем, ибо он, казалось захлебывался собственной речью. Прежде чем продолжить говорить, он сделал глубокий выдох.

«Так вот, о чем это я... Ах да — об ударе, — он зловеще улыбнулся. — Удар по ним нанесем мы. Не колеблясь. Мы сделаем так, что в этот день они раскаются во всех своих преступлениях. Они заплатят за свою алчность, свое врожденное коварство, свое предательское поведение...»

В этот момент граф Шуленбург поднял руку. Этот аристократ почти весь вечер просидел молча. Хуманн выглядел очень усталым и с удовольствием уступил место новому оратору, садясь на свое место, в то время как граф поднялся.

Голос у графа Шуленбурга был несколько резковат и, может быть, поэтому он говорил очень тихо. Его было почти не слышно, и мы все замолчали, чтобы понять, о чем он говорит.

Он прокашлялся и робко посмотрел вокруг себя через позолоченные очки:

«Друзья, позвольте мне небольшую фамильярность. Как вы, наверное, знаете, моя страсть — это история. В политике я разбираюсь слабо. Чтобы быть политиком, надо обладать особыми достоинствами, которых у меня нет. Мне стыдно в этом признаться, но это так.

Тем не менее я воспринимаю вас как своих товарищей. Как если бы мы спали в одной казарме и проходили одну и ту же армейскую службу. У вас не должно быть ни малейшего сомнения в том, что обстоятельства превратят нас в товарищей по оружию, ибо, чтобы построить будущее, мы должны бороться, и если надо, то и умереть.

После этого вступления позвольте мне взять на себя роль предсказателя. Я всегда стремился к тому, чтобы предвидеть события. Ожидать их прихода. Не допускать, чтобы история раздавливала нас или, по крайней мере избегать этого. При этом все мы знаем, что история непредсказуема».

Шуленбург выглядел совсем как простой человек. Как будто он был неспособен убить даже муху. Его светлые голубые глаза казались прозрачными.

«Да, друзья. Позвольте мне совершить прогулку во времени. Наши страны, Турция и Германия, будут развиваться успешно. Несомненно, наступят и тяжелые времена. И не только для нас — для всего мира. Это будет такой трудный период, что многим будет казаться, что пришел конец света.

У Германии тоже есть смертельный враг — мировой сионизм.

Наши города, много наших населенных пунктов заражено евреями. Здесь они играют ту же роль, что и армяне в Турции, хотя, как мне кажется, есть существенная разница.

В вашей стране армяне представляют собой нацию с завышенными претензиями, не желающую интегрироваться в общество. В конце концов это нам на руку, ибо они хотят раздробить Турцию и создать любой ценой свою собственную страну. А у нас есть евреи, которые представляют собой серьезнейшую проблему. Они изменили нашу жизнь, внесли свои привычки и обычаи, чуждые немецкой природе. Они проникли в университеты, на кафедры, в профессиональные корпорации, в первую очередь в сфере права и медицины. Они захватили торговлю и промышленность. И хуже всего то, что они действуют исходя из своей собственной точки зрения, своей морали и своей еврейской этики. — Шуленбург вздохнул, — Как можно говорить о еврейской этике. Также как Турцию, нас поразила рак, который распространяется по всему социальному организму. Но пусть у вас не останется ни грама сомнений в том, что Германия будет долго сидеть сложа руки. Наступит время, когда воды вернутся в свое русло, и эта ситуация разрешится навсегда.

Но прежде давайте поможем нашим османским друзьям освободиться от их проблем. Если один из друзей может освободиться от гнетущих его трудностей, нам всем станет легче, Турция выйдет победителем в своей борьбе за единство страны, Турция станет сильнее, и это пойдет на пользу Германии. Затем, с учетом полученного опыта, придет и наш черед».

Слова Шуленбурга завершили наше собрание. Было около четырех часов утра, и невероятное количество выпитого пива, вина и шампанского начинало сказываться.

Я лично старался пить умеренно, но к концу встречи это оказалось невозможно. Порой мне казалось, что я плыву по воздуху.

Но при всем этом что-то говорило мне, что эти люди были моими учителями.

Пока мы прощались, во мне крепла уверенность, что все, о чем здесь говорили, осуществится. Но тогда я не знал, до какой степени это станет реальностью.

В Турцию я возвратился в марте 1915 года. Я считал себя подготовленным к тому, чтобы выполнить любые порученные мне задания. Длительное пребывание в Германии изменило весь строй моих мыслей. Знакомство с такими интересными людьми, с их ясными и конкретными идеями помогло мне понять многие вещи. До этого они теснились в моей голове лишь в форме смутных догадок.

Сейчас я знал, какова была подлинная ситуация в Турции. Насколько хрупка была ее система. Каким образом ее недруги собирались разрушить и раздробить ее. Два человека внесли важный вклад в мое образование: советник по внутренним вопросам немецкого посольства в Константинополе Хуманн и доктор Назим, с которым я вновь встретился в Париже после его приглашения.

Первый из них настоял на том, чтобы мы встретились как только окажемся в Турции. Он обещал связать меня с послом Гансом фон Вангенхаймом, сказав, что они нуждаются во мне как человеке, пользующемся их доверием. «Абсолютным доверием», — подчеркнул он. Речь шла о том, чтобы быть связным между видными немецкими военными, служившими в Германии, (а их становилось все больше и больше, и они занимали важные посты в турецкой армии) и турецкими военными. На практике это означало служить связным в сфере военной разведки. Причины были очевидны.

Германия была весьма заинтересована в том, чтобы улучшить состояние турецких вооруженных сил. Поэтому много видных немецких офицеров служило в турецких военных академиях, в специальных школах и даже в основных немецких консульствах в качестве связных по информационным вопросам.

Кто-то должен был координировать все эти усилия с тем, чтобы усилия не тратились попусту. Хуманн подчеркнул, что все это делалось с согласия Генерального штаба турецких вооруженных сил, но было ясно, что это была секретная миссия и надлежало вести себя с неизменным тактом и деликатностью.

Я тогда не понимал, что мне предлагали стать двойным агентом. Хуманн был готов снабжать меня информацией достаточной для того, чтобы маскировать свои действия.

Я забыл сказать, что к тому времени я был произведен в лейтенанты и получил назначение в посольство Турции в Берлине на должность заместителя военного атташе. Моя миссия продолжалась всего четыре месяца — с декабря 1914 по март 1915 года, затем меня перевели в немецкое посольство в Константинополе на должность «сотрудника». По существу, я был офицером связи и, несмотря на мой небольшой опыт, вскоре я почувствовал себя как рыба в воде и стал пользоваться особым расположением руководителей Генштаба Турции. Длинная рука генерала Хусамеддина-бея простиралась уже и сюда. Этот человек всегда выказывал мне особую симпатию.

Что касается доктора Назима, то незадолго до моего возвращения в Турцию он пригласил меня к себе в Париж. Он изучал там медицину, и у него было в городе много разнообразных и полезных контактов. Не думаю, чтобы он умел держать в руках скальпель, потому что все свое время он отдавал политике. Вообще-то говоря, он считал, что Комитет за единение и прогресс был его детищем, а с 1910 года он входил в его Центральный

комитет.

Он представил меня своему близкому другу Амару Наги. Несмотря на то, что они придерживались общих взглядов по основным вопросам, время от времени между ними возникали споры.

Навязчивой идеей Наги была ликвидация армян. Он был знаком также с публикациями графа Гобино, которого обожал как бога, снизошедшего на землю.

Назим говорил о необходимости депортации армян и греков из Турции, но Наги считал, что радикальное решение вопроса состояло в том, чтобы «ликвидировать» их. В те дни доктор Назим был перевозбужден. Он ждал приезда своего лучшего друга (так он мне его назвал) Беххеддина Шакир-бея.

Полагаю, что к тому моменту я уже завоевал доверие доктора Назима, который разрешил мне присутствовать при беседе с Шакир-беем. На этой встрече бей изложил свои последние идеи о методологии по ликвидации «армянского вопроса».

Шакир-бей тоже имел диплом врача. Вместе с тем он смотрел на Назима так, как ученик смотрит на своего учителя, а тот в свою очередь восхищался инициативами Шакира.

На встрече, на которой мне повезло присутствовать, Шакир поставил вопрос о необходимости решить, кто именно будет делать «грязную работу». Ведь в конце концов кто-то должен был ее делать. И тогда он сформулировал свое предложение.

«Послушай, Назим. Если мы на самом деле хотим все это сделать, то нам нужны не только „методы“. Методы предложишь ты, и никто этого не оспаривает. Ибо без хорошо сформулированной идеи, без системы, основанной на ней, без необходимой для этого инфраструктуры и, конечно, без лидера, который укажет направление, ничего не получится.

А какие инструменты? Чтобы реализовать любую идею, надо иметь соответствующий инструментарий. Позволь, я изложу тебе некоторые мысли на этот счет, ведь я уже давно думаю об этом.

То, о чем мы говорим, серьезная вещь. Я посчитал, что только армян, — а это наша главная проблема, — более двух миллионов. Возможно, около двух с половиной миллионов, может быть, и больше. А это, мой друг, значительное количество. Это не просто щелкнуть пальцами и сказать: „Вот и все, перейдем к другому вопросу“... Это сложная и многосторонняя операция, требующая большой подготовки, твоих методов и, наконец, в нужный момент — моего инструментария.

И какие из них я выберу? Я скажу тебе без колебаний. Армия и полиция не смогут сделать это открыто. Тогда всем нам будет плохо. Они должны будут „сотрудничать“ тогда, когда мы им прикажем, и не сомневаюсь, что, следуя дисциплине, они сделают то, что им прикажут.

А государство? Сможет ли этим заняться правительство? Нет, не сможет. Оно не должно быть втянуто в это напрямую. Оно может лишь все подготовить, создать возможности, обстоятельства, издать секретные указы. Потому что, друг мой, все должно быть в тайне. Все делают вид, что все нормально, смотрят в сторону, маскируются. А иначе как? Разве будет разумно созвать иностранных послов на прием и заявить им: „Уважаемые господа, мы пригласили вас сюда, чтобы сообщить вам, что в ближайшие месяцы мы осуществим уничтожение всех христиан в Турции, а сейчас, если угодно, милости просим проследовать в соседнюю залу, где накрыт для вас прекрасный ужин“. Нет, так нельзя. Это невозможно. Ты ведь знаешь, какие они, дипломаты. Когда не будет выхода, тогда они либо перейдут на другую сторону, либо сделают вид, что принимают идею. Но сначала...

Надо иметь также в виду, что многие служащие самых разных уровней могут протестовать, отказываться выполнять приказы, ссылаясь на свою совесть. Да, да, на совесть! Если им кажется, что у них есть совесть, то это их проблема. Но если они перекинут эту проблему на нас? Представь себе, что какой-нибудь местный администратор из какого-нибудь затерянного поселка должен будет ответить на телеграмму, в которой ему предписывается ликвидировать христиан. Он не ответит на нее. Он даже не поймет смысла

телеграммы. Уничтожить христиан! Он захочет переговорить с министром или, возможно, с главой правительства.

Вспомнит о своей совести. А его жена. Его семья. Его друзья. О, нет! Я не смогу сделать это! Я сначала переговорю с консулом Франции. Или Германии. Видно, кто-то там, в Константинополе, сошел с ума. Кроме того, у меня есть друг армянин. А семья этого армянина? А его друзья? Это невозможно. Опять же моя совесть... Снова та же совесть.

Смотри, Назим. Ты все прекрасно понимаешь, и мне незачем повторять тебе все заново. Тебя, меня, всех наших совесть не беспокоит. А если по той или иной причине кто-то не подчинится беспрекословно и не будет делать то, что от него требуется... Все это выльется в серьезную проблему для всех нас. Нет, мы не можем допустить этого.

И тогда нам поможет печатать. Уже сейчас можно прочитать в заголовках константинопольских газет: „Христиане убили мусульманского ребенка“. В другой газете — девушку, которую к тому же еще и изнасиловали. Конечно, надо будет придать правдоподобие этим сообщениям. Нам понадобятся мученики. Настоящая патриотка почувствует гордость, если ее сын умрет за правое дело... Нет, не улыбайся. Я говорю вполне серьезно: мученик — это мученик, и он стоит многого. Ты не согласен со мной?

У армян тоже есть своя ахиллесова пята. Вспомни, например, эту прекрасную провинцию Ван, сплошь зараженную христианами. Их там столько, что мы, турки, чувствуем себя людьми второго сорта. Этому будет положен конец раз и навсегда!

Представь себе, что несколько „посланников“ Комитета за единение и прогресс призовут армянских лидеров подбить русских армян на восстание против русского правительства. Они на это не пойдут. И их можно обвинить в нелояльности. Назвать их предателями. Потому что они и есть предатели. Предатели Турции. Мы их обвиним в том, что они дезертировали к русским...

Ты спрашиваешь меня об „инструментарии“. Он у нас под боком. Наши инструменты совершенны, тверды, у них проникающий и летальный эффект... Ты задумывался когда-нибудь о заключенных в наших тюрьмах и лагерях? Они пойдут на все, чтобы выйти на свободу. А если им пообещать освобождение от ответственности за совершенные преступления? В конце концов это как работа. Они смогут насиловать, похищать, красть, убивать. Это все равно, что снять все запреты.

Да, Назим. Наш дорогой Талаат уже знаком с этим проектом, и он ему показался отличной идеей.

Мы создадим легион, который сделает важную часть работы.

Образование его обойдется нам почти даром. Потери его личного состава не будут иметь никакого значения. А если затем надо будет закрыть рот кому-нибудь из них или многим из них, то все это можно сделать, не вызывая ничьих протестов. А пока что они „очистят“ нам путь, Они сделают за нас то, о чем мы можем только мечтать, но, возможно, будем не в состоянии осуществить.

С другой стороны, они вот уже, рядом — завербованы и полностью в нашем распоряжении. Они похожи на стаю волков, готовых к тому моменту, когда глава стаи почувствует запах крови. Мы разобьем их на группы и банды. Каждой из них будет руководить командир, поставленный нами. Мы пообещаем им добычу (спокойно, только часть добычи!), отдадим им женщин и детей, чтобы успокоить их страсти. А потом теми из них, кто выживет, мы займемся сами...»

Я наблюдал, как доктор Назим пристально смотрел на Шакир-бея сквозь стекла своих очков. Его лицо не выражало никаких чувств, ни малейших эмоций, но легкая дрожь нижней губы выдавала его. Я догадался, что эта идея и эта программа полностью совпадали с его мыслями.

Что до меня, то меня не оставляла мысль о том, как мне повезло с самого начала. Каждый раз я оказывался в самом нужном месте. Мои покровители по-прежнему помогали мне, и я был уверен, что этот путь приведет меня к власти и деньгам. Я стал представлять



себе, сколько это могло бы быть. Эти идеи вызывали у меня энтузиазм. Пришел момент для освобождения Турции от всех тех, кто усложнял ее ситуацию, кто только ждал, чтобы наброситься на нее и растерзать, как терзают свою добычу животные, поедающие падаль.

Благодаря таким людям, как доктор Назим или Шакир-бей, излагавшим свои блестящие мысли, а также другим, с кем мне посчастливилось познакомиться, удастся помешать такому развитию событий. Я поклялся себе, что моя рука никогда не дрогнет, чтобы реализовать священную миссию спасения нашей страны.

Я был уверен, что эти два человека читали мои мысли, потому что когда Шакир-бей закончил излагать свои мысли, взволнованный доктор Назим встал и обнял его. Потом он проделал то же самое со мной. Мы там же поклялись, что сделаем все, чтобы надуманное превратилось в реальность как можно раньше.

Таким образом, обстоятельства, судьба, а также — сейчас, много времени спустя, я это понял — слабость моего характера привели меня к тому, что я отдался делу, которое мне казалось не только благородным, но скажу больше — величественным. Это было самым важным для нас, и мы были готовы отдать за него наши жизни. Мы готовы были пойти на все без колебаний, так как были убеждены (а я больше других), что призваны стать во главе такого дела, за которое стоит умереть, если понадобится.

Так совпало, что при возвращении в Турцию я оказался попутчиком Шакир-бея. Именно он окончательно привлек меня к этому делу. Во время долгой поездки на поезде из Берлина до Вены, оттуда в Будапешт, Белград и Софию, а затем до Константинополя он непрерывно просвещал меня, раскрывая передо мной блестящее будущее, если я посвящу себя делу Комитета.

Я понял все значение нашей миссии, когда в Вене к нам в поезд вошел наш посол в этой столице Хусейн Хилми. Он ехал в специальном вагоне, расположенном между вагонами первого класса. Его сопровождал генерал Отто фон Лоссов, который недавно получил назначение на должность полномочного военного представителя Германии в Турции. Во время долгого путешествия Шакир-бей неоднократно вызывали в специальный вагон, и он держал меня в неведении, не посвящая меня в то, о чем там говорилось. Мне даже пришла в голову мысль, что он раскаивается, что так доверился мне. В конце концов многие представители моего поколения были бы готовы продать душу самому дьяволу, чтобы поменяться судьбой со мной.

И тогда обстоятельства обернулись ко мне своей положительной стороной. Где-то в районе Пловдива, в сердце Болгарии, Шакир-бей вернулся в купе после нескольких часов, проведенных в вагоне посла. Он был, как никогда, взволнован и расстроен. Закрыв купе, он пробормотал, что у нас проблемы. В Софии в наш поезд поднялись два армянских террориста. Секретные службы только что предупредили об этом начальника станции Пловдива. Они подозревали, что готовилось покушение на посла.

Шакир-бей очень пристально посмотрел на меня. Мне доверялось устранить эту угрозу. Вопрос был в том, чтобы выявить их и устранить. Я согласился. Я сделаю это с удовольствием. У меня промелькнула мысль, что это знак судьбы. Я мог получить благосклонность такого влиятельного человека, как Хилми.

Я поговорил с кондуктором. Это был один из наших людей. Я дал ему купюру в сто немецких марок, которые нашел у себя в кармане. Он должен был найти их и сказать, в каком купе они едут. Кондуктор успешно справился с заданием и через полчаса вернулся. Они ехали первым классом. Это были два молодых человека. Они казались обеспеченными людьми, но, несомненно, были армянами — это было видно за версту.

Стемнело. Я был вынужден отдать проводнику еще одну купюру за то, чтобы он уступил мне свой фирменный головной убор и куртку. В те времена я всегда носил при себе пистолет — подарок полковника Юсуфа. Пистолет был мне не по нутру, потому что у него была перламутровая рукоятка, которая обычно нравилась женоподобным праздным путешественникам. С другой стороны, это был неплохой пистолет — браунинг нового

калибра 7,65, не очень шумный и безотказный.

Проводник попросил меня долго не задерживаться и зашел в мое купе, чтобы дождаться моего возвращения. Этот бедный малый надеялся на хорошие чаевые.

Я стал обходить вагоны. Почему-то вспомнил о своих родителях. Наш экспресс состоял из тридцати вагонов, влекомых двумя огромными паровозами. Мы на полном ходу проскочили долину на юге Софии, и люди стали готовиться к пересечению новой границы.

Все произошло исключительно быстро. Я уже был готов к этому поступку и знал, что никаких колебаний быть не должно. Дойдя до нужного вагона, я обнаружил, что проход был пуст, что было вполне нормально для первого класса. Я почувствовал облегчение — мне не хотелось убивать кого-нибудь только из-за того, что он оказался бы случайным свидетелем.

Я решительно постучал косточками пальцев по двери, которую мне описал кондуктор. Постучал еще раз и стал ждать. Кто-то ответил мне изнутри. У него был легкий французским акцент, и это вызвало у меня первые сомнения. Я равнодушно сказал что-то о билетах. Обычная проверка. Это было вполне нормально в те дни.

Человек, открывший мне дверь, был армянином. У него был широкий лоб, черные глаза, обрамленные легкими темными кругами, черные волнистые волосы были аккуратно причесаны. Вне всяких сомнений, это был армянин.

Я улыбнулся ему. На руке у меня был плащ, под которым я держал готовый к выстрелу пистолет. Я спросил, не его ли этот плащ, оставленный кем-то в вагоне-ресторане.

Он не ответил на улыбку. Он лишь на несколько сантиметров приоткрыл дверь. С моего угла я не видел его приятеля. Я вновь как бы виновато улыбнулся, поднял пистолет на уровень его груди и выстрелил. Плащ приглушил звук выстрела. Человек отступил назад с видом удивленного человека. Я резко открыл дверь, сломав защитную цепочку. Тот, кто был в купе, лежал на нижней полке. Видимо, в поисках оружия, он запустил руку в карман жакета, висевшего на вешалке.

Я не дал ему такой возможности и снова выстрелил. На этот раз в голову. У него не было времени даже вздохнуть.

Я закрыл дверь изнутри, взял портфель с бумагами, поискал личные документы в их карманах. Потом спокойно вышел. Немец лет пятидесяти спросил меня, что происходит. Я ему дружески улыбнулся. Ничего. Все хорошо. Он посмотрел на меня с недоверием. Я шел к своему купе, и в этот момент поезд вошел в долгий туннель.

Когда наш экспресс остановился на станции Сиркеси, мне и в голову не пришло пойти выяснять, что там произошло. Шакир-бей быстро шел по перрону, крепко сжимая портфель с документами, который я ему передал. Он поздравил меня с этой операцией. Он и не предполагал, что могло быть по-другому.

Что касается меня, то я только подтвердил свою репутацию.

Он был доволен тем, как все это произошло. Я был уверен, что с этого момента у меня все пойдет как по маслу.

\* \* \*

Я поднял глаза от документа и заметил, что у меня дрожат руки. Чтение этого документа произвело на меня большое впечатление.

Впервые в моей жизни я мог напрямую слышать голос моего отца.

Моя мать отказывалась разговаривать со мной об отце, несмотря на то, что я часто просил ее. Я пожалел, что раньше не обратился к этому документу, и поклялся, что с сегодняшнего дня сделаю все, чтобы узнать, что именно произошло в те годы.

Мне стало стыдно не столько от того, что во мне текла его кровь, сколько от сознания, что мое происхождение было отмечено мраком и отсутствием каких-либо эмоций.

У каждого человека была своя семейная история, унаследованные привычки и обычаи. У меня их не было. Этот человек зачал меня не потому, что хотел иметь сына. Просто ему нужно было изничтожить мою мать, изнасиловав ее. Я никогда не смогу простить его, но мне

надо было знать, почему все-таки дело дошло до такого ужаса.

\* \* \*

Меня не оставляло желание узнать, почему именно Кемаль Хамид не смог продолжить свой рассказ. Я всерьез задумался, на чем именно основывалась его особая этика. Я не узнавал себя в этом человеке. Мы принадлежали разным мирам, и ничего общего между ними не было.

\* \* \*

Я попросил сделать копию этого документа. Директор сказал, что проблем с этим не будет и что мне пришлют ее через несколько Дней. Ни он, ни мой друг Джеймс Хамилтон не имели ни малейшего представления о моих родственных связях с Османом и Кемалем Хамидами. Тогда я держал это в тайне. Причина была в том, что я стеснялся того, что имею отношение к этим существам.

У меня еще долго потели руки от волнения. Чтение этих документов вызвало у меня ощущение, что они продолжают быть рядом со мной.

Мы вышли из архива Форин Офиса и попали под сплошную завесу воды. Джеймс не захотел, чтобы я вернулся в гостиницу и отвез меня к себе домой на Бонд Стрит.

Я разговорился с ним о геноциде. Многие из его участников во времена нацизма вновь применяли свои методы, свою философию и свою невероятную жестокость по отношению к людям. Что-то связывало эти два ужасных этапа в истории, и я начинал догадываться, что именно.

\* \* \*

В ту ночь я не смог заснуть. Этот человек пытался оправдать те преступления, которые совершили он и такие, как он. Самое ужасное, что он не раскаивался, а холодно рассказывал об этом. Я вздрагивал в кровати от ужаса, а плотные потоки воды заливали Лондон. Я думал о том, как несколько таких уродов, как он, ломали сотни тысяч человеческих жизней. Причем без всякого смысла — они даже не могли понять значение таких слов, как свобода, справедливость и права человека. Они считали, что все им сойдет с рук и никто не призовет их к ответу за их кошмарные преступления. Я подумал, что они никогда не слышали о таком понятии, как суд истории.

### 3

## Алик Нахудян

Вернувшись в Стамбул, я понял, что взялся за очень тяжелый труд. От всей моей работы оставался лишь пустой след. Не было даже могил, к которым можно было бы пойти, чтобы выразить уважение к тем, кто там покоится. Только книги стояли длинными рядами на полках до самого потолка. Все они были в беспорядке, на арабском, турецком, французском, английском, армянском, русском, немецком языках... Хорошо еще, что, когда я был мальчишкой, моя мама позаботилась о том, чтобы я изучил языки. Единственно, что меня привлекало с самого детства, так это открывать коробки и рыться в старых бумагах, многие из которых были покрыты плесенью и почти рассыпались. В последнее время они предстали передо мной в новом свете. Мой опыт работы в архивах Форин Офис подсказывал мне, что, если захотеть, можно найти новые документы и даже новых свидетелей.

Слабая надежда на успех в этом деле заставила меня действовать. Я хотел узнать, кто же были «они». Что их объединяло со мной и что их связывало между собой. Как они

ответили за те ужасы, которыми был полон геноцид?

Я с жаром принялся за новые поиски, уверенный в том, что меня ждут новые открытия, что я смогу восстановить историю моей семьи, узнать то, что до сих пор обстоятельства скрывали от меня.

Предстоял невероятный, сверхчеловеческий труд. Особенно для человека, который — как я — потратил впустую большую часть своей жизни на дела, казавшиеся мне теперь нелепыми и бессмысленными.

Я вдруг почувствовал потребность узнать больше — увидеть не только причины, но и сам процесс возникновения геноцида. Понять, чем руководствовались одни и другие.

У меня было странное ощущение, что я нахожусь в центре конфликта, который еще не закончился. Внутри долгого исторического периода, когда палачи еще не раскаялись в своих преступлениях, а жертвы геноцида и те, кто выжил, не простили их или, по крайней мере, не почувствовали, что мир, который до сих пор не признавал их жертв, наконец признал эти жертвы.

Я постарался привести в порядок свои заметки и начал работу по упорядочению книг, которые могли быть связаны, пусть и отдаленно, с историческим периодом, завершившимся геноцидом. Правда, я чувствовал себя разбитым, неспособным привести в порядок свои мысли, достичь такого состояния, при котором я мог бы со всей отдачей приступить к работе.

Но наступил день, когда моя мать уже доживала свои последние дни, и кто-то постучал в дверь.

\* \* \*

Я увидел незнакомую женщину среднего роста, худощавую, на вид ей было лет шестьдесят, но в ней чувствовалась внутренняя энергия, которая не позволяла назвать ее старушкой.

И вдруг она заговорила низким грудным голосом:

«Меня зовут Алик Нахудян, я сестра Мари».

Когда я услышал эти слова, сказанные по-армянски, я почувствовал, что волосы на моем затылке зашевелились. Моя мать рассказывала, что Алик утонула вместе с остальными членами семьи. Больше о ней ничего не было слышно. Ее слова показались мне нелепостью.

Совершенно растерянный, я пригласил ее в дом. За моей мамой ухаживала медсестра, и врачи говорили, что сделать уже ничего нельзя. Она уже почти три недели находилась в коме после того, как пережила диабетический шок.

Я не знал, что делать и что говорить. Мне пришло в голову лишь проводить гостью до двери комнаты, где находилась моя мать. Алик вошла в комнату и подошла к кровати. Она старалась быть спокойной, но у нее ничего не получилось. Женщина вдруг растеряла все свое спокойствие и стала безутешно плакать. Я сразу понял, что это была сестра Мари — ее неожиданные рыдания напомнили мне мою мать.

Я вышел и позвал за собой медсестру. Алик слишком поздно пришла на это свидание со временем. Ей ничего другого не оставалось, как рыдать у постели своей сестры.

Она довольно долго пробыла в комнате матери, а когда вышла, увидела в зале, что я ждал ее. У нее были воспаленные, влажные и сверкающие глаза, но спокойствие вернулось к ней.

Она обратилась ко мне: «Ты кто?» Ее вопрос вернул меня к действительности. Я молча пригласил ее сесть. Потом я рассказал ей то, что я знал. Я — сын Мари Нахудян и... я засомневался, стоило ли говорить ей... Наконец, я произнес: «и Кемалья Хамида». В конце-концов она не знала, кто был Кемаль Хамид.

Было невероятно, но она знала. Когда она услышала это имя, она закусила губы, и я почувствовал нутром, что что-то болезненное связывало ее с ним.

«Стало быть, я твоя тетя, — тембр ее голоса чем-то напомнил мне мою мать. — Мы

опоздали, все опоздали, но это не значит, что мы не являемся близкими родственниками. И не важно, что мы не знали ничего друг о друге. Ты не знаком, конечно, и с твоим дядей Оганнесом. Я только недавно узнала о его судьбе. Я думала, что он умер так же, как и Мари. Всего лишь полгода назад он явился к нам в дом со своим сыном Дадхадом, твоим двоюродным братом. Он мне рассказал, кто он. Я поначалу не поверила. Но потом я вдруг подумала, что он был очень похож на моего брата, и мне захотелось узнать о нем все. Оганнес живет сейчас в Каире. Дадхад — в Париже. Когда Оганнес был в Париже, его теща, Анн де Вилье, — историк, специализирующийся по Турции, — сказала ему, что и я, возможно, живу в Париже. Действительно, я бываю в армянских клубах, разговариваю то с одним, то с другим, и однажды поговорила и с ней. Она вспомнила меня и сказала Дадхаду, что знакома с некоей Алик Нахудян. Он ответил ей, что это, вероятно, другой человек. Любое другое предположение было бы беспочвенным.

Но нет. Это была Вот так случайно, я узнала о моем брате Оганнесе. Твоего дядю Оганнеса Нахудяна, так же, как и твою мать я всегда считала умершими.

Когда я съездила в Каир, я почувствовала себя очень счастливой. И он, и я стали стариками, но, обняв его, я подумала, что в жизни никогда не следует выбрасывать белый флаг. Мы долго разговаривали, вспоминали, как мы жили до тех трагических дней. Благодаря родителям у нас было очень счастливое детство. Потом все пошло под откос.

Именно Оганнесу пришла мысль о том, что, если мы встретились мы сможем найти и Мари. Мы оба знали, что для такого предположения не было оснований. Это было невозможно, но, охваченные эйфорией встречи, мы поклялись приложить все наши силы и найти ее. По крайней мере, что-то узнать о ней.

То, что произошло той ночью, так впечатлило нас, что мы не разрешали себе думать о прошлом. Вспоминать прошлое — это только расстраиваться — представлять себе то, что могло бы произойти, но не произошло. Мы твердо решили забыть все, стать прагматиками, смотреть только вперед и без усталости работать. Зарабатывать даже ценой потери памяти. В конце концов, это была память о грустном.

Мы не осознавали, сколько мы теряли, приняв такую линию поведения. Мы теряли наши корни, наше видение мира. Все кануло в лету. Никто не хотел говорить о нас. Мы стали лишь страницей прошлого. И только. Даже сегодня турки не хотят признавать то, что произошло. Они не понимают, что они, сегодняшние турки, не виноваты. Также, как не виновна новая Германия. В чем они виновны так это в том, что они хранят молчание. Мир должен знать, что произошло в те годы, иначе когда-нибудь снова может произойти что-нибудь ужасное.

Другие руководители, лишённые надежд и возможности что-либо предпринять, под давлением обстоятельств и слепой ненависти к „другим“, могут, возможно, пойти на такое же преступление. Они будут разжигать неприязнь к невинному меньшинству. Они захотят прикрыть свою неспособность решать проблемы, будоража массы, вызывая у толпы низменные предрассудки и обращая ее энергию против слабых. Если они в чем виноваты, так именно в этом. В своем отвратительном замалчивании. В желании зарыть в землю историю. А вместе с ней и саму правду, Я приехала сюда благодаря совпадению многих случайностей, в результате поездок, контактов, слухов, подлинной и ложной информации. В наши дни ни в Турции, ни тем более в Стамбуле, нет большого числа армян. Действительно, кто из армян захочет жить здесь? Те события открыли трудно заживающие раны. Все мое мировоззрение рассыпалось в тот миг, когда я вновь увидела Оганнеса. У меня было впечатление, что время остановилось и что все стало возможным. Но я смогла лишь приехать сюда. Когда мне кто-то сказал, что знаком с некоей Мари Нахудян, я решила, что речь идет, вероятно, о другой. Иначе и быть не могло! Я всегда была уверена, мои братья и сестры погибли.

Но в тот самый момент, когда я снова увидела глаза Оганнеса, во мне вновь зажегся огонек надежды. Нет ничего невозможного!

Поэтому я приехала. Поэтому я здесь. Хотя, к моему разочарованию, слишком поздно».

\* \* \*

Алик смотрела на меня, и новая слеза прокатилась по ее щеке. «Ты не представляешь, кем была для нас Мари. Это трудно себе представить. Она была нам как бы второй матерью. Смелая, самоотверженная, ласковая, молодая. Это правда, что моя мать, твоя бабушка Азатуи, как-то странно оказывала ей особое предпочтение. Но ее щедрость, ласка были так велики, что мы никогда не ревновали ее.

Когда Мари пропала, я почувствовала себя так, как будто кто-то поразил меня в сердце. Я всегда жила с этим чувством. Через несколько месяцев волосы мои стали седыми, хотя я была еще почти девочкой».

Алик сделала большой вдох, словно собиралась с силами, чтобы продолжить рассказ.

«Сейчас я смогла вновь увидеть мою сестру Мари. И я вновь испытала ту же боль. И еще — радость от сознания, что она прожила жизнь, хотя ее и пытались отнять у нее.

И у нее есть ты. Сын Кемалья Хамида. Я скажу тебе что-то такое, что покажется тебе невероятным. Нечто странное, абсурдное, нелогичное. Зная Кемалья, зная, как его воспитал отец Осман Хамид, все было возможно. Осман создал монстра. Он сам был злодеем и мерзким типом. Но этого мало. Он создал еще Кемалья. Человека, который превзошел его по своему омерзительному поведению».

\* \* \*

Алик внимательно посмотрела мне в глаза, словно что-то хотела найти в них. Потом поднялась и прошла к балкону, выходящему на Босфор. Там, стоя ко мне спиной, сказала:

«Кемаль изнасиловал твою мать. Ты, стало быть, стал результатом этого насилия. Потом он встретил меня и вновь проделал то же. Я невольно была его наложницей в течение четырех лет. Я была очень молодой, когда меня забрали к нему. Мне едва исполнилось тогда пятнадцать лет. Я ненавидела его, но я солгала бы, если бы сказала, что в конце концов я не привыкла к нему. Пока его не убили в Берлине. Через несколько месяцев у меня родился Крикор. Я хотела полюбить этого ребенка, но не смогла. Ты очень похож на Мари. Но Крикор был точно такой, как его отец. Почти полная копия. Я старалась не думать об этом. Я надеялась, что при моей ласке, при утонченном воспитании можно было создать из него другого человека. Я пыталась. Но у меня почти ничего не получилось. Он был очень умным мальчиком. Настолько, что иногда мне становилось страшно. Он умел быть властным, агрессивным или язвительным. Одновременно он был хитрым и прекрасно мог скрывать негативные стороны своей личности. Люди говорили мне: „Ну и счастливая же ты! Крикор лучше всех. Ему ничего не надо повторять“. Один преподаватель однажды вызвал меня и с удивлением сказал, что у Крикора исключительные способности. Что-то особенное.

Тогда я не придала этому значения. Я не знала, какую роль он сыграет в моей жизни. Понемногу я стала понимать, что Крикор мог быть моим сыном, но одновременно он был чужой мне и я никогда не смогу привыкнуть к нему».

\* \* \*

«Вот как все было. Понемногу этот мальчик стал упрямым юношей. В возрасте пятнадцати лет он записался в „гитлерюгенд“. Я возражала, но он пренебрег моими советами. К тому времени он уже входил в какую-то специальную группу, я поспорила с ним, и он ушел из дома. Он без каких-либо трудностей смог устроиться в одну из резиденций, где формировали будущих лидеров. Он полностью использовал свой ум и свои способности, чтобы начать командовать. Крикор был именно тем типом человека, в котором нуждалась партия.

Я узнала, что он отказался от своего имени. Он стал называть себя Вольфом. Он не

хотел, чтобы его считали турком. Это унижало его.

Потом мне пришлось уехать из Германии. Уже шел 1939 год. Крикору было уже девятнадцать лет, он был совершеннолетним. И все-таки я зашла к нему.

Он встретил меня в резиденции в зале для гостей. Молодой человек, стоявший передо мной, не имел ничего общего со мной. Ничего. Он превратился в какого-то чужого человека. Он разговаривал со мной холодно и жестко. Он попытался оправдать себя тем, что существовали низшие расы и что высшей расой были арийцы. Я не смогла сдержаться и сказала, что ему забили голову глупостями».

Алик посмотрела на меня с выражением грусти и закусила нижнюю губу, словно пыталась сдержаться.

«Ты не знаешь, что произошло потом. Он вскочил на ноги и стал оскорблять меня, крича, что готов поклясться, что, если бы я не была его матерью, я бы узнала, что значит недооценивать Германию. Мне пришлось уйти сразу же, не дожидаясь, когда станет слишком поздно.

Я вышла вся в слезах. Я поняла, что навсегда потеряла сына. Эти ненавистные нацисты отняли у меня моего ребенка.

В этом я была не права. Не они подменили мне сына. Он был таким с самого начала. Может быть, они лишь усилили его негативные стороны. Кто знает, может быть, он был чист в глубине души...

Так Крикор навсегда ушел из моей жизни. Потом, годы спустя я почти случайно узнала, что он живет в Дамаске. Он скрывался там' потому что, вероятно, его считали военным преступником. Я попыталась встретиться с ним. Хотела узнать, изменился ли он. Но мне ни разу не удалось переговорить с ним. Не отвечал он и на мои письма. Искать связь с ним было бесполезно».

\* \* \*

«Как видишь, моя жизнь, начавшаяся как надежда, полная любви и ласки, стала горькой и тяжелой. Долгая и глубокая депрессия овладела мной. Я подумывала о смерти. Я решила, что ничего стоящего не оставалось в этой жизни.

Проходили годы. Прожито много лет, чтобы выдерживать их ВСЮ жизнь. Потом в один прекрасный день появился Дадхад, сын Оганнеса. Когда я наконец поняла, кто он, мое сердце застучало по-другому. И много раз мечтала, что мои братья не пропали в ту ночь. Но, проснувшись, понимала, что надежда на то, что они живы, не более реальна, чем тот сон, что я только что видела. Поэтому, когда, наконец, поняла, что этот невероятный сон стал реальностью, я страшно обрадовалась, словно наша исчезнувшая семья смогла повернуть время вспять. Ты не можешь понять меня. Просто дело было в том, что это чувство заставило меня преодолеть то состояние, при котором мне все было абсолютно безразлично.

У меня не было никого, и вдруг я нашла Дадхада. Он вежливый, добрый и способный человек. Я знала, что я уже не одна. Что жив Оганнес, что он женат на армянке Норе Азатян. Смысл жизни восстановился.

Поэтому я здесь. Я знаю, что на свете есть люди, ради которых стоит жить. И Мари одна из них. Я уверена, что ты похож на нее. Ты не такой, как Крикор. Ты всегда был рядом с ней. Ты всегда заботился о ней до самого конца...»

\* \* \*

Алик открыла передо мной свое сердце. Кемаль Хамид разбил ее жизнь так же, как он разбил жизнь моей матери. Правда, я подумал, что настоящим виновником был его отец Осман Хамид.

Этот человек не простил Азатуи Назарян ее бегства вместе с моей матерью Мари и постоянно пытался мстить за это. Ему удалось напасть на след Азатуи, и он задумал

невероятную месть. Он отдал Мари своему сыну Кемалю и, когда она сбежала, он сотворил то же с Алик. Но время прошло и, как всегда, расставило все по своим местам.

Алик совершила долгое паломничество. Оно заняло почти пятьдесят лет, но она встретила своих брата и сестру. Она добилась своего.

\* \* \*

Начиная разговор, Алик едва упомянула о нем. Уже было поздно. В ту же ночь состояние моей матери ухудшилось. Но, похоже, что-то изменилось в ней, как будто она вышла из комы и впала в Длительную агонию. Ввиду этого мы решили провести ночь у ее изголовья. Мы знали, что ее жизнь висит на волоске, и мы хотели быть рядом.

И случилось нечто невероятное: в какой-то момент лицо моей матери, борющейся за жизнь, просветлело, тело расслабилось и, казалось, она что-то шепчет.

Алик и я в тревоге склонились над ее кроватью, уверенные в том, что наступает последний момент, потому что дыхание ее вновь стало настолько слабым, что едва ощущалось.

Вдруг Мари Нахудян открыла глаза, как будто ища кого-то, потом впилась взглядом в лицо своей сестры, которую не видела сорок пять лет. Она хотела что-то сказать, я склонился над ней и сквозь предсмертный хрип смог только разобрать «Алик, Алик...» Потом она закрыла глаза и ее губы сложились в улыбку. Я видел, что моя мать умерла, но почувствовал, что, но крайней мере, в последний миг она поняла, что Алик вернулась.

\* \* \*

Так, Алик Нахудян вошла в мою жизнь. Она приходилась мне тетей, но я не мог называть ее так. Ее появление перевертало мою жизнь, тем более что оно совпало со смертью моей матери. (Создавалось ощущение, что Мари чувствовала, что Алик вернется в один прекрасный день и что она ждала этого всю свою жизнь, уверенная в том, что вновь увидит ее. Но она не хотела говорить об этом вслух, словно это был огромный секрет, который помог ей вынести все тяготы жизни.

По возвращении домой с кладбища, мы зашли в нашу домашнюю библиотеку. Любопытно, что Алик села в любимое кресло моей матери, а я устроился напротив нее. Я знал, что она будет говорить о тех днях, когда все это случилось, и я жаждал услышать ее рассказ. Я ждал его всю мою жизнь, хотя и не понимал, что именно произошло, ведь моя мать не хотела об этом ни говорить, ни даже думать и вспоминать, ведь все это было для нее пыткой.

Зимнее солнце проникало через большой витраж. Несмотря на отопление, в комнате было холодно, и пол, покрытый старинными коврами, немного смягчал прохладу. Глаза Алик, еще влажные от перенесенных эмоций, сохранили свой блеск. Эти глаза видели очень много, но им удалось сохранить свою красоту.

Наконец этот момент наступил. Я нервничал и сидел как будто на углях, но старался не показать этого. Я чувствовал, что сейчас Алик приоткроет тяжелый занавес, покрывавший историю моей семьи.

Надежда услышать такой рассказ означала для меня исполнение самого важного наказа, оставленного мне моей матерью.

Предчувствуя важность предстоящего разговора, я включил магнитофон.

Ее ласковый, несколько усталый от бессонной ночи голос напомнил мне, как много лет назад моя мать и я находились в той же комнате и я думал, что она вот-вот расскажет мне правду.

Далее следует рассказ Алик, почти дословно записанный на мой магнитофон.

\* \* \*



Я расскажу тебе о зиме 1915 года. Сколько времени прошло! Сколько времени! И тем не менее я вижу все так, словно это случилось вчера. До того дня моя мать Азатуи Назарян была как никто заботливой, она ухаживала за мной, ласкала и утешала меня, если что-нибудь у меня болело. И вдруг она представилась мне в другом свете. Она мне объяснила, что таков закон жизни и крепко обняла меня. Моя мама раньше была замужем, и от этого брака родилась Мари, моя старшая сестра.

Но муж умер рано, еще до рождения дочери.

Это была неприятная ситуация для такой молодой женщины, но ей повезло — мой отец влюбился в нее, для него не имело значения, беременна ли она, или была вдовой. Как бы там ни было, но ни ей, ни ему не нравилось говорить на эту тему. Я несколько раз спрашивала маму, мне было любопытно узнать, кто был отцом Мари, но она только меняла тему разговора.

Я тогда понял, что Алик ничего не знала об Османе Хамиде — отце моего отца. Мне не хотелось прерывать ее. Я подумал, что спрошу ее об этом позже.

Мари была моей сестрой в полном смысле этого слова, а для моего отца (он ей приходился отчимом) она была любимой дочерью.

Мари была славной, ласковой девушкой. Немногословная, щедрая и добрая. Годы, которые мы провели вместе, я вспоминаю как самые лучшие в моей жизни.

Что касается моего отца, — его звали Богос Нахудян, — то он редко появлялся дома. Он вечно был в плавании — между Трапезундом и Константинополем, по Черному морю, иногда по Средиземному, продавал и покупал — в этом была его работа. Когда он возвращался домой, он был со мной приветлив и щедр, тем не менее он был не в состоянии сломать лед и показать всю свою нежность. В глубине души он стеснялся того, что под его суровой маской скрывалось нечто трогательное и нежное. Но я-то хорошо знала, что он был именно таким, несмотря на всю свою серьезность и внешнюю холодность.

Помню, был конец весны 1915 года. В прошедшую зиму положение в нашем доме несколько осложнилось. Несколько кораблей пропало в море, и мама боялась, что папа может вообще не вернуться, как бывало в других семьях в Трапезунде, когда их мужчины пропадали и о них ничего не было известно.

Кроме того, мы все, даже дети, знали, что дела в стране шли неважно. Моя мать посмеивалась надо мной, говоря, что скоро уже ей придется перешивать для себя мою использованную одежду. Мари, которой исполнилось почти двадцать лет, уже смотрела на меня сверху вниз. Моему брату Оганнесу исполнилось почти восемнадцать лет, и он стал совсем мужчиной. Он сильно раздражал меня своим снисходительным отношением, что казалось мне глупым и высокомерным.

Однажды в штормовую ночь пароход моего отца «Эль-Сирга» пришел в порт. Как только он показался в створе бухты, мы, несмотря на холод и дождь, побежали навстречу ему. Моя мама очень нервничала, словно предчувствовала что-то странное и неприятное. Но нет. Отец спустился по трапу, неся на плече белый мешок, как всегда полный сладостей, кофе, какао и прочего добра. Он по-прежнему пребывал в уверенности, что мы все еще дети — с каждого плавания он всегда привозил нам одно и то же и, по правде говоря, это нам нравилось.

Моя мать обняла его у трапа и разрыдалась от накопившихся бессонных ночей и недобрых предчувствий. Мой отец терпеливо утешал ее, глядя на нас поверх ее плеча. Он не понимал толком, что там происходило.

Потом мы все вернулись под дождем домой. Оганнес нес мешок и чемодан отца. Мои родители шли в обнимку, а моя мама всхлипывала. Что-то неладное случилось, и мы с Мари с тяжелым сердцем шли за ними. Мы боялись, что грусть, как невидимый призрак, проникнет в наш дом и овладеет им, но утешались лишь тем, что мамино отчаяние

основывалось только на ее собственном страхе, ее многочасовых переживаниях и опасениях, что отец пропал в море.

Я вдруг подумала, что мамины переживания были вызваны также письмом, полученным Оганнесом несколько дней тому назад. В письме его предупреждали, что ему следовало записаться в армию. Сначала Оганнесу понравилась эта идея — письмо подтверждало, что его уже признавали мужчиной, но затем под влиянием матери он изменил свое мнение. Моя мать, едва прочитав письмо, сильно побледнела, словно ее охватило тяжелое предчувствие.

Стало ясно, что в последнее время положение армян стало ненадежным. Я подслушала разговор родителей между собой, они говорили, что надежды отца на новую политику младотурков быстро испарились.

Однако моя мать понимала ситуацию намного глубже. Я только позже поняла причину ее тревоги. Ведь в 1895 году, как раз когда родилась Мари, она потеряла двух своих почти взрослых братьев. Она проклинала душу Красного султана, и когда в 1909 году его сменило новое правительство Резата Мехмета, моя мать устроила по этому случаю праздник, хотя своим турецким соседям она говорила, что отмечается мой день рождения.

Насквозь промокшие, мы пришли домой, и мои родители молча ушли к себе в спальню. Мне было очень грустно, и слезы наворачивались на глаза, ведь я очень редко видела мою маму в таком состоянии.

Через некоторое время они вышли. Мой отец был больше обычного серьезен и молчалив. В прошлые его приезды мы устраивали специальный ужин, завершавшийся веселой раздачей сладостей и других подарков.

В тот вечер впервые за последние несколько месяцев я подумала, что стать взрослой бывает совсем не в радость. Мне захотелось остаться ребенком — жить без всякой ответственности и огорчений. Я не хотела видеть слезы моей матери, тоски моего отца и расстроенных чувств моего брата, который не хотел препираться со мной, словно я давно вышла из детского возраста.

Мой отец не хотел, чтобы мы знали, что именно происходит. И даже чтобы Оганнес не знал ничего. Но это было уже невозможно, — действительность стучала нам в дверь.

У отца был дальний родственник в Константинополе — Вардгес Серенгулян. Каждый раз, когда отец бывал в столице, — а по делам ему приходилось ездить туда довольно часто, — он заходил к нему в гости и приносил какой-нибудь подарок — несколько бутылок лучшего вина, маленький ковер или еще что-нибудь. В эту последнюю поездку, Серенгулян показался ему пессимистом. Все осложнилось. Правительство младотурок повернулось ко всем своей худшей стороной. Триумвират, руководивший страной — Знвер, Талаат и Джемаль, — готовил что-то ужасное и злое против армян. Ситуация оказалась настолько плоха, что мой отец принял решение сразу после возвращения в свой порт бежать со всей семьей за границу.

Как-то он сказал моей матери, не зная, что я слышу, что слова Серенгуляна сняли пелену с его глаз и позволили увидеть действительность такой, какая она есть. И добавил, что его вдруг охватил страх перед тем, что может произойти.

Моя мать, однако, отказывалась уезжать. Она сказала, что в нашем районе ничего дурного не произойдет. У нас было много турецких друзей, которые очень хорошо к нам относились. Они всегда были добры и приветливы с нами. В конце-концов мы были родом из этих краев и переживали те же трудности, что и наши соседи. Она говорила снова и снова, что с нами ничего не может случиться.

Она понимала, что должна быть сильной и бороться против своей собственной меланхолии. Но мой отец был жутко упрямый человек. Появились признаки того, что дела в стране идут очень плохо и что гнев и бессилие правительства могут быть обращены против самого слабого и доступного врага. Кроме того, мой отец очень боялся главы Трапезунда Джемала Азми. Это был бессовестный человек, известный своей жестокостью и способностью пойти на все ради денег.

Эта пасмурная картина привела к тому, что через несколько дней мой отец принял решение. Мы убежим в Одессу на корабле. Там жил дядя Мурадян, у него были достаточно прочные финансовые позиции, которых он достиг, экспортируя ковры членам царского двора. Он, конечно, предоставит нам кров. Тигран Мурадян убедил многих своих родственников уехать из Турции. Он, вероятно, доказывал, что туркам верить нельзя, несмотря на то, что самое страшное чудовище оставило свой пост. Как и многие армяне, говорившие на эту тему вполголоса и только между собой, Мурадян имел в виду султана Абдул-Гамида Второго, Красного султана.

Речь не шла о том, чтобы продать наш дом или окружавший его маленький сад, где моя мать выращивала розы, ни даже нашу мебель. Все должно быть, как всегда, а как только буря пройдет, мы вернемся обратно.

Оганнес, разумеется, тоже вернется со всеми. И не важно, что его назовут дезертиром. Моя мать не выдержала бы, если бы он один остался в Турции, пусть даже и в казарме. В любом случае мы решили бежать, самое плохое, что могло бы с нами случиться, это остаться на несколько лет в Одессе с дядей Мурадяном. Как говорят, судьба армян хранится внутри одного чемодана.

Те дни мы провели в тоске и нервозности. Мой отец не хотел, чтобы о наших планах стало известно кому бы то ни было. Слишком многое было поставлено на карту, и нам нужно было, чтобы никто не догадался о наших намерениях. Разумеется, никто пока не препятствовал нашему отъезду, но тот глубокий ужас, который внушал нам вали<sup>5</sup> и его тайная полиция, заставляли нас быть благоразумными.

И все-таки мама не смогла сохранить тайну, или, возможно, не хотела этого делать. Она рассказала все своим золовкам, Асмик и Лусин. Она передала слова Серенгуляна и сообщила, что эти заявления произвели большое впечатление на ее мужа.

Вскоре наш отъезд перестал быть тайной, и в один из вечеров к нам пришли дядя Атом и старый друг нашей семьи Лядуяд Дадрян, которого мы тоже называли дядей и всегда приветствовали его поцелуями в обе щеки, как если бы он принадлежал к нашему семейному клану.

Мой отец принял их с вымученной улыбкой, стараясь делать хорошую мину при плохой игре. У него были определенные приемы, выработанные им в его работе, но он был неспособен скрыть свои чувства. Дядя Атом — муж Асмик — был весьма уважаемым человеком благодаря своему интеллекту и невероятной памяти, и его было трудно обвести вокруг пальца.

С другой стороны, оба они полностью доверяли моему отцу и хотели узнать непосредственно от него, что именно у нас происходит. Они подумывали даже отговорить моего отца от этого безумия. Как это убежать из собственного дома? Где еще мы можем быть в большей безопасности, если не в нашем родном городе, в окружении родственников и друзей?

Мой отец пригласил их к себе в кабинет. Там можно было спокойно поговорить и никто не мог их прервать.

Кабинет моего отца представлял собой огромную залу, занимавшую собой большую часть нижнего этажа. Там складировался товар, предназначенный для продажи в Константинополе, в Афинах, в Измире и даже в других, более далеких местах. Там стояли ящики, пакеты разных размеров, ковры, книги, другие предметы, которые он покупал или продавал. Все накапливалось в этом помещении, ожидая своего часа.

Я не могла устоять перед искушением, мне захотелось узнать, о чем будут говорить взрослые. Я вошла раньше их в кабинет и притаилась там, спрятавшись за одним из самых отдаленных от стола ящиков.

---

<sup>5</sup> Глава исполнительной власти.

Все трое вошли почти сразу за мной. Дядя Атом тяжело шаркал по полу из-за своего хронического ревматизма. Дадхад Дадриан, как всегда, проявлял большой интерес ко всем тем богатствам, которые хранились в помещении. Последним вошел мой отец и повернул ключ в замке, чтобы никто не мог узнать содержания их встречи.

Потом они довольно долго молчали. Папа, наверное, обдумывал, как объяснить им свое решение, а они не решались прерывать его мысли.

«Вы знаете, что в феврале я плавал в Константинополь, — голос моего отца звучал глухо, но отчетливо, — у меня было много товара и мало наличности. Я не мог больше откладывать свой отъезд, хотя в последние месяцы моя жена не очень хорошо себя чувствовала и я не решался оставить ее одну с детьми. Но однажды она сама подтолкнула меня: „Ты должен ехать. Больше нельзя оставлять это на потом. Нам нужны деньги...“ Я подумал, что она права и что жизнь не стоит на месте.

С другой стороны, мне действительно было совершенно необходимо ехать. В Константинополе у меня истекали сроки векселей, представьте себе... Есть вещи, которые не могут ждать. Времени на размышления не оставалось, и мой корабль должен был быть готов к отплытию через неделю. Я погрузил на него товар и отплыл.

Я знал, что это плавание не будет легким. Черное море было напичкано военными кораблями. Некоторые из них были вражескими. До меня доходили сведения о захватах судов в море. А если бы это коснулось меня? Если бы я потерял „Эль-Сиргу“, это был бы конец.

Поверьте, для меня было не важно потерять собственную жизнь. А семья? Что станет с ней? Это меня пугало.

В одну из ночей я простился с семьей. Дождь лил ручьем, и я не разрешил им провожать меня до пристани, как в прошлые разы. На душе у меня было тяжело. Из порта мы вышли в полной тишине, — команде передалось мое настроение. Свет маяка вскоре пропал из виду, и мы оказались в абсолютной темноте. Впервые в моей жизни я понял, почему это море называли Черным.

Несмотря на дурные предчувствия, мы без проблем добрались до Константинополя, и это приободрило меня. В хорошем расположении духа я спустился на пристань, будучи уверенным, что все будет хорошо, — я проведу выгодные сделки и вернусь домой без осложнений. Но эти ожидания оказались напрасными. И глаза мне открыл Вардгес Серенгулян.

Вы знаете, что он мой двоюродный племянник. Он всегда выделял меня и нежно относился ко мне. Это началось с тех пор, как мы познакомились поближе, — мы были детьми, когда родители направили его сюда, в Трапезунд, чтобы он подлечился на пляжах Трапезунда от какой-то легочной болезни. Мы оба жили в старом городе, а его дом стоял недалеко от дворца Комнина. В те дни мы много играли друг с другом, и это навсегда осталось у нас в памяти. Так, в течение многих лет мы поддерживали доверительные отношения, и я каждый раз вижусь с ним, когда бываю в Константинополе.

Я заехал в его дом в армянском квартале. Его слуга сообщил мне, что Варткес находится в парламенте, где идет чрезвычайная сессия. Я знал, где его можно найти, потому что когда все депутаты парламента выходили, армянские парламентарии шли в кафе Джамбазян. И правда, Вардгес Серенгулян оказался там. С ним были три других парламентария — армяне Врамьян, доктор Пашаян и Крикор Зохраб. Последнего я встречал раньше и считал его неразлучным другом Серенгуляна. Вместе с ними были также писатель Даниэль Варуджан и поэт Рубен Зартарян.

Когда я увидел, что никто из них не улыбается и все они бросают на меня таинственные взгляды, словно им стала известна какая-то тайна, я понял, что случилось что-то дурное».

Мой отец надолго замолчал. Дядя Атом и Дадхад не решались прерывать его,

уверенные в том, что им сейчас сообщат что-то тревожное и неожиданное. С другой стороны, мой отец слыл прагматичным человеком, привыкшим сразу переходить к делу. Пауза в рассказе, похоже, не встревожила их, как раз наоборот. Папа глубоко вздохнул и продолжал:

«Все они находились в помещении, принадлежавшем хозяину кафе Асатуру Джамбазяну и предназначенном для дружеских бесед. Это было специальное место, где беседовали писатели и политики. Они знали, что там можно было разговаривать спокойно и что агенты правительства их не смогут отследить. Сегодня в Константинополе это звучит почти как фантастика.

В тот момент как раз говорил Серенгулян. Вы знаете его ораторский талант, благодаря которому он стал знаменит на всю Турцию. Его большие усы непрерывно двигались, а выразительные глаза поочередно останавливались то на одном, то на другом лице, как будто пытались передать его глубокое беспокойство.

Мне не надо делать больших усилий, чтобы вспомнить его слова, они взволновали меня, и я повторю их вам так, как сам услышал.

Мои товарищи и друзья. Никогда еще наш народ не находился так близко от катастрофы. Двадцать лет тому назад тысячи и тысячи армян были зверски убиты тираном Абдул-Гамидом. Собственность, имущество армян, их семьи — все было уничтожено и разбито этим подонком, который ненавидел нас больше, чем кого бы то ни было на свете. Его единственная цель состояла в том, чтобы уничтожить нас, и, если бы не народы, которые стали нашими историческими покровителями, он добился бы этого. Франция, Англия и Россия пригрозили ему прямым вторжением. А он знал, что это означало бы полное уничтожение Турции.

Вы хорошо помните, что Абдул-Гамид потерял за время своего пребывания у власти кавказские провинции, Болгарию, остатки турецкой империи в Монтенегро, в Румынии и Боснии-Герцоговине. Кроме того, Сербию. Даже Греция пыталась дать ему пощечину. Что произошло бы с его собственной страной? Здесь живем мы — армяне, курды, большая греческая диаспора, евреи, сирийцы, черкесы...

Тиран знал, что грубая сила находится на его стороне. Но справедливость, истина и этика далеко нет. Именно эта, и никакая другая причина питала его ненависть к меньшинствам, и в первую очередь к тем из них, кто, как мы, армяне, не склоняли перед ним головы.

Мы всегда были настоящими хозяевами земли, на которой жили. Христианский островок в бурном море мусульман, которые появились тогда, когда мы уже веками мирно обживали наши долины и горы.

Вы знаете, что то, что я говорю, это не демагогия. Многие турки смотрят на нас с ревностью и завистью, потому что благодаря нашему неустанному труду, нашему порядку и способности предвидеть мы научились жить в достатке и правильно воспитывать наших детей.

Наши исторические провинции: Тарон, Тайк, Арарат, Лори, Гугарк, Сюник, Васпуракан, в течение многих веков были нашей родиной. Пока не пришли турки. С ними начались набеги, непомерные и неоправданные налоги, жестокие рейды против армян.

Потом несколько веков мы жили как на острие ножа между византийцами и турками. Вечно в борьбе и преследованиях. Турки и иранцы сжимали нас в жестоких тисках.

С незапамятных времен мы были лучшими архитекторами, врачами, художниками при дворах султанов и визирей. Мы были промышленниками, которые смогли развить страну. Нет необходимости напоминать вам такие фамилии, как Бальян, Дузьян, Беэджян и многие другие. Кто как не мы создали банковское дело в Турции? Кто самые лучшие бизнесмены? Кто самые успешные коммерсанты? Это мы, армяне. Никто, даже наши самые заклятые враги, не могут отрицать эти очевидные факты.

И в этом корень всех вопросов. Кто-то определил человека как завистливое животное. Зависть — это мать ненависти и родственница насилия. Сейчас змея вынашивает свое зло.

Нам нужно только оглянуться назад, вспомнить историю и понять, что делали люди в подобных случаях.

Сегодня здесь мы не можем назвать нашу страну родиной, потому что слово „родина“ близко к слову „родители“, а это означает любовь, понимание и доброту. Мы же время от времени имеем примеры того, что именно турки думают о нас. Мы для них практически ничто, неверные без души, хуже животных, обреченных на убой».

Мой отец замолк на мгновение. Я хорошо помню, что волнение мешало ему говорить. Он извинился, сказал, что никогда еще не видел своего родственника настолько взволнованным. Но он явно хотел продолжить свой рассказ, излагая речь Вардгеса Серенгуляна.

«Братья. Один турок, оказавшийся в силу обстоятельств в Комитете, и чье имя я не могу назвать, мыслящий как европеец и не разделяющий мнения своих товарищей, предупредил меня, что этот Комитет за единение и прогресс на своем последнем тайном совещании под председательством Талаат-паши в Президентском дворце принял резолюцию по армянам.

Да, братья мои, речь уже не идет о набегах, отдельных убийствах, грабежах или о чем-нибудь подобном. Сейчас речь совсем о другом. Как заявил Талаат, наступил день, когда мы должны ответить за все, потому что мы для них не более чем пыль, уносимая ветром истории».

Серенгулян остановился и, повторяю, я никогда еще не видел его в таком волнении. Он потел всеми порами своего тела, но был так бледен и изможден, что я боялся, что с ним случится удар. Как вы знаете, это сильный и мужественный человек, но из-за сильного волнения он выглядел подавленным. Его речь не была выступлением политика. Перед нами стоял морально разбитый человек, старавшийся предупредить своих близких, что мир, в котором они живут, подходит к своему концу. Но позвольте мне закончить рассказ о его выступлении. Я предпочитаю повторить его слова, запавшие в мою душу и сердце, чем предлагать мое бледное изложение его энергичного выступления.

«Братья, — продолжал Серенгулян, — этот турок предупредил меня как человек, не желающий быть соучастником геноцида. Я уверен, что история спасет его, если то, о чем там говорилось, к сожалению, случится.

Несколько дней назад там, в одном из залов дворца Талаата, собрались министр обороны Энвер, Большой визирь Саид Халим, который, как вы знаете, не любит светиться нигде, и министр военно-морского флота Джемаль-паша, никогда не поднимавшийся на борт ни одного военного корабля, но зато большой любитель цеплять себе на грудь немецкие награды.

Там находились также доктор Сулейман Нуман, всегда ненавидевший армян, Ахмед-паша — отец Энвера, воспитавший своего сына в ненависти к нашему народу, Хусейн Джахид — один из основателей этого Комитета, и Меджид — мерзкий зять султана, находящийся на побегушках у своего босса, друг Талаата и Энвера. Был там и другой зять султана — Селахеддин, этот подлый предатель, женившийся по расчету и не имеющий друзей.

На этом шабаше не обошлось и без Митхада Шукри — нового генерального секретаря Комитета. Был там также и ответственный за снабжение армии Исмаил Хакир. Ведь не забывайте, что эта операция прежде всего — война. Это беспощадное, не на жизнь, а на смерть сражение мощной армии против безоружных армян, против армянских стариков, женщин и детей. Да, особенно против детей. Потому что в них — будущее нашей нации, и они — главная опасность.

В совещании принимал участие также губернатор Змюрния Рахми и посол в Вене Хусейн Хильми. Последний должен был разработать правдоподобную версию для остального мира, чтобы о Турции не подумали как о виновнице самого страшного в мире

преступления.

Я оставил на самый конец рассказ о том, кто был мозгом этой операции. Человек... Нет, не так... Это не человек, это — ненасытный волк. Вы уже знаете, о ком я говорю. О докторе Назиме. Он один из основателей Комитета. Один из руководителей „Иттихада“. Это безумный националист, возомнившим, что через кровь он получит родину, о которой мечтает. Родину, очищенную от тех, кто не такой, как он, и кто думает иначе чем он. Это человек жестких и предвзятых идей. Он много раз говорил, что турки должны изгнать всех тех, кто не принадлежит к этой нации. А турками являются, по его мнению, только те, кто происходит от туркменов. Это турки, образовавшие в конце Средних веков незначительное княжество во главе с Османом, владевшим лишь византийской провинцией Битиния.

Они пришли оттуда. Воспользовались слабостью Византии, которая, в конце концов, пришла в полный упадок. Она оставила богатейшие земли, которые стремились захватить эти кочевые племена.

Назим продолжает верить во все это. Он возомнил себя посланцем судьбы, чтобы повернуть все к Османской империи. А себя он представляет новым Османом. Но он всего лишь лживый пророк. Человек из тени. Растленный доктринер. Я знаю, что он о себе думает. Мне знакомы его речи. Он говорит о необходимости, и даже о полезности уничтожения нас».

Серенгулян глубоко вздохнул, словно ему стоило больших усилий говорить.

«Так вот, эти люди решили превратиться в демонов-истребителей нашего народа. Они наполнили свои души желчью зависти и насилия. Она сначала холодна, как лед, на горе Арарат, а потом, когда проникает в сердце злодеев, она становится огнеподобной, как пламень самого ада. В нее добавлены капли жадности, потому что они тоже мечтают прибрать к рукам наши богатства, наши дома, наши земли и наше имущество. Они претендуют на то, чего сами лишены, — нашей радости от повседневной жизни. И, кроме того... О, братья мои! Может быть, может быть, мне не стоит продолжать. Но нет. Если я умолчу о том, что знаю, я не сделаю вам легче.

Назим, этот монстр, говорил о том, чтобы захватить то, что мы более всего любим. Речь идет о наших самых красивых дочерях, которых они хотели бы превратить в своих наложниц. О наших самых маленьких сыновьях, не умеющих еще говорить, которых они хотят сделать мусульманами, обманом заставить их поверить, что родились турками, и воспитать в духе ненависти к армянскому народу. Нет более низкого преступления, чем пытаться обмануть самую невинность!

Я хорошо знаю, к чему он ведет дело. Он хочет уничтожить не только армян. За ними наступит очередь других меньшинств.

Греков из Анатолии, сирийцев из Силиции, евреев из столицы. Всех нацменов. Всех „гяуров“.

Какими же мы были наивными! Когда немногим более чем шесть лет тому назад свергли султана, мы восторженно аплодировали. Нам казалось, что с ним ушла в прошлое ужасная часть нашей истории. Это он, ненавистный Абдул-Гамид, пролил реки крови двух поколений армян. Гнусные преступления этого сатрапа приводили в ужас весь мир.

А какие мы доверчивые! На его место пришли волки, алчущие крови, накинущие на себя овечьи шкуры. Они протягивали нам руку только для того, чтобы проверить нашу силу. О, братья! Мы всегда любили книги, искусство, науку. Мы заперли себя в наших церквях и храмах. Когда нас ударили по одной щеке, мы подставляли другую...

Но сейчас другая реальность стучится нам в дверь. Эта ужасная, противная, неотвратимая реальность, которую принесли нам Энвер, Джемаль и Талаат, эти приспешники сатаны Абдул-Гамида, который, наверное, улыбается себе от удовольствия, что его заветы выполняются с лихвой.

Да, нас обманули. Мы вывели наших сыновей на путь добра, научили их отвечать добром на зло, ценить слова выше, чем оружие.

И знаете, что я вам скажу? Мы ошиблись. Мы обманули наш народ. Мы поверили, что

силы зла не справятся с силами добра. А сейчас, когда пришел час испытаний, мы представляем собой лишь овец, готовых идти на заклание.

Я прошу вас простить меня за мои рассуждения, которые исходят не из моего разума, а из моего сердца. Я, Вардгес Серенгулян, состоял и сейчас состою членом парламента, который, собственно, никогда не был парламентом. Сейчас я это понял. Так же, как и ты, Пашьян, как ты, Врамян, как ты, Зохраб, все мы считали, что сила слова превыше всего, что только слово чего-то стоило и только оно отличало нас от других народов. Но нет. Совсем нет. По крайней мере, здесь, в Турции.

Сейчас нам надо думать о том, как защитить наш народ. Но сегодня я понял, что уже поздно, что мы в руках божьих, и, опасаясь впасть в богохульство, я думаю, что наш Бог смотрит в другую сторону».

«Там, — помню, что Серенгулян указал на восток, где находился дворец Талаата, — там родилось чудовище. Там Назим создал монстра — „Специальную организацию“, так называемую „Текилат Махсусе“. Вы знаете, что я хочу этим сказать? Я не уверен, что смогу точно сформулировать, — это нечто слишком безумное, чтобы поверить, что оно родилось в человеческом мозгу.

Именно Назим разработал порядок его осуществления. Думаю, правда, что сама идея возникла у кого-то чуждого нашим землям. Он странный тип. Это некто Хуманн, он был в Константинополе около шести лет тому назад по приглашению Красного султана. Именно он завез сюда эти семена. Сейчас эти цветы приносят свои зловещие плоды.

Убийцы, злоумышленники, насильники — весь человеческий мусор Турции вывезен сейчас на подготовку в специальные лагеря. Большинство из них находится в Чоруме. Вы представляете, во что хотят их превратить? По выражению ваших изумленных лиц, по тому, как вы все бледны, я вижу, что вы догадываетесь. Да, эти отморозки станут орудием в руках Талаата, Энвера, Назима, тех, кто так же, как и они, хотят, прежде всего, нашего полного уничтожения.

Этим подонкам обещана часть добычи. Часть золота и драгоценностей. Если захотят, они смогут завладеть нашими домами и землями. И что самое невероятное, самое гнусное, так это то, что с нами, армянами, они будут делать, что хотят, и никто не спросит их за это.

Представляете себе? Они будут насиловать наших женщин и девочек. Будут пытаться юношей. Потом убьют их. Вот что произойдет, и видит Бог, я боюсь, что уже поздно помешать им.

Поэтому, братья, сейчас надо бороться. Я узнал, что несколько дней тому назад были разосланы телеграммы с приказами начать депортацию. Депортировать нас? Куда? Это лишь повод, ведь они не могут напрямую заявить иностранным послам, что будут уничтожать нас. Они боятся, что скажут и что могут предпринять наши старинные друзья — Англия и Франция. Они боятся также и Соединенных Штатов, которые пригрозили вторгнуться в Турцию.

И мы должны попытаться использовать именно это. Чтобы эти, а также другие страны — такие как Россия, — вмешались и заставили понять турок, что они не должны прибегать к преступлениям и геноциду, иначе цивилизованный мир спросит с них и размах бесчестья будет таков, что история веками будет указывать на Турцию как на страну, позволившую уничтожить целый народ».

Я до сих пор волнуюсь, когда в ходе этого впечатляющего выступления Серенгуляна Крикор Зохраб не смог выдержать и прервал его своим истошным криком:

«Нет, нет и тысячу раз нет! Мы не можем допустить, чтобы это страшное несчастье выпало на долю нашего народа! Ничего у этих турок, будь они прокляты, не получится!»

Его дыхание стало прерывистым и хриплым, и я побоялся, как бы с ним не случился припадок, мы все знали, что у Зохраба слабое сердце. Я точно помню, как он закрыл лицо руками. Его глаза наполнились слезами, и на какой-то миг он хотел спрятать это. Потом он



поднял руки кверху, как будто взывал к небу.

«Бог! Бог наших предков! Ты привел нас в эти долины, а в те дни они были сплошным пустырем! Там во многих местах мы воздвигли тебе храмы. Зачем Ты посылаешь на нас эти жестокие кары? Чем мы обидели Тебя? В чем мы ошиблись? Боже мой, если Тебе нужна жертва, возьми меня! Меня и моих близких! Но не уничтожай весь народ!»

И Зохраб упал вдруг на колени. Все мы, кто там находились, были страшно взволнованы. Его товарищи хорошо понимали его чувства, ведь Крикор Зохраб неоднократно предупреждал их, что наступит день и угроза станет реальностью.

Серенгулян обнял своего друга и, хотя тот был массивнее, поднял его. Эта волнующая сцена и у меня вызвала слезы. В голове у меня все перемешалось. Сердце мое так билось, что я почувствовал его через грудь. Я подумал о моей жене и детях, и неудержимый страх сдавил мою душу. Что значили эти слова? Что, все турки стали вдруг убийцами? Мы что, до сих пор жили в уверенности, что окружены людьми с теми же достоинствами и пороками, что и мы, и что на самом деле это были кровавые звери? Я не мог поверить тому, что услышал.

Все мы поклялись, что не допустим, чтобы эти зловещие предсказания сбылись. Договорились, что Серенгулян незамедлительно переговорит с французским послом. Пашаян должен был побеседовать с Генри Моргантау — послом США, евреем по национальности, человеком широких взглядов, хорошо относившимся к армянам, считавшим их настоящими друзьями американского народа.

Что касается Врамяна, то у него были хорошие отношения с корреспондентом газеты «Франкфуртер Цайтунг» Паулем Вейцем, и он думал, что сможет поговорить с ним, чтобы он повлиял на немецкое общественное мнение, которое в те дни было больше озабочено войной с Францией и Англией, чем маленьким далеким народом, практически неизвестным немцам.

В общем, договорились как можно быстрее провести эти встречи и собраться снова. Рубен Зартарян и Чилингириян должны были поехать в основные армянские города и предупредить там епископов и старейшин.

Мы отдавали себе отчет в серьезности ситуации. Мы не могли поддаваться самообману и считать, что все за нас должно было сделать Провидение.

Зохраб казался сердитым на самого себя. Он бормотал, что мы поступаем неразумно. Что эта ситуация назревает уже давно и что он никогда не верил фальшивой демократии младотурков.

Он сказал, что предпочел бы такого жестокого тирана, как султан Абдул-Гамид, чем этих подонков, которые выдают себя не за тех, кем являются на самом деле, ведь в этом случае можно было бы своевременно подготовиться к тем жестоким временам, которые надвигаются на нас.

«Как видите, — обратился к своим друзьям мой отец, — я ушел оттуда буквально дрожа от страха. Я вернулся в полуразрушенный порт и отдал капитану команду отплывать, как только вернется на корабль отпущенная в Константинополь команда.

В ту же ночь, уже на рассвете, мы вышли из порта. Во время перехода, продолжавшегося трое суток (и это при том, что мы шли на полном ходу), слова Серенгуляна не выходили у меня из головы. Все это казалось мне невероятным. Как наши соседи турки, с которыми мы поддерживали внешне хорошие отношения, могли пойти на подобное вероломство? Ведь они такие же люди, как мы! Нет, я не мог поверить в это, и вскоре я чуть было не впал в депрессию.

Но правда, проклятая правда состоит в том, что я не могу выкинуть все это из головы. Именно поэтому, и только поэтому я рассказал вам всю эту историю. Хочу узнать, что вы думаете обо всем этом. Помогите мне принять мое трудное решение. Нужно ли отнестись к этому серьезно, предупредить людей, забрать семью и уехать из страны навсегда? Никогда не думал, что события могут принять такой тяжелый поворот. Ведь для меня все это похоже

на конец света».

После ужасного рассказа моего отца установилась тяжелая пауза. Из своего укрытия я слышала астматическое дыхание дяди Атома и нервное покашливание Дадхада Дадриана. Первым заговорил дядя Атом. Его низкий голос прозвучал в зале как барабан.

«Богос, — так называли моего отца при крещении. — Ты хорошо знаешь историю нашего народа. Мы всегда ходили по острию ножа. Нас били и те и другие. Арабы и турки, персы и русские, а до этого греки и римляне, потому что именно мы занимали эти земли. Нас преследовали с помощью набегов, погромов, грабежей, убийств. Дожить до сегодняшнего дня было нелегко. Совсем нет, очень даже тяжело. — Дядя Атом глубоко вздохнул. — Но мы здесь. Даже несмотря на это исчадие ада — Абдул-Гамида, который попытался нас уничтожить в 1895 году. Ему не удалось, хотя он и приложил немало усилий. Тебе известно об этом лучше, чем нам. Он действительно уничтожил тысячи наших земляков. Но я тебе скажу одну вещь. Все это — цена за то, что мы остаемся такими, какие мы есть. В крови утоплен каждый десятый из наших братьев. Мы знаем, что все это было ужасно несправедливо. Но он и его приспешники были убийцами. В истории Абдул-Гамид останется как „великий убийца“. Мы лишь жертвы обстоятельств, нас пожирают те кошмарные боги, которым нужна их доля крови. Но мы, армяне, остаемся здесь несмотря ни на что.

Я думаю, Богос, что тебе не нужно уезжать. Нас, армян, уже достаточно много. Мы должны оставаться сильными здесь, на нашей земле. И если такие люди, как ты, как твои родственники, под влиянием страха уедут отсюда, то это будет только на руку нашим врагам, — они ведь только этого и добиваются: извести нас тем или иным способом. А если мы оставим нашу землю, значит, они определенным образом достигнут своей цели.

Но послушай меня — ты должен поступать только так, как тебе подсказывает твоя совесть. Мы знаем, что, если ты уедешь, ты останешься армянином, а там, где живет хоть один армянин, там и есть Армения. Я прошу тебя обдумать все и действовать по своей совести».

В комнате снова наступила тишина. Дадхад Дадриан был немногословным человеком, но, когда он говорил, его стоило послушать. По крайней мере, так мне всегда говорил мой отец, который в тот момент сидел и ждал, когда заговорит старый Дадриан.

Дадхад заговорил хриплым и низким голосом, что, возможно, объяснялось охватившим его волнением.

«Богос Нахудян. Сын Атома и внук Бадрига. Я хорошо знал твоего отца и твоего деда. То были другие времена, хотя и они были достаточно трудными для нас. Это верно, что кое-кто из армян в свое время жил прекрасно — вспомним моего дядю Никогоса Бальяна, он вместе с моим дедом Карбертом разработал планы дворца Долмабахче для султана Абдулы Месита. А вы помните, это были годы реформы Танзимата. Мы, армяне, ошибочно считали тогда, что подходил к концу период репрессий, потому что, помимо прочего, армянский миллет<sup>6</sup> уравнивался в правах в Турции с другими народностями. На самом же деле Месель ограничивал полномочия своих служащих.

Я помню, как бурно радовался мой отец, когда суды шариата были, по существу, лишены влияния, а улемы<sup>7</sup> рвали на себе одежды от досады. Мы чувствовали себя так, словно сумерки нескончаемой средневековой эпохи в Турции рассеивались, уступая дорогу светлому дню.

Для наших дедов и отцов это было всего лишь известие. Но мир, похоже, менялся и, пусть с опозданием, перемены приходили и в Турцию.

Но нет. Все это оказалось всего лишь миражом. Вы знаете, что это такое оптическое

---

<sup>6</sup> Миллет — объединение, колония армян.

<sup>7</sup> Улемы — богословы, книжники (мусульм.).

явление, которое нередко случается в пустынях. Вот и мы, армяне, продолжаем наш путь по пустыне, и нам кажется, что мы видим, почти трогаем то, что является лишь плодом нашего воображения.

С тех пор дела у нас пошли еще хуже. Сейчас, уже в наши дни, слезка за нашими старейшинами, за нашими священниками, за теми, кто смеет поднять свой голос, стала невиданной.

Кто из наших находится сейчас в турецких тюрьмах? Я отвечу вам со всей откровенностью: самые лучшие из нас. Стоит лишь армянину написать книгу, стихи или просто статью в газету, где турок усмотрит неуважение к себе или просто свое отражение, как этого армянина судят, обвиняют, пытаются и не раз, очень часто, убивают в его же доме на глазах у родственников. Либо в тюрьме или, пренебрегая волей божьей, внутри церквей.

Это правда, что мы пытались защищаться, что многие из нас погибли, пытаюсь спасти себя, или защитить честь своих женщин. Но мы не смогли добиться того, чтобы эти трусливые турки уважали нас.

Почему же это происходит? Почему же мы не отвечаем ударом на удар? Вы скажете, что мы представляем собой меньшинство, что не можем носить оружие и ездить на лошадях по городам.

Все это правда. Мы живем под гнетом турецкого сапога. Почему бы не назвать вещи своими именами? Мы унижены. Каждый раз, как только встает солнце, армянина унижают, оскорбляют, он становится жертвой безжалостной жестокости турков».

Дадхад Дадриан запнулся, эмоции, казалось, мешали ему развивать свою аргументацию. Потом он скептически покачал головой.

«В эти времена много говорилось о панисламизме, османизме, европеизации. И особенно много о национализме. Но ни ислам, ни империя, ни Запад, ни турецкий флаг ничего не хотят знать о нас. Эта новая партия „Единение и прогресс“ ведет речь только о единении турок и о прогрессе только для турок. Доктор Назим добился чего хотел — он убедил членов Комитета за единение и прогресс — Ittihad ve Terakki Cemiyeti — в бессовестной лжи. Его тезис так же прост, как и ужасен содержащийся в нем смысл. Для прогресса Турции необходимо отделаться от иностранцев. От тех, кто чужд этой стране. Он имеет в виду нас, армян, а также греков, живущих в Анатолии, сирийцев и курдов. Всех тех, кто не является турком».

Дадхад Дадриан встал из-за стола. Возбужденный собственными рассуждениями, он начал ходить из конца в конец, следя за реакцией моего отца. Дядя Атом соглашался с ним, подтверждая это непрерывным киванием. Мой же отец был бледен и скован, только руки выдавали его ужасное волнение, когда он крепко сжимал стол.

Дадхад Дадриан хотел выложить все, он не собирался щадить моего отца, что и проявилось в его последних словах.

«Поэтому, Богос, мое личное мнение состоит в том, что тебе следует уехать, равно как и всем нам необходимо уехать из этой страны, превратившейся в настоящую западню. Вообще-то говоря, я не знаю, что может произойти, но у меня есть ужасное подозрение, что на этот раз они готовы идти до конца, вплоть до полного уничтожения нас».

Наступил вечер, и кабинет отца постепенно погрузился в сумерки. Ни один из трех мужчин не попытался зажечь керосиновую лампу или свечу. Погруженные во тьму сердца присутствовавших были охвачены грустью и отчаянием. Довольно долго никто из мужчин не проронил ни слова. Больше не о чем было говорить, и, несмотря на мой юный возраст и неопытность, я понимала значимость ситуации.

То, что я узнала, неожиданно раскрыло мне глаза на многое. За пару часов я словно перешла из детства в пору зрелости. Внутри себя я ощущала страшную пустоту и непомерную жалость к моим родным и ко всему, что меня окружало. Мой отец был очень добрым человеком, поклонником древних традиций, и я хорошо понимала, что все это глубоко ранит его.

Они расстались у той же двери. Обнялись, не сказав более ни слова. Каждый из них знал, что ему надо было делать. Мой отец вышел последним, закрыв за собой дверь, и я осталась одна, дрожа от страха и тоски. Я рыдала, думая о моем отце, о матери, о моих братьях, дядях, тетях и двоюродных братьях, о товарищах по школе, о моем мире, который должен был исчезнуть уже через несколько дней, я боялась неизвестного и будущего. Я не знала, что мне делать. Успокоившись, я вышла из комнаты. Меня била дрожь, глаза были влажными и красными, и я знала, что мой вид выдает меня. Войдя в коридор, я увидела, что глаза моей матери тоже набухли и блестели от слез. Так же выглядела и моя сестра. Мой отец не решался заговорить из опасения, что не сможет справиться с тяжелым настроением, и мы ужинали в полной тишине, нарушаемой только тихими всхлипываниями моей матери.

В какой-то момент я не смогла удержаться и, чтобы прервать тягостное молчание, спросила:

«Папа, а кто такой доктор Назим?»

Отец поднял глаза от тарелки и пристально посмотрел на меня. Его ложка остановилась на полпути ко рту, он в недоумении посмотрел на мать. После довольно долгого колебания он решил напрямую ответить мне. Ведь если я спросила, мне надо было ответить.

«Назим изучал медицину. Он учился в Константинополе на одном факультете с моим братом Варужаном. Не окончив учебу, он был вынужден эмигрировать в Париж. Я знаю, что он участвовал в создании Комитета за единение и прогресс. Единственно, что я могу тебе сказать, так это то, что больше всего на свете он ненавидит армян. Мне даже кажется, что это сам дьявол, принявший человеческий облик.

А сейчас заканчивай ужин и иди спать. В нашей стране было немало таких, как Назим, но им никогда не удавалось добиться своего. Так что успокойся, все будет в порядке».

Он кончил ужинать, а моя мать была так встревожена, что казалось, что она больше не в силах пребывать в таком состоянии. Я никогда не видела ее такой, но сейчас, после ответа моего отца, я поняла, в чем причина ее переживаний.

На следующий день положение не улучшилось. Решение о немедленном отъезде было окончательным. Мой брат нервничал, но вместе с тем он вроде бы чувствовал какое-то облегчение. Несмотря на свой возраст, Оганнес был сильно привязан к моим родителям, ведь он никогда не уезжал от них. Когда я рассказала ему о том, что услышала в кабинете отца, он не хотел мне верить. Он подумал, что это просто подростковые фантазии. Но все видели, что происходит что-то плохое, потому что мы вдруг срывались с места, и, судя по всему, навсегда.

Папа пустил слух, что мы отплываем в Константинополь на медицинское обследование моей матери. Оганнес останется в Трапезунде и прибудет в свою воинскую часть в назначенный день. Все должно было выглядеть совершенно естественно.

На самом деле было не так. Мой отец захотел увезти с собой все золото, какое только мог собрать, и поэтому сразу же стал продавать среди своих знакомых кое-какую собственность, причем цену просил довольно низкую, чтобы товар побыстрее разошелся. Дом он не предлагал для продажи, потому что мама ни за что не соглашалась продавать дом. Действительно, это был большой и просторный дом, окруженный прекрасным садом, и к тому же он находился в хорошем месте. Как можно было задешево спустить это место, где все мы родились? То, что мы, возможно, больше никогда не вернемся сюда, просто не умещалось у нее в голове.

Вся наша семья паковала вещи, мы хотели погрузить все это на «Эль-Сиргу». Мог ли кто-нибудь заподозрить, что на самом деле мы упаковывали свое имущество, а не товар? Но это было очень трудное дело — моя мать вздыхала по каждому предмету, словно старые вещи жили своей собственной жизнью и оставлять их означало отрывать их от самой себя. Что касается мебели, то отец решительно настоял на том, чтобы она осталась в доме.

Видимо, переживания, связанные с этими обстоятельствами, так повлияли на нее, что спустя два дня после того, как было принято решение об отъезде, она, едва проснувшись,

потеряла сознание и без чувств упала на пол. Она пришла в себя через несколько минут, но у нее вдруг так резко поднялась температура, что мой отец, испугавшись, пригласил большого друга нашей семьи врача Арама Мурадяна. За доктором побежала я, потому что отец велел Оганнесу оставаться дома из-за появившихся слухов, что армия хватает на улице армянских мальчишек старше пятнадцати лет и вербует их на службу.

Араму Мурадяну было тогда лет сорок. Для меня же он был просто взрослый мужчина, который заслуживал уважения, которое у нас, армян, прививается старшим. Он вел прием в старом доме, на первом этаже которого работал, а на втором этаже проживал сам. От нашего дома до него было всего минут десять пешком, и, когда я впопыхах, почти заикаясь, рассказала ему, что произошло с мамой, он встал из-за стола, за которым писал, схватил свой баул и с встревоженным видом быстро пошел за мной.

Я подумала, что он наверняка знаком с доктором Назимом, и хотела расспросить его о нем. Но не решилась заговорить на эту тему. Его серьезный и отсутствующий вид помешал мне задать вопрос.

Папа и он закрылись в спальне, где лежала моя мать. Мне хотелось войти туда, потому что я очень любила свою маму и очень беспокоилась за ее состояние. И не зря — моя сестра, ухаживавшая за ней, шепотом сказала, что мама бредит и не узнает ее. Я обратила внимание, как доктор встревожился, когда услышал это.

Все усложнялось. Я подумала, что вряд ли мы сможем уехать, потому что состояние здоровья моей матери не позволяет нам осуществить наше намерение. Моя сестра только и делала, что плакала, а Оганнес, обычно веселый парень и большой шутник, был молчалив и задумчив. Дело явно принимает нежелательный оборот. Я чувствовала, что произойдет что-то ужасное, и это предчувствие сжимало мне сердце. Не могу, однако, не признать, что вся эта обстановка поспособствовала моему быстрому взрослению. Всего несколько дней назад, войдя из любопытства в комнату, где мой отец говорил со своими друзьями, я услышала их беседу, и внутри меня что-то прояснилось. Я осознала, какой мир окружал меня.

Доктор Мурадян на секунду вышел из спальни и тихо сказал Оганнесу, чтобы он сходил в аптеку старой части города, недалеко от моста Табахане. Я машинально подошла к доктору, взяла из рук Оганнеса рецепт и сказала, что я сама пойду. Я знала, что моя мать одобрила бы меня — она боялась встречи Оганнеса с военным патрулем, который в последнее время появлялся в городе все чаще.

Я вышла из дома и бегом поднялась на холм, к площади Таксим. Оттуда я кубарем сбежала вниз к мосту и углубилась в лабиринт улиц старого города. Я хорошо знала, где была аптека — рядом с ней жила моя двоюродная сестра Тереза.

Аптекарь бросил на меня внимательный взгляд поверх своих очков и с любопытством наблюдал, как я пытаюсь справиться со своим дыханием после бега. Потом он взял рецепт и вошел во внутрь аптеки, чтобы приготовить лекарство. Он пробормотал, что это было сердечное средство. Этот мужчина знал меня, потому что я часто крутилась вокруг аптеки, и я пошла за ним внутрь помещения. Это был странный человек — у него не было ни единого волоска ни на голове, ни на руках, и, как мне казалось даже по всему телу. Это приводило в изумление меня и мою двоюродную сестру, когда мы заходили в аптеку, мы не могли отвести взгляд от его головы.

Надир Кабир был странным армянином. Его отец был иранцем, и, возможно, от него он унаследовал свой огромный нос. Единственное, что было красивым на его лице, так это его глаза — огромные и зеленые, изумрудного цвета. Кроме того, у него были маленькие, изящные руки с длинными пальцами, которые контрастировали со всем его телом. Тем не менее он ничего не хотел знать об иранцах и объявлял себя армянином, хотя в нашей колонии он был чужаком. Он был женат на турчанке, воспитывавшей своих детей в мусульманском духе.

Что касается меня, то он мне казался довольно симпатичным, потому что он не обращал внимания на нас, когда мы иногда проникали в его лабораторию и наблюдали за его

работой. Правда, мы должны были вести себя тихо и не болтать, в противном случае он немедленно выпроваживал нас на улицу.

Не глядя на меня, он спросил своим гнусавым голосом, для кого предназначается это лекарство. Я ответила, что для моей матери, и он согласно качнул головой, бормоча, что жизнь — жестокая штука.

Через несколько минут он вручил мне маленький флакон из стекла янтарного цвета, закрытый пробкой с сургучом и пробормотал свои пожелания, чтобы мама выздоравливала. Я не заплатила, потому что обычно он заносил сумму в специальную тетрадку, и мой отец время от времени заходил к нему, чтобы расплатиться.

Я побежала обратно с большей осторожностью, чем по пути в аптеку, потому что однажды, возвращаясь домой тем же путем, я разбила флакон с лекарством. С того дня я была особенно внимательна.

И тогда я увидела толпу. Это были турки, по внешнему виду — рабочие с чайного завода. Но они не выходили с завода, и вид их был довольно необычен. В руках они держали палки, железяки, вилы и косы. Но не толпа привлекла мое основное внимание. Моя душа замерла, когда я увидела дядю Арама и другого незнакомого мне армянина, которые шли перед рассерженной толпой, понукаемые и подталкиваемые в спину.

Очень удивленная тем, что увидела, я сначала не могла понять, что там происходит, и замерла, наблюдая за ними из-за угла, но потом быстро сообразила, что мне надо было срочно укрыться за колонной, ведь я начинала понимать, что все это связано с тем, о чем рассказывал отец.

Они прошли так близко, что я могла бы дотронуться до моего дяди. Со смешанным чувством недоверия и ужаса, я смотрела на его лицо, обезображенное ударами. Один глаз у него был полностью закрыт и покрыт синяками, и, кроме того, он явно хромал.

Что касается другого мужчины, то его лицо было искажено страхом. Его почти вылезшие из орбит глаза смотрели то вправо, то влево, словно искали какой-то помощи.

Я вдруг поняла, что должна была что-то сделать, чтобы помочь этим людям. Дядя Арам на самом деле приходился дядей моему отцу, но возраст у них был примерно одинаковый.

Я кинулась бежать, забыв о предосторожностях и о флаконе с лекарством. Я только видела перед собой лица обоих мужчин, преследуемых толпой, казавшейся мне разгоряченной и разъяренной стаей.

Это уже были не слова или угрозы, это была суровая действительность, и пока я, задыхаясь, бежала домой, я не могла найти ответа на эту нелепую реальность и уже не считала, что мой отец, находивший выход из любого положения, был в силах как-то помочь этим людям. Я чувствовала себя так, как будто вакуум окружил меня, а я карабкалась по лестницам, смотрела на этих людей, не в состоянии произнести ни звука, ни выразить словами те чувства, которые охватили меня.

Мой отец подошел ко мне, взял за руку и вопрошающе смотрел, пока я переводила дух. Я смогла лишь отдать ему лекарство, а потом безутешно разрыдалась. Он с удивлением смотрел на меня.

Тогда доктор Мурадян подошел ко мне и спокойным голосом спросил, что случилось.

Всхлипывая и заикаясь от рыданий, исходивших из самого моего сердца, я смогла, в конце концов, рассказать о том, что увидела. Пока я говорила, я видела, насколько оба мужчины были ошеломлены.

Доктор Мурадян был энергичным человеком, но он мог сдерживать себя. Он взял пузырек с лекарствами и снова вошел в комнату, где лежала моя мать. Мы все пошли следом за ним, как будто уверенность, которую он источал, имела для всех нас большое значение.

Увидев лицо моей матери, я поняла все. У нее была очень бледная кожа со странным желтоватым оттенком, и я сильно испугалась, и, хотя доктор Мурадян еще ничего не сказал, мне стало ясно, что она умирает. В тот момент не надо было слов. Все находившиеся в комнате плакали, а доктор, весьма взволнованный, уехал из нашего дома. Моя мама была без

сознания, и уже ничего нельзя было поделать. Мой отец опустился на колени рядом с ней и, рыдая, спрятал свое лицо в простынях постели. Я никогда не видела его в таком отчаянии.

Я и мои братья поняли, что происходит нечто ужасное. Я никогда не видела, как умирают люди, и никогда не думала, что моя мать может умереть. И тем не менее в тот момент весь мир разваливался на наших глазах. Случился какой-то безмерный катаклизм, а в чем была причина — неизвестно.

Потом все произошло очень быстро. Я оказалась свидетелем страшной драмы, но по какой-то нелепой причине не могла соучаствовать в этой странной ситуации. Я слышала, как плачет вся моя семья, а небо, казалось, хотело разделить с нами наше горе, и пошел сильнейший дождь.

В моей жизни происходило много событий. Я пережила и страшные и очень счастливые моменты. Но никогда я не испытывала такого огорчения, как в те часы. Все, что произошло тогда, я могу вспомнить с удивительной точностью, и я знаю наверняка, что эти горькие воспоминания останутся со мной до самого моего конца.

Последующие часы были самыми грустными. Тот жестокий удар, который нанесла нам тогда судьба, стал началом долгого периода агонии.

Мы находились на армянском кладбище, где хоронили тело моей мамы. С нами была вся наша семья, многочисленные Друзья и знакомые моих родителей. Вдруг мы услышали доносившиеся издалека крики. Звук их быстро приближался. Похоронная церемония уже подходила к концу, и, поскольку погода временами резко ухудшалась и шел сильнейший дождь, люди убегали под укрытие церкви.

Ни у кого не осталось времени выйти оттуда. Многочисленная толпа турок с искаженными лицами мешала нам выйти, угрожая импровизированным оружием — мотыгами, топорами, вилами и просто палками.

Тогда приходской священник отец Атопян, проводивший церемонию захоронения, сделал несколько шагов вперед и обратил слова порицания к главарям толпы за их неподобающее поведение.

На какой-то момент наступила тишина. Слово священника произвело впечатление на этих людей. Меня, в страхе спрятавшуюся за спиной моего брата, охватило тягостное предчувствие. Оно было связано с картиной, которую я видела вчера. Несмотря на смертельный страх, испытанный дядей Арамом и другим армянином, они смогли вернуться домой, хотя их избили и унизили.

Брошенный с большой силой камень попал в голову отца Атопяна, и он упал, как подкошенный. И тогда начался страшный шабаш. Несколько мужчин-армян кинулись вперед, пытаясь защитить его и свои семьи.

Действуя почти рефлекторно, мой брат заставил меня побежать между могилами, зажатыми между высокими кипарисами. То же сделала Мари, которую держал за руку мой отец. У входа на кладбище разворачивалась неравная битва. Часть людей — турки — пыталась прорваться на кладбище, другая, меньшая, — армяне — стремилась удержать их. Но это было невозможно, все равно, что задержать течение реки. Турецкие крестьяне в яростном ослеплении нападали на нас, раззадориваемые криками нескольких человек, — похоже заводилами. Они выкрикивали грязные оскорбления в наш адрес, называли нас мерзкими «гяурами».

Мы же оказались в противоположном углу кладбища вместе с моим отцом и сестрой. На лице отца было написано все. Он еще не пришел в себя после страшного несчастья — скоропостижной смерти моей матери, а мир вокруг него уже распадался на части. Он боялся за нашу безопасность. Вернувшись из Стамбула, он пребывал в страхе, и события лишь подтверждали его тягостные предчувствия.

Нам уже не оставалось времени ни на что. Толпа турок как смерч наваливалась на нас, а армяне, в ужасе от того, что могло случиться с их семьями, спасались бегством среди могил. Я помню старую пару супругов Балакян, которые не захотели убегать и остались

сидеть на прежнем месте, словно хотели нанести приятный визит своим родным. Турки же бездушно избивали и кололи кинжалами всех, кто попадался им на пути.

Папа подсадил нас в углубления забора, которые оказались поблизости. Это было, пожалуй, единственное место, где можно было спрятаться, и мы быстро забрались туда, хотя Мари поскользнулась и упала на Оганнеса, повредив себе бедро. Мой отец с силой толкнул ее и, наконец, она смогла взобраться. Потом мы все вчетвером, балансируя, побежали по церковному забору, а Мари плакала, жалуясь на сильную боль.

Мы уже хотели прыгнуть с забора за кладбище, как увидели, как один турок бежал прямо на нас, свистя и сверкая своей старой саблей. Это был человек лет сорока, но еще довольно ловкий, — он кинулся вслед за нами. Он бежал за моим отцом, размахивая своей поржавевшей саблей. Видя это, Мари остановилась и закрыла руками лицо, не в силах видеть эту сцену.

Мой отец обернулся и поднял с земли камень, пытаясь защититься. Продолжая кричать как одержимый, турок подбежал к нему и, видя решительность моего отца, остановился перед ним метра в двух, держа обеими руками рукоять сабли, но не решаясь нанести удар. Отец неожиданно бросил в него камень. К счастью, камень попал ему в руку и сабля упала на землю. Тогда мужчины схватились в рукопашной.

Турок был моложе и сильнее моего отца и тут же оказался на моем отце и начал душить его. Но мой брат быстро подбежал к нему, схватил камень и изо всей силы ударил по голове турка, который упал без сознания на моего отца.

Отец в ошеломленном состоянии поднялся, взглянул на Оганнеса и, не имея возможности произнести ни слова, показал на ближайший лес. Мы побежали туда, но Мари не успевала за нами, потому что сильно хромала. Как могли мы оказали ей помощь и забежали в лес. Мы не знали, что делать дальше. Домой возвращаться нельзя — там на нас нападут те же самые неуправляемые толпы, которые накинудись на кладбище.

Но мой отец был не из тех, кого можно было запугать. Он хорошо ориентировался в лесу, — в свое время, в молодости, он часто ходил сюда на охоту. Он довел нас до сложенного из деревьев домика и предупредил, чтобы мы сидели там не шелохнувшись.

Потом, обращаясь к брату, велел ему позаботиться о нас. Он сказал, что хочет узнать, что там происходит в городе. Ему казалось совершенно невероятным, что турки вдруг превратились в сумасшедших убийц. С другой стороны, ему хотелось узнать, мог ли он рассчитывать на команду своего корабля. В капитане Али Меркези он не сомневался. Он не раз на протяжении многих лет доказывал свою верность. Он сможет убедить остальных, и мы сможем убежать через Черное море.

С другой стороны, Мари чувствовала себя неважно. Ушиб у нее болел все сильнее и, хотя я видела, что она что есть силы сдерживается, чтобы не заплакать, она все же всхлипывала, и слезы катились у нее из глаз.

Ситуация действительно была ужасна. Мы только что потеряли нашу мать, которая до сих пор была незаменимой, и это мы чувствовали с каждым часом все острее. Всего два дня назад она была центром нашей семьи, всегда внимательна со всеми, готовая помочь каждому из нас. Само воспоминание о ней причиняло мне огромную боль: я как будто опустела внутри и жизнь потеряла всякий смысл.

Мой отец дал нам уйму советов и исчез среди деревьев. Когда мы остались одни, Мари начала безутешно плакать, причем не только из-за сильной боли, сколько из-за охватившего ее сильнейшего страха и отчаяния. Оганнес безуспешно пытался успокоить ее и попросил меня заняться ею. Она была старше меня, но я обняла ее, стараясь успокоить, и через пару часов она потихоньку заснула.

Мой брат всегда носил с собой маленький нож. Он выбрал ветку, стал ее обстругивать и делать небольшую палку, чтобы, по крайней мере, было чем защититься в случае нападения.

Оганнес всегда был очень смелым. Однажды, еще ребенком в возрасте семи лет, он заблудился в горах и пробыл там в одиночестве два дня. Мои родители были в отчаянии,



ведь в горах водились дикие звери, в том числе стаи волков, но когда они уже почти смирились с неизбежным, он появился. Он прошел по горам почти сорок километров, утоляя жажду в горных ручьях и питаясь яйцами из гнезд. Все были поражены невероятным подвигом этого ребенка, а мои родители даже попросили отслужить мессу и устроили праздник для всего района в знак благодарности Провидению за счастливое спасение сына.

Не могу не сказать, что в то время мы были очень религиозными людьми. Годы и обстоятельства привели к тому, что многие вещи я стала видеть по-другому, но в те дни религия была чем-то весьма важным, и вся наша жизнь была связана с религией.

На самом деле был конфликт между мусульманами турками и нами — ревностными христианами. Сейчас, после стольких лет за плечами, я вижу, что причиной тому была абсолютная некомпетентность: сторонники и той и этой религии не предпринимали ни малейших усилий для того, чтобы найти взаимопонимание. Правда, на индивидуальном или семейном уровне отношения, казалось, были вполне дружественными, но в целом действительность была совсем иной. У нас в доме всегда были турецкие служанки, а у моего отца и персонал и команда тоже состояли из турок. Только потом мы с грустью осознали, что, за исключением редких и поэтому очень ценных моментов, различия между армянской и турецкими общинами были непреодолимы.

Так вот, Мари, Оганнес и я находились в полной растерянности и чувствовали себя разбитыми и потерянными. Впервые в жизни я почувствовала одиночество, хотя со мной и находились сестра и брат. Появилось странное ощущение, что между жестоким миром, который мы только что открыли, и нами не было ничего, и мы находимся в непосредственном соприкосновении с ним. Оганнес, судя по всему, полностью смирился с этим, он продолжал стругать ветки и уже сделал другую дубину, более мощную, чем предыдущую. Он, вероятно, был уверен, что нам ничего другого не остается как защищаться силой.

Я знала, о чем он думает. В тот момент брат был уверен, что кто-то нападет на нас и поэтому неминуемо нужно будет выйти навстречу опасности, пусть это и связано с риском для жизни. Но больше всего Оганнес боялся — и в этом он признался мне только недавно — призыва в армию. Он с ненавистью говорил «в турецкую армию», потому что знал, что ничего хорошего от этого ожидать не приходится. Его приятелей, как правило, забирали в армию силой, застигая врасплох. Один из его друзей, комиссованный из армии по болезни — из-за туберкулеза, — рассказывал о жесточайших порядках, царивших в казармах и частях, где служили армяне. Он говорил, что положение усугублялось еще и тем, что за последние месяцы дисциплина ужесточилась, а некоторые призывники погибали из-за избиений, дурного обращения и даже были расстреляны по распоряжению тайных военных трибуналов, выносивших смертные приговоры с формулировкой «потеря военного духа».

Мой брат Оганнес никогда не выказывал особых успехов в школе. Я знала, что это не из-за того, что он не успевал, а просто был слишком свободолюбив. Таким он был раньше, таким он остался до конца своих дней.

К тому же он ненавидел турок. Он знал, как они относились к армянам на протяжении веков. Дядя Атом испытывал особую симпатию к Оганнесу и часто разговаривал с ним, внушая ему свое собственное видение истории.

А я, хоть и была еще девочкой, совсем не верила тому, что рассказывал вам дядя Атом. Многие считали его выпивохой, хотя и признавали его выдающийся ум. Оганнес же упивался рассказами дяди, и дело дошло до того, что в один прекрасный момент отцу пришлось взять этот вопрос под свой контроль и попросить дядю Атома не распалать слишком мальчика своими рассказами.

В итоге Оганнес стал бывать у дяди Атома без ведома отца. Только потом мы узнали, что дядя состоял в каком-то тайном обществе, которое пыталось поставить на место турок. Мой отец никогда не хотел втягиваться в нечто подобное, и Атом уважал его решение. Но, в

конце концов, папа был вынужден признать, что старый и не пользующийся авторитетом выпивоха был по большому счету прав.

Наступал вечер. Оганнес нашел неподалеку ручей и выточил деревянный стакан, с помощью которого мы смогли утолить жажду. У Мари, по-видимому, поднялась температура, но она уже меньше жаловалась на боль. Пару раз она попыталась подняться и пройтись, но в итоге смирилась и осталась сидеть на сухой траве, которую мы с Оганнесом собрали, чтобы сделать ей ложе.

Проходили часы, а отец не объявлялся. Я старалась не показывать, как я боюсь, что его могут схватить и причинить ему вред. Я отгоняла мысль, что он, возможно, уже мертв, ведь он оставался тогда нашей единственной надеждой. Что мы могли сделать без него? У него всегда имелось что-нибудь в запасе, чтобы выйти из положения. Думать о чем-либо другом было невозможно.

Оганнес в тот день нас приятно удивил. Он нашел гнезда диких горлиц и, помыв в воде их яйца, предложил их нам. Мы вылили их содержимое в деревянный стакан и выпили их сырыми.

Добыча приглушила наше чувство голода. Мари не хотела сначала есть их, уверяя, что они вызывают у нее тошноту, но Оганнес заставил ее съесть, и она почувствовала себя лучше.

Потом Оганнес попытался почистить наше убежище. Он смирился с тем, что нам придется провести там ночь. И, хотя было не очень холодно, мы понимали, что внутри этого помещения мы будем в тепле и в большей безопасности. Он не хотел разводить костер, хотя мог добыть огонь с помощью кусков кремния, — чем немало гордился. Он боялся, что дым может нас выдать, потому, закончив уборку, он приготовил из мелких и мягких веток нечто похожее на постель. Мы помогли забраться внутрь Мари, которая, казалось, впала в апатию, потому что уже не плакала и не жаловалась. Ее молчаливость несколько беспокоила меня. Это было нетипично для ее характера, но ведь и обстоятельства тоже были нетипичными на тот момент, поэтому я не придавала ее состоянию особого значения.

Я поделилась с Оганнесом моими опасениями по поводу отца. Он молча кивнул. Он тоже считал, что нам не следует разъединяться, но приходится мириться со сложившейся обстановкой. Он прекрасно понимал, что в той ситуации мы не смогли бы долго оказывать сопротивление, и он не знал, что делать. Кроме того, самочувствие Мари не позволяло нам куда-либо идти. Он не хотел оставлять нас одних, и это ограничивало наши возможности.

К вечеру заметно похолодало. Мари дрожала от холода, я дотронулась до ее лба и почувствовала, что у нее высокая температура. Это очень напугало нас, потому что стало ясно, что требовалась помощь врача.

В жизни бывают моменты подлинного отчаяния. И это был один из них. Раньше я видела только одну действительность: безопасность родного дома, любовь родных, ощущение благополучия, любви и даже обожания со стороны родных. Я никогда не могла представить себе, что подо всем этим находится темная и глубокая пропасть, и это открытие вызвало у меня состояние, близкое к обмороку. Я превращалась во взрослую женщину, но во мне оставалось еще много черт от девочки. Часы, проведенные там, изменили меня так, как будто прошло лет десять.

Как только стемнело, снаружи мы слышали шум. Мы замерли, но вскоре услышали голос отца, который звал нас.

Этот голос принес нам большое облегчение. Оганнес и я выбежали из нашего убежища и остановились в изумлении. Папа был одет в одежду турецкого крестьянина. С ним был Ахмед, который вел двух мулов, запряженных в крытую телегу.

Ахмед Ками был правой рукой моего отца. Он был родом из Ризе, но практически все время жил в нашем доме и работал на нас. Разумеется, он был турком до мозга костей, но главное, что он был добрым человеком.

Мой отец спустился в город, соблюдая большую предосторожность. Он осознавал, что рискует больше чем своей собственной жизнью. Он признался нам, что единственно, чего он боялся, так это не случилось бы что-нибудь с нами.

Наш дом находился почти на самой окраине Трапезунда, за которым начинался лес, состоявший из огромных сосен. За домом располагался большой сад, а калитка из него выходила непосредственно на дорогу, шедшую вдоль леса. Через эту калитку отец выходил в лес и ставил там капканы. Ночью это место казалось жутковатым, особенно когда дул сильный ветер с моря и завывания бури превращались в злое бормотание, мешавшее заснуть.

Отец прошел лес насквозь и вошел в сад с задней стороны. Ему пришлось дожидаться темноты, потому что с ним был только ключ от главного входа в дом. Потом он очень быстро собрал багаж с самым необходимым. Он даже рискнул забрать деньги и наиболее ценные вещи. Взял также верхнюю одежду и личные документы. Занимаясь этим, он услышал стук в дверь. Поначалу он испугался, полагая, что это турки, пришедшие ограбить наш дом. Но нет. К счастью, это был Ахмед. Когда мужчины увидели друг друга, они обрадовались и обнялись. Ахмед был весьма взволнован и сообщил плохие новости. Многие турки (здесь он явно устыдился) ограбили армянский квартал. Он сам помешал группе турок войти в дом. Ему пришлось соврать и сказать, что он долгое время гнул спину на армянина, а теперь это имущество перешло ему по праву.

Нападавшие ушли в ярости. Они надеялись безнаказанно войти в дом и унести товары со склада. С улицы они грозили Ахмеду — он не может присвоить себе все эти вещи и должен поделиться с ними.

Но Ахмед направил на них охотничье ружье отца, которое было спрятано в доме, — лицензии на него у отца не было. Видя решительность Ахмеда, они отступили, грозя ему кулаком и выкрикивая оскорбления.

Ахмед был уверен, что они вернуться. Он не знал, через сколько времени они придут, и рекомендовал отцу, чтобы все мы уезжали. Он заплакал и сказал, что будет защищать дом и все наше имущество столько времени, сколько это будет нужно, и не пожалеет ради этого своей жизни.

Отец поблагодарил его за верность и потом послал его в порт узнать, в каком состоянии находится судно. Он велел найти капитана Али Меркези, на которого, как он надеялся, можно было положиться. Если это так, то ему следовало собрать команду и как можно быстрее подготовить судно к длительному плаванию.

За последние три дня отец загрузил в корабль много товаров, которые ему привезли его агенты, и корабль был готов отплыть в любой момент.

«Эль-Сирга» представлял собой парусное судно с мотором, длиной в тридцать пять метров и шириной в девять метров. Корабль был похож на шхуну и развивал под парусом скорость до девяти узлов. Судно было очень быстрое и вполне пригодное для морских путешествий, и отец гордился им. А поскольку перевозимые товары были не очень объемными, судно вполне устраивало его.

Мой отец не был моряком, но он уже имел опыт многодневных морских переходов. На обратном пути из Константинополя Али Меркези почувствовал себя плохо, и отцу пришлось взять командование на себя. Несмотря на плохую погоду, они благополучно прибыли в Трапезунд.

Ахмед отправился в порт за капитаном. Он его давно знал. И, хотя Меркези был турком с весьма радикальными идеями, Ахмед надеялся, что, уважая моего отца, Меркези не предаст его в такой момент.

Отец попросил также Ахмеда позвать турчанку Айшу, жившую недалеко от нашего дома и работавшую горничной у моей матери. Айша пришла очень быстро, вся в слезах. Она говорила, что виной всему дьявол, поселившийся в сердцах мужчин.

Она помогла отцу собрать вещи. Мамины драгоценности и мешочек с золотыми монетами были спрятаны на дно старой корзины. Поверх них было положено сено и

несколько дюжин яиц, и все это было накрыто тряпочкой наподобие тех, которые использовали крестьяне, едущие на базар из своих деревень. Айша должна была отнести корзину на «Эль-Сирга» под видом торговли или жены одного из матросов. Отец не хотел рисковать, он знал, что все эти вещи могут понадобиться нам в трудную минуту. Доверие его к женщине было безграничным.

Он попросил также известить его сестер Асмик и Лусин, а также дядю Атома и Дадхада Дадриана. Все они должны были собраться у старой пристани в полночь. Если все получится как запланировано, они смогут сесть в лодку и добраться на ней до судна. Он предупредил, чтобы его родственники не брали с собой много груза. Они должны взять с собой только самое необходимое.

Потом они погрузили вещи на телегу. Оставлять дома все добро, которое он и моя мать нажили за долгие годы, было невыносимо, но нельзя было терять время, и он собрался. Что касается серебряного сервиза, унаследованного от тети Норы, отец попросил Айшу сохранить его в своем доме. Он не знал, сможет ли он когда-нибудь вернуть себе этот сервиз, но ему хотелось сохранить его не из-за его материальной ценности, а как память о матери. Ей он очень нравился, и она с гордостью использовала его в Рождество или на дни рождения, когда приглашала в дом родственников и друзей. Папа помнил, с каким трепетом мама накрывала на стол, помещая каждую вещь на свое место вместе с салфетками из тонкой изящной ткани, которую мой отец купил в старой лавке на площади Бейазит, недалеко от большого базара Константинополя. Айша утирала слезы при этих воспоминаниях, а папа, всегда старавшийся казаться жестким человеком, вдруг безутешно разрыдался, не в силах больше сдерживаться.

Часа через три вернулся Ахмед. Сгорая от стыда за своих земляков, он сказал, что на Али Меркези рассчитывать нельзя. Он даже не решился вступить с ним в разговор, хотя и видел его издали. Али был сильно выпивши и как безумный орал, что надо раз и навсегда покончить с армянами в Трапезунде. Ахмед предпочел не говорить ему ничего, потому что из-за состояния, в котором он находился, могло случиться всякое. Али сидел в окружении таких же, как и он, и Ахмед ускользнул оттуда раньше, чем его могли заметить и как-то связать его с нами.

Там он случайно столкнулся со старшим боцманом предпенсионного возраста Исмаилом Кемалем, шепнувшем ему, что все это похоже на безумие, виной которому дьявол. Слова Исмаила вызвали доверие к нему у Ахмеда, и он пригласил Исмаила выпить с ним чайку.

Боцман догадывался, что именно хотел ему сказать Ахмед, и мужчины договорились без лишних слов. Исмаил взялся оповестить только тех членов команды, которым можно доверять. Трех опытных членов экипажа было достаточно, чтобы выполнить любой маневр на судне. Боцман повторил несколько раз, что «Эль-Сирга» был для него как лошадь, с которой надо было только обращаться ласково, и тогда можно ею управлять.

Попивая чай, они обсудили поведение капитана. До сих пор он производил впечатление человека, которому можно доверять.

Исмаил Кемаль сказал, что его лично капитан никогда не обманывал. Меркези было мало того, что он распоряжался кораблем, ему хотелось иметь его в собственности. В глубине души он ненавидел хозяина-армянина, у которого так хорошо шли торговые дела. Ему были ненавистны уровень благосостояния хозяина, его дом, воспитание его детей, его природный ум, благодаря которому он решал жизненные проблемы. Вообще-то, Исмаил столкнулся с Али Меркези накануне вечером, как раз когда хоронили жену хозяина, и Али сказал ужасную вещь: жаль, что она умерла, ведь он хотел ее именно для себя.

Но Меркези был хитер. Он знал, что когда-нибудь наступит и его время, и тогда уж он не упустит свой шанс. Этот день наступил, а поскольку Али был еще и трус, он напился. Все это было дурным предзнаменованием. Для Кемала это был признак того, что Али надеялся, что алкоголь придаст ему силы для реализации своих злобных планов. Времени оставалось совсем немного.

Договорились, что Исмаил и команда, которую он соберет, выйдут из порта к вечеру. Если кто-нибудь заведет по этому поводу разговор, они скажут, что просто хотят попользоваться кораблем, ранее принадлежавшим одному армянину. Потом они должны будут стать на якорь напротив пристани, в четверти милях от берега. Там они простоят до полуночи. Потом они приплывут за нами на весельной лодке. Разумеется, все огни будут погашены, чтобы не выдавать присутствия судна.

Мужчины пожали друг другу руки и в волнении расстались.

Каждый из них знал, что ему надо делать, но времени оставалось мало.

Мой отец не мог понять поведения Али Меркези. До сих пор он считал его хорошим человеком и прекрасным капитаном. Сейчас же будет куда труднее реализовать разработанный план. Но он не испугался. Иметь в союзниках боцмана сама по себе большая удача. Да и выбор был, вообще говоря, небольшой.

Закрывая заднюю калитку того, что до сих пор было его домом, и запрягая мулов в телегу, отец знал, что сейчас заканчивается целый этап в его жизни. Глаза его повлажнели, а сердце гулко билось в его груди. В его доме сохранялся еще дух его супруги, и, если бы она была там, это могло бы служить каким-то утешением. Но выбора у него не было, а в ушах раздавался наш зов из леса.

Он знал, что Оганнес защитит нас, но какая-то тоска сжимала его сердце. Всего несколько недель назад он говорил о возможности уйти в плавание на «Эль-Сирга». Он понимал, что все это иллюзии, ведь военный конфликт уже был развязан, но он хотел приободрить семью. Сейчас все пропало. Этому не суждено осуществиться. Но, по крайней мере, можно будет сделать так, чтобы его трое детей жили более счастливо. Оганнес — умный, но стеснительный мальчик, Мари — милая и ласковая девочка, и я, Алик. Три таких разных личности, вся жизнь которых еще впереди. Он с готовностью отдаст свою жизнь за них.

Было совершенно ясно, что дела идут крайне плохо. Хуже некуда. Он должен воспользоваться этими первыми моментами неразберихи и спасти свою семью. Надежды на улучшение ситуации уже не оставалось. Последняя поездка в Константинополь отрыла ему глаза. Слова Вардгеса Серенгуляна буквально стучали молотом в его голове. В тот самый момент, как он услышал эти слова, он понял, что дни армян в Турции сочтены.

В пути они вдруг увидели каких-то всадников, поднимающихся по склону. Они решили, что их преследуют. Отец спрыгнул с телеги, предупредив Ахмеда, чтобы тот продолжал движение, а сам спрятался в густых кустах на краю дороги. Несколько минут спустя всадники проскакали мимо в клубах пыли.

Это были не турки. Он узнал Асатура Азнавуряна и его братьев Дарона, Бадрига и Дзовасара. Асатур в свое время ухаживал за золовкой Асмик.

У семьи Азнавурян были крупные поместья на холмах Трапезунда. Стада его овец производили лучшую шерсть, продававшуюся в Турции.

Это были люди, привыкшие противостоять трудностям жизни, настоящие борцы, и он захотел узнать, что там происходит.

Когда он подошел к ним, Асатур и его братья спешили и обняли его. Они выразили ему соболезнование и сказали, что в последние часы дела идут из рук вон плохо.

Турки вошли в церковь Хагия София, убили священника и прихожан — армян, укрывавшихся внутри. Только мальчику-служке удалось спастись, потому что в тот момент, когда нагрянули крестьяне в сопровождении нескольких солдат, он находился в ризнице. Армяне подумали сначала, что солдаты будут защищать их, но потом в изумлении увидели, что военные, наоборот, были подстрекателями толпы.

Много домов в армянском квартале города были разграблены и подожжены. Армяне прятались в церквях, а турки старались поймать тех, кто не успевал добежать до церкви.

Братья Азнавурян были вне себя от гнева. Они понимали, что у них остается мало времени на то, чтобы организовать сопротивление, но они уже успели предупредить армян, которые

жили на их землях. Их было человек семьдесят, причем все разного возраста. Братья сказали им, что их жизнь в опасности. Эти люди были для них все равно, что члены их семей — они знали братьев с младенчества. Самые старые из крестьян даже присутствовали на их крестинах. Как можно было оставить их на произвол судьбы?

Тогда мой отец, не долго думая, предложил им уплыть на судне «Эль-Сирга» в ту же самую ночь. Он раскрыл перед ними свой план. Места должно хватить на всех. Хоть корабль не очень большой, поместятся все, даже те члены нашей семьи, которых должны были предупредить Айша и Ахмед.

Азнавур поблагодарил его со слезами на глазах. Потом они расстались, договорившись встретиться в полночь на набережной. Они обнялись, и каждый пошел своей дорогой.

Мой отец, очень взволнованный, обнял всех нас. Особенно Мари, у которой по-прежнему сильно болела нога. Ахмед достал несколько бутербродов и апельсины. Мне казалось, что я никогда еще не была так голодна. Даже Мари проглотила все за одну секунду.

Мой папа сказал, что нельзя терять ни минуты. Мы забрались на телегу, и Ахмед, хорошо знавший этот лес, повел мулов по потаенным тропам, проходившим по густым зарослям. Эти места были довольно пустынные, и мы, к счастью, не повстречали никого.

Я видела, что папа очень нервничает. Обо всем увиденном и услышанном он подробно рассказал Оганнесу, и я слышала его встревоженную речь. Он рассказал также о том, что могло происходить в других местах. Особенно в Константинополе и в городах Смирна или Ван, где процент проживавших армян был велик.

Он сказал, что Одесса могла быть неплохим местом на первое время. Дядя Мурадян нас примет с распростертыми объятиями. Он так принимал всех, даже тех, с кем не был связан семейными узами. А уж нас-то он примет как следует... А потом мы могли бы отправиться во Францию, где у нас есть родственники.

Услышав эти слова, Мари начала безутешно плакать. Она не хотела уезжать из дома. Несмотря на свой возраст, она, похоже, не могла себе представить, что больше не увидит своей матери и что почти все турки вдруг превратились в наших смертельных врагов. Мари вспомнила о своей близкой подруге Надие Баликесир. Ее отец был начальником полиции в Трапезунде. Сквозь слезы она сказала отцу, что мы не должны бояться, — ее подруга поговорит с отцом, и он поможет нам. Она, казалось, была не в состоянии понять, как сильно изменилась ситуация.

Слушая ее, отец отвел глаза — они опять наполнялись слезами. Было трудно согласиться с тем, что мир раскололся надвое и что он никогда уже не будет таким, как раньше. Ахмед смотрел не мигая перед собой, он понимал, что сейчас не время для шуток, которые он часто пускал в ход, чтобы рассмешить нас. Он выглядел постаревшим, неспособным остро реагировать на происходящее. Последние события угнетали его, и он всячески старался помочь нам.

Но сделать что-нибудь уже было нельзя. Для извинений и оправданий просто не оставалось места. Легкий ветерок превратился в страшную бурю, а тем, кто еще надеялся взять ее под контроль либо использовать для того, чтобы просто припугнуть кого-нибудь, не оставалось ничего другого, как просто наблюдать, как их разрушительный замысел выходит из-под контроля.

Наконец мы вышли на крутой берег. С него был виден горизонт, который выглядел слабой мерцающей линией странного зеленоватого цвета. Далекая гроза, казалось, шла в сторону Трапезунда. Отец, шедший рядом с телегой, поднялся на скалу, чтобы увидеть море. Он был озабочен — признаков «Эль-Сирги» не было видно, и душевное волнение отразилось на его лице. Если шхуна не придет, то это будет конец.

Тишину нарушил легкий шум. Кто-то приближался к нам по старой дороге, ведущей прямо в Трапезунд. До нас дошел слабый запах корицы. Он напомнил мне процессии, которые совершались каждый год в сторону ближайшей церкви. Люди шли в церковь,

повозки были богато украшены, мы, подростки и дети, шли пешком, играли и бегали среди взрослых. Сейчас же не слышно было ни смеха, ни шуток, ни радости. Тишина и мгла окружали нас.

На склоне холма появились крестьяне с земель Азнавуряна. Они образовали длинную и молчаливую процессию. Все, от стариков до трех-, четырехлетних детей, казалось, смирились с горькой действительностью. У меня создалось впечатление, что шли только их живые тела. Души их остались в их домах, среди своих земель, у любимых животных.

Видя все это, отец втянул голову в плечи. Он принял на себя ужасную ответственность, предложив свой корабль для эвакуации этих людей.

Он подошел к телеге. Мари пристально смотрела на него, словно ожидая ответа. С другой стороны, ни тетя Лусин, ни тетя Асмик не подавали признаков жизни, что в тот момент было весьма дурным предзнаменованием.

Вскоре к нам присоединились люди Азнавуряна. Папа переговорил с Асатуром. Братья решили остаться. Я слышала, как они заявляли, что хотят остаться, чтобы защитить то, что им принадлежит. Вместе с ними останутся Азат Баграмян, Шаварш Кочарян и другие, судя по всему самые боевые, либо те, кто-как в случае с Асатуром и его братьями, — владел слишком многим, чтобы оставлять это без борьбы.

Потом подъехали Аусин с моими двоюродными братьями и сестрами — Армине, Соной, Забель, Артаком и маленьким Адуром. Приехали также дочери Асмик Мариам и Зварт. Все они плакали. Дядя Шаген был арестован; Асмик не хотела оставлять его, но благоразумие взяло верх над сердцем.

Мы с большими предосторожностями спустились с крутого холма. К счастью, луна омывала своим светом скалы и море, и вода создавала причудливое отражение.

Многие из нас поняли уже там, что большая часть перевозимого ими багажа была лишь обузой, и они освободились от нее. Другие пытались переносить ящики с посудой, стеклом и даже с картинами. Сначала мой отец протестовал против этого. Потом он понял, что слова излишни. Крутой спуск убедил самых упрямых. В конце пути у людей оставались только маленькие чемоданы и сумки. Папа и Оганнес ценой нечеловеческих усилий перенесли вниз Мари. Ее состояние улучшилось, но она еще не могла передвигаться самостоятельно.

Это было настоящее чудо. Мы, все семьдесят два человека, смогли добраться до цели. Даже Аспет Бедросян в свои почти восемьдесят лет, поддерживаемый своими внуками, смог за полтора часа добраться до берега. Он был моим крестным, и я подошла, чтобы поцеловать его. Я посмотрела в его лицо и увидела большое удовлетворение в его глазах.

Но признаков «Эль-Сирги» не было видно нигде. Папа шептался с другими мужчинами. Их лица выдавали беспокойство — если корабль не придет, то нам придется вернуться назад по крутому склону, но, глядя наверх на острые скалы, мы понимали, что такого подвига нам уже не совершить.

Это место всегда служило убежищем для русских и кавказских контрабандистов. Его основное достоинство состояло в том, что оно имело естественную гавань, позволявшую добраться на лодке до корабля, стоявшего в двухстах или трехстах метрах от берега.

Это место обещало быть спасением — море было спокойным, и все мы всматривались в скалистый мыс, из-за которого должен был показаться наш «спасительный плот» — «Эль-Сирга».

Полночь давно прошла. Было холодно и влажно, но никто не жаловался. Даже самые маленькие дети мужественно переносили все тяготы, словно понимали, что именно было поставлено на карту. Мы же все думали о тех, кто не смог прийти сюда вместе с нами — о родственниках, друзьях, знакомых. Каждый из них боролся за свою жизнь, старался спасти хоть что-то, а потом уж считал, что же уцелело от страшной бури. Наконец, когда мы уже совсем отчаялись, появился тонкий профиль корабля, и отец от радости вскинул вверх руки. Старый боцман не подвел. Корабль бросил якорь на расстоянии броска камня от берега, и в свете луны мы увидели, как спустили лодку, кто-то залез в нее и потом энергично стал грести в нашу сторону.

Это был Исмаил Кемаль в сопровождении одного из моряков. Он сошел на берег, обнял отца и сказал, что лодка может перевезти одновременно не более шести человек. Мой отец принял решение, что, несмотря на состояние Мари, мы должны сесть в лодку последними.

Так оно и случилось. Лодка сделала много ездов без каких-либо осложнений. Люди с волнением ждали своей очереди, но проявляли терпение и грузились в полной тишине. Я смотрела, как луна поднимается над горизонтом, и в какой-то миг даже подумала, что судьба стала на нашу сторону.

Уже подошла наша очередь сесть в лодку, когда Ахмед издал предупредительный крик с вершины скалы. В этот момент мой отец и Оганнес помогали Мари сесть в лодку, а я подносила последние вещи поближе к лодке.

Нам были слышны далекие звуки борьбы, а также шум, с которым какие-то люди поспешно спускались по узкой тропинке, держа в руках горящие факелы.

Я едва успела заскочить в лодку, как кто-то выстрелил в нас. В свете луны я увидела, что это были солдаты, которые подло стреляли из своих карабинов в незащищенных людей. Несмотря на это, матрос энергично греб в сторону корабля, и мы уже были на полпути к нему. Отцу моему ничего не оставалось, как пытаться укрыть нас своим телом. Он склонился над нами, тяжело дыша.

В этот миг прозвучал выстрел, и отец, выбросив руки назад, упал в воду. Мари стала отчаянно кричать, и тут же пулевая очередь пробила лодку ниже ватерлинии.

Все произошло в одну секунду. Мы все оказались в воде. Нас окружило холодное, темное, вязкое море. Я потеряла из виду Мари и Оганнеса и старалась снова выплыть на поверхность.

Одежда мешала плыть, было ощущение, что кто-то с силой тянет меня вниз.

«Эль-Сирга» находился в каких-то десяти метрах от нас, и мне были слышны крики ужаса и отчаяния, доносившиеся с корабля. Со стороны берега выстрелы звучали все чаще и чаще.

Я не знало, что случилось. Единственно, что я увидела, так это как корабль поспешно уплывал подальше от берега. Видимо, боцман, находившийся уже на борту, решил, что лучше уж спасти людей на корабле, чем рисковать всем на свете.

Я несколько раз позвала моих братьев и сестер. Но силы покидали меня, потому что при падении в воду я хлебнула много воды и мне трудно было дышать.

Не знаю, как мне удалось доплыть до скал на берегу. К счастью, море было спокойным, и я смогла ухватиться за выступающую часть камня. Там я перевела дух и вскарабкалась на крутую скалу. Не знаю, что именно толкало меня, — в те моменты я хотела только умереть. Моя семья погибла, и теперь уже все теряло свой смысл.

Ноги мои омывала вода, а я сидела на камне и, обхватив голову руками, безутешно плакала. Я подумала, что, если я встану и закричу, может быть, какой-нибудь солдат из сожаления убьет меня. Мне уже было все равно!

Но нет. Как ни странно, вокруг была тишина. А «Эль-Сиргу», казалось, проглотило море. Была почти полная темнота, только слабый свет как будто излучался из глубин моря.

Думаю, что я пробыла там довольно долго. Я не хотела шевелиться, потому что, двигаясь, я как бы подтверждала то, что на самом деле произошло. Я не хотела верить этому. Может быть, это был просто кошмарный сон и скоро мама или Мари разбудят меня и станут утешать меня, что ничего не случилось и что все это был лишь страшный сон.

Когда рассвело, я пришла в себя. Меня охватила мысль, что смогу найти папу или Оганнеса. Я была уверена, что Мари уже была на борту и смогла скрыться.

Прежде чем я смогла что-то сообразить, появились турецкие солдаты. Я знала одного из них. Он был сыном женщины, продававшей нам рыбу, он сам часто привозил ее нам на небольшой тележке.

Он сделал вид, что не знаком со мной, но все-таки помог мне. Несмотря на то, что он был мрачный и назвал меня «армянской сукой», он не допустил того, чтобы его приятели



исполнили свое намерение изнасиловать меня.

Это стоило ему больших усилий, он встал между ними и мной и отогнал их. Мне было очень страшно, но это был не страх смерти. Он уже не имел для меня никакого значения. На самом деле я была бы даже благодарна им, если бы они решились убить. Но я не могла вынести, чтобы меня изнасиловали. Мари предупреждала меня об этом и говорила, что если это произойдет с ней, то она убьет себя.

Мы вернулись в Трапезунд пешком. Я шла рядом с Али — так звали этого парня — и ловила на себе взгляды остальных. Я молилась, чтобы кто-то выстрелил мне в спину или воткнул штык в шею. Я не хотела даже думать о том, что могло произойти со мной в казарме.

Прежде чем войти в город, Али стал что-то обсуждать со своими товарищами. Они долго жестикулировали, пока он не подошел ко мне один и не сказал, чтобы я шла за ним. Мне ничего другого не оставалось, как пойти за ним следом. Мы направились в сторону района, где жили рыбаки, и я поняла, что мы идем к нему домой.

Это вызвало у меня надежду, и, действительно, мы вскоре подошли к бедному на вид домику недалеко от моря. Он велел мне войти, и я заметила, что он сказал это с определенным уважением. Я вошла и почти столкнулась с его матерью, которая хорошо знала меня.

К моему удивлению, она обняла меня и горько заплакала. Она попросила у меня извинения за все, что произошло, и подвела меня к плите, чтобы я села у огня.

Эта добрая женщина пожаловалась на несчастье, свалившееся на город. Она безутешно плакала, понимая, какие последствия все это может иметь. Она рвала на себе волосы, словно и она потеряла кого-то из своих близких.

Ее искренность была очевидна, и я вдруг тоже начала плакать возле нее. Я поняла, что что-то внутри меня сломалось навсегда.

Ее сын Али пару раз появлялся в окне, не решаясь войти в дом. Он, наверное, считал, что все эти слезы и жалобы были всего лишь женскими причудами.

Я увидела, как он поднимается вверх по дороге, и почувствовала к нему благодарность. Он не только спас меня, но и доказал, что не все турки были безумными убийцами, в чем я сама себя убедила той бесконечной ночью.

Женщина провела меня в свою спальню. Это было маленькое помещение, отделенное от кухни занавеской. Она настояла на том, чтобы я разделась и сняла с себя все мокрое. Потом дала мне сухую и чистую одежду — юбку, цветастую блузку и жилет, которые она, вероятно, надевала в дни рыбацких праздников. Она не только хотела уберечь меня от ревматизма или чего-то похуже, но и пыталась выдать меня за свою дочь или племянницу.

До конца дня я просидела около печки. Я не могла уже думать о моей семье, я видела только пламя на горевших поленьях в печке. Рядом со мной хлопотала женщина, искоса бросавшая на меня беспокойные взгляды и качавшая головой от тревожной мысли, как судьба распорядится мной.

Больше времени не оставалось. Вдруг мы услышали крики, доносившиеся с улицы. Какие-то люди шли в нашу сторону, женщина и я высунулись в окно. Там мы увидели Али, он шел со связанными сзади руками, ехавший верхом офицер спешил к нашим дверям.

Женщина закричала от отчаяния. Она поняла, что произошло. Товарищи ее сына предали его из зависти и сейчас пришли за мной, ставя под угрозу уничтожения всю семью.

Времени предпринять что-либо у меня не оставалось. Офицер вошел и нанес мне пощечины с такой яростью, словно я была его смертным врагом. Потом он, не глядя на женщину, сильно толкнул ее на стену, она упала, а меня он потащил на улицу. Взгляд, который бросил на меня Али, я никогда не забуду. Он тоже стал моим врагом по той простой причине, что приютил меня и помог армянской девочке.

Они задержали не только меня. Они арестовали также двух юношей постарше меня, лет шестнадцати-семнадцати, и мальчика лет пятнадцати. Они были напуганы больше, чем я,

буквально дрожали от страха и не понимали, что происходит.

Нас потащили почти бегом — мы были неспособны идти в ногу с толпой — в сторону складов недалеко от казарм. Не говоря ни слова, нас пинками втолкнули в эти помещения.

Я была потрясена и потеряла дар речи. Все армянские дети и женщины находились там в страшной тесноте.

Меня поразила тишина в помещении. Никто не разговаривал, не было даже жалоб и криков. Никто не поднял головы, когда мы вошли. Похоже, они привыкли к тому, что турки приводили сюда одного за другим женщин и мужчин, захваченных в городе и его окрестностях.

За всю ночь, что мы провели там, нам не дали ни крохотного куска хлеба, ни капли воды. Дети плакали от беспокойства, боясь делать это громко из-за опасения, что их могут оторвать от матерей.

Как только рассвело, послышался большой шум с улицы, как будто там что-то готовилось. Оттуда доносились крики, приказы и оскорбления, казавшиеся нам страшной и неотвратимой угрозой.

Так оно и было. Открылись двери, и без всякой команды или распоряжения нас стали выводить, безжалостно избивая тех, кто задерживался в дверях. Тогда раздался всеобщий шум, дети стали кричать от страха. Боязнь их была настолько велика, что многие непроизвольно писали или хватались за ноги матерей, мешая им идти и вызывая их падение.

Царила жуткая тоска, из которой не было выхода, которая не оставляла каких-либо надежд. Некоторых детей рвало, с одной женщиной случился припадок, и она упала без чувств, другая билась в истерике, разбивая себе тело о камни.

Я не увидела ни малейшего проявления жалости ни со стороны военных, ни со стороны турок, наблюдавших за издевательствами. По их виду можно было предположить, что они удовлетворены тем, что видят, а некоторые даже открыто смеялись, словно увидели что-то необычайно смешное.

Священник в нашей школе неоднократно предупреждал нас о существовании ада, что он куда ближе к нам, чем мы думаем. Что черт — Сатана, Люцифер, Вельзевул и многие другие — находятся среди нас, они ждут малейшей слабости с нашей стороны, чтобы навалиться на нас. Он говорил, что ад — это место, где отсутствует надежда, а это — главное мучение. Огонь, уколы пыточными устройствами, жажда, боль — все эти муки бледнеют перед отсутствием надежды.

Жизнь без надежды. Это ощущение худшее из всех на земле. Это самое страшное мучение. Мы смеялись над нашим священником. У этого человека было не все в порядке с головой. Что это значит — жить без надежды?

Я поняла это в том дворе. Нас окружало полное отчаяние. Люди поначалу вроде бы спорили, обвиняли и оскорбляли друг друга, что очень пугало наших детей, — они открыли наружную дверь и заставили нас выходить одну за другой.

Какая-то женщина хотела обойти всех, она кричала, что была женой крупного адвоката. Она встала перед офицером и высказала ему свои претензии. Куда нас ведут? Ведь дети не ели и не пили со вчерашнего дня! Офицер не мигая посмотрел на нее, потом ударил лошадь шпорами в бока, она встала на дыбы и ударила женщину передними копытами. Женщина упала, как подкошенная, не успев даже понять, что с ней произошло. Со лба у нее текла кровь, дыхание ее было затруднено, она задыхалась.

Никто больше не пытался вмешаться. Мы только шли, неся совсем маленьких детей и ведя за ручки малышей. У всех были отсутствующие взгляды, а глаза полны непонимания того, что с ними происходит.

Мы прошли мимо какого-то фонтана. Офицер разрешил попить, поняв, видимо, что если не дать такую возможность, то все упадут там же от усталости, как упали две или три старушки, которые, несмотря на обрушившиеся на них удары, просто были не в состоянии

идти дальше.

Я не знаю, что стало с ними. Я не хотела об этом думать, потому что в голову лезло самое худшее. И, кроме того, в стороне я увидела группу неизвестно откуда взявшихся курдов, шедших в нашу сторону. У них был вид выпущенных из клетки диких животных, увидевших свою добычу. Это придало нам импульс, потому что мы хорошо знали, что нас ждет, если станем их жертвами.

Мы подошли к склону горы. Там я увидела краем глаза, как вся эта толпа курдов, живших недалеко от Трапезунда, бежала с горы, спотыкаясь и перепрыгивая через камни как стая диких козлов и остановилась там, где их задержали солдаты. Курды не скрывали своих намерений.

Снова опустился вечер. Военные зажгли три костра, которыми обозначили края импровизированного лагеря. Потом они сняли с мулов и раздали нам мешки с черствым хлебом и горох.

К этому времени отношения внутри нас начали меняться, и две женщины подрались за куска хлеба, который в конце концов покатился по земле. Они исцарапали друг друга и нанесли жестокие побои. Никто не стал вмешиваться. Мы все были настолько утомлены, что могли только наблюдать за этой сценой. Только солдаты подзуживали их. Потом все затихло.

Как только рассвело, военные стали кричать на курдов. Две женщины были зарезаны, их полураздетые трупы лежали тут же.

Курды укрылись в густом кустарнике, убегая от солдат. Тем не менее они не уходили далеко, как будто между ними и военными был какой-то сговор.

Не было ни малейших сомнений, что это сделали именно курды. Их выдавало то, что они ограбили свои жертвы.

Это событие ничего не изменило. Нас заставили встать, позволили попить из ручья и снова погнали в путь. Некоторые дети не могли идти, но нашим конвоирам было, казалось, все равно. Им нужно было выполнить какую-то программу, и они не собирались менять ее ради каких-то детей. Они пригрозили матерям: если дети не смогут идти, то их оставят без присмотра.

Это были не простые угрозы. В то утро одна мать упала на землю без сил. Она несла двоих детей — одного на спине, другого на руках.

Я видела, как курды о чем-то спорили с сержантом, вроде бы торговались. Наконец они договорились. Сержант подошел к потерявшей сознание женщине и осмотрел ее.

Он, вероятно, что-то нашел, потому что пару раз запустил руку в ее карман. Потом он дал команду продолжать путь, и офицер поднял руку. Женщина была просто оставлена посреди дороги вместе с двумя детьми. Одна женщина попыталась взять их, но сержант ударил ее, чтобы она отпустила детей. Ему пришлось даже схватить ее и силой увести под ее истеричные крики. Один из мальчиков как смог побежал туда, где оставались его мать и брат.

Я шла в последних рядах. Почему-то я выбрала именно это место — если представится возможность, я одним прыжком смогу спрятаться в кустах. Но шедшие сзади курды мешали этому. Они нагло приставали, пытались договориться с военными, указывая то на одну, то на другую женщину, называли цену, словно находились на ярмарке скота.

Начинался адский круговорот. Каждую ночь они уводили молоденьких девушек, которые пытались визжать, но у них не было сил даже на это. Солдаты же не давали себе труда даже подняться. Они разрешали курдам то, что они хотели, полагая, что, чем скорее закончится это абсурдное путешествие, тем скорее они вернуться в удобное однообразие своих казарм.

Однажды вечером офицер ушел с несколькими солдатами, оставив сержанта за старшего. Этого человека мы боялись из-за его невероятной жестокости, проявлявшейся уже неоднократно.

Начиная с этого момента ситуация намного ухудшилась. Было трудно себе представить, что она могла быть хуже, но она стала неизмеримо тяжелее.

Первое его распоряжение было в том, чтобы все мы разделись донага. Две женщины отказались, и он самолично саблей отсек им головы.

Делать было нечего. Я подумала, что на фоне того, что происходит, такое унижение может быть не самым страшным по сравнению с тем, что, возможно, нас ждет впереди. Все мы разделись. Потом то же самое пришлось сделать детям. Нас отвели в сторону от горок лежавшей на земле одежды, и несколько солдат начали рыться в ней. Иногда они издавали радостные крики. Это они находили небольшой узелок с деньгами или драгоценностями, причем некоторые узелки были зашиты в подкладку.

Из-за этого они безжалостно рвали одежду и даже обувь. Когда мы вновь одевались, нам оставались только лохмотья, едва прикрывавшие тело. Той же ночью солдаты выбрали себе наиболее приглянувшихся им женщин, девочек и даже мальчиков и увели их в кусты, где изнасиловали.

Мы слышали раздирающие крики, потом появлялись какие-то бродячие фигуры, которые шли не разбирая дороги и тихо падали на землю.

Много детей умерло от истощения, холода и недоедания. Некоторые матери даже хотели оставить их еще живыми в кустах в надежде, что они не будут так мучиться перед смертью.

Такое предположение было ни на чем не основано — курды шли за нами, и после ухода офицера они просто подходили к кому-нибудь из нас и уводили.

В одну из ночей мы подошли к Евфрату, выглядевшему как мощный водяной поток. Когда мы подошли к берегу, чтобы напиться, одна женщина бросилась со своим сыном в реку, и течение немедленно унесло их. Это послужило как бы сигналом для других. Много женщин кинулось в темные и бурные воды реки. Никто и не пытался удерживать их.

Из тысячи двухсот человек, начавших путь, нас осталось всего около сотни. К утру последние солдаты, конвоировавшие нас, сбежали, прихватив несколько детей и молоденьких девушек.

Сохраняя способность размышлять и трезво оценивать действительность, я так и не смогла понять, почему они не тронули меня. У меня было невероятное ощущение, что меня просто не видят.

Потом мы продолжали механически идти в том же самом направлении, словно впереди, в южной пустыне, нас ожидала какая-то встреча. Ели мы что придется: дикие ягоды, яйца из случайно найденных гнезд и даже насекомых. И продолжали идти. Курды тоже отстали от нас, опасаясь, по-видимому, огромных необжитых пространств.

Странно, что между собой мы почти не разговаривали. Нас было всего человек двадцать, и мы совсем не обращались друг к другу. Мы все следовали за женщиной лет пятидесяти — волевой как мужчина и худой. Она каждое утро решительно поднималась и отправлялась в путь, не оборачиваясь.

Каждый день кто-нибудь оставался на дороге, не в силах идти или от полного изнеможения. Одна из нас подходила к ней, смотрела на нее, и все мы шли дальше.

Мы шли практически голые, босые, с кровоточащими ногами. Мы были заражены болезнями, руки разбиты, кожа обгорела на солнце, корочка грязи, может быть, как-то защищала нас от солнца, волосы были полны вшей и пауков.

Никто из нас не понял, что мы пришли в пустыню. Я подумала, что этот день, в крайнем случае следующий, будет нашим последним днем. Вокруг не было ни капли воды, но мы шли, почти ползли. Помню, что солнце уже заходило, когда появился всадник на коне. Это были не турки, не курды, не крестьяне. Это были арабы из пустыни, их головные уборы развевались на ветру. Они приблизились на расстояние одного броска камнем. Они о чем-то переговаривались — ветер доносил и до нас их слова. В их бормотании слышалось сочувствие и сострадание.

Один из всадников, возможно старший из них, спешился и приблизился к нам, ведя лошадь под уздцы. Он подошел ко мне и, глядя на меня, покачал головой. Потом он снял свою накидку, обернул меня в нее и с трудом усадил на лошадь. Я увидела, что другие всадники так же поступили с моими спутницами.

Всадников было человек двенадцать, и нас посадили по двое на каждую лошадь. Потом, ведя лошадей под уздцы, они пошли в сторону дюн.

За дюнами находился их лагерь. Когда мы прибыли туда, из палаток вышли женщины, издавая крики изумления и сочувствия. Они говорили по-арабски, и мы едва могли уловить одно или другое слово, но выражения их лиц, то, как они стали помогать нам, говорило о многом.

Они промыли нам раны, напоили козьим молоком, дали какой-то каши. Потом нас разобрали по палаткам, где мы могли отдохнуть.

Две молодые женщины умерли той же ночью. Мы же остались жить благодаря невероятному гостеприимству этих людей. Правда, произошло нечто странное — между собой мы не говорили о том, что с нами произошло. Мы были обожжены огнем, маркированы на всю жизнь: черное, бесовское, жестокосердное поведение одних человеческих существ по отношению к другим существам того же вида.

Там я провела около трех лет. Я вошла в мою новую приемную семью. Меня приняли и научили выживать в пустыне. Я выучила арабский язык и могла слышать, как старики передавали свою мудрость молодым.

Эти люди были свободны от грехов. В качестве собственности у них имелось только чувство свободы.

Эти годы были самыми счастливыми в моей новой жизни. Я не хотела и не могла подумать о том, чтобы оставить эту жизнь и вернуться к моей предыдущей жизни христианской армянки. Меня обучили Корану, который они знали наизусть и передавали друг другу устно.

Несмотря на то, что я, женщина, жила в мире, созданном по мужским меркам, я не помню, чтобы меня хоть как-то унизили. Наоборот, с нами обращались с большим уважением и, надо отдать должное, всегда соблюдая дистанцию.

Все проходило в полной гармонии с природой. Иногда в поисках воды и пастбищ для скота мы меняли расположение лагеря. Там мы собирали дрова, финики, другие дикие фрукты.

Эти народности обладают своего рода инстинктом выбора оптимального направления пути. Они знают, что малейшая ошибка в этом может стоить жизни всему роду.

В общем, шли годы. Дней я не считала и даже не знала, в каком месяце живу. Какое это имело значение там? Никто не ждал моего возвращения. Не хотелось думать о том, что случилось с моей семьей. Судьба дала мне новую семью, которая занималась мною, заботилась обо мне. Правда, проявлялось это по-другому, но с той же любовью и с той же нежностью, что было у меня раньше.

Но однажды все закончилось. Я знала, что это когда-то случится, но в моей жизни было столько кошмаров, что я старалась о них не думать.

На нас напали турки. Они появились так неожиданно, что встреча с ними вылилась в большую резню. Мужчины, прекрасно знавшие пустыню, приученные природой к выживанию, рассеялись по пустыне, и я, не успев прийти в себя, осталась одна.

Я закричала им, чтобы они убили меня. Мне не хотелось больше жить. Второй раз судьба, эта жестокая судьба наказывала меня и уничтожала мою новую семью.

Турки взяли меня в плен. Я была в отчаянии. Отказывалась есть и пить. Мне хотелось как можно скорее умереть. Но мой организм оказался намного сильнее моей воли и вынес это новое испытание.

Турецкий полк стал отступать. Арабы преследовали нас и стреляли при первой же возможности. Турки без колебаний бежали к турецкой границе.

Наконец мы прибыли в какой-то турецкий город. Меня повезли к каймакаму<sup>8</sup>. Они не знали, что делать со мной, потому что какой-то офицер взялся опекать меня. Это он делал не ради меня. У него был друг, потерявший недавно жену и сына. Кроме того, этот друг был влиятельным человеком, и он думал, что другу понравится такой подарок.

Я вошла с ним в префектуру, не отдавая отчета в своих действиях и мечтая только поскорее умереть. Дежурный офицер сразу пропустил нас. Каймакама звали Кемаль Хамид. Вот такую коварную западню приготовила мне моя судьба.

\* \* \*

Я был ужасно взволнован. Я отнес это за счет смерти моей матери. На самом деле было не так. Я закрылся в туалете и разрыдался. Никогда со мной не было ничего подобного. Получилось, что действительность оказалась сильнее меня — напускная жесткость, которой я пытался прикрываться, чтобы никого не подпускать к себе слишком близко и не показывать, каким я был в действительности, растаяла, и моя кожа осталась беззащитной перед реальностью жизни.

Именно Алик раскрыла передо мной ту действительность, которую я безуспешно пытался искать столько времени. Я искал ее с отчаянием, с надеждой, что когда-нибудь она раскроется и я узнаю о ней все.

Упала ночь. Алик выглядела растерзанной, как бы примирившейся со своей судьбой. То, что она во второй раз увидела гибель своей сестры, стало, с одной стороны, импульсом для ее воспоминаний, а с другой — освободило ее от травмы, мучившей ее все эти трагические годы. Она призналась мне, что ей пошло на пользу то, что она облегчила душу и что это случилось после того, как она увидела Мари еще живой.

Но на этом неожиданности еще не кончились. Медсестра пришла попрощаться с нами. Самия Суруф была доброй женщиной, в течение многих месяцев она ласково и самоотверженно ухаживала за моей матерью. Я поблагодарил ее за все. Она пошла за своими вещами и вернулась с маленьким чемоданчиком. В руке у нее был конверт, который она передала мне. Я вопросительно посмотрел на нее.

Самия объяснила мне, что в первые дни болезни моя мать все-таки сохраняла ясность мысли. Она продиктовала ей несколько строк и велела передать их мне после того, как уйдет из жизни. Самия попыталась улыбнуться. Обещание и есть обещание. Потом она подала мне руку и скрылась за дверью, а я остался в холле со смятой бумагой в руке.

Я вернулся к Алик, сидевшей в кресле в библиотеке, и передал ей конверт. Я чувствовал себя не в силах открыть его, и мне казалось естественным, чтобы она прочитала послание вслух. В конце концов это был день, который она ждала всю жизнь. Это был день истины.

Алик деликатно надорвала конверт и стала читать послание. И я понял, что все это не было случайностью. Обстоятельства выстраивались в таком стройном порядке, какой иногда навязывает нам жизнь.

\* \* \*

Дарону, моему сыну. Мне многое надо рассказать, и нет желания это делать. Но я знаю, что умираю, и знаю, в чем состоит мой долг.

Я не хочу рассказывать, как исчезла моя семья — мой отец, моя мать, моя сестра Алик, мой брат Оганнес. Может быть, мне следовало назвать их «мои приемные братья и сестры», но я так не скажу. Они были моими родственниками. По крайней мере, я любила их как родных.

---

<sup>8</sup> Каймакам — глава местной администрации.

Я оказалась вдруг одна на «корабле-призраке» — «Эль-Сирга», принадлежавшей Богосу Нахудяну, моему отчиму. Я назвала шхуну «кораблем-призраком», потому что на нем не было команды. Многие из них погибли под огнем от пулеметов, стоявших на берегу.

На корабле нас было шестьдесят или семьдесят армян. Мы все были уверены, что нас ждет смерть. Что мы разобьемся о скалы. Или потонем в бурю. Или натолкнемся на турок, которые отрежут нам головы.

В те минуты мы не могли думать ни о чем другом. У нас не было большого выбора. Я лично была неспособна вспоминать, что и как произошло с нами. Все было как бы нереально, все казалось ночным кошмаром, очнувшись от которого можно было бы вернуться к прошлому.

Когда дела идут плохо, кажется, что весь мир переворачивается с ног на голову. Посреди ночи мы на что-то натолкнулись. Это был, возможно, другой корабль. Или скалы — это уже не важно. Важно то, что «Эль-Сирга» быстро затонул. Я слышала крики, стоны. Потом все вдруг стихло. Я помню только, что я оказалась привязанной к какой-то доске. Я хотела бросить ее и тоже пойти на дно, но не смогла. Я была не в силах сделать это.

Неожиданно в тумане появилась лодка, и какой-то матрос ухватил меня за запястья и вытащил наверх. Кто-то помог мне забраться в лодку. Там, похоже, я потеряла сознание.

Когда я пришла в себя, оказалось, что я лежу на койке. Меня ужасно тошнит, но я знаю, что нахожусь на корабле. Ко мне подходит мужчина и смотрит на меня. Он что-то ласково говорит мне по-французски. Я вижу, что он не собирается причинить мне вреда.

В течение нескольких дней я пребываю в том же состоянии. У меня, наверное, высокая температура, потому что все вокруг снова погружается во тьму. Через некоторое время мне становится лучше. Мужчина садится на край кровати и что-то говорит мне по-французски. Я понимаю его, но не могу ответить. Я не в силах разговаривать. Передо мной кладут бумагу и перо. Я отказываюсь от них.

Через какое-то время утром корабль приходит в порт. Меня выносят на носилках. Большой белый автомобиль с нарисованным на борту красным крестом забирает меня и куда-то везет. У меня слуховые галлюцинации. Мне страшно. Я не в состоянии ясно мыслить. Каждый день мне в бреду является моя семья. Они приглашают меня уйти с ними. Это единственное, чего я действительно хочу.

Высокий мужчина подходит осмотреть меня. Кто-то рядом говорит, что это психиатр. Я не знаю, чего он хочет от меня. Он ласково разговаривает со мной, но мне от него ничего не надо. Мне очень страшно. Я боюсь не того, что меня убьют, а того, что мне помешают видеть мою семью. Каждый раз, когда он подходит, я закрываю глаза руками.

В другой день другой мужчина стал разговаривать со мной по-армянски. Я стала внимательно смотреть на него. Мне кажется, что я слышу какой-то знакомый голос. Он спрашивает меня, кто я. Я не знаю. Я ничего не помню о себе. Я только сейчас поняла это.

Высокий мужчина говорит, что я должна верить ему. Он пристально смотрит на меня, но передо мной встают видения, что турки хотят схватить моего отца на кладбище. Моя мать хочет выйти из укрытия, но турок мешает ей. Мне страшно. Очень страшно.

В один из дней за мной приходят несколько человек. Они напоминают мне мою семью. Я могу поехать с ними, как мне кажется, к ним домой. Там я буду чувствовать себя более уверенно. Мне несколько раз называют фамилию, как будто я не могу понять с одного раза. Балакян. Балакян. Балакян. Как мне кажется, я знала других людей с этой фамилией.

Они живут в доме, который мне напоминает многое. Каждый момент они напоминают мне «мы — армяне», «мы — армяне». Я тоже, наверное, армянка. Но мне все равно. Единственное, что я хочу, так это чтобы пришла моя мать.

Однажды вечером, находясь в моей комнате, выходящей в сад, я услышала снаружи шум. Уже стемнело, и пошел дождь. Я подошла к окну и там увидела

мужчину, который смотрел на меня так же пристально, как тот высокий мужчина в госпитале. Потом, когда я пришла в себя, мы уже ехали в машине. Один мужчина был за рулем, другой сидел рядом со мной. Он разговаривал со мной по-армянски, как в семье Балакян. Он говорил, что отвезет меня к моей семье. Я, кажется, согласилась. Это главное, что имело для меня смысл.

Мы прибыли в порт, и он сказал мне, чтобы я поднялась с ним на борт корабля. Меня охватила паника, но мужчина сказал, что мне не нужно бояться. Моя семья находится по другую сторону моря. Я поверила ему, потому что стала кое-что вспоминать. Я хотела увидеть моих братьев и сестер.

Мы были много дней в пути, но этот человек вроде бы выполнял свое обещание. Я помнила, что моя мать умерла и была уверена, что мои братья остались живы. Каждую ночь во сне они говорили мне, что живы. Меня не заботило, что могло случиться со мной. Доктор Назим — так его звали — меня отвезет к ним.

Мы высадились в Константинополе. За последние несколько дней моя память заметно улучшилась. Это причиняло мне большие страдания — я многократно видела, как мой отец падал в море. И мои братья. Но странно, я боялась только за отца. Я была уверена, что мои братья спасутся.

Доктор Назим сказал, что он остается там, а за мной кто-то заедет и отвезет в Трапезунд. Я вновь испытала страх, но уже как-то научилась преодолевать его.

Мы поехали в дом, стоявший в центре города, недалеко от мечети. Это было большое строение, с большим садом из пальм и фонтаном в центре площади, покрытой гравием. Из двери вышел толстый мужчина лет шестидесяти. Увидев меня, он улыбнулся. Мне не понравилась его улыбка, она была какой-то нечеловеческой. Он глядел так, словно хищное животное, осматривающее свою жертву.

За последнее время я возвращалась к реальному миру, который не хотела признавать. Я не могла вынести то, что произошло с моей семьей.

Мужчина подошел ко мне и с любопытством осмотрел меня. Потом я узнала, что этого мужчину звали Осман Хамид. Чего я не могла предположить, так это то, что он был моим отцом.

Путешествие из Константинополя в Трапезунд на пароходе заняло около трех дней. Мне не разрешили выходить из каюты — у дверей постоянно стояла охрана. Мне было страшно возвращаться домой и видеть, что все, что с нами произошло, правда. Мне казалось, что я этого не вынесу. Со мной никто не разговаривал, но я знала, что за мной постоянно наблюдают. Дважды я хотела подняться на палубу, но мне запретили. Я была пленницей и не строила себе иллюзий на этот счет.

Во время путешествия я не видела толстого мужчину. На утро третьего дня я услышала пронзительные крики чаек и высунулась в иллюминатор. Я узнала порт Трапезунда, но иллюзий относительно возвращения на землю у меня не было. Там меня никто не ждал.

Так мне казалось. Как только корабль причалил, меня вывели из каюты и подвели к ожидавшей в нескольких метрах карете, запряженной лошадьми. Мы поехали в сторону старого города. Я хорошо знала дорогу, и хотя не хотела видеть, что-то внутри меня заставляло смотреть. На пути попадались сгоревшие дома, и вдруг как будто пелена упала с моих глаз, и я вспомнила все до подробностей.

Тогда, не в силах сдержаться, я безудержно разрыдалась. Я оплакивала моих родителей, Оганнеса, Алик, моих дядей и тетей, моих двоюродных братьев. Все они умерли, и я, наверное, была единственной, кто выжил. Что меня удивляло, так это зачем меня снова привезли сюда. Я знала, что побывала где-то далеко, но не знала где. Зачем меня привезли в место, которое для меня было все равно, что кладбище? Я не могла понять этого.

Кучер и адъютант провели меня внутрь дома. Я не знала, кому он принадлежал, но знала, где он находится. Каждый раз, когда я проходила мимо этого дома по пути в школу, я думала, что в нем живет очень влиятельный человек.



В тот момент я не знала, даже не могла предположить, что же от меня хотят. Внутри меня росло смешанное чувство страха, гнева и ненависти, которое перекрывало любое другое чувство.

Там мне пришлось ждать довольно долго. Я не могла сбежать — кто-то следил за каждым моим движением. Неожиданно открылась дверь, и появился молодой человек, чуть старше меня, на вид лет двадцати пяти-двадцати шести. Еще стоя у двери, он смотрел на меня и улыбался. Мне показалось, что он был очень похож на того толстяка, который привез меня сюда.

«Ты Мари Нахудян, — мужчина подошел ко мне. — Я хочу, чтобы ты знала, что меня зовут Кемаль Хамид и что ты принадлежишь мне. Не пытайся бежать, врать или изменять мне. Если ты сделаешь это, ты пожалеешь, что родилась. Ты оказалась здесь исключительно по моей воле, и твоя единственная обязанность состоит в том, чтобы во всем подчиняться мне».

Это была моя первая встреча с Кемаль Хамидом. С самого первого момента я почувствовала к нему презрение и ненависть. Он стал объектом всей моей ненависти, потому что такие, как он, убили моих родственников.

Потом я узнала, что Кемаль Хамид был каймакамом Трапезунда, и у него была огромная власть во всем округе.

В тот же вечер Кемаль изнасиловал меня и избил почти до потери сознания. Насилюя, он обзывал меня «армянской сукой». Тогда я решила убить его, и эти мысли служили мне единственным утешением. Он мог делать со мной все, что ему заблагорассудится, но наступит момент, когда я убью его.

Уверенность в этом успокоила меня — с этого момента я больше не сопротивлялась. Он решил, что овладел мною, и смеялся от удовольствия.

Привыкший побеждать всегда и везде, он нашел мое поведение логичным. Но когда он проникал в меня, я всегда думала, что когда-нибудь он умрет около меня, и это очень утешало меня.

Так он удерживал меня в течение нескольких месяцев. Я знала, что меня отдал ему его отец Осман Хамид. Они были сделаны из одного теста, люди завистливые и абсолютно бессовестные, считавшие, что все остальные человеческие существа предназначены лишь для того, чтобы ими манипулировать.

Тогда я обнаружила, что ненависть может превратиться внутри нас в нечто очень важное, что заставляет жить, и ничто не может сравниться с ней по своей мощи. Это необходимость терпеть до того дня, когда можно будет отомстить за полученные удары.

Тём не менее время шло. В тот адский период я забеременела. Он понял это и оставил меня в покое. Правда, у него было много других женщин, почти все армянки, с которыми он мог бы утешиться.

Я помнила, что моя мать Азатуи Назарян однажды объяснила мне, что плод нежелательной связи и даже изнасилования ни в чем не повиновен. Она сказала, что когда-нибудь я это пойму.

Только много лет спустя я узнала все то, что с ней произошло. Это было то, что по иронии судьбы повторилось и со мной.

Кемаль Хамид превратился в чудовище. Ему было мало крови, полученной от тех людей, которые были принесены в жертву за последние кошмарные месяцы. Ему еще надо было чувствовать себя хозяином. Вся ненависть, которую испытывал его отец Осман Хамид к нашей семье, обернулась сейчас против меня.

Когда оставалось два месяца до рождения моего сына, я увидела через окно странную фигуру. Это был аптекарь, к которому обращались почти все армяне Трапезунда. Его звали Надир Кабир. Он был знаком с нашей семьей и хорошо знал меня.

Я послала постоянно охранявшую меня женщину Салиму за аптекарем. Я сказала, что чувствую себя плохо и что мне нужны какие-нибудь таблетки. Женщина заколебалась, но потом вспомнила, что Кемаль хотел ребенка, и спустилась за аптекарем.

Когда Надир Кабир вошел в мою комнату, его глаза почти вылезли из орбит. Турки, видимо, уважали его, потому что нуждались в нем. Я объяснила ему, что

плохо себя чувствую и что мне нужны таблетки для желудка.

На какой-то момент Салиму позвали, и она вышла из комнаты. Я воспользовалась моментом и сказала аптекарю, что меня выкрали. Запинаясь, он рассказал мне, что почти все армяне Трапезунда убиты или депортированы и что сбежать практически невозможно. Несмотря на это, я попросила его помочь мне. Я не могла больше там жить, лучше было умереть.

Надир дал мне пузырек темного цвета и пробормотал, что лучше всего спрятать его внутри одежды. В тот же момент вошла Салима, и Надир простился, пообещав приготовить мне таблетки.

Мой сын Дарон появился на свет три недели спустя. Несколько дней я считала, что лучше бы сразу покончить с его и моей жизнью. Я была готова умереть, лишь бы не терпеть Кемаль. Но это оказалось для меня невозможным, и мне пришлось оставить эту мысль навсегда.

Проходили дни, недели и месяцы. Дарон рос. Кемаль не пытался отнять его у меня, хотя я знала, что он сделает это тогда, когда я уже не буду ему нужна.

Со временем характер Кемалья заметно портился. Дела у него шли неважно. Турция находилась на опасном перепутье, и я поняла, что придет день, когда он отыграется на мне.

Однажды вечером Кемаль предупредил меня, что мы переезжаем. Я ему даже не ответила, что не удивило его, поскольку я не общалась с ним.

На следующее утро меня заставили взять с собой ребенка, угрожая при этом, что либо я подчинюсь, либо они сами увезут его, не считаясь со мной. Мы поехали в порт. Там нас ждала небольшая шхуна, которая напомнила мне «Эль-Сиргу».

Мы быстро подняли якоря. Команда состояла из четырех турок, один из них был хозяином, а пассажирами были только Кемаль, мой сын и я. Погода портилась, собирался дождь, и я укрылась в каюте. Там я увидела несколько ящиков и чемоданов и сразу подумала, что в них находятся деньги и драгоценности. Я слышала, что под давлением турок армяне оставили после себя все, что у них было. Тысячи моих родственников и соплеменников были принесены в жертву жадности и ненависти. Я не знала, куда мы направляемся. Было ясно, что обстоятельства сильно переменились. Мы спасались бегством от правосудия, которое должно было пасть на Хамида.

На этот раз судьба явилась нам в виде маленького корабля и был какой-то тральщик, который велел нам остановиться. Ветер утих, и установился полный штиль. К этому моменту практически полностью спустилась ночь.

Кемаль не хотел сдаваться. Он ходил вверх и вниз по палубам, оскорбляя своих и русских моряков. Он как будто сошел с ума, приказал команде стрелять по тральщику и, видя, что ему не подчиняются, разбил керосиновую лампу и поджег шхуну.

Тогда со стороны русского корабля раздался выстрел. Кемаль и команда бросились в воду, боясь, что их захватят в плен.

Я находилась на маленьком закрытом мостике, с которого был выход в каюту. Я думала, что мы сейчас потонем, и как смогла привязала Дарона веревкой к своему телу. Я вышла на палубу, подняв руки, и наблюдала, как русские моряки запрыгивали на наш корабль.

Русским удалось погасить пожар, но шхуна все-таки была сильно повреждена. Ее привязали кормой к тральщику и стали буксировать. Примерно через час мы пришли в Одессу. Не доходя почти двести метров до берега, мы практически затонули, и русские вылавливали спасшихся на пляжах и в зарослях, уверенные, что кто-то уже смог убежать.

К этому моменту меня уже допросили, и я объяснила им свое настоящее положение. Меня выкрали. Я армянка, и у меня ничего общего нет с этими ублюдками.

Капитан тральщика отдал мне два чемодана с моими вещами. Остальное он забрал, объяснив, что отдаст его властям в качестве военного трофея.

В Одессе я нашла дядю Мурадяна. Узнав меня, он заплакал и обнял меня. Я

не сказала ему, что Дарон сын турка Кемалья, выкравшего меня. Дядя и не просил от меня объяснений. Мурадян был добрым и щедрым человеком, страдавшим от того, что случилось с его народом.

Там я провела три года. Война с Турцией к тому времени закончилась, и дядя Мурадян стал моим приемным отцом. Именно он принял решение вернуться в Константинополь. Мне было страшно возвращаться, но он убедил меня, что все закончилось безвозвратно. Кроме того, несмотря на свое долгое пребывание в Одессе, у него остались важные дела в Турции. Так я снова оказалась в Турции, уже в качестве члена семьи Мурадян, а мой сын Дарон Нахудян рос, не зная собственной родословной. Вскоре дядя Мурадян умер. Он завещал мне свое имущество, потому что другой семьи у него не было. Этот человек был добр и щедр со мной.

Я поклялась себе, что, когда наступит момент, если Бог даст мне силы, я расскажу Дарону, что со мной произошло. Он должен знать, что его родственники жили в Армении, пока турки не уничтожили их без каких-либо причин. Время показало мне, что Дарон научился извинять, но ничего не забыл...

\* \* \*

Алик подняла глаза от исписанных листков бумаги. Мы оба были потрясены, услышав последнее послание Мари.

Для меня оно значило многое. Несмотря ни на что, она шла по следам своей матери Азатуи. Алик приоткрыла дверь в прошлое, и из черной пустоты стали появляться персонажи, неся в руках правду. Это время, похоже, заканчивалось, но на самом деле оно могло еще и продолжаться. Оно могло просто ждать удобного момента, вроде того, что произошел с нами. Я подумал, что Кемаль был способен добраться вплавь до берега, потом вернуться в Трапезунд и в конце концов отомстить за Алик.

В ту ночь я решил, что нельзя мириться с тем, что эта история любви, дружбы, героизма и боли могла бы быть забыта раз и навсегда. Я был обязан найти героев этой истории, услышать их рассказ, разговаривать с ними. Никогда не поздно это сделать — я убедился в этом на примере двух женщин — Мари и Алик Нахудян, которые указали мне направление дальнейших поисков. Еще было не поздно продолжить их.

## 4

### Рассказ Оганнеса Нахудяна

Поехать в Каир меня уговорила Алик. Никто и ничто не удерживало меня в Стамбуле, а ее в Париже. Мы решили, что, пока не поздно, нам следует поехать к Оганнесу. У него тоже есть свои воспоминания, свое видение этой истории, которую нам следовало знать. Меня очень беспокоило, что воспоминания и опыт этого человека могут быть потеряны.

С другой стороны, я горел желанием познакомиться с ним. Когда Алик сказала мне, что он еще жив, я понял, что этот старик сможет пролить свет на еще непонятные для меня темные моменты.

Да, Алик была права. Нам нельзя было терять ни одного дня. Я позвонил в мое агентство по путешествиям и забронировал два билета на самолет в Каир, вылетающий только в четверг вечером через Дамаск. В те времена все это казалось нам огромным прогрессом. На самом деле, так оно и было, иначе самым надежным способом было бы добираться морем из Стамбула до Александрии. Нам повезло, и уже через два дня мы летели на старом и шумном ДС-3.

Когда мы вылетели из Стамбула, я обратил внимание, что Алик пребывает в смешанном состоянии спокойствия и какой-то внутренней радости. Я почувствовал, что ее желания реализуются, и порадовался за нее. Ее мужество приносило свои плоды, и Алик

понимала это. Кроме того, она была счастлива, что нашла меня. И я не мог отрицать очевидного. Эта женщина заменяла мне мать, но в отличие от нее, Алик, похоже, уже полностью преодолела свою боль.

Во время полета мы почти не разговаривали. Она делала вид, что читает какой-то журнал. Я пытался читать книгу, но не мог сосредоточиться. Я был слишком взволнован, чтобы собраться с мыслями, — за короткое время слишком много вещей изменилось вокруг меня. Я никогда не мог себе представить, что наступит день, когда собственными ушами услышу действующих лиц истории, не только напрямую касавшейся меня, но и повлиявшей на всю мою жизнь.

Когда мы приземлились, Алик пожала мне руку. Она скрывала свою нервозность, но я чувствовал ее состояние. Она была сильной женщиной, но и эмоций, следовавших одна за другой, оказалось очень много.

Выйдя из самолета, я глубоко вздохнул. Ночь в Каире была тихой, без малейшего дуновения ветерка. Такси отвезло нас до Гелиополиса и остановилось перед домом, окруженным садом. В нем жил Оганнес Нахудян. Свет на первом этаже говорил о том, что нас ждали.

Нам не пришлось нажимать на звонок. Молодой мужчина лет тридцати пяти подошел к двери, чтобы открыть калитку. Это был не кто иной, как Дадхад, крепко обнявший Алик. Потом он посмотрел на меня и тоже молча обнял.

Мы быстро прошли по засыпанной гравием дорожке до портика дома. Там нас ждала небольшого роста женщина с седыми волосами.

Она подошла к Алик и поцеловала ее в обе щеки. Потом внимательно посмотрела на меня и проделала то же самое.

Она представилась женой Оганнеса Норой Азатян, — Алик рассказывала мне о ней. Нора очень естественно взяла меня за руку и провела внутрь дома. Мы поднялись по лестнице, и Нора зашла в спальню передо мной. Там был Оганнес Нахудян, человек, при воспоминании о котором на глазах моей матери неизменно появлялись слезы. Он сидел в инвалидной коляске, ноги его были укрыты изящным покрывалом.

Он обнял меня как своего сына. Я увидел, как этот мужчина разрыдался. Я понимал, что он видел не меня, а свою сестру Мари. Некоторое время я простоял подле него, держа его за руки.

Не буду подробно останавливаться на том, как меня принимали. Создалось впечатление, что меня воспринимали как своего рода блудного сына. Мне задавали тысячи вопросов о моей матери. Они хотели все знать, и Оганнес винил себя за то, что так и не повидал ее.

Потом я узнал от Норы, что он тоже почти никогда не говорил о тех страшных днях. И все-таки несколько недель тому назад, почти совпав по времени с появлением Алик, он начал диктовать Дадхаду заметки — мемуары о тех днях. Как сказала Нора, именно Алик настояла на том, чтобы он стал диктовать свои мемуары.

Мы проговорили до рассвета. Потом опустили жалюзи и мне сказали, что надо попытаться немного поспать. Меня определили в большую спальню с высокими потолками и огромным вентилятором, как бы подвешенным к чистому небу.

Кто-то постучал в дверь. Это была Нора. Она с улыбкой вручила мне кожаную папку. Потом молча закрыла дверь.

Я подошел к кровати, зажег настольную лампу, осветившую комнату зеленоватым светом, прилег на кровать и надел очки.

Я знал, о чем была речь, и приготовился читать. Сейчас все складывалось в единую картину, как будто время замерло. В моих руках было свидетельство, посланное мне судьбой. Создалось впечатление, что Оганнес осознавал, что мы все сообща выращиваем общее армянское древо.

\* \* \*

На свете есть события, о которых не следует забывать. И это одно из них. И хотя я снова испытываю страх и боль, что приходится писать об этом, я считаю, что нужно оставить свидетельство, которым, возможно, воспользуются другие и сделают свои выводы.

Все началось в тот день, когда умерла моя мать. Когда мы хоронили ее, я не представлял себе, что в тот зловещий день я потеряю всю свою семью — отца и сестер Алик и Мари.

Едва закончилась похоронная церемония, мы услышали истошные крики. Они исходили от толпы турок, направлявшихся на кладбище с намерением напасть на нас.

Нам очень повезло, что мы смогли ускользнуть оттуда. Мой отец придумал способ вывода нас до пристани, где его корабль «Эль-Сирга» должен был забрать нас. Там собралось много родственников и самых близких друзей. Отец хотел увезти нас в Одессу. По крайней мере, там нас не достанут турки, ставшие вдруг нашими злейшими врагами.

Эта затея плохо закончилась. Кто-то предупредил турецких жандармов, и как раз в те минуты, когда заканчивалась наша погрузка, по нам начали стрелять без всякого предупреждения.

Я толком не знаю, что произошло. Я помогал моей сестре Мари, когда пуля задела мне голову в районе виска. Я потерял сознание и упал в воду.

Каким-то чудом я не утонул.

Я пришел в себя на берегу, на скале, и Ахмед пристально смотрел на меня. Вся его одежда, так же как и моя, была мокрая — было ясно, что он вытащил меня из моря.

Постепенно приходя в себя, я вдруг увидел, что нас окружают турецкие солдаты. Ахмеда обвиняли в том, что он попытался помочь армянам бежать. Я не знал, удалось ли моему отцу и сестрам убежать — «Эль-Сирга» скрылся в ночной темноте, и туркам не удалось задержать его.

Ахмед очень боялся, что с ним сделают. В Трапезунде командовал секретарь Комитета за единение и прогресс Енибахчели Наил. Я хорошо знал, кто он такой, — мой отец отзывался о нем как о сущем дьяволе.

В первые дни даже турецкие военные не знали со всей определенностью, что именно им нужно было делать. Какой смысл был стрелять в беззащитное мирное население? В казармах было много призывников-армян. Потом нам стало известно, что их неожиданно отстранили от службы в ожидании более конкретных указаний.

В общем, нас повели обратно в город. Мы были единственными пленниками. Беглецы растворились в тумане на борту «Эль-Сирги». Я старался не думать об этом. Я предпочитал воображать себе, что это лишь тяжкий сон, — все окружавшее меня было слишком страшным, чтобы быть правдой. Нас даже не связали. Просто мы шли ночью среди солдат, проклинавших свою судьбу и потерянный сон. Я думаю, что эта ночь была самой подходящей для побега, ведь никто из солдат не захотел бы бегать ночью по кустам за армянским мальчишкой.

В общем, вся эта катастрофа начиналась нелепо. А что еще можно сказать, если небо совсем отказалось от нас?

Трапезунд тогда был местом, где все мы знали друг друга. Если не непосредственно, то всегда был кто-то, кто знал другого человека, а тот в свою очередь знал твою семью или твоего друга. Когда после долгой ходьбы мы дошли, наконец, до казармы, нас затолкали в камеру, где находилось несколько армянских молодых солдат. Они были поражены тем, что оказались в камере, и не знали, что с ними будет дальше. Когда я им объяснил как можно хладнокровнее, что случилось с нами, я заметил, что на меня смотрели с недоверием.

Турецкая армия представляла собой в те времена неорганизованное сборище, хотя в последнее время в самых главных казармах появились немецкие советники, пытавшиеся установить хоть какой-то порядок и дисциплину. Как рассказывал мой дядя Атом, много лет поставлявший продовольствие в казармы, турецкие военные понимали, что для бесперебойной доставки продовольствия надо нанимать коммерсантов-армян. В казармах же

командовал не полковник, и даже не администратор этого района, а немецкие капитаны или майоры, которые за последние месяцы стали настоящими командирами войсковых подразделений. Все вопросы решались через них, а они, в свою очередь, консультировались с Константинополем. Ситуация казалась невероятной, но дядя Атом всегда говорил моему отцу, что нет в мире более организованных людей, чем немцы. Его сестра была замужем в Берлине, естественно, за армянином, и дядя Атом неизменно рекомендовал мне эмигрировать в Германию, когда подрасту. Эта страна действительно была цивилизованной и процветающей! Но, по правде говоря, быть армянином в Турции — это ежедневно испытывать свою судьбу. В отличие от папы, он никогда не верил в турецких политиков из Комитета за единение и прогресс. Они задыхались от злости, когда слышали о землячествах армян, греков или сирийцев. И даже евреев. К курдам отношение было другое, с самого начала их считали безнадежными людьми, с которыми не стоит терять время.

Казармы в Трапезунде в те дни были сборищем слухов, некоторые из которых были правдивыми, другие — ложными. Обо всем этом мне рассказал Гаспар Оганнисян. Увидев меня, он обнял и стал безутешно плакать. Мы с ним были школьными товарищами. Неделю назад в их районе появились солдаты и, вызвав ненависть и отчаяние в армянских семьях, силой увели с собой парней старше семнадцати лет.

Гаспар был лучшим учеником в классе, но у него были проблемы с глазами, из-за чего он носил очки с толстыми стеклами. В неразберихе и толчее в камере у него упали очки, и кто-то наступил на них. Это страшно огорчило его. Он без устали повторял: «Хоть бы у меня остались очки!»

Сидя на полу и опершись о стену, мы старались ободрить друг друга. Меня одолевала слабость, и приходилось напрягать все силы, чтобы не закричать просто от страха. Кроме того, я предпринимал сверхусилия, чтобы не вспоминать о страшной драме, которую недавно пережил. Я обманывал сам себя. Я не хотел признаваться самому себе, что моя мать мертва и похоронена. Я не мог поверить, что больше никогда не увижу ее. Что касается отца, то я уверил себя, что он смог бежать вместе с моими сестрами. Представлять что-то иное было выше моих сил. Я просто не принимал этого.

Гаспар безутешно плакал, не в состоянии остановиться. Он думал о своем доме, о родителях, обо всем, что осталось там. Он мечтал закончить школу. Потом он поехал бы к своему дяде в Константинополь и через несколько лет мог стать адвокатом. Я не сомневался, что он добьется своего. Мы в классе понимали, что он — случай особый, и что голова у него очень светлая.

Но в эти моменты Гаспар не мог думать о своем будущем. Оно стало утопией, просто исчезло и превратилось в ужасное настоящее.

Эти мрачные мысли одолевали нас, когда за Ахмедом пришли солдаты. Для них он был всего лишь предателем, потому что помогал армянам.

Не имело значения, что он был нам очень близок и что за свою работу он получал деньги от армян. Это обстоятельство было самым отягчающим из всех. Какая разница, что ему стало жалко каких-то девчонок. Нет, просто он нарушил приказы, поступившие сверху, из далекого Константинополя.

Четверть часа спустя мы услышали выстрелы. Прежде чем они утихли, я знал, Ахмеда расстреляли.

Эти звуки вернули меня к действительности, подтвердили, что это не ночные кошмары. И что турки не разменивались на мелочи. Я увидел, что глаза других армян, в том числе Гаспара, были обращены на меня. Ахмед, в конце концов, пришел со мной. Не моя ли следующая очередь?

Остаток ночи я провел, утешая моего друга. Потом, когда уже рассвело и подступила страшная действительность, все умолкло и в камере установилась гробовая тишина. Что они собирались сделать с нами? Несмотря ни на что, я не хотел думать, что они убьют нас, как беспрерывно бормотал Гаспар. В этом не было никакого смысла. Если бы они хотели это сделать, то, по крайней мере, вывели бы за ворота и сделали бы из нас живой щит.

Прошли часы. Никто не вспомнил о нас. Потом принесли два ведра — одно с водой, другое — с отвратительной смесью, похожей на остатки еды. Никто не прикоснулся к ним.

К вечеру привели другую группу молодых армян. Почти все они были старше нас, уже находившихся в камере. Нам сказали, что за ними съездили в лагерь, расположенный на границе. Они понимали, что происходит что-то странное, почти неделю назад без каких-либо объяснений у них отняли оружие, потом заставили рыть окопы и укрытия и, наконец, арестовали. Они даже думали, что при переезде с места на место их убьют, — с ними жестоко обращались, били прикладами и ногами, обзывали «армянскими предателями» и говорили, что их убьют.

Но они были не единственными. В тот день в другие камеры привели еще несколько групп солдат. Все они были армянами, некоторые из них находились в таком состоянии, что приходилось помогать им идти, военная форма на них была изорвана и вся в грязи.

Они не возвращались с фронта, где защищали свою родину. В те моменты мы не понимали, что для турок мы были никто и что для нас родины не было. Их стратегия была направлена на то, чтобы заставить нас потерять чувство достоинства, то большое или малое мужество, которое было в каждом из нас, потерять все то, что делало нас людьми.

Я вспомнил слова старого друга нашей семьи. Разговаривая с нами, он постоянно предупреждал нас. Он никогда не верил туркам. Он говорил, что когда-нибудь они вернутся к облавам. Он считал, что у турок есть комплекс неполноценности по отношению к армянам, и уверял, что они нас ненавидят, потому что знают, что мы выше их. И не потому, что мы умнее или трудолюбивее их. Было немало способных турок, но даже в этих случаях армяне всегда брали верх. По его словам, разница была в том, как мы относились к жизни.

Этот человек опасался, что эта ненависть когда-нибудь приведет к новой резне. Султан начал ее двадцать лет тому назад и уничтожил более двухсот тысяч армян. Он считал, что если это повторится снова, то на этот раз расправа будет окончательной — его слова звучали как приговор. В бесконечные летние вечера в магазине моего отца собирались несколько человек и предавались тому, что является одним из главных жизненных удовольствий армянина, — разговорам.

В камерах нас набилось столько, что уже негде было сесть. Из-за этого один из заключенных впал в истерику и начал выкрикивать нецензурности, и из опасения, что нас всех изобьют, нам пришлось связать его собственными рубашками.

Между тем ведро помоев, обсиженное мухами, опрокинулось и разлилось по камере, распространяя страшную вонь. Некоторым из нас пришлось справить нужду поверх помоев, и вся камера наполнилась зловонием. Наступил момент, когда уже никто не мог вынести такого напряжения. Нам уже было все равно, убьют нас или нет, и мы в камерах начали отчаянно кричать и визжать.

Я до сих пор вспоминаю об этом с ужасом. Прошло много лет, и каждый раз, вспоминая об этом, я испытываю дрожь. Я вижу камеры, полные морально раздавленных, измученных молодых людей, силой уведенных от своих родных, подготовленных к тому, чтобы быть направленными на бойню. И причина всему этому одна: их армянская кровь.

То, что произошло потом, вспоминается мне как жуткий неотвратимый кошмар. Я хочу привести в порядок свои чувства, попытаться уверить себя, что все это прошло и что от него ничего не осталось, кроме моих воспоминаний. Но не могу. Я не в силах сделать это. Эти мысли мучают меня, достают до самой глубины моего сознания, и я уже свыкаюсь с мыслью, что не смогу избавиться от них. И даже если меня разбудят ночью, я обречен вновь и вновь переживать все тот же ужас.

Мы все кричали в голос. Нам уже было все равно. Мы просто хотели выйти оттуда и покончить все разом, пусть даже это будет стоить нам жизни. Какая разница!

Тогда турки спустились к нам в камеры и стали без разбора избивать нас дубинками. Тем, кто оказался у них на пути, досталось больше всего, потому что какой-либо свободы маневра не было. Турки пробыли там довольно долго, пока не устали. Гаспар смотрел на них и не понимал ничего. Он даже знал по именам некоторых солдат. Там был Мустафа Гудур,

его отец имел постоянный двор недалеко от армянского квартала. Али-бей — брат Кемалья, нашего друга и товарища по совместным гулянкам.

И тем не менее они не узнавали нас. Не хотели нас знать. Они смотрели на нас и не видели нас, продолжая безжалостно избивать. Гаспар бормотал, сглатывая слюну: «Как они нас ненавидят! За что?»

Я не знал, что сказать ему. За что? Станный вопрос. Я подумал о Мари и об Алик. Они задали бы такой же вопрос. То, что происходило, не имело объяснения. Всего несколько дней назад Кемаль был у нас дома и мой отец спросил, как у него идут дела, и подарил пачку египетских сигарет.

Мы, по крайней мере я, уже два дня не имели маковой росинки во рту и почти ничего не пили. Мой язык казался мне какой-то тряпкой во рту. У меня очень болел желудок, но не из-за голода или жажды, он болел от страха. А также от боязни страха. Я воображал себе разные вещи. Я представлял, как Ахмеда отволокли к стене. Потом полетели пули, которые оставили следы в стене, и он тяжело, как мешок, свалился. С нами они поступят точно так же?

Я хотел позвать через решетку Али-бея. Я бы сказал ему, что его брат дружил со мной. Он был турок, а я армянин, для него это не имело значения, и для меня тоже.

Потом я вдруг очнулся и вернулся к действительности. К скользкому полу, к запаху экскрементов и рвоты, к вылезшим из орбит глазам Гаспара, к тому, как брат моего друга избивал нас через решетки камеры. Я почувствовал тогда, как у меня стынет кровь, как останавливается сердце, и видел наш конец. Нас всех расстреляют этой же ночью. И никто нам не поможет.

Я благодарил судьбу, что отца не было с нами. Он не смог бы утешить нас. Я был бы не в силах видеть его страданий от осознания того, что он не может ничего сделать для своего сына. Мне доставляло удовлетворение представлять, что я сбежал в лес и ушел от погони. Что я присоединился там к группе армян, не пожелавших сдаться, уходящих от погони верхом на лошадях, готовых ответить ударом на удар.

Но я не мог думать о моей семье, воспоминания о ней железными клещами сдавливали мне сердце и причиняли боль. Я старался представлять себе самые счастливые моменты моей жизни. Думать о чем-нибудь другом было невыносимо.

Там, в том аду, который создали нам турки, не было ни секунды передышки. Один из самых молодых ребят потерял сознание, но оставался на ногах, зажатый со всех сторон другими пленниками. Паренек, стоявший рядом с ним, в ужасе закричал, что его сосед не дышит. Мы не знали, что делать, а те, кто стоял ближе всех, завывали от ужаса.

Я увидел Али-бея и других турок. У них был очень довольный вид — они радовались, что зажали в кулак этих противных армян, совсем недавно презиравших их. Сейчас-то они узнают, почему фунт лиха!

Мы были полностью в их власти. Они знали это и пьянели от своего всемогущества. Теперь ни один армянин не будет выставлять напоказ свое богатство, свои способности, свой трезвый взгляд на жизнь. Всему этому пришел конец.

Самое удачное для них было то, что их командование пока не возвращалось. Сейчас было самое время вспомнить старые обиды, зависть и огорчения. Никто не мог указывать им, что им делать и чего не делать с нами.

Это было видно по ним. Наши страдания для них — всего лишь подтверждение их власти. Они отпускали шуточки, пили вино из кувшинов, наверняка украденных из подвалов какого-нибудь армянина, выкрикивали непристойности, угрожающе подходили к решеткам, с каждым разом все более разжигая себя. Их возбуждали наши стоны, они подбегали к камере и гогоча били ремнями по косточкам пальцев, которыми пленники были вынуждены цепляться за решетки.

Гаспар дрожал от страха. Он тоже обмочился, но я ничего не сказал ему. Что я мог ему сказать, если вот-вот сделаю то же самое? Впервые в нашей жизни вокруг нас кружила смерть. Мы ничего не знали о ней, ведь молодежь считает себя неуязвимой перед смертью и



относится к ней с презрением.

Я же ощущал себя как бы вне земли, я был не в силах принять то, что послала мне судьба. Мне казалось, что вот-вот все закончится и я снова окажусь, потягиваясь, в своей постели, слыша зов матери, что завтрак готов и что она не потерпит лентяев в своем доме.

Если бы наверняка знали, что нас ждет, мы бы дали себя уничтожить прямо там. Мы бы не слышали криков и угроз, не чувствовали ударов, потому что, если судьба уготовила тебе что-то жуткое, в тебе происходит нечто странное и с какого-то момента все теряет смысл, организм принимает неизбежное и дает себя уничтожить.

Разумеется, я не мог тогда размышлять как старик, я думал всего лишь как ребенок, с беззащитностью молодости, не имея сил выкинуть из головы родителей. Но неизбежность зла, понимание близкого конца и ожидавших нас ужасных страданий нарушала нормальный ход мысли.

Тогда вдруг мы становились безумными, и, чтобы нас не раздавили, нам хотелось карабкаться по другим спинам и головам, давя и оставляя внизу слабых — лишь бы как-то выжить, любой ценой, презрев те чувства, которые у нас воспитали за нашу короткую молодую жизнь.

Турецким солдатам явно нравилось то, что они видели в камере. Чем сильнее были наши страдания, тем веселее было им — число шуточек, издевательств и ударов прибавлялось.

Боже мой, всего несколько дней назад, меньше недели, все было по-другому. Мне кажется, что турки специально выжидали этот момент, как охотник ожидает конца периода запрета охоты. Я хорошо помню их восторг, их деформированные лица с улыбками фавна, знающего силу своей власти. Мы были всего лишь жертвами, а для палача и мучителя игра только начиналась...

Когда ситуация дошла до предела, когда мы уже сваливались в пропасть, что-то изменилось. Появилось несколько офицеров. Никто из них даже не посмотрел в нашу сторону. Один из них напомнил мне каймакана. Я знал его, потому что отец привозил ему из Константинополя ящики с документами и, кроме того, с его сыном я учился в школе.

С ним было несколько армейских офицеров и полицейских чинов. Среди них, как мне показалось, я увидел иностранца — он был высок, худ, носил форму не турецкого покроя, его кожа была белой до прозрачности, а волосы короткие и светлые. Он смотрелся чужаком — холодным, далеким, угрюмым. Он не разговаривал и не отдавал никаких приказаний. Он только наблюдал, но все следили за его малейшими жестами, словно его мнение было для всех очень важно.

Потом открыли двери камер. Первые заключенные вышли поспешно, подталкиваемые человеческим потоком, высвобожденным из того ужасного места.

Но не к этому стремились наши захватчики. У них и в мыслях не было освободить нас. Совсем наоборот. Нас вывели на главный двор пинками, ударами, уколами штыков. И снова угрожали нам. Мне пришлось помочь Гаспару, ведь он почти не мог двигаться. Он опирался на меня, лучше сказать, цеплялся за меня, словно я был его последней надеждой.

По правде говоря, мое положение было не лучше, чем его. Я чувствовал себя одиноким, меня мучили страх, голод и жажда. Но сильнее всего было чувство, что я обманут и растерзан. Как я мог прожить всю жизнь среди таких существ? Убийц и мучителей, переполненных жестокостью, сбрасывающих в нужный момент свою маску и обнажающих в одночасье свою дьявольскую сущность.

Они сотнями кружили вокруг нас, сторожа жалкое и убогое стадо, в которое они нас превратили. Они кричали, что покончат с нами и нашими семьями, они делали жесты в горизонтальном направлении в районе шеи, предупреждая нас о том, что нас ждет.

Нам даже не дали передохнуть. Я видел, как два или три пленника бросались на пол и пытались попить из небольшой лужи, оставшейся после дождя. Я тоже испытывал невыносимую жажду, но отвращение мое было еще большим. И потом, я не хотел оставлять

Гаспара, крепко державшегося за меня. Я понял, что я для него единственная связь с устойчивым и известным ему миром. Со мной происходило то же самое, но я прогонял от себя эту мысль.

Нас окружили офицеры на лошадях и сотни вооруженных ружьями солдат. Создавалось впечатление, что это место было чем угодно, но не казармой. Все вокруг вопили и толкали друг друга, пытаясь как можно сильнее усилить контроль за нами.

Ворота открылись настежь, и нас стали выгонять кнутами как скотину, теснить лошадьми, в результате чего мы падали друг на друга.

Нас заставили побежать трусцой. Мы были не в силах. Два пария хромали и отстали, не успевая за всеми. Офицер заорал на них и велел остановиться. Затем приблизился к ним верхом на лошади. Я находился недалеко от них, потому что Гаспар тоже не мог быстро передвигаться. Я видел, как офицер натянул поводья, и я почти упал на двух парней. Офицер, который, кажется, был там старшим, улыбнулся как бы сочувствующей улыбкой. Потом, не меняя выражения лица и продолжая улыбаться, вынул револьвер из кобуры и выстрелил четыре раза. По две пули на каждого.

В те моменты было слышно только эхо от этих выстрелов. Даже турецкие солдаты остоленели на какое-то мгновение.

Что касается нас, армян, мы уже со всей ясностью осознали, что нас ждет впереди. Нас вели за город, чтобы расстрелять подальше от города и казармы. Наступил день мщения, когда окончательно будут сведены счеты между турками и армянами.

Дальше случился приступ своего рода коллективного безумия. Каждый из нас кинулся бежать, не отдавая себе отчета, куда и зачем он бежит. Эта реакция застала военных врасплох — они не ожидали этого и были уверены, что произойдет нечто совсем противоположное. Он думали, что, скованные страхом, мы будем стоять неподвижно, подчиняясь их приказам в надежде сохранить хоть еще на миг надежду на выживание.

Место, где мы находились, было руслом реки, по которому в дни половодья вода перекачивала большие камни. Большинство наших товарищей по несчастью побежали вдоль русла, инстинктивно пытаясь забраться на склоны. Я же толкнул Гаспара в противоположном направлении, в направлении того места, откуда мы вышли.

В принципе это нас спасло. Всякая мышь бежит в сторону от того места, где обитают кошки. В той неразберихе никто, кажется, не побежал за нами. Мы почти добежали до больших скал, когда один турецкий солдат нас окликнул, приказывая немедленно остановиться.

Я заметил, что Гаспар, услышав команду, сразу же остановился. Этого мгновения хватило, чтобы солдат догнал нас. Он подбежал к Гаспару, и прежде чем я смог отреагировать, вонзил штык в грудь моего друга. Гаспар, казалось, не почувствовал боли. Взгляд его был смесью упрека и изумления. Потом он упал, как подкошенный.

Солдат попытался напасть и на меня, но я инстинктивно схватил камень и со всех сил бросил его в солдата. Камень попал солдату в голову, и он упал без чувств на Гаспара.

Я уже ничего не мог сделать для моего друга и, удостоверившись, что никто из солдат меня не преследует, побежал, укрываясь от выстрелов, между больших камней. За спиной у меня слышались вопли и стоны.

Я случайно натолкнулся на вход в какую-то брошенную шахту. Сердце выскакивало у меня из груди, одолевала тошнота, а поскольку в желудке было пусто, каждый позыв к рвоте вызывал страшную боль.

Из-за прерывистого дыхания я практически задыхался и почти терял сознание. Вновь и вновь перед моими глазами возникало удивленное лицо Гаспара и окровавленная голова солдата.

Дрожа от страха и дыша с большим трудом, я устроился на камне, чтобы наблюдать за входом в пещеру. Я был готов защищаться и очень дорого продать свою жизнь. Они не захватят меня живым, чтобы потом мучить, пытаться меня и наконец убить.

Но никто не появлялся у входа в пещеру. Прошло немало времени, но, кроме тишины, я

не слышал ничего. Ощущение жажды, жжения рта, полного язв, и острая необходимость напиться заставили меня встать и выйти наружу.

Ночь полностью вступила в свои права, а луна источала странный свет, позволявший мне как-то ориентироваться.

Вокруг не было никого. С большой осторожностью я вернулся к тому месту, где, как я думал, осталось лежать тело Гаспара. Никого не было. Я сходил с ума? Неужели все, что случилось, было плодом моего воображения?

Я ушел оттуда. Меня охватила дрожь, но не из-за холода, который в эти часы ощущался особенно остро. Как я узнал потом, дрожь была вызвана смешанным чувством гнева, бессилия, страха и ненависти. Если бы я мог убить всех турок, в тот момент я сделал бы это без колебаний. Я обвинял их в смерти моей матери, в том, что произошло с нашей семьей, в том, что они сделали с Гаспаром. Ненависть охватывала меня и становилась частью моей природы, она служила мне горьким утешением, когда я представлял себе, что, по крайней мере, убийца моего друга пал от моих рук. Я не хотел даже думать, что он, возможно, выжил. Я был уверен, что он умер, я даже слышал, как хрустнули его кости в момент попадания.

Я нашел ручей и кинулся всей грудью в него — так мне хотелось пить. Но сколько бы я ни пил, я не мог утолить жажду. Когда я, напившись, упал на спину, небо, усыпанное звездами, было так близко, что создавалось впечатление, что, протяни руку — и достанешь звезду.

Так я пролежал довольно долго. Я не чувствовал ничего — ни холода, ни сырости ночи. Я вспомнил об отце. Может быть, сейчас он тоже не спит, где-то укрывается и также, как и я, смотрит на звезды.

Что-то объединяло нас. Невидимая нить соединяла нас с бесконечностью и, возвращаясь оттуда, переплеталась с новой. Я был абсолютно уверен, что моему отцу удалось скрыться и что он обязательно придет ко мне и приведет с собой Мари и Алик.

Измученный и разбитый, я уснул глубоко, без сновидений, словно провалившись в черную бездну.

Я проснулся, почувствовав, как мои губы кусают комары. Я встал, лихорадочно размахивая руками, стараясь унять боль во всем теле. Когда я успокоился и вспомнил, что со мной произошло, меня охватила тоска. Я снова напился воды, наслаждаясь тем, как вода возвращает меня к жизни, заполняя все жизненные пространства моего организма.

У меня закружилась голова, я упал на землю и пролежал до тех пор, пока головокружение не прошло. Придя в себя, я решил, что мне следует поскорее уходить оттуда, ведь меня могли искать. Здравый смысл, правда, подсказывал мне, что поиски маловероятны. Что стало с моими товарищами? Многие, наверное, уже мертвы, а другие скрываются так же, как и я. Бедный Гаспар! Он всегда строил себе планы: «когда вырасту, сделаю то-то и то-то...»

Сейчас он уже ничего не сможет сделать. Он умер из-за ненависти, пришедшей к нам из Константинополя и растекшейся по всей стране с огромной скоростью, поражая большинство турок. Одни из них испытывают настоящую ненависть. Другие только зависть. Остальные были просто равнодушны. Возможно, нет — наверняка у многих возникли добрые чувства к нам, армянам. Но все должны были продемонстрировать свой «патриотизм», нападая на нас, выпячивая свою любовь к Турции, оскорбляя, избивая и, в конце концов, уничтожая нас.

Я двинулся в путь, стараясь выдерживать направление. Я хотел уйти как можно дальше от города, на возможно большее расстояние между мной и ним. Я хотел жить, потому что мне еще много надо было сделать, например найти моих сестер. Я не допускал, что они могли умереть, и поэтому такая цель была самой главной. Я был уверен, что моя мать вдохновляла меня с того света и что она хотела, чтобы я нашел моих сестер.

Я оставил русло ручья, вдоль которого шел, определил направление и скоро узнал лес, где мы скрывались и ждали отца. Я знал это место. Я очень хотел подойти к нашему дому. Мне надо было знать, что там происходит, хотя я боялся узнать что-то дурное.

Не знаю, откуда взялись у меня силы, чтобы так бежать. Время от времени я оглядывался, уверенный, что за мной следят. Но нет. Мне удалось подойти незамеченным к окраине армянского квартала.

Тогда я увидел несколько пожаров. Я укрылся за саманным забором и увидел, как горели ближайшие дома. Я знал, чьи они. Это были дома семьи Назарян и семьи Мануэлян, оба дома были полностью разрушены. Я боялся, что и наш дом постигла та же судьба.

Но нет, он стоял на месте. Не тронутый, по крайней мере, внешне. Я сильно разволновался, увидев наш дом целым. У меня было впечатление, что там находилась моя семья, она ждала меня, и я побежал туда. Там никого не было. Как ни странно, район был пуст, его окружала томительная тишина, и впервые слезы хлынули у меня из глаз. Я снова укрылся за забором. Неподалеку росли кусты, скрывавшие лаз в заборе. Нам никогда не приходило в голову закрывать его, ведь через него пролезала наша собака Йем.

И в тот момент я осознал действительность. И я принял ее. Меня охватила грусть, словно серое покрывало накрыло все мое существо.

Потом, когда я успокоился, я пошел к ангару. Я знал, что искал. У моего отца в ангаре был небольшой тайник, в котором хранился ключ от нашего дома. Ангар был закрыт, но в него можно было попасть через окно. Через несколько секунд я был внутри. Все было на месте, я нашел ключ и вышел из ангара.

Меня удивило, что дом не разграблен. Создавалось впечатление, что в нем все оставалось по-старому и что мой отец только на минутку вышел из него.

Позже я узнал, — что там произошло. Дом и все, что в нем было, было присвоено заместителем начальника Трапезунда Мустафой Сурус Зфенди. У него не было необходимости устанавливать охрану — страх перед ним у людей был очень велик. Сами турки говорили, что они предпочли бы увидеть самого дьявола, чем Суруса. Он не только взял себе дом одного армянского коммерсанта, но и захватил другие дома этого района. Потом он велел поджечь остальные дома, пригрозив смертью каждому, кто приблизится к ним. Он не мог отвлекать своих полицейских на охрану этого места, достаточно было как следует пригрозить.

Я вошел в дом, стараясь не шуметь. Я чувствовал себя так, словно какой-то камень лежит на моей груди, но пересилил себя. Все в доме оставалось так, как мы оставили после смерти моей матери. Я еще чувствовал ее запах и представил себе, что она вот-вот выйдет из одной из дверей и, улыбаясь, пойдет навстречу мне. Меня бил озноб.

В этот момент я услышал шум на втором этаже. Кто-то как будто передвигал мебель и что-то искал. Я направился вверх, стараясь не наступать на скрипящие ступени. Я подумал, что там, возможно, был мой отец или, может быть, сестры. Сердце снова гулко забило в груди.

Он стоял спиной ко мне, и сначала я не узнал его. Неожиданно он обернулся, и видно было, как сильно он удивлен. Это был Арутюн Андреасян.

Много лет он работал старшим боцманом на корабле отца. Меньше года назад он уволился по здоровью.

Арутюн крепко обнял меня. Слеза скатилась по его обветренной щеке: «Я знал, что ты не умер! Я уверен, что твои сестры тоже живы! Но дай-ка мне посмотреть на тебя. Тебе, видно, досталось...»

Арутюн объяснил мне, что в тот день, когда умерла мама, отец сказал ему, что в случае непредвиденных обстоятельств, он должен был попытаться снять деньги с его счета в банке и переслать их на счет в Париже. У него имелась доверенность на такую операцию. Но дом его полностью сгорел, и Арутюн знал, что у моего отца среди его документов хранилась копия, которую он часто видел.

Несмотря на весь риск, он считал, что уже поздно снимать деньги со счета. Два дня назад вали подписал декрет, согласно которому все счета армян были реквизированы.

Директор банка выслушал его. Бей был хорошим человеком. Он сказал, что если

Арутюн принесет ему доверенность, то он сделает в главной книге запись, указав в ней дату на неделю раньше. Он знал, что рисковал своей шкурой, но признался, что ему хотелось сделать хоть что-то хорошее для армян. В конце концов они много лет отдавали ему свои сбережения без каких-либо проблем. И потом, а что, если все вернется к тому, как было раньше?

Поэтому Арутюн решил рискнуть. Если ему удастся, останется хоть что-то, с чем мы могли бы начать заново нашу жизнь.

Когда он кончил говорить, я встал и обнял его. Я знал, с какой заботой оба мужчины всегда относились друг к другу.

Потом он предупредил, что мне надо немедленно уходить. Он сам был уже стар, и ему было все равно — умереть раньше или позже на день, но я не должен рисковать. В любой момент здесь могут появиться турки, хотя он думал, что они заняты сейчас тем, что грабят торговые учреждения в центре города. И никто не пойдет в запрещенное Сурусом место, чтобы он снял живьем шкуру за это.

Но мне надо переодеться, сказал он. Отрастить усы в турецком стиле, одеться на их манер и, конечно, покинуть Трапезунд как можно раньше.

Я поступил так, как советовал мне старый Арутюн. Я быстро помылся, и он намазал мне лицо и руки особым жиром, от которого кожа стала намного темнее. Потом он помог мне выбрать одежду. Посмотрев на себя в зеркало моей матери, я увидел там молодого слегка грустного турка с настороженным взглядом. Мой старый друг не мог удержаться и захлопал в ладоши. Он считал, что, если я стану говорить в крестьянской манере — что у меня получалось очень хорошо, — я мог бы обмануть неприятелей.

Но мне не следовало искушать судьбу. Несмотря на приличную маскировку, мне надо скрыться, бежать под покровом ночи и попытаться пробраться на границу с Россией. На той стороне живет много армян, и всегда найдется кто-нибудь, кто поможет мне.

Потом мы спустились на кухню. Слезы подступили у меня к горлу, когда я вновь оказался там. Я провел там столько счастливых дней и даже не знал об этом! Печь, в которой моя мать готовила наши любимые блюда... И еще были слышны голоса моих сестер...

Это были довольно сильные переживания. Несмотря на голод, я был не в силах съесть хоть что-нибудь. Арутюн огорчился. Он понимал, о чем я говорил. Однажды он уже пережил нечто подобное и вполне мог понять меня.

Находиться там дольше было бы неразумно. Поев что-то по его настоянию, я взял и положил в сумку кусок сыра и ломоть твердого хлеба. Я крепко обнял его и молча вышел тем же путем, каким вошел.

Эти места я знал как свои пять пальцев. Я пробежал вдоль забора и вошел в густые заросли сахарного тростника с оросительным каналом посредине. Я хотел выйти на Ризе. Там я должен буду найти турка Мустафу Азури, с которым мой отец вел много дел и которому, по словам Арутюна, можно было доверять.

Я знал, что будет очень трудно скрыться из города. Все дороги, ведущие в город, были перекрыты. Мне надо быть очень осторожным. Надо ждать ночи и верить в свою удачу.

Я прошел вдоль длиннейшего канала и достиг пересечения его с дорогой, шедшей вдоль берега. Проехало несколько запряженных мулами телег со стогами сена. Я забыл об осторожности. Телеги шли в том направлении, которое мне было нужно. Я осторожно пробежал по краю дороги и забрался в последнюю телегу. Никто не заметил меня. Я отодвинул тюк с сеном и спрятался внутри.

Кажется невероятным, что уже через несколько минут меня свалил сон, и я заснул под монотонный скрип колес.

Проснулся я от холода. Я замерз, несмотря на то, что на мне была надета толстая отцовская куртка. Я пришел в себя, но все кости у меня ныли, а во рту было сухо. Мулы были распряжены, но сено, к моему счастью, не разгружали.

Я не имел представления, где я, но с учетом расстояния, которые могли пройти телеги

за четыре или пять часов, они недалеко ушли от Трапезунда, и это меня беспокоило.

Рядом со мной зарычала собака, и хотя было темно, я увидел ее белые зубы. Я знал, что если побегу, то она меня обязательно укусит, поэтому я стоял смиренно. В дверях дома показался силуэт мужчины, он прикрикнул на собаку, и она, прижав уши, перестала лаять. Потом дверь снова со скрипом закрылась.

Медленно опустив руку в сумку, я отыскал там кусок сыра. Отломив кусок, я бросил его перед собой. Собака снова зарычала и поначалу не сдвинулась с места. Потом она, не переставая рычать, медленно подошла к сыру, быстро ухватила его и вернулась на место.

Эту операцию я проделал трижды, рискуя вообще остаться без сыра. Потом к моему удивлению собака перестала скалить на меня зубы, и я медленно пошел в противоположную от дома сторону. Она перестала лаять, что мне показалось чудом, пошла за мной, виляя хвостом, и наконец я вышел на дорогу.

Меня охватил озноб, когда я полностью осознал, как сильно я рисковал, и я дал себе зарок впредь быть более осмотрительным.

Три дня я шел на восток. Несколько раз я ловил себя на том, что заблудился. Меня мучили голод и жажда, но все-таки я шел дальше. В конце концов я вышел к окрестностям Ризе. Я уже хотел было войти в город, дождавшись ночи и под прикрытием кустов, но вдруг увидел группу людей, шедшую в сторону холмов. Это были армяне, по их виду и одежде я определил, что это были не крестьяне или другие простые люди. Они принадлежали к более высокому социальному классу.

Когда я вышел и поднял руки, чтобы успокоить их, я видел, как они испугались, словно перед ними явился сам черт. Все дело было в моей маскировке. По крайней мере, их она ввела в заблуждение. Мне ничего другого в голову не пришло, как крикнуть им по-армянски, что я тоже армянин.

Тогда они остановились как вкопанные и уставились на меня с недоверием. Я подошел к ним, и мы какое-то время смотрели друг на друга. Потом я сказал им, что нам надо бы укрыться под деревьями, и мы присели.

Эта была семья Дедеян из Эрзерума — муж, жена и их дочь Соня. Там была еще девушка, назвавшая себя Норой Азатян и маленькая девочка Ани, вероятно ее сестра. Среди них находилась также одна девушка чуть постарше, Дерна Бедросян, и парень примерно моего возраста, Арег Балакян, смотревший на меня с недоверием — армянин я или нет. Они рассказали мне, что в Эрзеруме дела обстоят очень плохо. Семья Дедеян сбежала на автомобиле, по курды в горах отобрали его. Семья перенесла еще немало мытарств, а несколько дней тому назад они встретили Нору и других молодых людей и пошли вместе, помогая друг другу. Они надеялись прийти в конце концов в Трапезунд, но встретившийся им на пути армянин предупредил их, что этот город — не лучшее место для них.

Тогда они решили пойти в Ризе, но встретили старушку-армянку, которая поведала им, что из ее семьи осталась в живых только она одна. Они бродили уже в полном отчаянии, не зная, куда идти, когда навстречу им вышел я.

Я рассказал им о своих приключениях. Сказал, что собираюсь добраться до Ризе и найти там Мустафу Азури. Я объяснил им, что, хотя он и турок, но наверняка нам поможет.

Семья Дедеян была абсолютно измотана. Что касается Норы, то создавалось впечатление, что именно она всех вдохновляла и утешала.

Я решил, что место, в котором мы находились, довольно удобное для стоянки, поскольку оно было достаточно удалено от дороги. Я сказал им, что, если встречу Азури и найду какое-нибудь судно, они могут поехать со мной. Я видел, как у них загорелись глаза. Они были так измождены и голодны, что считали, что их жизнь уже висит на волоске, но мои слова приободрили их.

Нам повезло, что поблизости протекал небольшой горный ручей, и мы все могли досыта напиться. У них были с собой две фляжки и, по их словам, это спасло им жизнь.

Я подождал, пока стемнеет. Темнота с каждым разом мне нравилась все больше и больше. Она стала моей союзницей, и я был уверен, что ночью я вполне могу сойти за турка

и никто не заметит обмана.

В последний раз я успокоил семью Дедеян. Арег останется с ними. Нора настояла, чтобы я поскорее уходил, что я и сделал.

Вечерело. Передвигаясь очень осторожно, словно дикий зверь, я дошел до окраинных домов города.

Я был уже там однажды с отцом, и мне было легко ориентироваться. С тех пор прошло много времени, но я хорошо помнил, где стоял дом Мустафы Азури.

Азури занимался контрабандой — забирал товары, которые доставляли почти к берегу русские корабли, и потом хранил их на разбросанных вдоль побережья складах. О нем отзывались как об очень хитром человеке, и я думал, что его отношений с отцом в прошлые времена будет достаточно, чтобы восстановить контакт.

Я залез на забор, отделявший его огород от дороги. Дом казался пустым, вокруг стояла тишина. С большой осторожностью я обошел участок и оказался перед главным фасадом дома. Я был уверен, что в доме никого нет. Я перешел дорогу и оказался в небольшом леске из молодых сосен. С другой стороны доносилось шуршание волн о песчаный берег. Ни единого постороннего звука. На берегу были привязаны к деревянному пирсу два судна метров восьми или девяти в длину. Это было как раз то, что мне нужно. Паруса и другие приспособления, наверное, хранились в маленьком помещении, защищенном от ветра в скалах, там, где кончались сосны.

От меня до моих новых друзей было всего пятнадцать или двадцать минут ходу. Я схожу за ними, и мы все вернемся ночью и уплывем. Я хорошо знал, как управляться с судном. Единственным осложнением был только штиль, но я знал, что здесь, также как и в Трапезунде, вот-вот поднимется ветер.

Я пересек лесок, и вдруг увидел приближающуюся телегу, Я узнал Мустафу Азури по его длинным усам. На нем были элегантные шаровары и жилет. Было довольно темно, и он не мог меня видеть. Он слегка вздрогнул, словно от испуга, и обернулся, держа руку на широком поясе. Не могу точно сказать, но у меня было впечатление, что у него в левой руке был револьвер.

Я окликнул его и назвал свою фамилию. Он был не очень уверен, но, по крайней мере, опустил руку, в которой держал револьвер.

Я подошел к нему и попал в поле, слабо освещенное фонарем, прикрепленным к телеге. Он отпрянул.

«Я Оганнес Нахудян, сын твоего друга Богоса из Трапезунда, ты помнишь меня?»

Азури посмотрел на меня с некоторым недоверием, и я заметил, что он близорук. Он несколько раз кивнул.

«Как мне не узнать тебя? Ты точно такой, как твой отец! Точно, точно. Прямо как портрет. Очень похож».

Азури улыбался мне, показывая свои большие желтые зубы, напоминавшие мне зубы того старого тигра, которого цирк привозил в Трапезунд каждое лето.

«Похож. Я как будто вижу твоего отца двадцать пять или тридцать лет тому назад. Очень похож».

Он пригласил меня в дом и попросил рассказать, что же со мной произошло. Он проводил меня на кухню, отрезал сыра, хлеба и дал яблоко. Я был очень голоден и говорил с набитым ртом. Улыбка на его лице менялась на гримасу по мере моего рассказа о смерти матери, исчезновении отца и сестер, ужасных событий в Трапезунд, перипетий со мной в казарме...

Мустафа Азури смотрел на меня своими круглыми глазами так, как будто мой рассказ и мои страдания доставляли ему такую же боль, как и мне. Он поднимал руки, делал жесты отчаяния, восклицал от огорчения. Но что-то в нем настораживало меня. Да к тому же мой рассказ не мог быть большой новостью для него, ведь семья Дедеян говорила мне, что в Ризе армяне переживали ту же судьбу, что и в других местах Турции.

И все-таки я раскрыл ему мое намерение бежать и попросил одну из его лодок. Не знаю

когда, но я обязательно заплачу. Он снова заулыбался, отрицательно качая головой. Нет, нет. Как это платить ему! Он сделает это просто в память о тех временах, когда работал с моим отцом.

Он добавил, что, возможно, платить и не придется. Он должен послать судно Кемаль-паше недалеко от Батуми, по ту сторону границы. В этом был, конечно, риск, но из-за войны, цены сильно подскочили... Стоило рискнуть.

Тогда я заговорил с ним о семье Дедеян и о других девушках и юноше, Это правда, что я только недавно встретил их, но оставлять их здесь означало бы обречь их на верную смерть. Я сказал ему, что все они поедут со мной. Азури посмотрел на меня, прищутив глаза, словно оценивал ситуацию. Какое-то время он не отвечал, потом согласился.

«Пусть будет так. Это, конечно, намного рискованнее, но если ты так хочешь... По правде говоря, мне жалко армян. В этой стране хватает места как для турок, так и для армян. А курды только воруют и мешают всем. — Он задумался на минуту — Видишь ли, Оганнес, давай сделаем одну вещь. Ты пойдешь за ними, а я схожу за моим человеком. Потом вы отплываете, и, если подует ветер, завтра ночью вы будете вне опасности. Именно так! Приводи сюда своих славных армян, а я через час вернусь со своим человеком... И все, хватит об этом. Давай».

Азури решительно встал, желая показать мне, что нельзя терять времени и что мы договорились.

Мы расстались без лишних слов. Я пошел назад, а он поехал на телеге в обратную сторону, подгоняя лошадь, которая не хотела бежать в полной темноте.

На обратном пути я думал, что моим друзьям сильно повезло. Так же, как и мне. Азури по своей доброте поможет нам. А ведь это не просто найти турка с добрыми намерениями по отношению к нам, армянам.

Семья Дедеян встретила меня как самого дорогого родственника. Остальных членов группы не было — они разбрелись по округе и пока не вернулись. Я сказал им, что времени терять нельзя и что они должны идти со мной. Я оставлю их в доме у Азури, а потом вернусь за Арегом и Лерной. В этом доме они будут в безопасности, а до приезда Азури они смогут что-нибудь поесть.

Мои слова, кажется, не очень убедили Нору, но Карен Дедеян и его жена были уже на пределе своих сил, с ними была также их глухонемая дочь Соня, а у другой дочери, Ани, округлились глаза, когда она услышала, что там можно будет что-нибудь поесть.

Мы с большими предосторожностями пустились в путь к дому Азари, там я открыл ворота и впустил их. Нора спросила меня насчет судов, и я объяснил ей, что они привязаны тут же недалеко. Она захотела посмотреть на них, а я в некотором раздражении сказал ей, что если она хочет, то пусть идет одна. Мне самому надо было успокоиться и не пугать семью Дедеян, они и так намучились достаточно.

Она странно посмотрела на меня и отвернулась, направляясь по тропинке через лесок к берегу. Я открыл дверь ключом, который нашел на том месте, где его оставил Азури, и мы вошли в дом, спасаясь от ночной сырости.

Я даже решил дать кое-что из продовольственных припасов. Все четверо ели так, как будто они никогда в жизни не ели, и это немного приободрило их. Я побежал назад за Арегом Балакяном и Лерной, но там никого не было. Я подождал немного и решил, что надо бы вернуться в дом Азури. Лучше я буду там, когда он вернется.

Я так и сделал, но Нора пока не вернулась. Прошло немало времени, и ее задержка стала меня беспокоить. Одно дело, если она обиделась на меня, и другое, если она заблудилась или что-то случилось с ней.

Я уже собрался выйти на поиски ее, как мы услышали звуки подъезжающей телеги. Дверь вдруг открылась, и появились два турецких солдата, направивших на нас свои ружья. Я вскочил, но меня больно стукнули прикладом в плечо, и я упал. Я был в растерянности и не знал, что произошло. Карен Дедеян закрыл лицо руками. Это был довольно старый, больной и усталый человек, он не понимал, почему нас преследовали с такой жестокостью.



Потом два солдата заставили нас выйти наружу. В нескольких метрах от нас в тени я увидел лицо Мустафы Азури, который не решался подойти к нам. Он предал нас. Поняв это, я был в отчаянии. Поверив в его заверения в дружбе, я не только попал в западню, но и неосмотрительно втянул в нее своих друзей. Я был безутешен и зол. Я винил себя в неопытности и глупой доверчивости. Я не знал, что с нами будет, но предполагал самое худшее. Для меня было не важно, что случится со мной, но я не мог простить себе, что виновен в захвате моих беззащитных друзей. Я вдруг вспомнил о Норе. Что произошло с ней? Я представил себе, что она уже мертва, и это свалило меня.

Я с глубокой ненавистью посмотрел на Мустафу Азури. Я подумал, что, если бы я мог убить его в тот момент, я бы, не колеблясь, сделал это. Как можно было пасть до такой низости!

Я слышал, как они заспорили. Они не знали точно, что им с нами делать. Один из солдат сказал, что нас надо убить и тогда будут решены все проблемы. Он проворчал, что все равно таков будет наш конец, и зло сплюнул на пол.

Они решили запереть нас в сарае возле дома, предварительно крепко связав нам руки. Боль от связанных рук казалась невыносимой. Когда я попросил, чтобы он не сильно связывал руки старикам, солдат засмеялся и, глядя на меня, со всей силой затянул веревку на их руках. Потом он громко хмыкнул и, уходя, закрыл дверь на ключ.

В темноте я услышал, как плачет Алин Дедеян. Этой женщине было около шестидесяти лет, но, несмотря на возраст и страшную усталость, она сохраняла чувство собственного достоинства. Это восхило меня. Я слышал рыдания всех трех и задыхался от гнева. Как мы могли жить среди этих людей? Мы встречались с ними на улицах, были товарищами по школе. Я вспоминал мою мать, когда она приходила с базара в сопровождении Аиши Басоглу, которая улыбалась ей. Она была лучшей турецкой подругой мамы. Я вспомнил лица Али-бея, Мустафы Гудура, которых я считал своими друзьями и которые раскрыли свои настоящие лица только тогда, когда нас пытали в тюремных камерах.

Очень трудно объяснить, что именно я чувствовал в те моменты, но никогда, ни в один из дней моей уже долгой жизни, я не забывал этого. В моей душе сейчас нет злобы, но не могу стереть из своей памяти то, что какое-то время у меня ее было столько, словно вся моя душа была соткана из горящей злобы, О, время! Говорят, что оно стирает все и является настоящим лекарством для души. Это не совсем правильно. Может быть, я приглушил ненависть, но не смог стереть у себя страх. Даже сегодня, когда мои руки, изрезанные синими венами и покрытые пигментными пятнами, берут перо, я не могу забыть, что злость, сверкавшая в глазах тех турок, сейчас блестит в глазах другого солдата, другого человека. Та же самая! Тот турецкий солдат станет брюзжащим, равнодушным и бесчувственным стариком, жестким, как камень на дороге. Но злоба, да злоба! Она остается в нем, она готова перейти от одного человека к другому по любому поводу, заражая все, как зараза. Нет, злоба не пропадает у того, кто болеет ею, равно как болезнь не покидает умирающего. Она витает в воздухе, таится внутри людей. Достаточно каких-нибудь слов, каких-то идей, какой-нибудь неоправданной жестокости, и опять она возникнет тут же, обретет форму и заразит тысячи людей.

Так вот, мы сидели со связанными руками, уверенные, что наши дни сочтены. Я, по крайней мере, не видел никакого выхода. Отсюда нас уведут куда-нибудь, в какую-нибудь тюрьму в Ризе, может быть, нас будут мучить. Я просил Бога, чтобы он не допустил наших мучений. Я молился, чтобы нас убили одним выстрелом там же.

Прошло довольно много времени. Мы слышали смех и радостные крики в доме Мустафы. Оба турецких солдата пили турецкую водку раки. Я видел несколько бутылок этой водки в чулане. Взрывы смеха и шум доносились еще пару часов, потом снова наступила тишина, прерываемая только монотонными ударами волн о берег.

Веревки впились в запястья, но в конце концов я смог перегрызть веревку зубами и прежде всего освободил от веревок семью Дедеян. Потом я попытался открыть дверь, но не смог. Из этого места уйти было невозможно. Я пришел в полное отчаяние, представив себе,

что скоро солдаты отойдут от пьянки и наши мучения продолжатся.

Тогда кто-то слегка постучал в дверь костяшками пальцев. Звук был едва слышен, но сердце у меня затрепетало. Я еще не видел ее, но знал, что это была Нора Азатян, она вернулась, чтобы помочь нам. Я постучал в ответ в ту же дверь и услышал легкое шуршание ключа в замочной скважине и скрип открываемой двери. Это была Нора! Я хотел обнять ее, но она пошла прямо к Ани и поцеловала ее в лоб.

Я почувствовал дрожь при мысли, насколько смела была эта девушка, почти ребенок. Она вернулась буквально в волчью пасть, чтобы помочь нам.

Но нельзя было терять время. Мы вышли почти как призраки на цыпочках, и я показал жестами, чтобы они шли за мной. Мы быстро прошли лесок, там стояли освещенные луной суда, привязанные к пирсу.

\* \* \*

Я был поражен тем, как события переплетались между собой. Всю свою жизнь я ждал, что обо всем этом мне расскажет моя мать.

По крайней мере, хоть что-то объяснит мне. Но она была в таком состоянии, что не могла этого сделать, и когда я уже смирился с этим, появилась Алик, чей удивительный рассказ потряс меня. Потом почти сразу же моя мать оставила мне самое ценное наследство, которое только она могла мне оставить. Сейчас история, рассказанная Оганнесом, завершала круг.

Рассказ Оганнеса произвел на меня глубокое впечатление. У меня появилось ясное и точное видение событий, произошедших полвека назад. Создавалось впечатление, что мы переживали эти события все это время, или же они были выжжены огнем в нашей памяти.

Я был восхищен способностью Оганнеса, Алик или моей матери продолжать жизнь далее. Было ясно, что одни легче это перенесли, чем другие, но те, кто выжил, не смогут забыть тех событий до конца своих дней.

Я проснулся почти в полдень. В Каире было куда жарче, чем в Стамбуле. Я слышал непрерывный шум города, словно это был живой организм.

Я прошел в гостиную и встретил там Дадахда. Мы были почти незнакомы друг с другом, но он был мне как брат или племянник. Он обнял меня и поблагодарил за то, что мы приехали сюда так быстро. Он пояснил, что его отец угасает день ото дня.

В Каире я провел две недели. Потом я уехал в Стамбул, а Алик — в Париж. Я стал приводить в порядок мои записи. После первой ревизии я понял, что это очень долгое дело, но ему стоило посвятить столько сил и времени, сколько потребуется.

Я видел, что рассказ понемногу обретает конкретные черты. Это привело меня в восторг. За короткий срок у меня из ничего появилась твердая основа для дальнейшей работы. Волнующие истории всех трех братьев и сестер, прекрасно перекрывавшие друг друга, убеждали меня, что они созданы не воображением, а основаны на реальности. Правда о ней была спрятана, ее охраняли в течение многих лет, из-за политических интересов она скрывалась, запрещалась, искажалась теми, кто хотел уйти от ответственности.

Поэтому мне надо было многое изменить, и главной причиной этой перемены были сестры и брат Нахудян.

Довольный тем, как складывались события, я вышел на улицу и прогулялся по старому городу. О, если бы камни могли говорить!

## 5

### Завещание для Лейлы

Надя Халил была замужем за Крикором Нахудяном, моим сводным братом, с которым я никогда не был знаком. Крикор был сыном Алик Нахудян и Кемаль Хамида, человека,

зачавшего также и меня. Посему Лейла Н. Халил, дочь Нади и Крикора, была внучкой Алик и моей племянницей.

Невероятно, но сама Алик не знала об этом родстве. Однажды она мне позвонила в очень радостном настроении: Надя установила с ней контакт. Они виделись в Париже и договорились, что Алик поедет в Дамаск, чтобы посмотреть на свою внучку.

Это были хорошие новости, и я порадовался за Алик. Она, конечно, была достойна этой радостной вести, тем более после всего того дурного, что у нее произошло с сыном.

Так и случилось. Алик поехала в Дамаск и позвонила мне в ту же ночь. Лейла была сплошным очарованием, да и Надя ей не уступала. Она плакала по телефону, когда сказала, что к ней вернулась семья. Жизнь действительно обязана была принести ей удовлетворение.

Потом Алик, вероятно, рассказала ей обо мне, и Надя захотела познакомиться со мной. Она мне позвонила и пригласила приехать в Дамаск. Помню, это было в феврале 1974 года, а когда я рассказал ей о своей работе, она проявила большой интерес и пообещала помочь мне чем только сможет.

Я вылетел в Дамаск из Стамбула на маленьком военном самолете. Мой друг полковник Нури, служивший в Генеральном штабе, должен был лететь с официальным визитом в Дамаск и предложил мне место в самолете. Погода была ужасной, и я не раз проклинал себя за свой импульсивный характер. Надя ждала меня в аэропорту и встретила меня с улыбкой.

Я тут же забыл о только что пережитой буре. Она была привлекательной женщиной лет сорока. Она поцеловала меня в обе щеки и приняла меня так, словно я был одним из самых любимых ее родственников.

В Дамаске по-прежнему лило как из ведра и было очень холодно. Поэтому горящий камин и теплая обстановка прекрасного дома Нади мне показались самым гостеприимным местом на земле. Она обращалась со мной как с близким родственником, с которым не нужно было соблюдать особые политесы, и я был благодарен ей за это.

\* \* \*

Мы пили горячий чай, и я рассказывал ей о себе. Моя история ей показалась исключительной, и она захотела узнать еще больше. Тогда я завел речь о той большой работе, которой я тогда занимался.

О том, с каким волнением я искал практически утерянные родственные связи, как они тянули за собой друг друга, словно черешни, вынимаемые из блюда с фруктами. Говорил я также о том, с каким горьким разочарованием приходилось иногда сталкиваться, когда в конце многообещающего пути наталкиваешься на непреодолимую каменную преграду.

Она с энтузиазмом отнеслась к моему рассказу и выразила готовность помочь мне во всем, что будет ей под силу. Потом я рассказал ей о моей матери Мари, о бабушке Азатуи, о моей тете Алик и дяде Оганнесе — все они были прямыми предками ее дочери Лейлы. Ее очень растрогали мои рассказы.

Надя поведала мне, что она по-своему чувствовала ту же озабоченность. Она была культурной и любознательной женщиной, у нее была хорошая библиотека с книгами по истории армянского мира.

Она считала себя турчанкой и мусульманкой, но с отклонениями. Она знала, что по крайней мере пятьдесят процентов ее крови были армянскими, она была воспитана в духе ислама и османской культуры, но испытывала большую любовь ко всему армянскому.

Мы совсем увлеклись нашим разговором, когда пришла Лейла. Она вернулась с частных курсов по английскому языку. Это была угловатая девочка двенадцати лет, готовая стать через некоторое время прекрасной женщиной.

Она смотрела на меня с любопытством. Ее мать очень естественно представила меня дядей Дароном, как будто они говорили обо мне всю жизнь. Это мне очень понравилось, потому что — должен признаться — обстоятельства превратили меня некоего одинокого волка, и я всегда завидовал обстановке семейной любви. На какое-то время тепло любви той

прекрасной ночи в Дамаске вызвало у меня иллюзию, что я нахожусь в своем доме и в своей семье.

После ужина Лейла ушла спать и поцеловала меня на ночь. Я остался с Надей в гостинной, которая служила также и библиотекой. Надя подошла к книжным полкам и достала очень потертую папку. Она подала мне фолиант и уселась напротив, наблюдая за мной. Я улыбкой поблагодарил ее за нежный прием и ее любезность и осторожно раскрыл папку.

На листках хорошей, качественной бумаги со старинным оттиском Главного управления османских железных дорог кто-то писал хорошим почерком по-французски. Прочтя лишь первые фразы, я сразу узнал, что это было именно то, что я столько времени искал.

\* \* \*

### **Из мемуаров Мохаммед-паши (отрывок)**

В те годы я был слишком молод, чтобы иметь свое мнение, но мой дядя Ибрагим-паша хорошо знал, что надо делать. В конце концов меня направили во Францию, потому что он (а без всяких сомнений, именно он был главой всей семьи) решил, что за железными дорогами — будущее.

Так, в 1875 году я оказался в Париже. Мне недавно исполнилось двадцать лет, и за короткое время я обнаружил мир, так отличающийся от того, в котором я привык жить.

Должен сказать, что все это стало возможным благодаря табаку. Турецкие сигары были лучшими из тех, которые курили в Европе. И хотя многие нас критиковали, ворча, что мы — деградирующая империя, все стремились достать наш табак, наш хлопок и многие другие товары, которые могла предложить только Турция. Благополучие нашей семьи основывалось, прежде всего, на табаке, но, признаться, мир коммерции меня совсем не привлекал. Поэтому я посвятил всю свою жизнь тому, чему научился за пять лет в Париже, — железным дорогам.

Конечно, там я вошел в контакт с внешне интеллектуальной группой Молодых османцев. Я говорю «внешне интеллектуальную», потому что там больше всего говорили о политике. Мы были не настолько слепы, чтобы не видеть разницы между нашей страной и Западом. Предстояло сделать столько, что, казалось, добиться перемен было просто невозможно.

Вообще говоря, поначалу мне нравилось туда ходить, потому что там появлялись поэты, и среди них мой кузен Зийя-паша, — именно он и ввел меня в эти кружки. Там же я познакомился с журналистом Намик Кемалем — он первый, кто хотел убедить меня в том, что надо было устранить султана, чтобы установить республику. Мне иногда присылали журнал — это позволяло мне чувствовать себя современным человеком и европейцем — в Константинополе не было такой интеллектуальной университетской атмосферы. Там никто не мог и головы поднять. Если поднимешь ее, секретная полиция и шпионы султана, рыскавшие везде, тебя сразу же вычислят, и тебе конец.

Не хочу сказать, что этого не было и в Париже. Я мог бы назвать несколько лиц, присутствовавших на собраниях, которые были просто стукачами. Но в те молодые годы даже риск казался нормальным элементом достойной жизни.

Но свободного времени у меня было мало. Меня очень интересовала учеба, и я осознавал, как мне повезло, что учусь в таком вузе, как Политехнический.

Но время прошло очень быстро и, прежде чем я это осознал, на руках у меня был диплом инженера-железнодорожника. Пришло время возвращаться в Константинополь. Кроме того, мой дядя Ибрагим добился аудиенции с Большим визирем, и я получил письмо, в котором меня просили ускорить приезд в Турцию.

После той аудиенции у меня в кармане появился контракт, где я фигурировал как старший инженер Общества османских железных дорог. Моего дядю распирало от

удовольствия, и я понял, что мир у моих ног.

У меня не было никакого опыта, но в теории я разбирался куда лучше других, которые были всего-навсего «практиками». Во Франции я научился всему, чему только можно было научиться в области железных дорог, и это обеспечивало мне хороший пост в моей стране.

Намного позже, когда я уже проработал несколько лет, однажды вечером меня пригласили на собрание в Академию военной медицины.

Шел 1889 год, и перемены происходили очень быстро. Македонский, греческий или армянский терроризм причинял нам одни неприятности. Их у нас было слишком много, чтобы выносить еще мятежные нацменьшинства, кидавших в нас камни, а потом прятавшихся за спинами Франции или Англии.

В тот вечер было образовано тайное общество «Итгихад вэ Теракки». Это был секрет полишинеля, потому что об этом обществе знала вся армия, интеллигенция, а также оппозиция. Мы не могли согласиться с тем, чтобы реформы, к которым европейские страны принуждали Высокую Порту, шли исключительно на пользу национальным меньшинствам.

Все говорили о новой идее — содружестве османских народов.

Сейчас, спустя столько лет, я думаю, что только по наивности я присоединился к обществу, с которым у меня не было ничего общего. Но это случилось, и я должен нести ту часть ответственности, которая пала на меня.

Несколько дней спустя меня пригласил Большой визирь на важное совещание, на котором должна была идти речь о новых проектах по расширению сети железных дорог.

Совещание состоялось на первом этаже в зале Долмабахче.

Поговаривали, что у султана был личный интерес ко всем этим проектам, в зале установили макет страны размером в три миллиардных стола и макет маленького паровоза, который ездил по кругу и — невероятно — пускал дым из трубы.

Там было несколько крупных немецких инженеров, финансисты из «Дойче банка», несколько депутатов нашего парламента, даже прямые родственники султана, но его самого не было.

Один из немецких инженеров, пруссак с короткой прической ежиком, был настроен критически по отношению к проекту. Вообще-то говоря, и мне он показался необычным. Железнодорожная линия между Константинополем и Багдадом! Проект был безмерно дорогим, с большими техническими, структурными и политическими трудностями, но вполне реальным, если бы были преодолены все эти трудности. Большой визирь поддержал проект, заверив, что Турция и Германия могут пройти совместно большой общий путь.

Потом он заговорил об окончании строительства ветки между Белградом и Константинополем, которая должна была открыться до 1890 года. Это был долговременный прогноз, потому что сохранялось еще немало политических проблем. Все говорили, что эта трасса, которая будет называться «Восточный экспресс», имеет важнейшее значение для Германии, Австрии и Турции, поскольку она должна соединить исторически близкие страны. Потом мы подняли тост за здоровье доброго султана Абдул-Гамида, за кайзера Вильгельма, за железную дорогу и за будущее.

Потом я подумал, что султан предпочел, чтобы его никто не видел с бокалом шампанского в руке. Ведь в конце концов он был никем иным, как халифом верующих.

Один из высокопоставленных военных, присутствовавших на собрании, заговорил о сотрудничестве между армиями, мы выпили и за это.

Большой визирь и мы все, находившиеся там истые мусульмане, доказали, что мы можем быть такими же европейцами и западниками, как немцы или французы.

Думаю, что в тот вечер были заложены основы плодотворных связей между Оттоманской империей и Германией.

С того дня мое общественное положение существенно укрепилось — меня часто приглашали во дворец на совещания, многие из которых проходили с участием наших немецких друзей. Я смог оценить, что означало быть влиятельным человеком и быть

принятым без промедлений самим Большим визирем. С того дня многие мои родственники и друзья приходили ко мне, излагали свои проблемы, и я смог решить немало из них. Такая ситуация привела к тому, что мой, в общем-то, интровертный характер понемногу стал более открытым, поскольку меня приглашали на много приемов и общественных встреч.

На одной из них, а именно в салоне Сюфера, в том же Долбамахче я познакомился с той, которая стала потом моей женой. Ее звали Фатима Мунтар. Она была наследницей крупной судоходной компании. Это была прекрасная женщина, и я безумно влюбился в нее. Шесть месяцев спустя мы поженились — церемония была пышной, на мой вкус излишне богатой и нескромной.

Все говорили об этой свадьбе. Поговаривали, что меня должны были назначить министром транспорта, а друзья посмеивались над таким совпадением.

Но я хотел заниматься только железными дорогами. Политика была мне не по душе, и тем более то направление, которое она принимала. Меня интересовали только поезда, шестеренки, пар и проектирование новых линий. Во время моих поездок в Париж для проверки хода реализации проекта «Восточный экспресс» я испытывал большую гордость. Через короткое время Париж соединится с Константинополем через Лозанну, Милан, Триест, Загреб, Белград и Софию. Возможно, ветка протянется и до Вены и Берлина. Это было мечтой любого турка, и я помогал осуществить ее.

Я думал о будущей станции Хайдарпаса и о тех трудностях, которые предстоит преодолеть, чтобы соединить ее с Измитом. Оттуда поезда пойдут на всю Азию, и тогда никто не сможет сдержать развитие Турции, особенно при сотрудничестве с Германией, которая с каждым днем проявляла все больший интерес к нашей стране.

Уже стали приезжать немецкие специалисты, о которых говорил немецкий посол. Большой визирь Али-паша позвонил, чтобы успокоить меня. В Турции командуем мы, турки, но нам нужны деньги «Дойче банка». Потом он сказал, что султан хотел получить информацию о возможности проложить железную дорогу между Измитом — Эскишехиром и Анкарой. Это существенно поможет в развитии Анатолии. Прощаясь, он шепнул мне на ухо, что есть подтверждение скорого визита в Турцию кайзера Вильгельма. «Он специалист в области железных дорог», — добавил он заговорщически.

Оглядываясь на прошлое, я понимаю, что моя любовь к работе, мечты о новых проектах и моя профессиональная самоотдача мешали мне осознавать, что затевалось вокруг меня. И я был не одинок. Сам Абдул-Гамид, со всей его хитростью, не смог понять, какие последствия все это может иметь.

Немцы обещали порядок и прогресс. Но не для Турции. Они думали о том, чтобы сплести сети с целью контроля за воротами в Азию. Франция была более практична, она без единого выстрела захватила Османский банк.

Потом наступили смутные времена. У меня работал Атом Бедросян — прекрасный инженер-армянин, который постепенно становился моей правой рукой. Все, о чем мы говорили, он превращал в чертежи и меморандумы, и каждый раз, когда у меня был Административный совет, я всегда с нетерпением ждал разговора с ним, чтобы узнать его мнение. Не раз я думал о том, что у этого человека было больше оснований, чем у меня, занимать мою должность.

Тем временем моя супруга унаследовала акции судоходной компании ее семьи. Должен признать, что наши отношения стали охлаждаться. Я хотел сына, но она, похоже, была неспособна родить мне его. Я подумывал даже о разводе, как мне советовал один мой друг.

Однажды, в середине августа 1896 года, Бедросян зашел ко мне домой. Это было необычно. У нас были прекрасные и постоянные профессиональные контакты, но он был христианином, армянином, другом многих поэтов, интеллигентов и других, о ком я даже и не хотел думать, и я рассчитывал, что он будет уважать мою частную жизнь.

Несмотря ни на что, я принял его. Никогда я не видел его таким взволнованным. Он

мне рассказал о мятеже против армян.

Все началось с попытки нападения на Османский банк членов армянской партии «Дашнак». Как сказал Бедросян, это была всего лишь отчаянная попытка привлечь внимание европейских стран к политике султана в отношении армян. «Какая абсурдная ошибка, какое безумие!», — повторял он. Этот человек, похоже, был совсем расстроен. Он боялся за свою жену и своего сына, потому что толпа вроде бы напала на армянский квартал, в котором уже было много жертв.

Разумеется, я помог ему. И не только ему. Той же ночью из Константинополя в Алеппо отправился поезд с товарами, среди которых укрылось более двухсот армян. Тем временем в городе горели дома и магазины армян, число жертв достигло более шести тысяч человек, что вызвало энергичный протест французского посла.

Это событие стало началом моего заката. Помощь армянам была не самым лучшим способом продвижения на правительственные должности. Как раз наоборот, потому что ненависть султана и его антипатия к христианскому армянскому меньшинству были очевидны и общеизвестны. Сведения обо мне дошли, судя по всему, и до Большого визиря, потому что я заметил охлаждение отношений с Высшими вратами. Это не очень удивило меня, потому что его агенты рыскали повсюду.

Для меня это не имело особого значения. Я всегда считал, что поступил правильно, и когда встречался на улице с армянином или разговаривал с Бедросяном, думал, что и я, возможно, чем-то помог тому, что они остались живы.

Прошло немного времени, и небо вспомнило о нас. Фатима забеременела, когда все мы уже решили, что у нас не может быть детей. Это нас очень сблизило, потому что она узнала о «поезде-призраке» и, рыдая, обняла меня, повторяя, что я поступил очень правильно. Она не могла забыть свою армянскую кормилицу, которую она полюбила больше, чем свою мать.

Ламия родилась в тот же день, когда кайзер вступил на землю Константинополя. Это был первый визит главы иностранного государства за последние годы. Армянам удалось добиться того, что последние три года иностранные государства подвергали Турцию политическому остракизму.

В тот день я был на работе, готовясь принять делегацию немецких специалистов-железнодорожников. Таков был приказ, который я получил, и хотя мне сообщили о скорых родах я не мог уехать оттуда. Это оказалось весьма благоразумно с моей стороны, потому что появился сам Сименс собственной персоной. Немцы были в приподнятом настроении, они были готовы реализовывать проект по прокладке новых железных дорог. И не только до Багдада, но до самого Персидского залива. Я еще не сказал, что к тому времени Железнодорожная компания Анатолии уже была под их контролем.

Сименс довольно долго говорил со мной и разъяснил мне его проект строительства линии Дамаск — Медина. Он не дал мне возможности вступить в разговор. Из вежливости он говорил по-французски, но иногда вставлял немецкие фразы. Он был не из тех людей, кого интересует чужое мнение. У него была своя конкретная точка зрения, и только она была важна.

Потом мне ничего не оставалось, как сопровождать их на прием в немецкое посольство. Там я смог впервые переговорить с послом фон Биберштайном. Это действительно был деловой человек, стремившийся захватить французскую экономическую империю в Турции и превратить ее в немецкую.

Слушая его, я думал о Фатиме и о моей дочери. Мне сообщили, что родилась девочка, но для меня это не имело значения. Я слышал, как вокруг меня говорили о разработке рудников, об оси Берлин — Константинополь — Багдад, о том, что, несмотря на огромные расстояния, немецкие войска могли быть очень быстро перебросены с одного места в другое и что это изменит соотношение сил в Месопотамии, Персии и Индии.

В тот вечер впервые всерьез заговорили о «Багдад рейлвей компании», которая будет финансироваться в равных долях «Дойче банком» и Имперским Османским банком.

Возвращаясь домой, я подумал, что султан Абдул-Гамид ошибся в выборе своих партнеров. Для меня куда ближе была Франция и даже Англия. Я пять лет прожил во Франции и, как мне казалось, понимал французов. Немцы же, наоборот, смотрели на вещи с другой точки зрения. Для них не было ничего невозможного, но они не признавали диалога. Их идеи, их проекты, их цели были самыми лучшими, и нам не о чем было спорить.

Ламия принесла в наш дом радость, которой так не хватало последние годы. Я понимал, что достиг потолка в своей административной карьере, но и без меня они не могли обходиться. Без ложной скромности скажу, что среди турок я был одним из наиболее сведущих в железнодорожном деле, и найти мне замену было бы трудно.

Годы пролетали все с большей скоростью, доказательством тому была Ламия, которая росла очень быстро. Я чувствовал себя в долгу перед Богом за то, что он дал нам такую благодать. Она была умной, ласковой и доброй. Она помогла сохранить наш брак, и благодаря ей моя жена и я прожили незабываемые годы.

Тем временем младотурки плели заговоры, чтобы захватить власть. Но с тех пор как просочилась информация о поезде с армянами, ко мне они уже больше не обращались. Я знаю, что они пытались вести речь о сближении с разными армянскими организациями и даже говорили о федеративном государстве как одном из путей к прогрессу и миру.

Но султан не пускал их на территорию Турции, и большинству лидеров этой организации пришлось держаться подальше, в основном в эмиграции в Европе. Подрывные действия офицеров в Салониках окончательно вывели султана из равновесия. Последовавшие следом за этим репрессии лишь укрепили оппозицию, и в главной ставке в тех же Салониках был создан Комитет за единение и прогресс, куда вошли Джемаль-паша, Энвер-паша и Талаат-паша, который до недавнего времени был всего лишь заурядным и тщеславным почтовым служащим. О нем говорили, что у него не было ни харизмы Джемалья, ни ума Энвера, но зато он был хитрее всех трех вместе взятых.

Он претендовал на то, чтобы проташить законодательство, в котором был бы представлен народ. Когда султан узнал о существовании Комитета, он был вне себя от гнева и велел расстрелять нескольких офицеров. В ответ на это армия в Македонии подняла вооруженное восстание, и испуганный Абдул-Гамид восстановил конституцию.

Я помню те дни, когда армяне, греки, евреи и турки обнимались на улицах. Все мы считали, что различия между нами исчезли навсегда. Наступило равенство и братство.

Тот Комитет коварно выдвинул мысль, что не стремился к власти, и народ ему эту власть предоставил. Но это не означало, что европейские государства перестанут вмешиваться в наши дела, только за год при новом правительстве от нас ушло столько территории, сколько мы потеряли за все время пребывания у власти Абдул-Гамида.

И неожиданно все рухнуло. В марте 1909 года султан устроил контрреволюцию. Он отменил конституцию и восстановил старые формы власти. Армия в Салониках вновь выступила. Я получил телеграмму, в которой сообщалось, что железная дорога контролируется военными. Генерал Махмуд Серкет Паса вошел в город и за несколько часов взял ситуацию под контроль.

Тогда был положен конец отговоркам и хитростям султана. Политические средства воздействия на ситуацию у него истощились, и он оказался в одиночестве. Ему ничего другого не оставалось, как уйти. На самом деле он был смещен триумvirатом, посадившим на кресло султана Мехмета Пятого Ресада. Он был номинальной фигурой, потому что Комитет полностью взял контроль над правительством.

Это были дни, полные нервного ожидания. Никто не знал, что будет дальше — придет ли снова султан Абдул-Гамид и возьмет ли снова власть с помощью какой-нибудь хитрости.

Но этого не произошло, и мы, высокопоставленные чиновники, были вынуждены выражать уважение новым лидерам. Они были на местах, стояли улыбаясь, с чувством исполненного долга: Энвер — блестящий военный министр, Талаат — министр внутренних



дел, Джемаль — министр военно-морского флота, Саид Халим — новый Большой визирь, и другие — все без исключения члены Комитета. Они говорили о свободе и демократии, что мы — современная страна и что мы это докажем.

Вскоре исламский закон — шариат<sup>9</sup> — был заменен гражданским законодательством. Наступил конец полигамии, и газеты пестрели заголовками о новых временах. Были отменены брачные договоры и основан Национальный банк. Все это должно было продемонстрировать, что чудо наступило благодаря членам Комитета. Сторонники Абдул-Гамида время от времени показывали свои когти, уверяя, что все эти перемены — не более чем продолжение Таизимата, то есть реформ, предложенных султанатом.

Не могу забыть великий парадокс. Это верно, что страна обновлялась, что учреждения работали и даже «армянский вопрос», казалось, понемногу решался. Но, несмотря на это, мы, турки, чувствовали себя ущемленными. У нас «украли» (именно это слово мы употребляли тогда) Македонию, большую часть Тракии, Восточной Румынии, Болгарии, Герцеговины, Боснии... Стали появляться маленькие националистические партии, которые тоже хотели что-нибудь урвать от этой ситуации, была восстановлена диктатура.

Мирного времени оставалось немного. Крейсер «Гебен» и легкий крейсер «Бреслау» играли в прятки с англичанами и бросали якорь в Константинополе, который стал местом праздничных встреч.

О, если бы знали тогда, во что все это выльется! Дверь, через которую Турция вошла в войну на стороне Германии, была фальшивой.

Черчилль хотел покончить со всем этим одним ударом. Это был смелый и очень тщеславный политик. Он был уверен, что его войска непобедимы. Но он натолкнулся на Галлиполи. Мы, турки, сражались плечом к плечу с нашими немецкими союзниками, Это было столь сильное поражение для англичан, что правительственная пропаганда создавала впечатление, что войну мы уже выиграли. В конце 1915 года они были вынуждены убрать из Дарданелл свой флот. Это было невероятно. Никто никогда ранее не одерживал побед над английским флотом.

В Константинополе это были дни настоящего восторга. На улицах было много немецких военнослужащих и моряков, и люди с восторгом приветствовали их. «Мы почти братья», гласили заголовки газет, и я не мог не вспомнить визит кайзера. Без какой-то явной причины у меня стала возникать какая-то странная ревность.

Правительство младотруков решило, что наступил удобный момент для того, чтобы решить свою главную проблему. Если мы покончим с «армянским вопросом», то у западных держав не будет оснований вмешиваться в дела Турции.

Талаат поговорил об этом с членами Комитета. Надо было «турифицировать» страну, покончить раз и навсегда с надеждами этой христианской нации создать собственное государство и тем самым лишить Европу и Америку возможности напасть на Турцию.

Тогда состоялось чрезвычайное заседание Комитета. Первой скрипкой там был Талаат. Он говорил не об армянах, а о «внутреннем враге», о необходимости создать крепкую турецкую нацию, свободную от заражения ее чужеродными элементами. Наступил удобный момент, чтобы освободить страну от предателей, нелояльных людей и сепаратистов. На совещании было принято оптимальное решение: немедленно депортировать из страны все армянское население.

Комитет создал исполнительный подкомитет: Талаат, доктор Назим, руководитель

---

<sup>9</sup> Шариат — тщательно разработанный кодекс поведения, или канон, содержащий в себе обрядовые нормы богопочитания, нравственные законы семейной и общественной жизни, различные разрешения, предписания и запреты, призванные урегулировать отношения мусульманина к Богу, к существу в целом и к человеку в частности.

служб безопасности Джанболат и полковник Сейфи, которому поручалось координировать операцию в армии.

Несколько месяцев назад были призваны в армию мужчины в возрасте от двадцати до сорока пяти лет, в том числе армяне. Призыв проходил под общим наблюдением со стороны немецких офицеров Генерального штаба.

Потом наступил момент реализовывать эти планы. Меморандум от 27 мая 1915 года разрешал депортацию всех лиц, подозреваемых в шпионаже, предательстве или в силу военной целесообразности.

За одну ночь в Константинополе были арестованы тысячи армян, захваченных на своих рабочих местах, в местах проживания и на улицах. Я энергично протестовал, потому что Атом Бедроян не появился в офисе, а мне надо было срочно закончить работу, которую надо было передать немецким советникам. Он был совершенно необходим для реализации этого проекта.

Я поехал в штаб пехоты. Там ничего не знали. Побывал в тюрьмах и в местах временного заключения. Там находились одни армяне, но Бедрояна там не было. Он как будто сквозь землю провалился.

Весьма обеспокоенный, я вернулся в офис. Для меня это означало большие осложнения. Там я встретил чертежника Апочяна, тоже армянина. Он был крайне расстроен — боялся за свою семью, за своих друзей и уже не мог держать себя в руках.

Потом он вошел ко мне в кабинет. Он плакал навзрыд. Я попытался успокоить его, но он не мог выговорить ни слова. В конце концов он пересилил себя и сказал, что Бедрояна нашли. Что-либо добавить к этому он был не в силах.

Моя радость длилась недолго. Я пошел с ним и с тремя высокопоставленными чиновниками в то место, где предположительно содержался Бедроян. Мы все были очень озабочены и шли молча. Все это было несправедливо, я, по крайней мере, считал, что все армяне, работавшие у меня, были прекрасными профессионалами и разумными людьми.

Мы снова вернулись в штаб пехоты. По дороге я сказал, что там мы ничего не найдем, потому что мне уже сказали, что ничего не знают. Тогда один из моих армянских спутников, а именно тот, кто вроде бы знал, что Бедрояна нашли, сделал мне знак. Они были не внутри помещения, а снаружи.

Мы обошли все здание. Снаружи его было много луж, а место казалось заброшенным. Мы дошли до старого склада. До нас доносилось жужжание тысяч ос. Там на земле лежали в полном беспорядке тела, изрешеченные пулями; некоторые из них были полураздеты, с ужасными ранами, словно кто-то жестоко пытал их.

Я не стыжусь признаться, что меня вырвало. Я никогда не мог представить себе, что нечто подобное может когда-то произойти. В это невозможно было поверить.

Когда я пришел в себя, мы вернулись в штаб. Меня увели оттуда силой, потому что я потерял контроль над собой и военные стали угрожать мне, хотя и знали, кто я.

Это был второй звонок. После этого меня сняли с должности руководителя железных дорог. Потом ответственный за военное снабжение Исмаил Хакир позвонил мне и предложил возглавить Багдадский проект. Это была больше чем любезность. Это был приказ без права отказаться. Они не желали больше видеть меня в Константинополе, но и не хотели упускать человека с моим опытом.

\* \* \*

На этом закончились записки Мохаммед-паши. Я поднял голову и увидел, что Надя смотрит на меня. Я кивнул ей в знак согласия.

Мохаммед-паша был порядочным человеком. Как мне объяснила Надя, его мемуары были прерваны его смертью в 1915 году.

Огонь в камине угасал, и дождь прекратился. Я вдруг почувствовал усталость, и мы ушли спать.

Я лежал в комнате для гостей и думал об этом человеке Мухаммед-паше. Нет, не все турки были виновны в геноциде. Так же, как и с нацистами в Германии, это была лишь группа фанатов. Мы не можем винить всю нацию, хотя в свое время многие из них были в той или иной степени пособниками.

Армяне могут извинить, но не забыть.

Потом понемногу сон одолел меня, и, перед тем, как заснуть, я услышал голос муэдзина, созывавшего своих верующих.

## 6 Древо Элен

Со дня нашего знакомства в Каире у меня сложились дружеские отношения с Дадхадом Нахудьяном и его женой Элен Уорч. И хотя по крови он был армянином, он больше ощущал себя каирцем, поскольку родился в Каире и вся его юность прошла в этом городе. Что касается Элен, то это особый случай. Ее бабушки были армянками, а деды — чистокровными французами.

Элен знала много разных историй, потому что как Зварт Касабян, которую она считала своей бабушкой по отцовской линии, так и Ноэми Мозян — ее бабушка по матери, жили в последние годы Османской империи, в частности, в годы массовых убийств армян в 1915 и 1916 годах, и эти события затронули их напрямую.

Элен была открытым и гостеприимным человеком, и вместе с ней и с Дадхадом я провел немало холодных парижских зимних вечеров, рассуждая о нашей общей истории.

В 1963 году, еще до нашего знакомства, в Нью-Йорке, где Дадхад читал в местном университете лекции по современной истории, у них родился сын Арам. Они прожили там почти пятнадцать лет, и Арам превратился в типичного американского парня. Европа ему никогда не нравилась, и он остался в Соединенных Штатах, где продолжил учебу и начал работать.

Поначалу Дадхад Нахудян очень сдержанно говорил об истории своей семьи. Потом, когда проникся этой идеей, щедро поделился со мной всей имевшейся у него документацией.

Что до Элен, то она, так же как и Надя Халил, с которой я ее познакомил, с самого начала с энтузиазмом отнеслась к моему проекту и оказала мне всяческую помощь. Мне рассказывали, что этому помог счастливый случай...

\* \* \*

Биографические заметки Луи де Вилье и Ноэми Мозян — дедушки и бабушки Элен по материнской линии — пропали во время одного из многочисленных переездов семьи с места на место и других перипетий жизни. Записки эти существовали — Анн де Вилье, мать Элен, в ранней юности видела их. Элен всю свою жизнь хотела узнать, где они могли бы находиться.

Элен натолкнулась на них в загородном доме семьи Вилье в Фонтен-Ле-Комте в Ванде.

Произошло это чисто случайно. Вернувшись из Соединенных Штатов в 1982 году, они подумывали о том, чтобы продать это имение и купить себе жилье в центре Парижа. Кроме того, дом в Фонтенэ дряхлел, а часть кровли в левом крыле дома была готова вот-вот обрушиться. Чтобы привести дом в порядок, требовались немалые средства, но деньги нужны были им для покупки большой квартиры размером в этаж в районе Сен-Жермен. Объявился покупатель, промышленник из Ниорта, которому очень приглянулся загородный дом, и они договорились о его продаже.

За день до дня продажи дома Дадхад и Элен последний раз заехали в этот загородный дом. Они считали, что им очень повезло, потому что старый дом разваливался на глазах, а у них не было ни малейшего желания жить в этом районе.

Они пообедали в придорожном ресторанчике, и, когда прибыли на место, начался сильный дождь. Им ничего не оставалось как переждать бурю в доме, тем более, что до своей машины им пришлось бы идти метров триста. Дахдад стал еще раз обходить пустые и пыльные помещения, вдруг кусок пола ушел у него из-под ног, и он провалился почти по колено. Ценой больших усилий он в конце концов с помощью Элен выбрался из западни.

Тогда он обнаружил, что потерял там ботинок. Элен нагнулась возле дыры, нашла ботинок и обнаружила там небольшой сверток.

Оба были страшно удивлены. Раскрыв пакет, они нашли там тетрадь с обложкой из обшитого серым шелком картона. Текст в тетради был написан трудночитаемым почерком, в котором Элен признала руку своего деда Луи де Вилье. Внутри тетради были плотные листы бумаги, исписанные его супругой Ноэми Мозян.

Вернувшись в гостиницу, они в большом волнении от своей находки расшифровали рукопись. В ней рассказывалось, как все началось и как они впервые встретились.

Ввиду того, что произошло, они перенесли сделку на несколько дней. Они перевернули весь дом и даже подняли полы. Похоже, что там ничего больше не было. На следующей неделе эта недвижимость была продана.

Через несколько месяцев, когда супруги уже переехали в новый дом, я заехал к ним. На моем автоответчике я нашел их звонок. При встрече они тепло обняли меня и показали мне свою находку.

Не скрою, я был взволнован и очень рад находке. Судьба вновь сжалилась надо мной — я держал в руках историю двух человек, которым пришлось пережить острый период, изменивший армянский мир.

\* \* \*

### **Записки Луи де Вилье и Ноэми Мозян (фрагменты)**

Представляюсь. Меня зовут Луи де Вилье. Я родился в Париже в 1866 году недалеко от Вандомской площади. Мои родители были аристократами, доходы которых резко падали, хотя они еще оставались на плаву.

От матери я унаследовал излишне белую кожу, синие глаза, из-за которых мне приходилось моргать на ярком солнце, и ее любовь к чтению. Очень скоро мне захотелось попутешествовать, узнать мир, и так я стал дипломатом.

Моим первым назначением был Константинополь. Туда я приехал в августе 1881 года на должность второго секретаря посольства.

В Константинополь стоило поехать. К тому времени он уже был конечной станцией трассы «Восточного экспресса». Невероятное расстояние в три тысячи километров я проехал в этом поезде меньше чем за четыре дня. Мир быстро менялся, а мое роскошное купе, обитое шелком, долгие часы, проведенные в карточных играх, и великолепный ресторан заметно ускорили мое путешествие. Когда я ступил на станцию Сиркеси, мне показалось, что я переехал в другой мир.

Константинополь произвел на меня сильное впечатление. Это был странный гибрид средиземноморского города и арабского рынка. Помню, жара вынудила меня двигаться очень медленно, потому что дышать было нечем. Но когда дули ветры из Анатолии, было еще хуже — порывы ветра были сухими, как пергамент.

Несколько дней спустя приехал посол Поль Камбон — мужчина лет пятидесяти, он мне сразу понравился. В первый же день он захотел познакомиться сразу со всеми. Первый секретарь попросил разрешения уйти из-за недомогания, и посол меня спросил, где мы могли бы поужинать.

В то время у меня не было ни малейшего опыта в дипломатических делах, но у меня создалось впечатление, что с этим человеком мы прекрасно найдем общий язык.

Так и случилось. С того дня я стал его другом. Оба мы жили без семей и без своего дома, он — в помещениях, предназначенных для проживания на верхнем этаже здания

посольства, а я — в близлежащем маленьком отеле — нечто среднее между французским пансионом и турецким типом гостиницы — каравасар. Хозяином гостиницы был бывший коммерсант из Лиона, решивший остаться в этом городе, а я со своей зарплатой не мог, конечно, претендовать на отель «Пера Палас».

С самого первого момента мы молчаливо согласились с тем, что, когда мы находимся вдвоем, мы будем на «ты», и называли себя просто Поль и Луи. Во всех других случаях мы были на «вы», и тем самым выполняли требования, установленные в посольствах.

У Поля Камбона был ясный и точный ум, и когда он проникся доверием ко мне, он объяснил мне свою позицию: он признался, что не разделяет точку зрения нашего министра иностранных дел Аното. Это удивило меня, потому что подразумевается, что посол — это должность, связанная с доверием. Улыбаясь, посол сказал, что политика — это нечто далекое от того, что называется доверием.

Султан Абдул-Гамид нуждался во Франции. В те годы мы были чем-то вроде финансистов. Государственный долг Оттоманской империи перед нашей страной вырос до астрономических размеров. Тем не менее высшее руководство страны занималось только тем, что открыто кокетничало с Германией и Австрией.

Поль Камбон был хорошо информированным человеком. Он прекрасно разбирался в процессах, происходящих в Турции, и рассказывал мне о своих взглядах на них.

Предыдущий султан подписал под давлением европейских держав декрет, согласно которому империя обновит свое законодательство и приблизит его к нормам юриспруденции в Европе. Это стало практически бикфордовым шнуром в руках самых консервативных и националистических слоев страны. Поэтому его преемник Абдул-Гамид Второй был вынужден отменить реформы и восстановить абсолютизм.

Тем не менее армия, ее самые молодые офицеры, решившие сначала создать ассоциацию под названием Движение младотурков, поставило перед собой задачу внедрить лучшее, что было в Европе, но, конечно, строго в рамках ислама.

Всего за два года до этого, в 1889 году, в Военно-медицинской академии образовалось тайное общество «Иттихад вэ Теракки», или «Комитет за единение и прогресс».

Поль Камбон рассказал мне об этом, оговорившись, что это его собственная точка зрения, и поэтому она может быть очень субъективной. Этот Комитет в конце концов свергнет султана — он в категоричной форме выражал идеи нашего соотечественника Леона Кауна. Согласно его теории, Туран — неопределенная точка в центре Азии, была местом появления тюркских народов, которым следовало бороться за гегемонию Турции в арабском мире.

Об армянах мне впервые рассказал Поль Камбон. Султан Абдул-Гамид был убежден, что армянские революционеры стали причиной всех зол империи и что из-за их насильственных акций провалились реформы Совета Танзимата. Поль Камбон сказал, что христианские армяне традиционно пользовались особым покровительством Франции и Англии, что сильно раздражало лично султана и приводило к тому, что во всех мечетях богословы метали громы и молнии против предателей империи — христиан, которых называли неверными псами, борющимися против ислама.

Наша миссия в Турции не обещала быть легкой. С тех пор, как Абдул-Гамид вновь восстановил абсолютизм, интеллектуалы проводили больше времени в тюрьмах, чем на свободе. Не говоря уже о том, что цензура в книгоиздании и печати, шпионаж турецкой полиции пронизывали буквально все стороны жизни.

Камбон закончил словами, которые много лет назад услышал от одного высокопоставленного турецкого служащего: «Армянского вопроса не существует, но мы его создадим».

В первые месяцы своего пребывания в Константинополе я смог убедиться в том, что

между турками и армянами существует большая напряженность. Не забылись мятежи в Зейтуне, ни то, как постыдно Наполеон Третий и англичане оставили на произвол судьбы армянские народы. Не забылся и Берлинский конгресс 1878 года.

Я проработал в посольстве пять лет и видел, как Поль Камбон постоянно направлял сообщения, в которых описывал, в каких условиях были вынуждены жить армяне, но наше руководство на Ке д'Орсе оставалось безучастным к этому вопросу.

Поль был огорчен этим, по его словам, «заговором молчания». И вот разразилось первое массовое убийство армян в самом Константинополе.

Никогда не поверю, что оно не было хорошо подготовлено. В один из вечеров в конце августа 1896 года возле Голубой мечети стала собираться толпа, она выкрикивала антиармянские лозунги и потом двинулась по улицам, круша на своем пути магазины и дома армян.

Все это быстро вылилось в своего рода гражданские волнения. Турецких войск на месте не оказалось, и это был заранее согласованный сговор. Улемы<sup>10</sup> во весь голос агитировали против христиан, требуя их смерти и уничтожения, и не было сделано ни единого жеста, чтобы защитить их.

Положение усугубилось настолько, что Камбон распорядился, чтобы у нас под рукой было все оружие, имевшееся в посольстве, — с улицы кричали что-то против Франции и Англии и камнями разбивали окна наших посольств.

Вдруг мы увидели группу лиц, бежавших к калитке сада. Она обычно была открыта — за советами в посольство через нее проходило много народу. Да и Поль решил сделать такой политический демарш — показать, что двери французского посольства открыты для всех.

Мы побежали на первый этаж, пытаясь закрыть калитку до того, как люди добегут до нее, но сверху раздался отчаянный крик Поля, кричавшего со своего балкона: «Это армяне! Это армяне! Пусть сначала зайдут, а потом закройте калитку!» Мы так и сделали, и на территорию вбежало семь человек, в том числе двое детей семи и восьми лет. За ними бежало человек тридцать или сорок турок, вооруженных самыми разными предметами, — от ножей до турецких ятаганов. Эти типы были настроены очень воинственно, и один из них — я узнал в нем одного из богословов — стукнул своей палкой по решетке и с угрозой в голосе потребовал, чтобы мы отдали им «гяуров».

Я, конечно, провел этих бедных людей внутрь посольства, и только там увидел, что у одного из них, видимо самого старшего, — ему было на вид лет шестьдесят — зияла глубокая рана на голове, он потерял много крови.

Поль Камбон кричал тем, кто окружил посольство, что они должны уйти, потому что здание посольства считается французской территорией и поэтому неприкосновенно. Но толпа собиралась на площади, ее раззадоривал какой-то улем — худой человек в тюрбане с бледным лицом, обрамленным черной подстриженной бородкой, он бегал среди людей, подбивая их перелезть через загородку.

Ситуация была довольно опасная, ведь в посольстве в тот момент нас было всего шесть человек, и было очевидно, что мы ничего не смогли бы сделать, если бы распаленной толпе удалось проникнуть на территорию. К счастью, все закончилось угрозами, никто из них не решился войти, и через некоторое время они все понемногу разошлись.

При попытке срочно помочь раненому, потому что от потери крови он уже терял сознание, молодая девушка опередила нас и строго сказала, что она сама сделает, то что нужно.

Ей было не более восемнадцати лет, и в тот момент меня восхитил ее настрой — казалось, что угроза, нависшая над всеми нами, ее не касалась. У нее не дрогнула рука, когда она промыла рану, и она потребовала иглу и нить для того, чтобы эту рану зашить.

---

<sup>10</sup> Улем — богослов, знаток и толкователь Корана, мусульманский церковный авторитет.

Я решил, что мне надо остаться с ней — хотя я и не знал, что там мне делать — я не мог отвести глаз от ее серьезного лица, сосредоточенного на выполнении своей миссии, и, казалось, что ее никак не волновали угрожающие крики толпы, доносившиеся снаружи.

Именно тогда я почувствовал, как неодолимо меня влечет к ней, и я не мог устоять, чтобы не спросить, как ее зовут. Не поднимая глаз от раны, она твердым голосом ответила мне на прекрасном французском языке: «Меня зовут Ноэми Мозян, я армянка».

\* \* \*

### Биографические заметки Ноэми Мозян

Моего отца преследовали годами, пока он не умер. Шеф полиции Константинополя заверил нас, что против нас они ничего не имеют, он посоветовал нам уехать поскорее оттуда и скорее забыть, что с нами было.

Был человек, который отдал свою жизнь за свободу своих близких. Мой отец Артак Мозян неоднократно повторял известную фразу: «Лучше умереть стоя, чем жить на коленях». И так он прожил свою жизнь.

В течение многих лет я сомневалась, стоило ли следовать этой формуле. Он умер, защищая свои идеалы, так же как и многие сотни других армянских мужчин. Мы же оставались жить практически в нищете, под присмотром полиции и в условиях ненависти со стороны соседей-турок, потому что та же полиция следила за нашими перемещениями и предупреждала всех, что мы — опасные люди и что на каждой семье лежит печать пособников террористов.

Наконец, мы приехали в маленькую затерянную рыбацкую деревню Румеликаваги. Моя мать купила небольшой дом размером чуть больше обыкновенного шалаша, и мы там стали ждать, когда пройдет буря. Но есть бури, которые очень долго не утихают. Или же они превращаются в ужасные штормы, сметающие все на своем пути. Признаться, те годы были худшими для нас, армян.

Мой отец смог однажды переговорить с английским послом, который принял его, скорее всего, просто из любопытства. Когда отец рассказал о нашей ситуации, посол сказал, что он возьмет это на заметку, но надо иметь в виду, что в Османской империи все национальные меньшинства — греки, албанцы, арабы, курды, армяне и многие другие — имеют свои основания для жалоб.

Мой отец, будучи писателем и журналистом, принадлежал к Армянской партии. В конце концов, султан устал от него и от его разоблачений. Полиция тогда работала весьма эффективно, и она «нашла» в нашем доме наполовину смонтированную бомбу.

Нам повезло, и мы провели несколько дней в доме тети Аиды, — если бы мы остались дома, то нас там всех бы поубивали. Мне всегда казалось, что отец предчувствовал, что с нами может что-то произойти, поэтому он старался держать нас подальше. Это помогло нам выжить, но ему самому стоило жизни.

Потом мы стали мешать нашим хозяевам. Сам французский посол, человек справедливый и уставший от злоупотреблений, написал открытое письмо, в котором обвинял власти в том, что от них исходит угроза нашим жизням, и они не посмели тронуть нас.

Но там, в Румели, мы тоже не были в безопасности. До нас доходили сообщения, что повсюду армян безнаказанно убивают, и наступил день, когда мы поняли, что нам надо как можно скорее уехать. Об этом нас предупредил один добрый человек — турецкий рыбак. Он даже предложил нам воспользоваться его маленьким суденышком. Но, убедившись, что мы не сможем управлять им, он сам поднялся на борт и отвез нас в Константинополь. Он оставил нас на пустынном пляже Бейоглу и в большом огорчении отплыл, уверенный в том, что мы непременно там погибнем.

Наша семья состояла из моей матери Азнив Аразян, дяди Ашота Аразяна, тети Арпи, трех сестер Мелине, Мариам и Маро и меня — всего семь человек. Мы все решили укрыться

в посольстве Франции, потому что не знали, что еще могли бы сделать. Мама очень боялась, что нас не сегодня завтра убьют, и от страха у нее немели ноги.

На дорогу у нас ушел один день. Нам не раз приходилось прятаться, потому что часто встречались люди, бегущие от опасности — это были не только армяне, но и греки.

Мы как бы шли против течения. Все в панике бежали из центра города, мы же, напротив, как будто шли в пасть льва. Дядя Ашот взял на себя ответственность провести нас до цели, и мама и его жена Арпи не раз упрекали его за это. Куда это он ведет нас! Мы все погибнем из-за него! Но дядя Ашот был старшим, и у него был решающий голос. Он говорил, что мой отец Артак поступил бы так же и что нам надо добраться до посольства как можно скорее. Дядя Ашот был знаком с послем — он его однажды принял, и дядя знал, что на посла можно рассчитывать.

Он настолько уверовал в успех своей затеи, что лихорадочно и возбужденно тихо мурлыкал себе под нос Марсельезу. Он не хотел замечать огромного риска, которому мы подвергались из-за его упрямства.

Нам пришлось спрятаться в чьем-то саду, когда мы увидели, как преследовали и безжалостно избивали группу армян. Ужасные сомнения охватили дядю Ашота, но выбраться оттуда, куда мы уже зашли, было очень трудно.

Мы дождались ночи. Моя мать была очень смелой женщиной, но и она дрожала от страха. Она представляла себе, как насиляют и убивают ее четверых дочерей. Она так переживала, что не хотела слушать дядю Ашота. Она думала только о том, как бы убежать как можно дальше от этого места.

Наступили сумерки, и мы, прячась, старались передвигаться быстро и скрытно. Но это оказалось невозможно.

Вдруг, в тот самый момент, когда показалось здание посольства Франции, один улема, возглавлявший довольно большую группу людей, обратил на нас внимание. Мы бросились бежать, но дядя Ашот не мог бежать так быстро, и какой-то мужчина набросился на него с ножом и ранил его в плечо и в лицо. Потом он побежал к улеме, хвастаясь, что вот он убил еще одного армянина. Но дяде Ашоту удалось подняться, я из всех сил помогала ему, и мы чудом смогли войти в открытые ворота посольского сада.

Я видела, как кто-то закрывал решетку и спорил с улемой, который буквально визжа требовал, чтобы нас выдали. Служащий посольства категорически отказался это сделать, заявив, что это французская территория и что мы попросим убежища.

Толпа еще некоторое время угрожающе потопталась у входа и потом разошлась. Тогда человек, вовремя закрывший ворота, подошел ко мне и представился: «Луи де Вилье, второй секретарь, к вашим услугам», Именно тогда мне пришла в голову мысль, что Франция — лучшая страна в мире.

\* \* \*

Когда я закончил читать рукопись, я заметил, что Дадхад наблюдал за мной. Мы оба уставились друг на друга и с улыбкой стали вспоминать темпераментную фигуру дедушки. Мать Элен Анн де Вилье часто рассказывала о нем, и ее красочные рассказы полностью совпадали с мнением всей ее семьи.

Для меня эти документы представляли огромный интерес, в них отражались существенные моменты, которые дополняли информацию о том, как готовились и начали претворяться в жизнь массовые убийства.

Я не мог удержаться и, напомнив о нашей дружбе, попросил Дадхада тоже рассказать что-нибудь. Как ни странно, он тоже был готов помочь мне, но до сих пор ни разу не высказывал своей точки зрения. Я сказал ему, что эти записи были подлинной находкой, но мне нужно больше информации и он должен помочь мне и вспомнить кое-что для меня.

И вдруг он стал рассказывать. Дадхад был немногословен, и нас удивило, что он стал говорить в тот самый момент, когда Элен входила в комнату.



\* \* \*

С того самого момента, как мы познакомились, ты просишь меня вспомнить, рассказать о прошлом. Сегодня, наконец, выйдет по-твоему, но ты знаешь, что я всего лишь воспроизведу некоторые разговоры, которые на протяжении стольких лет велись в нашем доме.

Однако тебе придется довольствоваться лишь моим рассказом. У меня нет никаких записей. Попозже ты услышишь интересный рассказ моей матери. А уж это надо запоминать. Те, кто жили тогда, участники этих событий, быстро уходят из жизни. Ты знаешь, что меня всегда интересовала твоя идея. В конце концов постарайся сохранить для потомства эту часть истории. Поэтому сотни, тысячи армян рассказывают об этом, или пишут мемуары, или диктуют их. Такие вещи не должны быть утеряны или забыты.

Что касается меня, то мне кажется, что еще остается какое-то время, чтобы когда-нибудь написать об этом. Но ты не теряй терпения. Мне не нужно особенно напрягаться. Ведь это было всего-то вчера. Так, по крайней мере, мне кажется. Вчера. Самое позднее — позавчера.

\* \* \*

Мне нравилось мое детство. О, Каир! Его надо понимать. Это трудно объяснить. Этот город — отдельный мир. Это место, полное жизни, где ежедневно что-то происходит. Каир, по существу, это не город, это тысяча деревень, растянувшихся вдоль Нила.

Мы много лет жили на Проспекте пирамид. Там прошло мое детство, на этой бесконечной прямой, соединяющей город с этими геометрическими горами, виднеющимися в летней дымке. Эта «дымка», состоящая из пустынной пыли, жары и расстояния, имеет цвет грязного песка. Потом мы переехали в Гелиополис. Там до сих пор находится дом моих родителей, сейчас совершенно пустой. Ты бывал в нем и знаешь, что он полон воспоминаний. Когда я приезжаю туда, у меня создается странное впечатление, что я молодею. Мебель, окружающие предметы — те же самые, что в моей молодости. Именно там я узнал, что я не египетский мальчик, а армянский. Армения. Далекое, почти мистическое место, которое когда-то было землей всех армян, но потом ужасный катаклизм отнял ее.

\* \* \*

Так вот. Перехожу к самому рассказу. Но ты меня должен простить. Сейчас я живу в Париже. Это другой мир. По сравнению с той вселенной, здесь... здесь все уже изучено, Все завершено. Пронумеровано. Выверено. Все перепроверено и апробировано. Именно в этом состоит подлинное различие между Востоком и Западом.

Там, в Каире, в Александрии, в Луксоре, в Египте, все иначе. Там жизнь — это видимость, нереальность, фантазия, преувеличение. Иногда просто ложь. Но всегда, в любой момент, в каждую секунду, это приключение.

Да. Я вижу по твоему взгляду, что ты хочешь, чтобы я перешел к нашему, к армянскому, к армянам. В Египте дела у нас шли неплохо. Мы всегда чувствовали себя хорошо в этой стране. Там мы жили, соблюдая наши обычаи. Нас окружали мусульмане, и это повлияло на формирование нашей личности. В этой стране мы всегда хорошо уживались с ними. Ну, может быть, не всегда. Мы тоже страдали от этого. Не из-за мусульман, а из-за фанатиков, завистливых и злых людей, тех, кто не чувствует себя людьми, кто наслаждается причинением вреда другим. Таких много повсюду, во всех странах и во все времена. Разве не так?

\* \* \*

Я не был в Турции. Я не пережил геноцид. И мне, конечно, и не хочется узнать на собственном опыте, что это такое. Это правда. Но если бы я был евреем, мне тоже не хотелось бы жить в нацистской Германии, ни в Литве. Я не хотел бы быть социалистом при Франко. Ни при Саласаре. Ни при Чан Кай-ши...

Я хотел бы пояснить. Позволь мне сделать это. Я хочу сказать, что никому не дано выбирать ни место своего рождения, ни время, в котором живет. Никто не может выбрать себе принадлежность к социальному слою. Ни свое образование. Все это относительно. Так мне кажется. Кровь научила нас, что все относительно.

Так вот, про армян. Те, кто смог бежать, были вынуждены бежать без каких-либо вещей. Остальные остались там, вдоль дорог, плывя по поверхности рек, в пустыне. Ни к кому не было жалости. А убивали их турки... Нет, я не верю этому. Такое обобщение было бы несправедливо по отношению ко многим туркам. Армяне стали жертвой обстоятельств. Амбиции, леденящий страх, что страна может исчезнуть. Жуткий фанатизм. Это была такая система, освободиться от которой не мог никто. В этой системе господствовало кумовство, угодничество, полное подчинение и коррупция. Ты знаешь, что я имею в виду. Это был один из таких моментов, когда кажется, что все вокруг рушится. Когда события теряют смысл. Когда на поверхность выходит все самое плохое и все самое хорошее каждого человека.

Тем не менее я всегда считал, что для многих из наших эти события не были неожиданными. На небе было очень много сигналов, по которым можно было понять, что приближается гроза.

Поэтому некоторые вовремя выехали из страны. Целые семьи, которые предпочли рискнуть потерей большей части своего имущества, начать жизнь сначала, с болью оставить свою землю.

Ты хорошо знаешь, как все это было. Турки стали нашими заклятыми врагами. Тем не менее были турки, которые помогали нам. Ты говоришь, что их было меньшинство. Но вспомни, что какому-нибудь вали это стоило жизни, какой-то мулла оплакивал нас, какой-нибудь муфтий отказывался принимать то, что ему навязывалось сверху. Много, много турок отказывалось принимать то, что происходило. Но они были не в силах остановить это.

\* \* \*

Это иногда случается. Его называют «государственный терроризм». Или, если хочешь, состояние террора. Никто не может освободиться от него. Оно повсюду. Дети следят за своими родителями. Друзья за друзьями. Соседи просыпаются по ночам и выглядывают в окна, не отодвигая занавески: «Да, я его видел. Он вышел во столько-то. Вернулся во столько-то. Я его видел. Хорошо видел. Это был он...» И так каждый день. И от этого не свободен никто. Так было в Восточной Германии, в Румынии, в Чехословакии, в Венгрии, в Боснии и Герцеговине. Никто не свободен. Некоторые счастливики не знают этого и говорят: «О, этот мир! Какие люди! Какая красота!»

Другие помнят. У некоторых остался номер на запястье. У других — татуировка в мозгу. Третьих вообще уже нет на этом свете. Вот так все просто.

Нет, я не хочу оправдывать то, что случилось. Это было ужасно. Самое страшное, что одна группа людей может сделать с другой. Это называется геноцид. Там, в Армении, впервые в современной истории человечества он был провозглашен и реализован.

Талаат, Энвер, Джемаль, Назим, Шакир, Абдул Халик, Шукри, Нури, Сабри, Рефи... Всякий геноцид имеет имена и фамилии. И конкретные даты. И мотивы. И собрания. И, разумеется, соучастников. Среди них Ваненгейм, Неурат, Шуленбург, Сольф, фон Зецкт, фон дер Гольц, Крессеиштайн, Денниц, Хосс, Хуманн и сотни, сотни других, и, что любопытно, почти все — немцы.

\* \* \*

Как могло случиться это? Кто подтолкнул на это? И почему это коснулось именно армян?

Два самых главных виновника были султан Абдул-Гамид Второй и кайзер Вильгельм Второй, которого вполне можно было бы назвать «честолюбец».

А почему именно в Турции? Вильгельм дошел до того, что заявил своим генералам, что каждая марка, вложенная в Турцию, равносильна жизни одного немецкого солдата. Он ведь говорил о пушечном мясе. Там и русским было чем развлечься. Равно как и англичанам и французам, которые усмотрели для себя угрозу, для одних — к завоеванию Азии, для других — к завоеванию Центральной Африки.

Вильгельм верил только в экспансию. Он завидовал французам и англичанам. Он считал себя императором во главе очень маленькой империи. Он мечтал о том, чтобы немецкий орел летал очень далеко, до Багдада, до Восточной Африки, до Средиземного моря. Ему очень нравилось позировать, надев на себя парадную форму с позолоченным орлом, венчающим его каску. На самом деле он был полный дурак.

Абдул-Гамид Второй «Скупец» и Вильгельм Второй «Честолюбец», встретились в Константинополе и объявили себя братьями. Это были избранники истории. По крайней мере, так они сами считали. И какое же наследство они оставили после себя? Смерть и разрушение. Огромные горы страданий от массовых убийств слабого народа, ведь армяне не были воинственным народом. Они занимались торговлей, сельским хозяйством, наукой и искусством. В конце концов, они жили и давали жить, пытались преуспевать, воспитывать своих детей.

Абдул-Гамид ненавидел армян. Для него они были просто мятежными чужаками, неблагодарными и коварными. Да, в первую очередь, коварными. Народ, претендовавший на то, чтобы иметь свою собственную родину, чтобы создать ее за счет унижений Османской империи, этой больной старухи, обреченной быть разорванной на куски. Именно так представляла Турцию европейская пресса в своих иронических заметках о предстоящей войне. Огромная империя, в свои лучшие годы простиравшаяся от Орана до Адена на юге и от ворот Вены до Баку на севере. Потом части этой невероятной мозаики стали разваливаться. Кризис следовал за кризисом, и Высокая Порта была свидетелем того, как сжимались границы. После восстания сербов против янычар в 1804 году новости приходили одна хуже другой. Греки требовали своей независимости, молдаване, румыны... Тогда и начали мстить неверным подданным и предателям. На самом деле за битую посуду пришлось заплатить самым слабым, тем, кто оказался под рукой. Были массовые убийства христиан в Македонии и Анатолии. Турки отрезали головы мужчинам и обращали в рабство молодых женщин. В этом не было ничего нового.

\* \* \*

Человеком, подтолкнувшим иностранные державы к борьбе против турецких угнетателей, был Байрон. Позволь мне задержаться на его личности. Его смерть в Миссолонги превратила его в настоящий символ — он умер, помогая грекам в их борьбе против турок. Он хорошо понимал значение борьбы народа против тирана. Об этом его произведения «Гяур», «Сарданапал» и другие. Да, битва у Миссолонги, в ходе которой все защитники были уничтожены турками, ознаменовала важную веху в истории народов, угнетенных османами. Делакруа тоже понимал это. Если бы он жил позже, он написал бы картину «Армения, погибающая на руинах Вана».

Потом наступил Танзимат, большая реформа 1856 года. В ней впервые было признано равноправие между мусульманами и немусульманами.

На практике это означало, что суды шариата теряли силу. Видоизменились также армия

и образование. Религиозные образовательные учреждения медресе уступили место светскому образованию. Однако настоящим итогом этих изменений стала радикализация религиозного образования, появление двух враждебных классов, которые никогда не могли найти между собой общего языка. Это явление позже назовут «рождение исламского фундаментализма». Нечто непонятное для постороннего человека, его можно спутать с простым сиюминутным радикализмом...

Этот самый процесс дал толчок развитию нового класса интеллектуалов, который стал выступать за модернизацию путем проведения крупномасштабной политической реформы вплоть до замены султана и его окружения парламентом, избранным народом. Так появились Молодые Оттоманы, попытавшиеся форсировать события.

К власти пришел Абдул-Гамид Второй, и почти одновременно появилась конституция, которой он совсем не хотел и которую должны были развивать две палаты — совет именитых и совет депутатов. Все подданные имели равные права и равные обязанности. Они могли свободно исповедовать свою религию, однако официальной государственной религией оставался ислам, и султан был халифом верующих. По существу, в этом не было ничего нового. Сулейман Законодатель, известный так же, как «Великолепный», создал защиту для общин малых народностей — миллеты. Это была удобная форма правления, при ней не было необходимости ежедневно запускать руку в осиное гнездо.

Абдул-Гамид очень быстро упразднил парламент, а конституция была поставлена в зависимость от того же авторитарного режима. Именно в это время стали поступать финансовые ресурсы из Европы. Особенно от французов.

Но интеллектуалы не принимали этот порядок вещей, и балканский вопрос стал для империи бомбой с часовым механизмом. Появились тайные общества. Некоторые внутри государства, как, например, Комитет за единение и прогресс. Другие общества носили националистический характер — армянские, болгарские или македонские.

Любое выступление имело резонанс, и Европа каждый раз обращала свой взор на Константинополь.

Абдул-Гамид захотел положить конец такой ситуации. При этом он стал уничтожать не террористов, а национальные меньшинства — те, что назывались «национальные образования». Убийства носили сначала спорадический характер, но потом переросли в массовые в 1894 и 1896 годах. Некоторые европейские наблюдатели стали предсказывать, что армяне будут уничтожены, за исключением лишь тех, кому удастся вовремя укрыться в других странах.

Но и для Высокой Порты время тоже было на исходе. В 1909 году султана вынудили уехать. Люди из Комитета за единение и прогресс захватили власть.

Многие вздохнули с облегчением. Красный султан уступал место для новой эпохи. На улицах мусульмане обнимали христиан, и все плакали от радости. Страна должна была возродиться, а аристократии, административной коррупции и врожденной отсталости регионов и народностей должен быть навсегда положен конец.

\* \* \*

Положение в мире вынудило их изменить некоторые свои взгляды. Армянские националисты решили, что наступило время, когда им предоставят статус нации. Это было просто — так же как это было с другими осколками империи. Они тоже захватили кусок пирога, уверенные в том, что эти конституционные демократы не откажут им в этом.

Когда им отказали в первый раз, они попросили помощи у Европы. Некоторые из них испытывали восторг. Никогда цель не казалась столь близка.

До сих пор армянские христиане — «гяуры» — пользовались не большим уважением, чем собаки. Прошло много веков покорности, рабства, неоправданного насилия. Один поэт уже почувствовал, как его независимая Армения кончиками пальцев касается своей цели.

Цель была вот, рядом, за дверью. Надо было только слегка толкнуть ее, чтобы

открылась Аркадия.

Иностранные государства решили, что следует провести определенные реформы в пользу национальных меньшинств, в основном армян, и поддержали их претензии.

Но на самом деле за этой дверью стоял заговор покончить раз и навсегда с «армянским вопросом». Продвижение вперед нового правительства проходило через идею, которая могла бы показаться чудовищной фантазией, но некоторые придали ей форму и решили реализовать ее любой ценой.

Решение младотурков было простым и радикальным. Если проблему решить радикально, то такие реформы просто не понадобятся. Тогда не будет интервенций. И навсегда исчезнут предлоги для новых нападений.

На Конгрессе в Салониках в 1910 году открыто заговорили о «полной османизации всех турецких граждан». Кто-то заговорил о «турецкой ступе», в которой насильно будут расплавлены все нетурецкие элементы.

Талаат был недалеким и бесчувственным человеком. Он родился в вилайате Эдирне, в то время — убогом городке, и был уверен, что миром движут коррупция, амбиция и вероломство. Он, заштатный третьеразрядный почтовый служащий, превратился в главного лидера, ясно сформулировавшего саму идею. Одно дело — конституция, другое — действительность. Равенство между мусульманами и гяурами было нереально. Непреодолимая стена всегда разделяла их, и что бы там ни делали, она всегда останется на месте.

Он убедил, что это новое единообразное сообщество требует исчезновения национальных меньшинств. Ассимиляция их будет проведена любыми способами, включая уничтожение по указу.

В середине 1914 года Талаат заявил, что удобный момент наступает. Другого такого момента для реализации замысла не будет. Во всем мире забурили мутные потоки. Кто будет останавливаться и смотреть, что там происходит внутри Турции? У всех своих проблем по горло, и решать их надо быстро. Никто и не обратит внимания на внутренние процессы Турции.

\* \* \*

Дадхад сделал длинную паузу и пристально посмотрел на меня. Но мне не следует продолжать разговор на эту тему. Ты ведь хорошо знаешь, что произошло. Тем не менее позволь мне рассказать о моей матери. Ты почти ничего не знаешь о ней. Ты ее видел несколько раз дома в Каире. Я такой же, как она. Мы мало говорим. И все-таки в день смерти моего отца она открылась, и я не хотел, чтобы такое свидетельство пропало. Разреши мне передать тебе ее слова, но раньше я опишу тебе саму обстановку.

Дадхад открыл маленький ящик и достал оттуда магнитофонную ленту. Он молча поставил ее на магнитофон, а потом продолжал.

То, что ты услышишь, это история Норы Азатян, записанная мною.

Он нажал на кнопку, и я снова услышал его голос, на этот раз несколько искаженный динамиком.

\* \* \*

Нора Азатян родилась в Эрзеруме в тот же день, когда начался новый век. Вплоть до своей смерти, она гордилась этим совпадением. Она получила особое образование. Она никогда не ходила в школу. Тем не менее это был человек широкой и блестящей культуры, которой она научилась от своей матери Лерны Татьян. Лерна говорила на семи языках и была способна перейти с одного языка на другой, не моргнув и глазом.

Такой же была и Нора. Еще молодой она рассказывала мне сказки на четырех или пяти языках, но, как ни странно, это придавало сказкам особую привлекательность.

Может быть, именно потому, что она не ходила в школу, она стала учительницей. Словно ей не хватило обстановки детского класса, этой смеси запаха молодого пота, растущих гормонов и сконцентрированной жизненной силы. Она не только хотела узнать то, чего была лишена с детства, но самой стать действующим лицом этой обстановки.

Она была учительницей в полном смысле этого слова. Она пыталась передать свои познания, сохраняя при этом мудрость, скромность и дружеское расположение ко всем. Она говорила, что, давая уроки, она всегда узнавала для себя что-то важное и новое. Она утверждала, что детское любопытство исключительно важно для того, чтобы взрослые лучше понимали мир, который их окружает. Пытаясь ответить на нескончаемые вопросы «почему», отец или мать, бабушка — все вокруг стремились вникнуть в эти вопросы и, терпеливо объясняя все детям, зачастую сами начинали понимать суть вещей.

Нора Азатян была армянкой. Так было в Эрзеруме, Расуль-Аине, Багдаде и позже в Каире. Она гордилась своим окружением и армянским народом. Поэтому она завела дневник. У нее не было чернил, поэтому ей пришлось писать собственной кровью. Но она не хотела, чтобы время превратило бумагу в чистые листы. Она хотела запечатлеть те события, которые выявляли худшие и лучшие черты человеческой природы.

Нора ничего не забывала. Она была способна простить, потому что, будучи мудрой, она поняла, что человек может быть ангелом или дьяволом, но за всем этим в конце концов стоит чья-то прихоть, пусть и связанная с обстоятельствами, с его травмами и его человеческими качествами.

У Норы было счастливое детство. Родители баловали ее и сами дали ей образование. Они очень боялись, как бы с ней что-нибудь не случилось. Вечная борьба уже стоила стольких невинных жертв, и не одна маленькая армянская школа была сожжена до основания вместе со всеми, кто в ней находился.

Ужас витал в воздухе. Султан Абдул-Гамид ненавидел значительную часть своих подданных. Мы были для него какой-то проклятой расой. Турки, османы неизменно склоняли головы, когда получали поощрение или наказание со стороны тирании. Мы же, армяне, нет. И это было именно то, что не мог принять этот кровожадный и безумный человечиска.

В последние годы XIX-го века Абдул-Гамид уничтожил многих армян. Вообще-то, он неоднократно пытался добиться полного их уничтожения.

Но он не смог этого сделать. У него не оказалось ни сил, ни способностей для этого, хотя он продолжал люто ненавидеть! Его помешательство не мешало ему осознавать, что все эти убийства рано или поздно будут отомщены. Что цивилизованные страны, и прежде всего Франция и Англия, а затем и Соединенные Штаты, никогда не согласятся с такими ужасными и омерзительными преступлениями против человечества, как геноцид.

Абдул-Гамид — Красный султан — взошел на трон в 1876 году. Это были очень трудные годы для Высокой Порты. Его империя разваливалась час за часом, и вскоре он понял, что ему суждено быть последним настоящим султаном.

То, что когда-то было огромной империей без каких-либо трещин, сейчас стало не прочнее разборной картинки в руках у ребенка. Кто-то во дворце предупредил его, что в один прекрасный момент он может стать таким ребенком и что когда-нибудь история спросит с него за его правление. И именно тогда, под влиянием дурных советчиков, обуреваемый искаженным представлением о существе власти, снедаемый своими пороками и травмированный своим опытом, он испугался, что подобные предсказания сбудутся. И он решил обмануть самого себя и свой народ, свернуть его с настоящего пути и найти виновных, которые, по крайней мере, помогут ему оттянуть время.

Султан очень боялся армян. Несмотря на его ненависть, многие армяне были способны подниматься по тяжелым и крутым ступеням власти. Он хорошо знал их способности, их чутье в бизнесе, их способности в управлении.

Верно и то, — и об этом тоже надо сказать открыто, — что некоторые армяне предпочли любым другим чувствам свои собственные амбиции и алчность.

Некоторые из них были эгоистами, понимающими, что их амбиции могут вызвать катаклизм, и их не интересовало то, что происходит вокруг. Только вперед, навстречу своим амбициям. Их, конечно, было меньшинство, и в конце концов о них все забыли. Для армянина нет большего бесчестия, чем то что о нем забывают все, даже самые близкие родственники.

Нора Азатян испытала на себе всю эту ситуацию. Армяне стойко переносили те бури, которые время от времени накатывались на них. Целые семьи исчезали в годы погромов. Другие предпочитали эмигрировать, не дожидаясь будущего, которое им казалось очень ненадежным. Некоторые семьи переезжали в другой город или регион.

Но почти никто из них не сдался. Такие понятия, как сдача и капитуляция, не входят в словарь армян. Есть слова «грусть» «страх», «боль». Можно говорить о похоронах, о том, чтобы начать все заново, о том, чтобы вновь и вновь начать строить себе временное пристанище или дом, чтобы купить с рук сельскохозяйственный инвентарь, формы для выпечки хлеба, вновь посадить фруктовые деревья, починить колодец и снова и снова продолжать жить.

Здесь надо особо остановиться вот на чем. Если кто-то и формировал этот гнев, это понятие «зуб за зуб», внушал надежду на лучшие времена, и — почему нет — взывал к милосердию, так это были армянские священники в тысячах армянских приходах на этой огромной территории, которая когда-то была армянским царством Тиграна Великого.

В географическом отношении Армения представляет собой огромную горную крепость, омываемую семью реками, в том числе полными мифов Тигром и Евфратом. Эта крепость имела Укрепления, которые казались неодолимыми, а на самом деле это было не что иное, как церкви, скиты и соборы в больших городах.

Эти неутомимые священники перемещались с одного места на другое и казались вездесущими. Они помогали родить крестьянке где-нибудь в глубинке на мельнице или оформить покупку мула. Хотя для них, естественно, самой важной оставалась религия. Та религия, которая помогала им выжить. Тексты таинственных писаний, выгравированные на камнях с незапамятных времен, подтверждали, что эти упрямые люди были не только хранителями христианской веры, но и обычаев и традиций, которые отличали их от других народов.

Эти люди в длинных сутанах непоколебимо хранили свою веру. Они были оплотом христианства на Ближнем Востоке и сохранили его в многовековой борьбе, которая велась в окружавшем их мусульманском мире.

Но это совсем не означало, что они чувствовали себя потерянными, какими чувствуют себя терпящие бедствие мореплаватели среди окружающего их безмерного океана. Напротив, постоянное давление, которое они испытывали на себе, держало их в напряжении, в постоянном внимании к сигналам, поступавшим «от других».

Именно армянские священники первые давали сигналы тревоги. Они без усталости обходили приходы пешком, объезжали их на телегах или на мулах. Потому что армянам было запрещено ездить на лошадях, хотя некоторые, самые зажиточные, главари сообществ, время от времени ездили верхом, как бы бросая личный вызов турецким властям, а иногда просто подчеркивая разницу между собой и остальными членами общины.

В таком мире жила Нора Азатян. В мире, границы которого со всех сторон и постоянно обозначали турки. Для новых поколений армян эта атмосфера стала удушающей, и надежды на то, что с новыми временами наступят перемены, таяли.

Неожиданно весь этот мир разрушился. На пороге дома показалось несколько жандармов. Они пришли арестовать отца, но против их ожидания его не оказалось дома. Отец был в своем небольшом саду на берегу реки, где ухаживал за фруктовыми деревьями. Нора знала, что он должен был быть там, и, когда жандармы, ворча и угрожая ее матери,

ушли, она побежала сломя голову к отцу, чтобы рассказать об этом событии.

В тот день Нора узнала, что ее отец занимал важное место среди армян. Когда она сообщила отцу о приходе жандармов, он, похоже, совсем не удивился. Он знал, что когда-нибудь это произойдет, и это событие не застало его врасплох.

Он попросил Нору проводить его до старой, почти полностью развалившейся постройки. К ее удивлению, он отодвинул там несколько камней и показал ей большой ящик из ржавого железа. В ящике хранились старинные рукописи, считавшиеся в армянской среде исключительно ценными. Согласно этим рукописям, армяне жили на этих землях намного раньше, чем пришли турки.

Ее отец хотел, чтобы она знала, где были спрятаны эти старинные рукописи, — он опасался, что с ним может что-нибудь случиться. Кроме того, он полностью доверялся мудрости Норы. Потом он попросил, чтобы она вернулась к матери. Он же попытается уйти в горы, где находились армяне, создавшие небольшую группу сопротивления. Он предупредил, что последние события — лишь начало и что следует быть готовым к немедленному бегству в сторону Трапезунда. Там им надо было найти его племянника Аведиса Джамбазяна, который должен вывезти их на рыбацком судне за границу. Он поцеловал ее в щеку и исчез среди деревьев. Это был последний раз, когда Нора видела живым своего отца. Когда она бежала назад по лесу домой, ее не покидало предчувствие, что ее отец умрет.

Когда она пришла домой, она не поверила своим глазам. Всего несколько часов назад она ушла из дома. То, что всегда было прекрасным домом (так, по крайней мере, ей всегда казалось), сейчас превратилось в груды дымящихся головешек, некоторые из них еще горели. Она почувствовала глубочайшую тоску, она не смогла удержаться, и ее стошнило. В отчаянии она стала громко звать свою мать. Она не нашла ее, хотя и искала везде, даже заглядывала под камни.

Она не знала, что делать. Ей казалось невероятным то, что здесь произошло. Все это было бессмысленно, и впервые она поняла, что означает слово «злодейство».

Все случилось так неожиданно. Всего несколько часов назад, когда день только занимался, она думала о том, как скажет родителям о своем желании стать учительницей. Сейчас же она чувствовала себя настолько разбитой, что ее единственным желанием было найти мать и бежать в Трапезунд, как велел им ее отец.

Но Нора не могла найти ее, хотя отчаянно искала повсюду. Она вновь заглянула в сарай с сеном, в пещеру, приспособленную некоторыми пастухами для изготовления сыра. Она искала в лесу, но там было боязно громко звать. Нора боялась, что ее услышат и тоже убьют.

На слезы уже не оставалось сил. Она сама удивлялась, почему не плачет. Она, правда, не часто плакала, но в тот момент горькое, неизвестное еще чувство путало ее мысли и мешало думать. Нора обнаружила в себе чувство ненависти, даже не поняв, откуда оно.

Потом она пошла в сторону Эрзерума. До него был всего час хорошей ходьбы. Во рту у нее оставалось противное ощущение рвоты. Она винила себя в том, что произошло. Как она могла оставить одну свою мать! Всею виной только она. Ее мать была маленькой и нежной женщиной, неспособной причинить вред кому бы то ни было. Кто же был настолько низок, чтобы сотворить все это зло? Нора не могла понять, кто мог так ненавидеть ее семью. Ее отец — добрый человек, всегда старался помочь всем, кому требовалась помощь. Когда она дошла до первых домов в Эрзеруме, то подумала, что могла бы отомстить за все, и это как-то успокаивало ее.

Нора дошла до дома тети Сони. Соня Нерсесян жила одна. Она была двоюродной сестрой ее отца и единственной его родственницей в этом городе.

Норе пришлось долго ждать, пока Соня узнает ее голос, и, когда она открыла дверь, они обнялись и заплакали.

Нора, рыдая, как могла рассказала ей, что произошло. Тетя Соня кусала ногти от волнения, но у Норы осталось впечатление, что ее рассказ не очень удивил Соню.

Когда она кончила рассказ, тетя Соня сказала ей, что за последние часы во всей округе



произошло много подобных событий. Она была знакома с одним турецким капитаном в отставке, жившим по соседству. Она знала, что этот человек не обманет ее. Тетя Соня ухаживала за его женой, когда она заболела два года назад, и делала это просто из сострадания. С тех пор этот мужчина смотрел на нее с восхищением.

Старый военный знал еще больше. Он продолжал ежедневно ходить в расположение воинской части, и один из командиров, который раньше служил у него в подчинении, радостно встретил его. Он пошел с ним в префектуру и дал прочитать телеграмму, поступившую вчера. Капитан потихоньку списал текст, в то время как его бывший сослуживец хлопал его по спине. Пришло время отомстить. Турки освободятся от внутреннего врага.

Старый военный, не в силах перечитывать эти слова, разрешил тете Соне переписать текст, написанный на кремовой бумаге, оказавшейся очень мягкой из-за частых перегибов. Пока она переписывала текст, не веря собственным глазам, старый офицер в ужасе закрыл свое лицо руками.

Тетя Соня передала текст Норе, чтобы она прочитала его.

Руководителю префектуры Эрзерума.

Право армян проживать и работать на территории Турции отменено; правительство, принимая на себя всю ответственность за эту акцию, приказывает немедленно их депортировать.

Правительство приняло решение освободить родину от этой проклятой нации. Недопустимо, чтобы хотя бы один армянин получит содействие или защиту.

Для реализации этого плана следует изолировать и надлежащим образом отнестись ко всем лидерам и влиятельным лицам армянской общины. Остальная часть армянского населения должна быть немедленно переведена в места концентрации, откуда без промедлений депортирована в пустыни на юге страны.

Все оставленное имущество будет временно конфисковано правительством, в том виде и тем способом, которые наиболее подойдут для каждого случая. Оно будет в свое время распродано в пользу патриотических целей Организации.

Военное министерство информирует командиров различных воинских подразделений и частей, что им никоим образом не следует вмешиваться в процессы депортации, за исключением тех случаев, когда это необходимо для ее реализации и достижения поставленной цели.

Строго предписывается еженедельно направлять соответствующие сообщения зашифрованной связью о результатах проводимой работы.

Когда Нора прекратила чтение вслух, тетя Соня заплакала навзрыд, словно ее отчаяние перешло все границы. Нора помогла ей сесть, и они обнялись. Тетя Соня знала, что все это означало конец для большей части ее народа. Нора же могла думать только о своей матери, сходя с ума от того, что могло с ней случиться, и хотя она понимала значение слов, она была не в силах постичь их смысл. Что-то внутри ее мешало ей осознать, что весь этот абсурд был реальностью.

Тете Соне было почти семьдесят лет. Когда она успокоилась, она заявила, что никуда отсюда не уйдет. Что она предпочитает умереть дома, чем где-то в канаве. У этой женщины был большой опыт, и Нора слушала ее со всей серьезностью, на которую только была способна.

Тетя сказала ей, что за много лет она пережила немало тяжелых моментов.

Но сейчас все выглядит по-другому. Похоже, что сейчас турки решили раз и навсегда покончить с «армянским вопросом». Так начинали отзываться об этой теме во всем мире, в том числе среди армянских депутатов в парламенте Константинополя.

Тетя попыталась успокоить Нору, говоря, что ее матери, возможно, удалось бежать. Что она обязательно вернется, чтобы встретиться с ней. Обе знали, что эти слова не более чем успокоительная ложь. Нора чувствовала, что ее мать была убита и лежала под дымящимися головешками сгоревшего дома. Тетя Соня думала то же самое, но старалась убедить ее в обратном. Так они пытались ухватиться за малейшую надежду, чтобы отчаяние не затопило их.

Дом тети Сони стоял почти на отшибе, отделенный от других домов огородами. Несмотря на расстояние, ночью они слышали доносившиеся издали крики, жалобы, стенания и отчаянные вопли. Потом они увидели отблески нескольких пожаров. Армянский квартал на юго-востоке начинал гореть.

Тетя Соня хотела, чтобы Нора ушла как можно раньше. Она приготовила ей кое-что из еды и положила в сумку. Кроме этого, она отдала свое пальто из толстой шерсти. Но Нора не хотела уходить без тети Сони.

В конце концов она поняла, что настаивать больше не стоит. Старая женщина едва могла двигаться, хромала и так быстро уставала, что даже беседа утомляла ее.

Нора хотела вернуться туда, где был ее дом. У нее еще теплилась слабая надежда. Может быть, ее мать успела спрятаться. Если это так, то она ждет ее в уверенности, что рано или поздно Нора придет за ней.

Женщины, прощаясь, обнялись. Они знали, что больше никогда не встретятся в этом мире. И они почувствовали какую-то странную общность, какой никогда раньше не было.

Потом тетя Соня ласково подтолкнула Нору к выходу. Она боялась, что с минуты на минуту появятся турки. Она не хотела думать, что могло потом произойти, одна лишь мысль об этом вызывала у нее озноб.

Нора погрузилась во тьму ночи. Луна давала легкий свет, достаточный для того, чтобы ориентироваться. За собой она слышала далекие крики. Она почувствовала страх перед окружавшей ее темнотой, но потом взяла себя в руки, и, когда глаза привыкли к скудному освещению, побежала к своему дому.

С ней еще никогда в жизни не случалось ничего подобного. Деревья казались ей гигантскими чудовищами с ветвями вместо рук и листьями вместо ладоней с длинными пальцами. Она хотела успокоиться. Она знала, что это ее страх создавал для нее такие картины. Но полностью освободиться от него она не могла. Ее отец, по крайней мере, смог убежать. Ну а мать? Этот вопрос заставлял ее бежать в лунном свете, словно это было яркое солнечное освещение.

Когда она пришла к тому месту, которое когда-то было ее домом, на его месте было нечто, похожее на огромную жаровню. В темноте угли светились так, как с высоты гор ночью светится город. Нора села около смоковницы, так любимой ее отцом, и вспомнила, сколько раз они разговаривали с ним как раз на этом месте. Она представила, как мать зовет их ужинать и как потом они будут разговаривать за столом. Она всегда с восторгом слушала, как говорит ее отец. Он был разумным человеком, и ему нравилось делиться своими мыслями. Он верил, что когда-нибудь наступит день, и турки будут жить в мире с армянами. Его политическая идея заключалась в том, что у армян будет полная автономия в рамках сильной и единой Турции. В последнее время он ругал себя за такие мысли, которые вынашивал столько лет, и называл себя старым глупым утопистом, потому что действительность была куда более суровой. Несмотря на надежды, появившиеся с приходом младотурков, свергнувших султана, дела пошли еще хуже, чем раньше.

Когда триумvirат в составе Энвер-паши, Джемаля и Талаата пришел к власти, отца постигло глубокое разочарование. Он знал, что никто из них не испытывал ни малейших симпатий к армянам, и это проявилось сразу же в первых их декретах.

Нора была вне себя от горя. Она не понимала, чего хотели турки, совершая эти чудовищные зверства. Это горе мешало ей, она была уверена, что подобные преступные действия нанесут им непоправимый ущерб, потому что в своем презрении к норме, к этике и к человеческой жизни эти люди перешли всякие границы.

Она пробыла на этом месте до самого рассвета. Потом она нашла подходящую палку и как могла пошуровала в дымящихся головешках. Ее охватывал ужас при мысли, что она найдет там то, что ищет, но, если она хотела знать правду, ничего другого ей не оставалось. Она долго ворочала палкой и чуть не обожгла себе ноги, наконец она осознала, что, пока не остынут головешки, ее занятие не имеет смысла.

Она ужасно захотела пить и подошла к колодцу. Ведро было, наверное, на дне, она с силой потянула его, но вытащить не смогла. Она внимательно посмотрела вниз и заметила, что там что-то есть. Ее охватила невыразимая тоска, когда она догадалась, что нашла то, что искала.

Она начала помогать себе криком, когда тянула веревку, но почти ничего не могла сделать. В полном отчаянии, тяжело дыша от чрезмерных усилий, изнеможенная и с окровавленными руками, она, рыдая, села у колодца, желая тут же умереть. Она тосковала и по своему отцу. Если бы он был здесь, они бы вдвоем могли бы поднять тело матери и похоронить ее.

Она не знала, к кому обратиться за помощью. Потом она вспомнила о соседях, семье Богосян, в которой были сыновья разных возрастов. Сообща они смогут вытащить.

Она побежала было к ним, но, будучи очень усталой, перешла на шаг. Он напилась воды из ручья, и это придало ей силы. Дальше она уже шла без остановок и поднялась на холм, с которого был виден не только дом соседей, но и подальше дома семьи Нерсесян, семьи Минасян и даже кого-то еще, с кем она не была знакома.

Ей пришлось сесть на землю, когда она увидела, что там произошло. Все дома, которые были в поле ее зрения, были разрушены, два дальних дома догорали, поднимая к небу столбы дыма. Она упала на спину и заплакала. Ей хотелось быть сильной, но она не могла бороться с судьбой. Это было наказанием небес, как об этом предсказывал иногда священник в своих проповедях по воскресеньям. Это был Апокалипсис.

Около колодца она забыла пальто и сумку, которую ей собрала с такой заботой тетя Соня. Но она не могла без посторонней помощи вернуться назад. И к тому же ей отчаянно хотелось поговорить с кем-нибудь.

Она почти кубарем скатилась с холма. Сползая юзом по холму, она испытывала странное ощущение, что ноги у нее отяжелели, а само тело стало парить в воздухе.

Дом семьи Богосян был полностью разрушен, так же как и ее дом. Он представлял собой груды дымящихся головешек. Вдруг маленькая собачка светло-коричневого окраса бесшумно подошла к ней, дружелюбно виляя хвостом. Казалось, она хотела что-то сказать, потому что убежала в сторону забора, отделявшего территорию от дороги, и возвращалась обратно.

Нора пошла за ней, собаке показалось, что ее поняли, и она бросилась бежать к определенному месту. Нора уже догадалась, что там кто-то был.

Внутри густой изгороди из кустов она увидела спрятавшуюся там девочку. Но, как оказалось, девочка была не очень рада тому, что ее обнаружили. Она как будто была погружена в саму себя. Нора знала, что это Ани, младшая девочка из семьи Богосян, они не были знакомы близко, разве что изредка встречались семьями у входа в церковь.

Нора догадалась, что психическое состояние Ани было очень плохое, и обняла ее, отметив про себя, что девочка не отреагировала на ее жест.

Она оставила девочку там же и отправилась на поиски кого-нибудь из живых. Все были мертвы. Она нашла трупы Гаспара Богосяна — отца, Мари — матери, всех трех сыновей — старшего Гаспара, среднего Азата и младшего, почти пятилетнего Ардена. Следом за ними по возрасту шла Ани, оставшаяся сиротой. Норе вдруг пришло в голову, что, может быть, для девочки было бы лучше разделить участь своей семьи, но сразу же отбросила от себя эти мысли.

Пытаясь сдержаться, мысленно сжав в кулак свое сердце, она посмотрела, чем можно

было бы перекусить. Она нашла козу, грустно бродившую по лугу, потому что ее не доили, и Нора подоила ее в чистое ведро, предназначенное для молока. Потом нашла ящик яблок, упакованных в сено, и курицу-несушку, спрятавшуюся в темном углу и снесшую несколько яиц.

С этой добычей она вернулась к Ани, заставила ее съесть пару яиц и выпить надоевшего молока.

Потом она тоже поела и выпила остаток молока. Она отметила, что, несмотря на переживания, она была очень голодна. Она встала и вновь стала искать что-нибудь из продуктов. Она напала на маленькую пещерку, вырытую в скале из мягкого известняка, в ней Гаспар Богосян, так же как и ее отец, выдерживал сыры. У нее не было хлеба, но она разбила один из них и стала жадно есть его.

Ей не пришлось возвращаться к тому месту, где она оставила Ани, потому что та шла за нею следом. Ничего не говоря, она схватила кусок сыра и, подражая Норе, стала есть его, словно вдруг к ней вернулся аппетит.

Когда девочки утолили голод, они уселись у входа в пещерку, и стали смотреть друг на друга. Норе было пятнадцать лет, а Ани восемь, но в тот момент им не нужно было разговаривать, чтобы понять друг друга. Обе только что перенесли огромную травму, освободиться от которой были не в силах, только чудо смогло бы вывести их из этого состояния.

Нора смотрела на Ани и думала, что жизнь этой девочки зависит от нее. Больше никто ей не поможет. Ожидать помощи со стороны было нереально.

Им надо было бежать подальше от этого места, пока физические возможности позволяют им это сделать.

Они стали ждать сумерек, чтобы пойти на северо-восток в направлении Трапезунда, в обход основной дороги. Нора знала, что реализовать эту идею будет очень трудно, но другого выхода она не видела. Как она убедилась, армян преследовали и убивали повсюду. Документ, который показала ей тетя Соня, подтверждал это. Идя рядом с Ани, она подумала, что, может быть, какая-нибудь турецкая семья их примет и даст приют, Но было страшно ошибиться в людях, ведь тогда неизвестно, что произойдет.

Они прошли почти четыре часа, и усталость одолела их. Нора знала, что надо соизмерять усилия, если хочешь дойти до Трапезунда за две или три недели. Но и в этом случае судьба должна быть полностью на их стороне.

Первые два дня пути прошли без особых осложнений. Они обходили деревни, ели сыр, которым запаслись в начале пути, и незрелые фрукты, которые срывали с деревьев вдоль дороги. И Норе показалось, что они смогут достичь цели.

Это случилось на рассвете третьего дня. Они стали искать место для отдыха в укромном месте, чтобы просушиться от ночной сырости и поспать. Вдруг они услышали лай собаки, которая быстро бежала в их сторону, но Ани уже глубоко спала на твердой земле.

Собака подбежав к ним зло лаяла, раскрывая их укрытие. Всего пару минут спустя появились два турецких солдата. Увидев девочек, они расхохотались, стали хлопать себя ладонями по ягодицам, выражая радость от неожиданной находки. Они заставили пленниц выйти из укрытия и весело комментировали свою удачу. Солдаты велели девочкам следовать за ними, и через четверть часа они уже были в расположении воинской части. Солдаты так рассматривали своих пленниц, что девочки испугались. Потом их провели на отгороженный участок, разделенный колючей проволокой надвое, в котором они увидели армян самых разных возрастов. Нора поняла, что процесс депортации, о котором говорилось в документе, стал претворяться в жизнь.

Несколько женщин потихоньку приблизились к девочкам. В этом месте находилась разношерстная публика, в которой перемешались все классы и сословия. За соседней колючей оградой находились старые крестьяне вместе с торговцами и профессорами. Но что-то привлекло внимание Норы. Она видела нескольких стариков, но по виду среди них не

было никого в возрасте от двадцати до шестидесяти лет. Ей не пришлось ни о чем расспрашивать. Грустные лица, атмосфера страха, почти паники, говорили сами за себя.

Это подтвердила девочка, чуть старше по возрасту, чем Нора. Она сказала, что ее зовут Лерна Бедросян. Днем раньше у нее убили всю семью. Как ни странно, она рассказала об этом довольно спокойно, как будто быстро привыкла к этому.

Все это было довольно страшно, чтобы не испытывать волнений, но Нора постаралась не заплакать. Ей надо было держать марку любой ценой. Ани вопросительно смотрела на нее, и Нора поняла, что малышка приняла ее как новую мать. Она не должна сломаться и дать себя убить, потому что тогда уж наверняка Ани не выживет. Лерна провела их к месту, защищенному от солнца и от все усиливающихся порывов ветра. Там она увидела несколько старых женщин, лежащих навзничь на земле и поняла, что они-то уже были готовы умереть. Они лежали молча, не двигаясь, не имея возможности и не желая понимать, что происходит вокруг них. Они были убеждены, что Бог оставил их народ и что все умрут.

Лерна была другого мнения. Она производила впечатление умной и решительной девушки. Она прошептала, что у нее была сестра как две капли воды похожая на Ани, и поэтому она сразу же подошла, как увидела их. Они попили воды, которую кто-то вытаскивал ведром из узкого колодца. Вода имела солоноватый вкус, но, по крайней мере, утоляла жажду. Лерна рассказала, что турки бросают им, как животным, куски хлеба через ограду, но другой еды пока нет.

Лерна спрятала под деревом кусок хлеба. Он был испачкан в грязи, но она достала его и предложила съесть вместе. Тогда Нора вынула последний кусок сыра, но Лерна сказала, что они не могут поделить его, потому что сыра едва хватит для Ани. Нора согласилась с этим и вдруг почувствовала, что что-то в ней начинает меняться.

День проходил очень медленно. Одна старушка умерла, и в ответ на крики женщин появилось несколько солдат и без всяких объяснений унесли труп на носилках.

Вечером другие солдаты принесли на тележках куски хлеба — вероятно, он остался после их ужина — и сбросили хлеб прямо на землю. Нора заметила, что эти куски моментально исчезли, в том числе и маленькие крохи, втоптаннные в грязь. Наступила ночная тьма, и ночь наполнилась хрипами и стонами.

Как только рассвело, в лагере стала заметна лихорадочная деятельность. Солдаты укладывали палатки и складывали их на телеги, запряженные мулами. Было ясно: они торопятся поскорее уйти с этого места. В женском отделении лагеря появилось несколько офицеров в сопровождении вооруженных солдат. Самый старший по званию, майор лет сорока, показывал хлыстом направо или налево, куда должны были переходить пленницы. Женщины рыдали от ужаса, и Норе пришлось сделать над собой большое усилие, чтобы сохранить спокойствие, тем более, что Ани поступала так же, как и она. Именно так надо было переносить непереносимое, иначе малышка окончательно раскиснет.

Военные разделили всех на две группы — с одной стороны молодые женщины и девочки, то есть те, кто еще мог следовать дальше, а с другой — старушки, в том числе три или четыре больные и одна изуродованная, которая почти не передвигалась и громко стонала.

Вдруг одна из женщин старшего возраста — ее Нора назвала про себя «дама из общества», — потеряла самообладание и обрушилась на офицера, ругая его за его поведение.

Мужчина с виду остался совершенно спокойным, подошел к женщине и, ни слова не говоря, со свистом нанес ей удары хлыстом по лицу, оставив глубокие шрамы на коже.

Женщина упала на колени с выражением боли и изумления, а остальные женщины в испуге отшатнулись. Это было предупреждение, чтобы каждая знала свое место.

Ани спряталась в юбках, напуганная этой сценой, а Нора подумала, что, если бы имела возможность убить этого офицера, она бы не колеблясь, сделала это. Она сама удивилась этим своим мыслям, ведь всего три дня назад она считала, что не способна желать смерти другому человеку. С какой быстротой обстоятельства меняли людей! Она с удивлением

посмотрела на свои руки. За несколько дней они покрылись мозолями. На них были царапины, два ногтя поломаны, под ними была грязь. Она подумала, что с ее сознанием происходит нечто подобное. Появляются мысли, которые никогда в жизни ей не приходили в голову. Желание смерти. Ненависть. Да, виной всем этим мыслям стала ненависть. Она погладила Ани по голове, но ненависть разливалась по всему ее телу. Однажды ее отец говорил ей о силе зла. Об опасности вызвать его и о том, как трудно вернуть его обратно. Было легко вытащить его наружу, но почти невозможно унять.

Сейчас происходило то же самое. Тот документ из Константинополя был тем заговором, который выпустил зло наружу. Зло стало как бы ключом, открывающим врата ада.

Лерна помогла женщине прийти в себя. Глубокая рана на ее лице сильно кровоточила. В ее глазах отражалось глубокое оцепенение, а руками она безуспешно пыталась закрыть рану. Ани неотрывно смотрела на хлыст офицера, который гордо вышагивал среди пленниц. Нора увидела у своих ног камень и заметила, что Ани тоже смотрела на него, сдерживая желание бросить камень в этого подлого и трусливого человека.

Но оставалось мало времени. Солдаты кончили разделять пленниц. В путь отправятся более трехсот человек. На месте останутся человек тридцать мужчин и женщин. Самые старые, больные и инвалиды — те, кто не может идти. Нора почувствовала зависть к тем женщинам, которые оставались. По крайней мере, они умрут свободно. Не так, как те, кому придется тащиться по дорогам в темпе, навязанном солдатами, безучастные к угрозам, ударам и оскорблениям.

В тот момент донеслись крики — кто-то пытался перебраться через забор в отгороженной зоне для мужчин. Нора увидела, как несколько парней — их было по крайней мере четверо — спрыгнули с внешней стороны забора. Солдаты побежали к ним, оставив свои посты на огороженной зоне для женщин. Послышались крики и выстрелы. Парни бежали к лесу, обегая острые камни, солдаты следовали за ними почти вплотную.

Нора почувствовала вдруг, как Лерна потянула ее за руку. Нора быстро побежала следом за ней к внешней части ограды, где темнело несколько больших деревьев. Ани, не колеблясь, пошла за ними. Лерна сдвинула одну из веток, открыв дыру, в которую, казалось, пролезть было невозможно. Лерна присела и с легкостью нырнула в дыру. Нора не оглядывалась назад. Все следили за попыткой побега в мужском секторе. Оттуда доносились выстрелы. Ани решительно бросилась вслед за Лерной. Она влезла ползком, царапая себе лицо и руки, ударяясь спиной, сбивая себе колени. Расстояние между ветвями было минимальным. Слышалось только прерывистое дыхание подруг Норы. Ее охватила тоска, но она понимала, что это не что иное, как собственный страх. Она была уверена, что их будут искать. Если преследователи догадаются, через что они сбежали, они подожгут деревья, и подружки задохнутся или сгорят. Нора даже раскаялась, что побежала вслед за импульсивной Лерной. Ее новая подруга была непредсказуема, и им всем троим придется заплатить жизнью за эту глупую и неразумную попытку. Ей стало особенно жалко Ани. На Норе лежало моральное обязательство заботиться о ней и защищать ее, и она с этим не справилась.

Вдалеке послышалась длинная пулеметная очередь. Это был финал побега армянских парней. Они проявили мужество, но зло снова одержало верх. Она не могла не думать об этом, ощущая маленькую руку Ани в своей руке. Зло сбежало из какого-то темного и потайного места, следуя заговору ведьм в далеком Константинополе. Она вспомнила те имена, которые прошептала тетя Соня: Талаат, Джемаль-паша, Энвер.

Тётя Соня могла быть очень старой, неловкой, могла уже устать от жизни, но голова у нее была очень ясная. У Норы была возможность разговаривать с ней, и до сих пор она чувствовала себя под влиянием ее личности. Старушка не могла бежать — ее старые ноги мешали ей, но побег Норы — своего рода компенсация за это. Ручка Ани сжимала ее руку. Она тоже была частью тети Сони, так же как и Лерна.

В темноте, разорванной узкими полосками света, она вдруг осознала: смелость, мужество, добро постоянно противостоят злу. Надо сопротивляться ему, неустанно давая понять, что никто ему не уступит. Только ценой постоянных жертв, таких как отчаянный побег молодых навстречу верной смерти, только такие примеры могут в один прекрасный день загнать зло в угол. Один, разовый, поступок не имел большого значения, важен был общий стиль поведения. Добро и Зло...

Зло, казалось, не обращало на них особого внимания. У них хватало забот с организацией перехода. На самом деле, как они потом догадались, речь шла о постыдном бегстве. Восстал армянский батальон, когда какие-то турецкие офицеры задумали комбинацию, чтобы застать его врасплох и всех перестрелять. Батальон ушел в горы, захватив с собой большое количество оружия и боеприпасов.

Турецкие военнослужащие проклинали свою судьбу. Это совсем не одно и то же измываться над безоружными гражданскими лицами или сражаться против группы вооруженных солдат, обученных ими же!

Сквозь зубы они проклинали все на свете и отчаянно били мулов, тащивших перегруженные телеги, утопавшие в грязи по самые оси колес. Да, это было не одно и то же. Лучше уж было унести ноги.

Ани, Лерне и Норе повезло. Военные спешили и очень боялись. Они хотели уйти как можно раньше из этой треклятой долины. Это место было настоящей западней. На нескольких армянок они просто не обратили внимания.

Вдруг кто-то стал стрелять в тех женщин, которые должны были остаться. Это был человек в штатском, сопровождавший военных. Нора из-за деревьев с ужасом наблюдала за этой картиной. Она видела, как убийца рылся в одежде и узлах которые несли с собой женщины. Потом он в задумчивости отошел от них. Он поднял камень и направился к одной из них. Нора не могла поверить своим глазам.

Всего в метрах десяти от того места, где среди поваленных деревьев прятались девушки, он наклонился и, игнорируя малейшие принципы гуманности, открыл рот одной из мертвых женщин. Потом поднялся и прошел к следующей. И здесь он ничего не нашел. Он пошел дальше. На этот раз он ударил камнем по лицу мертвой женщины, выбивая ее зубы.

Нора с ужасом осознала, что искал этот человек. Он искал золотые зубы и золотые пломбы, столь часто встречавшиеся у пожилых людей из-за плохого качества местной воды.

Убийца проделал то же самое со всеми остальными телами. Одно из них еще билось в конвульсиях, тяжело агонизируя. Но человек не обращал на это никакого внимания, рассматривая полуоткрытые рты. Он поднял руку, приветствуя человека, проделывавшего то же в мужском отделении лагеря. Когда он закончил, он помочился на одно из тел и потянулся, довольный своей работой. Потом оба они побежали вслед уходящим солдатам.

Нора, спрятавшись среди поваленных деревьев, рыдала. Она сомневалась, что Ани могла видеть эту сцену, но заметила, как девочка пыталась ее утешить, время от времени сжимая ее руку.

Потом наступила тишина. Несколько тел прислонилось к ограде, издавая громкие стоны. Они как будто понимали ситуацию. В том мире, в котором они еще жили, они не могли упустить возможности дать знать о себе.

Они долго ждали, прежде чем выйти. Их тела потеряли всякую чувствительность. Норе было очень трудно пройти через узкий лаз. Она даже не могла понять, каким образом она вошла в него. В конце концов все трое вышли наружу и увидели ужасающую сцену. Мертвые тела были разметаны, окровавленные лица обезображены ударами, одежда разорвана, жалкие узлы с пожитками женщин раскрыты. Несколько старых фотографий — сепий — старые воспоминания о любимых существах — измазаны в грязи.

Нора подумала о том, насколько абсурдна жизнь. Она — всего лишь внутренняя иллюзия. Она представила себе парадокс, что, если бы и они тоже умерли, единственными зрителями всего этого стали бы вороны. Как бы они отнеслись к этой сцене? Потом они

снова полетели бы к своим гнездам, оставив после себя только ночь и полную тишину. А через короткое время там остались бы одни скелеты да разлагающиеся в грязи трупы. Всего неделю назад у всех этих людей были мечты, воспоминания, чувства. Сейчас все это закончилось навсегда. Словно этих женщин никогда не было в живых. Когда-то у них начиналась жизнь и они старались понять мир... А все свелось к застывшим глазам, в которых отразилось сплошное непонимание.

Лерна не казалась потрясенной. Она что-то искала среди узлов с пожитками. Ей удалось найти несколько банок сардин, мешочек чая, нож, несколько кусочков хлеба, две коробки спичек, металлическую кружку. Все это она собрала в грязную сумку из толстого полотна. Потом указала на отверстие в загородке. Им надо было уходить отсюда как можно быстрее. Она пробормотала, что это — проклятое место и что смерть зовет к себе смерть. Нора подумала, что она права. Ничего другого им не оставалось. Даже если бы они захотели похоронить трупы, эта задача была бы для них непосильной.

Они быстрым шагом пошли к ближайшему лесу, большие деревья и густая растительность которого казались им прекрасным укрытием. «Там они будут вне опасности, и, даже если вернуться военные, их не найдут в этом дремучем лесу.

Лерна стала естественным лидером их группы. Казалось, ничто не может удержать ее. Она решительной походкой шла впереди, таща с собой сумку и внимательно оглядывая лес. Только иногда в ней просыпалось какое-то чувство и она оборачивалась, чтобы убедиться, что ее спутницы не отстали.

Нора подумала, что среди всего этого ужаса и стольких несчастий им по меньшей мере повезло встретить такого человека, как Лерна. На вид ей было двадцать три или двадцать четыре года, но она, казалось, вобрала в себя опыт куда более взрослого человека.

Она никогда раньше не видела ее, и, кроме того, ее акцент ей казался несколько странным. Она была уверена, что Лерна не из этой провинции. Откуда она могла прийти? Ей было интересно узнать, кто она...

Они заметили, что кто-то ходит в кустах неподалеку. Лерна замерла и сделала знак пригнуться. Вдруг из кустов вышел молодой парень.

Норе показалось, что она узнала в нем одного из тех, кто прыгал через забор. По крайней мере, один из трех смог убежать! Когда он подошел поближе, то убедилась, что это был армянин. Лерна пошла ему навстречу, они остановились в двух шагах, молча рассматривая друг друга и не решаясь заговорить.

Ситуация была настолько странной, почти нереальной, что Норе ничего не оставалось, как пойти ему навстречу, потому что, казалось, они настороженно относятся друг к другу, а он не решается сделать первый шаг. В тех условиях, в которые они попали, это было естественно.

Нора встала между ними, но они словно не видели ее. Тогда она со всей непосредственностью спросила, кто он. Парень ответил хриплым от волнения голосом: „Арег Балакян, Арег Балакян“. Он повторил свое имя, как будто сам хотел убедиться, что это еще он. Словно на какое-то мгновение ему показалось, что его уже нет в живых.

Норе захотелось успокоить его. Показать ему, что они тоже армянки и что он может расслабиться.

„Меня зовут Нора Азатян, я дочь Дадхада Азатяна из Эрзерума. А это Ани. А она — Лерна, она помогла нам бежать. Успокойся, мы все армяне. Они ушли, — она показала в сторону заборов. — Там никого не осталось. Если хочешь, можешь идти с нами. Нам нужно побыстрее уйти отсюда“.

Лерна молча смотрела на Нору и Арега. Потом, ни слова не говоря, пошла дальше.

Нора остановилась и с нежностью посмотрела на Ани. Потом они обе пошли следом за Лерной. Через мгновение Арег тоже шел за ними, он не хотел больше оставаться в лесу в одиночестве.



\* \* \*

Рассказ Норы вдруг прервался. Я взглянул на Дадхада, он смотрел, как тихо кружилась лента магнитофона, и словно ждал чего-то. Тут вошла Элен, принесящая нам чаю. Мы долго говорили о Норе и Оганнесе. Дадхад был горд своими родителями. Тем, что они смогли преодолеть такую ужасную травму, что боролись за то, чтобы жить дальше.

Мне дали пленку, для того чтобы я мог записать рассказ и включить его в историю нашей семьи, материалы для которой у меня уже подбирались. Они были рады, что участвуют в этом деле.

Потом я вернулся к себе в комнату, довольный, что мне так повезло. Понемногу свидетельства накапливались, принимая определенную форму и образуя сложную мозаику, краски которой были, возможно, мрачными, но двери для надежды всегда оставались открытыми.

\* \* \*

С Элен и Давидом я виделся часто. Время от времени я находил на своем автоответчике сообщение, чтобы я непременно пошел с ними ужинать. Я знал, что они очень уважают меня. Кроме того, им было довольно одиноко, потому что их сын Арам почти не приезжал в Европу.

Но главной причиной наших встреч было их желание быть в курсе моих расследований, которые мы назвали „армянское древо“.

Это было наше древо. Элен и Дадхад считали его почти своим, и не только задавали мне вопросы, но и привносили что-то свое.

Я спросил Элен, знает ли она что-нибудь о своих бабушке и дедушке, и она сказала, что напрямую нет, но ее мать Анн де Вилье сохраняла все, что попадало ей в руки, и уверила меня, что обязательно снова спросит ее. В 1992 году Анн была очаровательной старушкой восьмидесяти четырех лет, мне же было уже шестьдесят пять, и казалось, что мне удастся сохранить ясную голову. Я, правда, не строил себе иллюзий относительно того, насколько меня хватит, чтобы закончить книгу. Но Элен ободряла меня. Так же, как и Надя с Лейлой, которых я видел нечасто, но зато они мне часто звонили, радуясь каждой моей новой находке.

С другой стороны, все удивлялись тому, как я выгляжу и сохраняю жизненную силу. Но я-то знал, что не могу закончить эту работу на середине. Это означало бы мой полный провал.

Тем не менее не все новости были радостными. Спустя несколько недель мне позвонила Элен и сообщила, что Дадхад стал чувствовать себя хуже и что врачи не высказывают большого оптимизма. Но она принадлежала к тем женщинам, которые никогда не теряли надежды и бодрости духа. Когда мы расставались, она сказала, что Анн порылась в своих бумагах и приготовила мне большой сюрприз. Она добавила, что перешлет мне его по факсу.

Действительно, в тот же вечер бумаги пришли с запиской Анн де Вилье.

Дорогой Дарон. Время летит очень быстро, и я посылаю тебе заметки, написанные моим свекром Жаком Уорчем, которые могут тебя заинтересовать. Разумеется, когда он писал их, мир был другим. В частности, еще не было факса. Тем не менее, хотя я и несколько старше тебя, ты согласишься, что в душе мы не так уж и отличаемся. Эти заметки чуть было не затерялись в Центральном архиве Банка Франции. Никто не знает, как они там оказались. Случилось так, что один исследователь, пишущий работу „Экономическое влияние Франции на Ближнем Востоке“, нашел их несколько дней тому назад. Кто-то вспомнил, что я — невестка Жака Уорча, и направил мне любезное письмо и копию записок. Как ты помнишь,

я поклонница Моно — „Случайность и необходимость“. Думаю, что эти заметки могут стать важной частью твоей работы. Обнимаю.

Я прочел документ, который она мне прислала. Невероятно, как снова и снова переплеталась судьба моей семьи. Случайность? Нет. Как говорила Надя Халил, это была сила обстоятельств.

И вот перед моими глазами, практически сто лет спустя снова возник Жак Уорч, мудрый и положительный человек, направивший меня на правильный путь.

\* \* \*

### Сообщение Жака Уорча

В августе 1896 года Банк Франции направил меня в Константинополь. Ситуация в турецкой империи становилась все более нестабильной, а у Франции было слишком много интересов в этой стране.

Всего месяц назад внезапно умерла моя супруга. От нашего брака у меня остались очень приятные воспоминания и сын Эжен четырнадцати лет. Он был такой же умный, как и его мать. Он хотел поехать со мной, но мне показалось это неразумным, и мне удалось убедить его остаться в Париже. К тому же ему не стоило пропускать учебный год. Он был уже блестящим учеником, и я тешил себя надеждой, что кто-то вновь сделает мою фамилию знаменитой. Однако сын все-таки немного поворчал по поводу моего решения.

До отъезда у меня была встреча с новым министром иностранных дел Габриелем Аното. Он хорошо знал Турцию и рассказал о султанах Абдуле-Гамиде Втором. Он считал, что это был исключительный во всех отношениях человек, восхищавшийся Францией и испытывавший к ней глубокие дружеские чувства.

Он, правда, предупредил меня, что мне следует проявлять осмотрительность. Турция была не Европой, не Западом, это был Восток со всеми его особенностями. Дипломатия здесь носила совершенно особый характер, никогда нельзя быть уверенным, что дела пойдут так, как ты считаешь, что они должны пойти.

Анот был очень любезен со мной. Кто-то рассказал мне, что в молодости, еще совсем недавно, он случайно познакомился с султаном на одном из приемов, и быстро вырос с поверенного в делах до первого секретаря, а через короткое время в конце концов стал и министром.

Благодаря „Восточному экспрессу“ мое путешествие оказалось очень комфортным. Помню, я проспал большую часть пути, потому что в Париже врач посоветовал мне лечиться сном. Не успев толком прийти в себя, я приехал в Константинополь.

Я явился в посольство в то же самое утро. Там меня принял Поль Камбон, который, как ни странно, придерживался совсем противоположного мнения, чем министр. Он считал, что Абдул-Гамид был опасным человеком, который может столкнуть нас с Германией. Не говоря уже о прямых интересах Франции, Камбон вообще был недоволен турками. Он рассказал, что случилось с армянами, и я услышал некоторые вещи, которые мне показались преувеличением.

Я ответил ему с той же искренностью, с какой он разговаривал со мной, что не могу согласиться с тем, чтобы идеализм некоторых наносил ущерб крупным французским интересам.

Несмотря на всю свою выдержку, Камбон, похоже, рассердился на мои высказывания. Все, о чем он мне рассказывал, он знал достоверно. Это не просто пустая болтовня. Он находился там, чтобы защищать интересы Франции. Так же, впрочем, как и я, добавил он. Франции нужна совсем другая политика, иначе история заставит нас об этом пожалеть.

Мы расстались холодно. У Камбона была слава идеалиста и пристрастного человека. Правда, я сам был, возможно, излишне резок. Я пожалел об этом, потому что считал, что

Камбон был весьма достойным человеком.

Большой визирь принял меня в Долмабахче. Там жил султан, но в этом дворце проводили также встречи и с официальными лицами. А я в тот момент представлял около трех миллиардов франков, в том числе долг, капиталовложения и прочее. Эту сумму трудно себе представить, потому что, если положить рядом купюры по сто франков, то они дойдут до Ке д'Орсе и вернутся в Турцию.

Большой визирь был исключительным человеком со всех точек зрения. Он намного лучше, чем я, был осведомлен о последних новостях в Париже, и к тому же его способности очаровывать собеседника были безмерны. Он подарил мне прекрасный точеный кувшин из малахита изумительного качества. Когда я разъяснил ему, что не могу принимать подарки, он сказал, что такой кувшин украсит любой кабинет Банка Франции. „Тогда какой-нибудь важный человек иногда и вспомнит о нашей далекой стране“. Мне ничего не оставалось, как принять подарок, чтобы не обидеть его. Кстати, этот кувшин так и затерялся где-то в подвалах Лувра.

Я поинтересовался проектом строительства железной дороги в Багдад, о которой столько говорили. В нем напрямую были заинтересованы немцы, и в частности сам кайзер.

Нам не о чем беспокоиться, ответил он. Турция знает, что Франция ее лучший и давний союзник. Между учреждениями обеих стран не должно быть и тени недоверия. Банк Франции находится в привилегированном положении, и никто не вправе поставить это под сомнение. Не согласились бы мы участвовать в таком строительстве?

Этот человек умел держать себя в руках. Но я, правда, заметил, как дрогнули у него руки, когда я сказал, что мы никоим образом не собираемся вмешиваться во внутренние дела Турции, но ему следовало бы знать, что комментарии прессы по армянскому вопросу оказывают негативное влияние на образ Турции в глазах Европы.

Он на мгновение задумался. Потом улыбнулся самой приторной улыбкой. Не было „армянского вопроса“. Были только отдельные вопросы с несколькими международными террористами, которые хотели опорочить образ Турции. Об этом просто не стоит и говорить, закончил он.

Прежде чем уйти, я попросил его об одной любезности. Речь шла о деле сугубо личного свойства. Он живо заинтересовался и вплотную приблизился ко мне. Я объяснил ему, что хотел бы посетить некоторые археологические достопримечательности на берегу Турции. Я бы с большим удовольствием погулял бы по Эфесу и Кусадаси. Большой визирь широко заулыбался. Я очень правильно сделал, что сказал ему об этом. Не хотел бы я, чтобы меня сопровождал какой-нибудь профессор университета? У них есть хорошие специалисты.

„Нет, — ответил я, — только какой-нибудь пропуск, чтобы я смог бродить там по своему усмотрению. Только пропуск. Не хочу отказывать себе в удовольствии путешествовать как мне заблагорассудится“.

Большой визирь согласился, добавив, что он прекрасно меня понимает. Он поступил бы точно так же, если бы имел возможность. Я очень правильно выбрал эти места, весь этот район турецкого побережья остался точно таким, как его оставили после себя „мелы“.

Он подмигнул мне. Позже я узнал, что речь шла о банкирах, сформировавшихся по вавилонским традициям.

Мы распрощались самым сердечным образом. Моя миссия начиналась удачно. Турция была надежным долговременным партнером. Наши вложения не вызывали сомнений.

Я вернулся к себе в гостиницу „Пера Палас“. Для меня зарезервировали президентский съют. Директор гостиницы лично поднялся ко мне в номер, чтобы поприветствовать меня и убедиться, что все в порядке. Вы будете ужинать в номере? Желаете что-нибудь особенное? Как раз недавно приехали новые балерины... Движением головы я отказался. Мне не нужно было ничего.

„Жаль“, — пробормотал он. — Среди них есть одна армянка — это нечто исключительное». Я сделал вид, что не слышал его. Закрывая за ним дверь, я окликнул его. «Ладно. Может быть, молодую армянку. Она правда красивая?» Я подумал, что появился

неплохой шанс познакомиться с армянкой без посредников.

Директор с улыбкой согласился. Потом закрыл дверь, пожелав мне доброй ночи.

Я поужинал в номере в одиночестве. Я подумал, что, наверное, ошибся. Что могла мне рассказать эта балерина? Наверняка она неграмотная женщина, не имеющая представлений о жизни. Я уже был готов позвонить в колокольчик, чтобы позвать директора и сказать, что мне уже никто не нужен и что я очень устал. Я поднялся как раз в тот момент, когда кто-то постучал в дверь костяшками пальцев. Жребий был брошен.

Я медленно открыл. Прекрасная молодая женщина лет двадцати или двадцати двух вопросительно смотрела на меня. Она, улыбаясь, сказала по-турецки, что она балерина и что зовут ее Зварт.

Я пустил ее в номер, раскаиваясь в своей затее. Все это можно было расценить очень двусмысленно.

Зварт остановилась посреди комнаты, огляделась с таким изяществом, которое сразу же выдало в ней балерину, и присвистнула от восхищения.

Я пригласил ее присесть. Ей показался странным тон, с которым я к ней обращался. В тот же момент я понял, что она отнюдь не была так счастлива, как ей хотелось казаться.

Я сел напротив нее, и мы оба молча смотрели друг на друга.

«Зварт, а как твоя фамилия? Извини, я сначала представлюсь тебе сам. Меня зовут Жак Уорч Руази. Я служащий Банка Франции. Я приехал сюда, чтобы подготовить доклад. Ты знаешь, что это? Понимаешь?»

Зварт утвердительно кивнула и к моему удивлению ответила на прекрасном французском языке:

«Меня зовут Зварт Касабян, — голос у нее был теплый, а произношение безупречное. — Я не профессиональная балерина. На самом деле я преподаватель танцев. Мне двадцать четыре года, я родилась в Малатье. Как вы поняли по моей фамилии, я армянка».

Должен признаться, в этот момент я был настолько удивлен, что был не в состоянии произнести ни слова. Но все же осознал, что моя затея была не так уж и плоха.

Зварт купил один турок, занимавшийся тем, что поставлял в гостиницы балерин и женщин, помогавших вести концерты. Таким образом он смог спасти ей жизнь. У нее не было прямых родственников. Ее родители умерли, когда она была еще очень маленькой, и она жила с тетей Майдой. Потом произошли события в Малатье — относительно спокойном городке, хотя в других местах страны дела обстояли крайне плохо.

Зварт предупредили, что у нее могут быть трудности. Религиозные авторитеты не приветствовали танцы, хотя балерины и не были мусульманками. Кто-то пригрозил ей на улице, и она испугалась. Ее тетя Майда, работавшая медсестрой и имевшая много знакомых среди турок, тоже посоветовала ей оставить свое занятие, а потом посмотреть, улягутся ли страсти. Старушка многое видела на своем веку и была убеждена, что когда-нибудь все войдет в свои берега. Просто для этого требовалось везение и терпение.

Зварт оставила танцы, и они закрылись в доме, потому что беспорядки и беспричинные нападки на армян усиливались день ото дня.

Однажды вечером пришли два армянина. Они хотели предупредить их, что мусульмане приняли секретное решение уничтожить всю армянскую диаспору. Они не должны обманывать себя надеждой, что могут спастись, потому что они незащищенные женщины. Совсем наоборот, подстрекатели всего этого были жалкими трусами и, чтобы избежать какого-либо риска, выбирали своих жертв среди наиболее слабых. Как бы то ни было, они сообщают, что в церкви состоится собрание армянской общины. Там будут приняты надлежащие решения. Туда пойдут только мужчины, но один из них потом придет к ним, чтобы рассказать о том, что было на собрании.

Она знала, что ей надо делать. Несмотря на то, что тетя Майда отговаривала ее, Зварт не хотела зависеть ни от кого. Она переделалась в парня, собрав волосы под кепку, натерла лицо сажей и вечером пошла в церковь, куда уже заходили армяне.

Там было около ста сорока мужчин. Как ни странно, никто не обратил на нее внимания. Все были нервны и взволнованы, и священнику пришлось подняться на амвон, чтобы его было слышно. Причин для того, чтобы скрывать серьезность ситуации, не было. Единственно, что они могли сделать, это поскорее бежать отсюда и укрыться в горах. Может быть, турки не будут преследовать нас, довольствуясь тем, что захватят наши земли и дома. Так уж было в одном из близлежащих селений. Ни один турок не будет рисковать своей драгоценной жизнью, чтобы преследовать «гяуров». Некоторые из присутствовавших возразили, что, мол, они лучше умрут, чем будут скрываться бегством. Другие, опасаясь за свои семьи, предпочли быть более благоразумными. Священник помолился и благословил их. Выходили из церкви маленькими группами. Но вдруг снаружи послышались крики и топот убегающих людей.

Тех, кто пытался выйти, встречали ружейными залпами. Один из армян был ранен.

Никто не знал, что же делать. Зварт подумала, что ее ждет смерть, и ей стало страшно за тетю Майду. Но при всем при том она была горда, что находилась среди мужчин. Она часто думала, что именно ей приходится быть мужчиной в доме. И тут они увидели сполохи пламени. Турки пытались поджечь крышу. Вскоре многим пришлось выйти наружу — дым мешал дышать.

Толпа на площади встречала их криками. Тех, кто выходил, кашляя и протирая руками раздраженные глаза, задерживали.

Соотношение встречавших и выходящих было пять к одному, так что о сопротивлении не могло быть и речи. Зварт тоже пришлось в конце концов выйти. Ее избili и связали руки также, как и вышедшим из церкви мужчинам. Они громко сожалели о своей наивности. Турки же подходили к ним и с удовольствием лупили их палками.

Потом их провели процессией по городу, с гордостью демонстрируя всем свой подвиг, — пленение армян. Один богослов — улема возносил благодарение Богу за то, что он помог захватить неверных христиан.

Толпа осыпала пленников оскорблениями. Армяне испытывали страх и удивление. Они не могли представить себе, что их так ненавидели. Сама Зварт, никогда особенно не доверявшая дружеским проявлениям со стороны соседей-турок, тоже была поражена столь откровенной демонстрацией ненависти.

Тогда они поняли, что их ждет смерть, и стали роптать. Что станет с их семьями! В ответ на это раздавались насмешки палачей, называвших пленников «собаками» и «гяурами». Фанатизм турок приводил пленников в ужас — их ждет смерть, но мысль о том, что же случится с их близкими, причиняла им неопишуемые страдания.

Так их продержали большую часть ночи. Потом захватчики устали, и, связав пленникам руки и даже не дав им и глотка воды, заключили в загон известного купца Харичи Оглу Абдуллы.

Едва рассвело, появилось несколько богословов — улемов в окружении большой толпы. Они читали суру 111 — «смерть! смерть!» и начали с крайнего человека из первого ряда. Несколько человек скрутили его, сняли штаны, а один из турок, взяв нож, стал проводить обряд обрезания. Так они поступили со всеми, пока не дошла очередь до Зварт. Увидев, что перед ними женщина, все стали громко хохотать. Харичи Оглу отвел ее в сторону и привязал к кольцу на двери, где обычно привязывают животных. Потом обряд обрезания продолжился до последнего армянина.

Один из улемов начал отчаянно вопить, что армяне — это агнцы, предназначенные на заклание, и все стали вторить ему. Харичи Оглу подошел к одному из мужчин со связанными руками, заставил его встать на колени и на руки, пробормотал молитву и, взяв голову за волосы, закинул ее назад. Это был парень лет двадцати. Держа в таком положении пленника, Харичи Оглу обнажил тот же нож, которым производилось обрезание, и перерезал ему горло, словно овце на празднике курбан-байрам.

Кровь обрызгала стоявших вокруг людей. Толпа какое-то мгновение оцепенела от этой

сцены, но потом все стали громко молиться, выкрикивая, что христиане овцы, предназначенные для жертвоприношения. Подражая Харичи Оглу, несколько человек бросились на пленников, и вскоре весь двор был залит кровью.

Зварт в ужасе смотрела на все это, не веря собственным глазам. Обезумевшие армяне метались по двору, безуспешно пытаясь выбраться из этого ада. Вскоре все пленники были убиты, а их палачи хлюпали по липкой луже крови, покрывавшей весь двор. Это была сцена из Данте, и Зварт почувствовала, что теряет сознание.

Она пришла в себя в доме Оглу, привязанной совершенно голой к решетке, отделявшей дом от внутреннего дворика. Она сразу поняла, что ее изнасиловали. Ее мучила сильная боль в паху и в груди, словно ее долго били.

Потом пришел Оглу, который, похоже, наслаждался всем этим. Он наклонился над ней и, ни слова не говоря, тяжело сопя, попытался вновь проникнуть в нее. Зварт хотела увернуться, но ремни крепко держали ее. Оглу несколько раз сильно ударил ее по спине, пытаясь поставить ее в определенное положение. Он был намного сильнее и массивнее, чем она, и Зварт не удалось увернуться, несмотря на все свои усилия. С каждым движением он все сильнее бил ее, и она снова потеряла сознание.

Так продолжалось несколько дней. Ей только приносили воду в металлическом ковше. Оглу хотел показать ей, кто здесь хозяин. Он постоянно насиловал ее, пока она ему не надоела. Зварт слышала крики и стоны, некоторые из них совсем детские, и она догадывалась, что там происходило. Это чудовище выкрало других армянских девочек и молодых женщин, он наслаждался их страхом и их страданиями.

Все это было так абсурдно, так ужасно, и ей показалось, что она сошла с ума. Все потеряло свой смысл, день перепутался с ночью, все тело ужасно болело, и ее страдания дошли до того, что она стала предпочитать смерть. В моменты просветления она подумывала о том, чтобы повеситься на этих ремнях. Но не смогла этого сделать.

Однажды утром появилась турецкая женщина средних лет. Она заставила Зварт встать и, хотя у нее почти не было сил для этого, женщина отвела ее к фонтану внутреннего дворика. Она раздела и помыла ее. Зварт уступила ей. Она была уже не в силах протестовать, и, кроме того, ей стало легче от мытья. Женщина помогла ей одеться и принесла еды. Несколько часов спустя она почувствовала себя лучше, но так и не понимала, что с ней собираются делать.

Об этом она узнала на следующий день. Появился Оглу с каким-то неизвестным мужчиной. Ее заставили встать и пройти. Мужчина спросил, умеет ли она танцевать. Она сказала, что да, но у нее не было сил для этого. Она решила, что ей надо выбраться отсюда во что бы то ни стало.

Потом мужчины стали долго торговаться. В конце концов Оглу продал ее за три золотых монеты, ворча, что это самая худшая сделка за всю его жизнь.

Ее купил Мустафа Кансу. Он обращался с ней совсем по-другому. Он сказал, что ей надо питаться и отдыхать. Когда она поправится, ей придется только танцевать по ночам. Он, по крайней мере, не измывался над ней, не оскорблял, и Зварт решила, что надо побыть у него и дождаться удобного момента для того, чтобы сбежать. Так она провела два месяца, посещая одну гостиницу за другой. В номера ее никогда не приглашали.

Но той ночью она не захотела куда-либо идти, и Мустафа впервые рассердился. А Зварт почувствовала, что, может быть это тот случай, который она ждет.

\* \* \*

Когда Зварт закончила свой рассказ, оба молчали. Собственно, и говорить было не о чем. Я вспомнил хитрое лицо Большого визиря. Никто не хотел говорить о том, что на самом деле происходит в Турции. Но мой доклад должен быть совершенно другим. Первое, что мне надо сделать, — снова переговорить с Полем Камбоном и попросить у него прощения. Я признаю, что он был прав, когда говорил о «молчаливом заговоре». Франция не должна

подыгрывать правительству, которое не только не наказывает своих преступников, но и подталкивает их к тому, чтобы они нападали, насиловали и убивали армян.

Зварт станет его лучшим свидетелем. Она заполнила много страниц, подробно описывая то, что с ней произошло, и это была история страданий христианского меньшинства в мусульманской стране, возглавляемой преступниками. И не могло быть иначе, потому что мусульмане, с которыми я был раньше знаком, были совсем другими, они неизменно проявляли терпимость и благородство.

Я пригласил директора и сказал, что хотел бы поговорить с «хозяином» Зварт — Мустафой Кансу. Директор — человек полный, лысый, потный, с пальцами, увешанными кольцами, и с золотой цепью на шее — был сплошное внимание. Тяжело дыша, он спросил, не было ли у меня проблем с балериной.

«Нет, совсем наоборот», — ответил я. Я был так доволен, что хотел купить права на Зварт.

В принципе он отказался. Потом сам директор гостиницы, который был у нас свидетелем этой странной сделки, выступил посредником, и мы пришли к соглашению. Я заплачу ему одну тысячу французских франков — слишком большую сумму, если бы речь не шла о человеческой жизни, которая бесценна. Когда все закончилось, он рассыпался в похвалах в адрес Зварта. Я забрал у него алмаз. Я действительно был настоящим специалистом. Затем оба ушли, и я остался с ней наедине. Потом я предоставил ей одну из комнат в своем съезде, чтобы она отдохнула.

На следующее утро я не стал будить ее и очень рано спустился на завтрак. Мне надо было переговорить с кем-нибудь из близкого окружения Большого визиря. Я скажу ему, что хочу жениться на ней, чтобы без проблем вывезти ее из страны. Я читал утренние газеты, когда мэтр подошел к столу и сказал, что некто хочет поговорить со мной, и передал мне записку. Она была от шефа полиции города. На какой-то момент это встревожило меня. Что хотел от меня этот человек? И я согласился.

Толстый мужчина невзрачной наружности, одетый в европейский костюм, подошел ко мне и пожал руку. Я пригласил его сесть. Чем могу служить?

Он отрицательно покачал головой и улыбнулся. Нет-нет. Никаких проблем. Он пришел по поручению Большого визиря. Я был вынужден продемонстрировать свое удивление, но он сделал жест рукой, как бы не придавая этому никакого значения. Разумеется, нет никаких проблем, чтобы Зварт Касабян поехала вместе со мной во Францию. Он запустил руку в карман жакета и вручил мне пропуск на ее имя.

О нет! Разумеется, это мне ничего не будет стоить. Он вручил мне те же самые купюры, которыми я расплатился с Мустафой Кансу. Совсем ничего. Он просто хотел пожелать мне всего самого хорошего, тем более, насколько ему известно, эта девушка очень красива.

Он поднялся, пожал мне руку и удалился, отдуваясь. Я же остался, как вкопанный, не в силах как-то реагировать и понимать то, что произошло. Действительно это не Европа, ни Франция, это Константинополь — лучший базар Востока.

## 7

### Дневник Эжен Уорч

Я снова был в Стамбуле, когда пришла весть о смерти Дадхада. Эмфизема легких одолела его. Я переживал его смерть как смерть брата, которого в действительности у меня никогда не было. Я был один в комнате, наедине с моими книгами и моими воспоминаниями, плакал по Дадхаду, и мои слезы образовали кляксы на нескольких страницах.

Я понимал, что мое время тоже на исходе и моим единственным завещанием будет «Армянское древо». Эта книга захватила всего меня и всю мою волю, потому что в ней собраны ценнейшие свидетельства, значимые для многих армян, которым снятся прошлые

времена, но, проснувшись, они не могут найти людей, которые могли бы рассказать им, что же произошло.

Дадхад много значил для меня, и я подумал, что жизнь несправедлива. Первому из жизни следовало бы уйти как раз мне.

Я направил одну телеграмму Элен, а другую в Нью-Йорк сыну Араму; с ним я, как ни странно, не был знаком.

Вскоре я получил письмо от Элен. Она благодарила меня за все, что я сделал в последние годы для ее мужа. Он рассказывал ей, как я вдохновлял его участвовать в поисках новых данных.

\* \* \*

Но Дадхад уготовил нам новый сюрприз. Когда Элен пошла к нотариусу вскрыть завещание, ей вручили письмо мужа, адресованное мне. Конверт был открыт, письмо следовало сначала прочитать, а потом направить мне.

Элен окаменела. Муж никогда не говорил ей об этом дневнике. Я тоже о нем ничего не знал. И это несмотря на то, что мы столько лет сотрудничали в выращивании семейного дерева. Все это было очень любопытно.

Достав из конверта письмо Дадхада, я был ошеломлен. Главным действующим лицом изложенного там рассказа был не кто иной, как моя мать Мари Нахудян.

Дорогой Дарон. Как видишь, я приготовил тебе сюрприз. У нас нет столько книг, сколько у тебя, но и у нас их много. Когда мы были в Нью-Йорке, я сначала отвез несколько коробок с книгами в университет. Это были книги и документы, необходимые для моего курса современной истории.

Может быть, это было мое упущение, но я смешал разные книги между собой. Кроме того, после смерти моего тестя Эжена Уорча нам прислали большое количество книг.

Всего два месяца назад мой сын Арам прислал мне пачку книг, переданных ему в университете. Среди них находился этот дневник.

Когда я прочел его, мне это показалось невероятным. Потрясающие отношения между Эженом Уорчем и Мари Нахудян. Я понял, что это сила судьбы. Судьба, которая выступает против всеобщего забвения, помогает тебе с того момента, как ты начал работать со своим «Армянским деревом».

Так вот. Перед тобой страницы, которые заставят тебя поразмышлять. И, если до сих пор тебе еще неясно, настоящим героем этого рассказа, являешься ты.

Я думаю, что ты не должен отказываться от этого проекта. Я не смогу увидеть его завершения, но ты не должен сдаваться. И не выдумывай, что, мол, ты уже очень старый. Настоящая старость не имеет, не может иметь такую мечту, которую ты лелеешь.

Поэтому, осознав суть дела, я решил, что ты этого вполне заслуживаешь. Я хотел передать тебе это лично. Не получилось. Но ты знаешь, как я тебя ценю, и в моем лице ты имеешь друга. Обнимаю. Дадхад.

Это была обыкновенная тетрадь в черном коленкором переплете. Она была начата 22 ноября 1914 года и закончена 20 марта 1915 года. Я с нетерпением открыл ее в предвкушении того, что же мне уготовила судьба на этот раз.

\* \* \*

**Дневник Эжена Уорча**



### **Госпиталь Ла Сальпетриер, Париж, 22 ноября 1914 года**

Сегодня начинается моя карьера психиатра. Трибунал оппозиции потребовал, чтобы уровень психиатров был высоким. Это как раз хорошо для меня. В конце концов мне дали кафедру, которую в последние годы вел. Мне бы надо гордиться этим.

Но я боялся оказаться не на уровне. Слишком большая ответственность. Слишком много глаз обращены на меня, ожидая моего решения.

Луи Шестнадцатый создал этот госпиталь, приспособив под него бывшее здание фабрики пороха. Подписывая указ, он сказал, что эти стены должны служить народу.

Сегодня мне придется вернуть народу то, чему я научился.

### **Госпиталь Да Сальпетриер, Париж, 20 декабря 1914 года**

Могу сказать, что установочная лекция, которую я прочитал врачам о болезнях нервной системы, прошла с успехом. Благодарности и комплименты, которые последовали после лекции, не прекращались. Даже сам министр здравоохранения подошел и поговорил со мной. Его интерес показался мне странным. Он сказал, что через несколько дней я услышу от него новости. Никак не могу понять, в чем дело.

Это правда, что меня пригласили прочитать несколько установочных лекций в Вене. Не знаю, смогу ли поехать туда. Документ, полученный от Красного Креста, открывает мне проезд туда, но у меня слишком много работы здесь, в Ла Сальпетриер, и я толком не решил еще, что делать. Если я действительно хочу чего-то добиться в неврологии, я должен там быть, несмотря на войну.

### **Госпиталь Ла Сальпетриер, Париж, 10 января 1915 года**

Я получил письмо от одного профессора из Вены. Зигмунд Фрейд напоминает в нем, что здесь, в Ла Сальпетриер, он слушал лекции самого Шарко. Он пишет, что до сих пор использует методы лечения истерии. Он настаивает на том, чтобы я использовал гипноз для лечения истерии, этот метод принес ему подлинное удовлетворение.

Это нечто оригинальное. Спровоцировать события, которые однажды вызвали травму у больного. Много времени спустя эта травма вызывает истерию.

Он пригласил меня в Вену послушать курс лекций, который он прочтет в Вене. Я поеду. Красный Крест заинтересован в этой проблематике и обещает снабдить меня соответствующим документом.

### **Госпиталь Ла Сальпетриер, Париж, 14 января 1915 года**

Сегодня со мной произошел забавный случай. Я осматривал молодую девушку лет двадцати. История ее довольно странная.

Французский торговец подобрал в Черном море девушку, потерпевшую кораблекрушение. Ему удалось пройти Босфор благодаря произошедшему в то время перемирию. Он прибыл в Гавр. Девушка повторяла только одно слово — «Сирга». Она даже не помнила своего имени, хотя, похоже, понимала французскую речь. В очень тяжелом состоянии ее привезли в Париж. У нее не было признаков физического насилия, но она была погружена в глубокую депрессию, поэтому ее решили поместить в Ла Сальпетриер.

Я ее внимательно осмотрел. Она миловидная девушка, вероятно, гречанка или грузинка. Она не говорит ни слова. У нее высокая скачущая температура, но малярию я отмечаю.

Газеты пишут о молодой девушке, выловленной в море. Весь Париж следит за ней. Он нее ждут чуда.

### **Госпиталь Ла Сальпетриер, Париж, 15 января 1915 года**

Тайна частично раскрылась. Армянский иммигрант Ашот Тиграсян, работавший у нас надзирателем госпиталя, попросил у меня разрешения поговорить с ней. Я присутствовал при разговоре и видел, как девушка реагировала. Было очевидно, что она поняла собеседника. По крайней мере, мы знаем, на каком языке разговаривать с ней.

Я получил телеграмму Зигмунда Фрейда. Он узнал о девушке из газет и рекомендует мне попытаться загипнотизировать ее. Мысль кажется мне интересной, но я лучше подожду несколько дней, пока она окончательно не поправится, тем более что высокая температура у нее сходит на нет.

### **19 января 1915 года**

Сегодня утром я последовал совету Фрейда с армянской девушкой. Она попала под действие гипноза сразу же. Надзиратель армянин Тиграсян разговаривал с ней на ее языке, и она, конечно, отвечала. Ее зовут Мари Нахудян, она армянка родом из Трапезунда.

«Эль-Сирга» — название корабля ее отца. Похоже, что он был атакован турецким военным кораблем и утонул. Она говорила о каких-то противоречиях многих из тех, кто пережил кораблекрушение и относился, по-видимому, к ее друзьям или родственникам и кто преследовался турками. Что-то очень серьезное случилось в этом городе. Девушка также много вспоминала о своей матери. Кажется, ее мать умерла недавно.

Мне пришлось вывести ее из гипноза, потому что она, судя по всему, сильно страдала. Нам надо подождать несколько дней, чтобы провести с ней еще один сеанс гипноза. Я не решаюсь делать это прямо сейчас. Боюсь, что она не выдержит этого.

### **28 января 1915 года**

Мари Нахудян, кажется, идет на поправку. Одна армянская семья, проживающая в Париже, попросила меня разрешить ей провести один сезон в их доме. Я не возражал. У нее нет каких-либо физических или неврологических болей, которые оправдывали бы ее длительное пребывание в Ла Сальпетриер.

Да и вообще, я думаю, что ее выздоровление пойдет быстрее, если она будет находиться в дружеской семейной обстановке. Я договорился с ними, что они постоянно будут держать меня в курсе дела, и в любом случае я буду осматривать ее каждые 15 дней.

### **Вена, 12 февраля 1915 года**

Я прочитал лекцию в Военном госпитале. Там познакомился с автором «Миттель Эуропа» Фридрихом Науманном. Он, как оказалось, хорошо знаком с проблемой армян и сухо называет ее «армянским вопросом». Он присутствовал на лекции и когда я упомянул знаменитый случай с девушкой, потерпевшей кораблекрушение, он подошел ко мне после лекции, Я бы не сказал, что этот человек испытывает большую симпатию к армянам. Он считает, что турки борются за свое выживание, а когда дело доходит до этого, то тут не приходится говорить о полутонах.

Он мне не очень понравился, хотя признаю, что он говорит с большим апломбом.

### **Вена, 18 февраля 1915 года**

У меня была встреча с Зигмундом Фрейдом, который вручил мне экземпляр своей книги «Толкование сновидений» с дарственной надписью. Я убедился, что, несмотря на его ясный ум, это очень религиозный человек.

Мы поговорили об армянах. Он сказал, что существуют некоторые параллели между армянским и еврейским народами.

Фрейд — пессимист. Новости, поступающие из Турции, не вызывают оптимизма. Турция практически находится в состоянии войны, а в этих условиях всякий «другой» становится жертвой. Он считает, что армянский народ может стать легкой жертвой и рассказывал мне также о еврейских погромах в России.

### **Из Вены в Париж. 20 февраля 1915 года**

В поезде Вена — Париж я случайно оказался попутчиком с Фридрихом Науманном и неким доктором Назимом. Они ехали в том же вагоне, в купе первого класса рядом со мной, и Науманн захотел, чтобы мы вместе поужинали в их купе.

Я, кажется, помню Назима на нашем факультете. Он был довольно странный — всегда одет в черное, выглядел как представитель Востока. По правде говоря, он показался мне порочным человеком.

Науманн представил меня как «знаменитого доктора», вылечившего от безумства армянскую девушку. Я обратил внимание на взгляд доктора Назима. По мне прошел холодок, когда я увидел блеск его глаз.

Назим хранил молчание во время ужина, зато Науманн болтал за троих. Он симпатизирует туркам, но, прежде всего, он германofil. Он сказал, что очень сочувствует армянской девушке как человеку, но, по его мнению, армяне, вообще говоря, сильно мешают. Я заметил, что Назим согласился с этим утверждением. Он добавил, что Германия — верный союзник Турции в этом конфликте.

У Науманна, так же, как и у Назима, дипломатический паспорт. Поэтому они перемещаются без каких-либо осложнений, несмотря на состояние войны. Назим настойчиво спрашивал меня, могу ли я поехать в Германию, и я показал ему свой паспорт от Красного Креста.

Потом он поинтересовался, не возражал бы я посетить Константинополь. Это могло бы быть весьма интересно для меня. Я отклонил предложение до лучших времен, за которые мы и подняли тост.

### **Госпиталь Ла Сальпетриер, 14 марта 1915 года**

Я вернулся в свой госпиталь. Когда я попросил армянскую семью привезти мне в госпиталь на осмотр Мари Нахудян, меня ждал неприятный сюрприз.

Приехал Арарат Балакян, глава семьи. Мари исчезла. Они заявили в полицию, но там считают, что девушка ушла по своей воле. Следов ее нет нигде.

Я был очень раздосадован этой новостью. Я должен был бы предвидеть такую возможность. Разум Мари не позволял ей вести нормальную жизнь. Я глубоко раскаиваюсь в своем поведении.

### **Госпиталь Ла Сальпетриер, 15 апреля 1915 года**

Вновь появился Арарат Балакян. Он настоял на встрече со мной и ждал, когда я закончу прием. Он не знал, как начать разговор. Он думает, что Мари Нахудян выкрали и посадили на греческий корабль, отплывший на Кипр. Один армянин, работающий на фирме по перевозке грузов в Гавре, случайно проговорился об этом. Балакян занимается импортом ковров и разных предметов из Ближнего Востока и имеет контакты в компаниях, владеющих морскими судами.

На следующий день после исчезновения Мари из парижского дома один мужчина купил два билета до Кипра. Он выдавал себя за грека, но он не смог обмануть армянина. Девушка казалась больной и в полусонном состоянии, лицо ее было закрыто большой шалью. Мужчина, выдававший себя за ее отца, как бы между прочим заметил, что ее мать недавно скончалась в Париже.

Армянин ничего не заподозрил, пока «отец» не сказал, что они греки. Тогда он понял, что мужчина лжет. Хотя армянин и был уверен, что незнакомец был турком, но не захотел вмешиваться в то, что его не касалось.

Армяне во Франции — это как одна огромная семья. Кто-то сказал этому армянину, что известная всей округе девочка, потерпевшая кораблекрушение, исчезла. Тогда он все понял.

Когда Арарат Балакян рассказывал мне эту историю, в глазах у него стояли слезы. Он сильно переживал. Девушку похитили, потому что он не был достаточно внимателен к ней. Он не оправдал моего доверия, потому что когда я разрешил ему забрать девушку в его семью, он пообещал, что будет заботиться о ней больше, чем о собственных дочерях. Даже его собственная жена ругала его. Он не знал, что делать. Он был совершенно разбит.

Я простил его. Это была не его вина. Если кто-то и был виноват, так это я...

### **Госпиталь Ла Сальпетриер, 16 апреля 1915 года**

Арарат Балакян опять пришел. Он решил поехать на Кипр и найти там девочку. По его внешнему виду можно было догадаться, что он не спал уже несколько суток.

Может быть, это было безрассудство, но я сказал, что поеду с ним. Моя вина в этом деле такая же, как и его. Кроме того, у меня есть серьезное подозрение. Мне кажется, что я знаю, кто именно украл ее, хотя доказательств пока у меня нет. Доктор Назим. Описание мужчины, данное служащим судоходной компании в Гавре, совпадало с обликом Назима. Нечто отвратительное и злое. Он не рисковал бы так сильно, если бы не имел мощного стимула.

Я хочу узнать правду. Я хочу вернуть эту девочку, привезти ее во Францию и наладить ее жизнь. В последний момент жена Арарата заболела, и ему пришлось остаться.

Это был первый случай в моей жизни, когда жизнь лишила меня благоразумия. Меня словно стукнуло обухом по голове, я понял, что не должен быть таким эгоистом...

### **24 апреля 1915 года**

На борту парохода «Либерти» компании «Белая звезда» по пути к Кипру. Мы и восемь других пароходов плывем под прикрытием двух английских крейсеров. Главная опасность — подводные лодки, это новое оружие. Германия широко применяет их. Но я уверен, что со мной ничего не будет. Я не верю в судьбу, но на этот раз...

### **28 апреля 1915 года**

Похоже, что мы вошли в Средиземное море в недобрый час. Немецкая торпеда пустила

на дно корабль, шедший впереди нас. Никто не спасся. Я понял, что немецкие подводные лодки — смертоносное оружие, и немцам не важно, против кого их применять.

Я не могу прогнать от себя мысли о Мари. Какая странная судьба! Уже через несколько месяцев у этой девочки могла бы быть нормальная жизнь, как и у других девушек ее возраста, и вдруг... Зачем ее выкрал этот загадочный Назим? Что он собирался делать с ней? Он тоже не должен знать, что я иду по его следу.

#### **4 мая 1915 года**

Мы прибыли в Лимассоль. Кипр — остров с высокими горами и крутыми склонами, по крайней мере таким он показался мне с моря. Всего шесть месяцев назад он стал британской территорией. Я расстроен. Мне кажется, что здесь их найти невозможно.

#### **5 мая 1915 года**

Я смог встретиться с британским комендантом. Мои аргументы убедили его, и он дал команду разыскать и задержать доктора Назима. Если английские солдаты не смогут обнаружить его, то это значит, что его просто нет на острове! Надеюсь, что он объявится.

#### **8 мая 1915 года**

Нет никаких следов доктора Назима и, разумеется, Мари. С каждым часом я все больше раскаиваюсь в том, что позволил ей уйти из стен Ла Сальпетриер. Я чувствую свою вину за все то, что с ней может произойти.

#### **12 мая 1915 года**

Я ужинал в таверне Лимассоля, смирившись с тем, что вернусь домой с пустыми руками, когда ко мне подсел мужчина лет сорока турецкой или, может быть, греческой наружности. Он попросил у меня разрешения подсесть за мой стол и, к моему удивлению, с места в карьер заявил мне, что доктор Назим находится в Алеппо.

Я, кажется, на мгновение потерял дар слова. Незнакомец улыбнулся и сказал, что Лимассоль маленький город и здесь все про всех знают.

Он оказался армянином по имени Галуст Минасян. Он рассказал, что по всей Турции дела у армян очень плохи. В Алеппо были конфискации домов, избиения и убийства армян без каких-либо причин, изнасилования. Армянское население терроризировано.

Сейчас я увидел руку этого отвратительного доктора Назима, вспомнил о его словах, которые я слышал еще до знакомства с ним. Он ненавидит армян. Я рассказал своему собеседнику о том, чем я занимаюсь здесь, и увидел, что он смотрит на меня с восхищением.

#### **14 мая 1915 года**

Я выхлопотал пропуск для моего паспорта, выданного Красным Крестом. Теперь я смогу поехать в Константинополь. А там я постараюсь встретиться с Фридрихом Науманном. Последнее, что я услышал от него, было то, что он собирался ехать в Турцию. Не думаю, что он откажется помочь мне в таком деле. Хотя, может быть, я слишком наивен. Сейчас идет война, а во время войны все методы подходят.

**20 мая 1915 года**

Я приехал в Константинополь. Благодаря Красному Кресту я добился, что меня примет посол Германии в Турции барон древо фон Вангенхайм. Надеюсь, он внимательно отнесется к моей просьбе. Я только хочу найти Мари Нахудян и отвезти ее с собой во Францию. Там я постараюсь оказать ей помощь, чтобы она могла вернуться к нормальной жизни.

Но со мной тем не менее происходит нечто странное. Трагедия этой девочки затронула меня лично. Считается, что специалист по нервной системе должен быть равнодушен к чужим проблемам, Но это не так. И, кроме того, я чувствую свою вину...

**22 мая 1915 года**

Я был принят послом. Он держался со мной на расстоянии и подчеркнуто холодно. Он сказал, что в таком деле он ничем не может мне помочь. Если ее выкрыл из Франции турок, то что может сделать посол Германии? Она армянка, так или иначе подданная Турции, даже не Франции.

Возможно, он прав своей зубодробительной прусской логикой. Но это не так.

Здесь, в Константинополе, у Германии огромное влияние. Я познакомился с доктором Назимом через немцев. Посол не захотел мне помочь по простой причине: Мари Нахудян — армянка. Из его высказываний я мог понять, что Германия на стороне Турции, а армяне для нее не более, чем «историческая помеха». Что-то странное происходит в этом мире. Галуст Минасян пришел навестить меня в гостиницу. Я был весьма удивлен. Он сознался, что следил за мной, и сказал, что мне необходима защита. Он утверждает, что в наши дни Константинополь — место опасное, причем не только для армян.

По правде говоря, мне показалось, что он знает многое и, похоже, действует по доброй воле. Я поинтересовался причинами его поведения, в чем подлинный его интерес к этому вопросу. И он рассказал мне странную, почти невероятную историю.

Он — двоюродный брат Богоса Нахудяна, отца Мари. Он почти не знаком со своей племянницей, потому что уже много лет живет в Константинополе. Он владеет крупными складскими помещениями и, по его словам, даже снабжает продовольствием иностранные посольства — он знает некоторых людей, работающих в них.

Он узнал о деле Мари от повара французского посольства — он имеет привычку читать французские газеты перед тем, как их выбрасывают. Мари действительно стала знаменитой на всю Францию. Когда он узнал, что речь идет о его племяннице, он попытался установить контакт со своим двоюродным братом Богосом, но в Трапезунде ситуация очень запутанная, и он не смог ничего узнать о своей родне.

Потом он переговорил с бухгалтером немецкого посольства, которая сказала, что весьма неравнодушна к деньгам. Он «купил» у нее информацию. И уж не знаю, по каким каналам он узнал, что девочку выкрали и снова увезли морем в Турцию. Он проследил ее путь и поехал в Лимассоль. Там он узнал, что я поехал за ней следом. Сначала он подумал, что я тайный агент или человек, назначенный Парижем.

Армяне — очень настойчивые и наблюдательные люди. Кроме того, у них очень сильны семейные связи. Для них родственник — как для нас пальцы наших рук. Он решил представиться мне и оказать помощь. А когда он узнал о моей позиции в этом деле, то решил, что не должен оставлять меня на произвол судьбы. Так что сейчас мы союзники и друзья. Я начинаю воспринимать армян как очень близких мне людей.

Он сознался, что существует тайная армянская организация. Это правда, что они осуществили несколько враждебных акций против турецкого правительства. Он отказывается называть их террористическими и убежден, что здесь речь идет только о

самообороне.

Он рассказал мне о страданиях своего народа за последние двадцать пять лет. Султан Абдул-Гамид хотел устроить геноцид против армян, но Франция и Англия предупредили его, что не потерпят этого. Султан ненавидел армян, но благоразумие взяло верх, и он остановил убийства.

Потом были подписаны соглашения с Германией. Все началось в 1898 году, когда кайзер Вильгельм Второй, наряженный как средневековый герой, въехал в Иерусалим на черной чистокровной лошади арабской породы. Все помнят, как восточное солнце отражалось на его позолоченной каске, увенчанной имперским орлом. Несколько дней спустя в Дамаске он громогласно объявил на весь свет, что Германия и Турция — две братские страны и что немцы испытывают глубокие чувства дружбы к мусульманскому миру.

К моменту прибытия кайзера в Константинополь он стал главным союзником турок. Султан Абдул-Гамид трижды поцеловал его в щеки, и они провозгласили вечную дружбу. С этими поцелуями решилась судьба армян. С этого момента в империи было место только для одного народа и для одного языка. Этому турки научились из националистских предписаний. Им давали читать Гердера, Фихте, других философов — сторонников пангерманизма.

Абдул-Гамид и его окружение были в восторге от немцев. За ними не было никакой вины — они не принимали участия в колонизации арабского мира. Так что немцы оказались единственными и настоящими друзьями Турции в западном мире.

Вильгельм встретился с Абдул-Гамидом в Долмабахче. Это была тайная встреча. Рассказывая о ней, Минасян смеялся: «В мире нет тайн». Там был один армянин, который захотел, чтобы другие армяне узнали, что затеяли эти два правителя.

Было решено не только построить железную дорогу, которая проходила бы через Багдад и достигала Персидского залива. Там не только был предоставлен в концессию Германии порт Хидар-паша. Там не только открыли настежь Высокую Порту, чтобы через них проходили немецкие банкиры, коммерсанты, фабриканты, судовладельцы, инженеры и военные. Был заключен секретный пакт между Германией и, естественно, Австрией и Венгрией, с одной стороны, и султаном, с другой, причем султан на тот момент был единоличным правителем Османской империи. Там же решили усилить влияние военных советников в турецкой армии.

Минасян пригладил свои усы. Увлечшись рассказом, он перешел на «ты».

«Кто воплощает в себе подлинный прусский дух? Военные. Немецкая армия. Там был подписан пакт, согласно которому начальники в немецкой армии автоматически становились начальниками в турецкой армии. И знаешь почему? Потому что султаны никогда не доверяли своей армии. Тот день 1926 года, когда Махмуд Второй перерезал всех янычар, стал для него самым счастливым днем. Он поубивал всех! Никого не оставил в живых. Они были его преторианской гвардией и одновременно тяжелыми цепями на его ногах, мешавшими двигаться вперед. В тот день, когда он убил своих приемных детей и порвал с традиционными связями, он почувствовал себя свободным.

И знаешь, о чем они договорились там? Разрешить все головоломки султана. Покончить с его трудностями. Германия не будет препятствовать тому, чтобы имеющиеся у империи внутренние проблемы были бы улажены...

Этими внутренними проблемами являемся мы. Намного позади нас — греки, живущие в Анатолии, сирийцы, проникшие в разные социальные структуры. Что касается курдов, то настанет и их черед. Сегодня они представляют собой прекрасный инструмент в руках турок, но наступит день, когда и им не хватит здесь места...»

**25 мая 1915 года**

Меня изгнали из Турции. Не посмотрели ни на мои протесты, ни на паспорт, выданный

Красным Крестом. Думаю, что за этим стоит доктор Назим. Я проявил наивность, когда рассказал об этом деле немецкому послу. После того, что мне рассказал Минасян, я не верю немцам. Посол, и только он, предупредил Назима. Спасибо, что хоть не убили меня.

Сейчас я нахожусь во французском посольстве. Минасян предупредил меня, и мне хватило времени добраться до посольства.

### **Посольство Франции в Константинополе, 26 мая 1915 года**

Мне удалось переговорить с французским послом. Он здесь чувствует себя заложником. Париж разрешил ему закрыть посольство по своему усмотрению. Но он твердо уверен, что это означало бы оставить на произвол судьбы многих людей, в том числе армян. А он не хочет этого.

Он представил мне американского посла Генри Моргантау, пришедшего с визитом. Вечером мы поужинали с ним. И наш, и американский посол задали мне много вопросов по моей специальности. Моргантау мне показался исключительно умным человеком, кроме того, он очень интересуется армянским вопросом.

Хочу в точности привести здесь слова Моргантау, так как они, как мне показалось, содержат в себе предвидение.

«Франция, так же, как и англичане и мы, американцы, знает, что сейчас положено на карту отнюдь не заурядное дело. Султан обвинял своих внутренних врагов. Это всего лишь предлог. Турки оказались не в состоянии управлять огромными территориями, которые захватили в последние столетия. Кто сейчас главный враг Турции? Арабы. От „Туниса до Багдада, проходя через египтян, сирийцев и племен пустыни. Никто из них не хочет иметь над собой турецкого хозяина. Эти хозяева были деспотичны, лживы, алчны, продажны, жестоки и злобны. Но все это не заслоняет их основного недостатка — все они оказались плохими администраторами.

И виноваты в этом только сами турки. Высокая Порта осознала это поздно и решила, что сотрудничество с такой „хорошо организованной“ страной, как Германия, поможет им найти свой путь“.

„Вспомните, господин посол, как всего полтора года назад было подписано соглашение между новым турецким правительством и немцами. Мы оба знаем, что, согласно этому соглашению, генерал Аиман фон Сандерс практически станет „сильнейшим человеком“ Турции. Это своего рода сдача перед Германией, почти капитуляция одной империи перед другой“.

„Ведь новый глава правительства Энвер-паша всегда был ярким сторонником Пруссии. Франция, равно как и Соединенные Штаты, знает, кто подстрекал к государственному перевороту 1908 года. Когда Энвер-паша пришел к власти, угрожая пистолетом, он проник в кабинет, где проходил совет министров. А когда прозвучали выстрелы, был убит министр обороны. Почему? Потому что он был в недостаточной степени германофилом.

Сегодня турки сменили деспота, обеспечивавшего, по крайней мере, стабильность в стране, на нестабильное военное правительство. Потому что — и пусть никто в этом не сомневается — Мехмет Резад не более чем декоративная фигура. Что-то вроде дорогой фарфоровой вазы, украшающей дом.

„Туркиш петролеум компани“ действительно самое прагматическое учреждение из всех. Причем благодаря армянину по фамилии Гульбенкян. Вы, французы, не захотели напрямую участвовать в создании компании, потому что, в конце концов, там управляет Парижская биржа.

Так что же будет сейчас? Боюсь, что, как всегда, веревка порвется в самом тонком месте. Армян в Турции ждут очень тяжелые времена. На практике их преследуют постоянно. Предоставление им права объединяться в землячества не имело целью обеспечить им благополучие и автономию. Султан персонифицирует не только власть на земле. Он в



основном „халиф“, и божественное начало проходит через него. Но настоящие арабы — правитель Мекки Хусейн и его племена — не считают, что султан в далеком Константинополе является представителем пророка.

Турки всегда считали армян и других христиан, подвластных им, людьми, которым позволено жить до тех пор, пока они приносят пользу своим хозяевам. Но упаси бог, если они станут бесполезными!

Боюсь, что такие слова, как „свобода“, „автономия“ и „конституция для народа“, всего лишь пустое сотрясение воздуха в устах этого злополучного триумvirата — Талаата, Энвера-паши и Джемалья-паши. Все трое лгут. На самом деле они вместе со своими покровителями немцами мечтают о том, чтобы их страна была исключительно турецкой.

Что для них демократия? Возможность прийти к власти, не больше“.

„Кстати, посол, видели новость? Они сняли таблички на французском языке со всех улиц, со всех железных дорог и с трамваев. Сейчас можно куда быстрее заблудиться в Константинополе. Причем даже для турок... Но перейдем к главному.

Вчера я разговаривал с Вардгесом Серенгуляном. Он морально разбит. Он до тонкостей знает, что именно затевает правительство против его народа. Он пытался переговорить с Талаатом, который всегда вел себя как его друг. Но ни он, ни Джемаль, ни Энвер не захотели принять его“.

Поверьте, на этот раз дело очень серьезное. Великие державы (мы) заняты войной. У Англии, кроме того, серьезные проблемы на Юге Африки. У России — во Владивостоке. Моя страна пытается быть нейтральной, да и, кроме того, все это так далеко от нее... Я боюсь худшего. Согласно моей информации, — вы тоже располагаете такими сведениями — уже изданы приказы о депортации по всей стране, за исключением Константинополя, где армянское население разбросано и перемешалось с местным».

Моргентау очень жестко высказывался во время всего ужина. Французский посол соглашался со всем, но казался намного более сдержанным.

Все, что происходило вокруг меня, только подтверждало то, о чем я лишь догадывался в Париже. Такие люди, как доктор Назим или окружавшие его немцы, решили смести с лица земли армян, воспользовавшись тем, что, как говорил Моргентау, великие державы заняты войной.

\* \* \*

Закончив чтение дневника, я был ошеломлен и весь дрожал. Все это объясняло ужасную депрессию моей матери. Слезы полились из моих глаз, я плакал по моей матери, по Дадхаду... Я никогда раньше так не плакал, и эти слезы были в какой-то степени компенсацией того непонимания, черствости, которые я иногда проявлял по отношению к матери.

Мари пережила события, разрушительные для любого человека. Они лишили ее способности понимать этот жестокий мир, вызвали у нее хроническую депрессию, приведшую к тому, что она совсем закрылась в себе.

Когда я успокоился, я подумал, что снова нашел важнейший документ, причем непосредственно касающийся меня. Сейчас я понял, что произошло. По всем признакам похитителем был доктор Назим — зловещий человек во время геноцида. Может быть, Осман Хамид узнал из печати о Мари — ведь этот факт получил отзвук во многих странах — и связался с Назимом. Последний решил сделать любезность Осману и сам взялся за решение этого вопроса. Потом в силу многих обстоятельств, а порой и случайностей, ко мне пришло немало документов.

Я начинал понимать многие вещи. Темный период в жизни моей матери прояснялся благодаря своевременно появившемуся дневнику Эжена Уорча. И, конечно, исключительной доброте Дадхада и Элен, пожелавших довести до конца историю генеалогического древа,

частью которого мы все являемся.

Не скрою, я был глубоко потрясен. В течение нескольких месяцев я представлял себе, как Назим входит в спальню той девочки, чтобы выкрасть ее и снова увезти в тот ад, который уготовил Осман Гамид. Это была ужасная и долгая месть, направленная против моей бабушки Азатуи Назарян, женщины-армянки, проявившей отвагу и гуманизм. Она была основой и корнем нашего древа.

## 8

### Надины корни

В последние годы я поддерживал тесную связь с Надей Халил. Однажды, уже в конце зимы, она позвонила мне очень рано, было около семи утра. Я жил тогда в Стамбуле, перебирая бумаги и размышляя о том, что надо бы мне навестить ее.

Может быть, это была интуиция, но я весь вечер думал о ней и о Лейле, которая, наверное, превратилась уже в прекрасную девушку. Поэтому ее звонок меня не удивил. У Нади и Лейлы было нечто, чему я всегда очень завидовал, — у них был домашний уют. Кроме воспоминаний о детстве, Стамбул был для меня в большой степени рабочим местом и большим книгохранилищем. Тишина стала моей подругой, а звонок редко раздавался в моем доме. Изредка мне приходилось выходить оттуда, и я погружался в шум улиц и площадей Стамбула, размышляя, как сильно изменилась здесь жизнь. Турция была полна туристов, приезжавших посмотреть, как экзотически воспринимают здесь жизнь.

Турецкое правительство, однако, ничего не делало, чтобы исправить историческую несправедливость, что на практике означает, что турки не должны признавать свою ответственность за геноцид. Они надеялись, что время — их верный союзник — все расставит по своим местам. Уже практически не оставалось никого, кто хотел бы поднимать эту тему.

Тем не менее такие люди, как Надя, Элен или я, все-таки питали надежду, что когда-нибудь это положение будет исправлено.

Говоря по телефону, я догадался, что Надя чем-то очень обрадована. Среди книг ее отца обнаружили листки бумаги, написанные по-турецки арабскими буквами. Она сказала, что с трудом читает эти записи, потому что бумага весьма изношена. Кроме того, она знала, что речь там идет о другой ветви дерева. «Нашего общего дерева», — добавила она.

Я полетел в Дамаск чартерным рейсом, направлявшимся как будто в Мекку. Там должны были взять на борт паломников. Я, наверное, был единственным пассажиром, который не собирался совершать хадж. Я чувствовал себя чужим среди этих правоверных мусульман и позавидовал их вере. Ведь мне нужно было вызывать веру каждое утро, чтобы дожить до конца дня.

\* \* \*

В аэропорту меня встречали и Надя, и Лейла. Я их не видел уже три года, и они обняли меня как блудного сына. Лейла уже была близка к тому, чтобы стать красавицей, а я в каждый свой приезд серьезно задумывался над тем, не перебраться ли мне в Дамаск. По крайней мере, там будет хоть кто-то, кто будет ласково встречать меня.

Как только мы приехали к ним домой, Надя и Лейла повели меня в библиотеку. Она была расположена таким образом, что солнце освещало ее как утром, так и вечером. Эта библиотека была частью домашнего уюта. В ней в холодные зимние дни постоянно горел камин. Было всегда чисто и прибрано. Разумеется, у них не было столько книг, как у меня. У них не было, пожалуй, и десятой части моих книг, но я позавидовал обстановке, нежному блеску отделки из кедра удобству кресел, красивому ковру Исфахана — он был того же прелестного голубого цвета, что и фасад его знаменитой мечети. Всякий раз, когда я входил

в эту библиотеку, я испытывал смешанное чувство восхищения и зависти и у меня захватывало дух.

Меня усадили в кресло. Я подумал, что для них являюсь всего лишь чудаковатым другом. Но вместе с тем явственно чувствовал, как от них исходила нежность и удовольствие оттого, что ответил на их приглашение.

Надя взяла мои руки в свои. В ее прекрасных темных глазах отражался восторг. Случай снова улыбнулся нам. Она нашла невероятные документы.

Она прекрасно знала, кто был ее отцом. Знала о его годах, проведенных в Долмабахче. Она знала, как он познакомился с ее матерью, и все, что случилось потом. Но ее родители никогда не говорили ей, что пытались писать мемуары. Надя рассказывала мне, что ее мать Ламия умерла, когда ей было всего тринадцать лет. Именно тогда, когда она стала женщиной, ей так была нужна материнская помощь...

\* \* \*

Пока что было найдено несколько листков, спрятанных внутри одной из книг. Они были исписаны ее родителями. Создавалось впечатление, что они стремились к тому, чтобы после них остались письменные мемуары с рассказом о пережитых событиях и с рекомендациями, как можно было бы их избежать.

В мемуарах шла речь о падении султана, о том, как возбуждали ненависть, что получилось в итоге, обо всем этом аде. Там же писалось о любви молодых, о сочувствии, о щедрости. Это было всего лишь несколько листков, но их было достаточно, чтобы лучше понять ее родителей.

Надя была взволнована. Лейла с нежностью смотрела на нее, она понимала, какое значение придает ее мать этим листкам.

Потом Надя передала мне конверт. При этом она не сказала ни слова. Она и Лейла потихоньку вышли из помещения, оставив меня вместе с Халилом и Ламией. Вот они передо мной. Рукопись была явлением, близким к бессмертию, — благодаря ей сохранилась душа этих людей.

Стоял прекрасный, великолепный вечер. Был конец марта, снаружи доносилось пение дрозда. В волнении я вскрыл конверт и подошел к окну. Сидеть было выше моих сил. Наше дерево росло, и тень от него покрывала нашу восточную землю.

Я достал листки. Это были черновики, написанные двумя людьми, — мужчиной и женщиной: Халилом и Ламией. Оба они умерли, но их дух оставался здесь.

Я начал читать. Халил-бей написал заголовок аккуратной арабской вязью, причем на классическом турецком языке. Документ сам по себе являлся произведением искусства: одна из сторон образованности Халила состояла как раз в том, чтобы совершенствовать свой почерк. Этот человек жил в период перехода от одной эпохи к другой. Как много я отдал бы, чтобы иметь возможность поговорить с ним!

\* \* \*

### **Из мемуаров Халил-бея (дворец Долмабахче, 1909 г.)**

Это произошло в те дни, когда в Константинополь пришла весна. Я был тогда почти подростком, но, несмотря на свои юные годы, уже почти десять лет жил при дворце. Я чувствовал, что происходит что-то необычное: вокруг было много беготни, перешептываний, даже вскрикиваний, что для Долма-бахче-Сарай было ненормально.

Меня позвал шеф евнухов Селим-бей и предложил высунуться в окно.

«Сегодня завершается целая эпоха», — прошептал он, когда увидел, как из машин выходят члены Комитета. Я увидел, как слеза покатилась по его лощенной щеке, ухоженной, как у великосветской дамы.

Несколько черных автомобилей остановилось у главного входа. В те времена по городу

ездило очень мало автомобилей, так что видеть целый караван машин было довольно странно.

Селим — это в высшей степени благоразумный человек, и не было случая, чтобы его слова были произнесены впустую. Шаркая ногами, он направился в сторону гарема, а я подумал, что для меня, возможно, эти перемены не так уж и плохи.

Согласно книге личного состава, которую мне ни разу не удавалось полистать, дата моего рождения должна приходиться на 1892 год — шеф регистрации личного состава Осман неоднократно называл мне эту цифру. Стало быть, мне должно быть лет семнадцать, хотя про себя я думал, что мне должно было быть больше, лет восемнадцать, а то и девятнадцать. Я ничего не помнил из того, что было ДО этой жизни. Это все равно, как если бы я родился в любом из тех длинных коридоров или же на огромных галерах. До того времени никто не мог ответить мне (и это несмотря на мои интенсивные расспросы!), откуда я родом, кто были мои родители, или, по крайней мере, по какой причине я там оказался. Юноши, находившиеся в таком же положении, что и я, тоже не могли получить ответы на подобные вопросы. Всех нас воспитывали не как слуг, а как лиц, призванных повелевать. Нам стремились дать хорошее образование, следили за правильностью нашей речи.

Несмотря на то, что в последние месяцы ширились слухи, что, мол, в стране что-то происходит, все мы, жившие в Долма-бахче, были уверены, что какие-либо серьезные перемены невозможны. Высокая Порта в течение многих веков господствовала над значительной частью мира, и ничто не могло поколебать тяжелые петли, отделявшие жизнь Абдул-Гамида от прочих смертных. К добру или к худу, но и некоторые «прочие» жили взаперти с внутренней стороны этих «врат».

Тот день изменил не только жизнь свергнутого султана, вынужденного переехать во дворец Хидив в Кубуклу и провести там неопределенно долгий период своей жизни. Поменялась и моя жизнь: в наступившей потом неразберихе было неясно, кто уходит из дворца, а кто остается. Прошло всего несколько часов, и все уже стали говорить, что появился новый султан Резат Мехмет, который получит имя Мехмет Пятый.

Селим-бей вызвал меня и сказал, что мне надо собирать вещи. Я должен пойти со свитой, назначенной для нашего господина султана Абдул-Гамида. Он выглядел очень взволнованным и избегал смотреть мне в глаза. С того далекого дня, когда кто-то привел его во дворец, он тоже не заходил за ту дверь. Ему был известен только тот ограниченный мирок, в котором обитали и мы. Мой же случай был несколько иным. Я был еще почти подростком и порой, рано утром, когда приближался сигнал восхода солнца и мы должны были быстро встать и совершить первую молитву этого дня, в моей памяти возникало лицо женщины, которая проплывала мимо меня как окруженный дымкой призрак, с едва различимыми чертами лица.

Я прекрасно понимал, что это видение было не что иное, как моя мать, которую я никогда больше не увижу в этой жизни. И хотя ее образ был размыт временем, я цеплялся за него, ведь он представлял собой важнейшее звено, подтверждавшее, что я родился в другом месте, вне этих стен, удерживавших меня в этой золотой клетке.

Селим-бей проводил меня до помещения, в котором жили мы, пажи султана. Селим был странным типом. Хотя на его лице был тщательно наложенный макияж, уже угадывались легкие складки, появлявшиеся на коже. По его щеке катилась слеза, выдавая его состояние, — смесь боли и страшной тревога, которые он был не в силах скрыть.

Наш господин султан Абдул-Гамид был свергнут. Это казалось невероятным, ибо всю свою жизнь он был халифом верующих, хозяином цивилизованного мира и властителем жизни и смерти всех своих подданных на огромной территории империи.

Для Селим-бея, для всех нас, кто был рядом с султаном, все произошедшее было равносильно концу света. Ужасная, неожиданная катастрофа, вызывавшая безмерный страх в наших душах.

Издали, с Босфора, доносились звуки канонады. Я высунулся в окно и увидел ту

часть сада, с которой просматривался въезд. Там слуга таскали огромные баулы, по всей вероятности с личным багажом нашего господина Абдул-Гамида.

Селим-бей, до сих пор сохранявший дистанцию в отношениях со мной и передвигавшийся всегда как статуя, сел на мою кровать и, не в силах скрыть свое отчаяние, закрыл лицо руками. Шеф евнухов всегда мне казался потрясающим человеком. Он постоянно молча бродил по огромным коридорам дворца. Достаточно было одного его вида, его торжественной фигуры, как воцарялся порядок. Мы, пажи, боялись его. Он был абсолютно недоступен, и стоило нам услышать его шаги, как задолго до его появления мы принимали требуемые от нас официальные позы и усердно выполняли поручения или учились.

Селим-бей господствовал над всем. Это был единственный человек, который имел право по своему усмотрению входить в личные покои султана или выходить из них. Находясь там, он железной рукой контролировал рабов и слуг, промывавших или умащивавших маслами и духами белую кожу нашего хозяина.

Именно Селим-бей впервые поручил мне важную миссию. Я должен был упорядочивать, классифицировать и размещать на подносе из тисненого золота награды, медали, банты различных орденов, почетные ленты, перстни в зависимости от дня, месяца и фаз луны, а также перчатки, тюрбаны и фески согласно соответствующих okazji и обстоятельств.

Селим разъяснял мне с безмерным терпением, что с чем соотносится и почему одни орнаменты несовместимы с другими, а также, что предпочитал носить султан в том или ином случае: когда наш господин желал произвести впечатление на какого-нибудь иностранного посла или монарха или когда отправлялся в протокольную поездку; когда он желал переодеться в течение приема или на каком-нибудь очень длинном вечернем мероприятии.

Абдул-Гамид был хозяином всего и всех. В его присутствии не было места ни сомнению, ни малейшему колебанию. Тем из нас, кому доставалось счастье и высшая честь непосредственно прислуживать ему, считали себя привилегированными людьми. И Селим-бей оказал мне доверие, назначив на сверхответственную должность, потому что на ней, также, как и на других, напрямую связанных с господином, сбой не допускались. Я был не больше и не меньше, как ответственным за образ самого султана.

Абдул-Гамид был человеком с переменчивым и опасным характером, Я убеждался в этом с каждым днем. Если все шло прекрасно, без малейшей оплошности, он вел себя так, словно тебя тут не было. Мы носили домашние туфли, подвязанные сзади и подшитые несколькими слоями шелка, приглушавшими, сводившими на нет любой звук шагов.

Если кто-то ронял что-нибудь возле султана или опрокидывал рюмку или даже покашливал, его дела были плохи. Первое наказание состояло в том, что человека окончательно освобождали от должности и направляли на тяжелые работы, вдали от двора султана. Его определяли на кухню, в интендантские склады, отряды вывоза навоза, службу уборки мусора и другие места.

Если же султан высказывал недовольство, если какая-то оплошность или ошибка причиняли султану неудобство, виновника могли избить палками или чем-то еще более тяжелым, и даже упрятать в застенки на долгий срок.

Так что выполнение поручений происходило в обстановке террора, а на самого главу евнухов падала огромная ответственность за его назначения, за возвышение или увольнение тех, чье жизненное предназначение состояло в прислуживании султану.

Между Абдул-Гамидом и Селим-беем существовала какая-то странная связь. Нечто, что влияло на нормальные отношения, создавало доверие в повседневных делах. Они были знакомы еще до того, как Абдул-Гамид стал султаном, и это было причиной того, что к Селим-беему перешла часть той огромной власти, которую унаследовал его хозяин.

Селим-бей поднял на меня влажные и красные от слез глаза. Я почувствовал себя неловко, ведь мне и в голову не приходило, что он может переживать как простой смертный.

Прошел уже год с того момента, как он приблизил меня к себе и я научился

чувствовать его состояние. Селим-бей говорил мало, но мы, окружавшие его, умели толковать его молчание. Он обладал исключительной силой убеждения, глубоким умом и тонким воспитанием, и не было сомнений, что сам султан принимал его советы по поводу государственных дел.

У Абдул-Гамида было одно большое осложнение. Несмотря на свое неограниченное могущество (а может быть, именно по этой причине), он был совершенно одинок на вершине власти и не мог контактировать со своими подданными. Чтобы быть понятым, ему было очень важно общаться с людьми такой чувствительности и мудрости, как Селим-бей.

Султан не доверял никому на свете. Но кто особенно привлекал его внимание, так это интеллектуалы. Именно для них предназначалась самая строгая цензура, самый строгий контроль, нередко тюрьма, а в самых крайних случаях — смертная казнь.

Несмотря на то, что Селим-бей никогда не выходил из дворца, он был глазами и ушами султана, его самым близким информатором. Я иногда наблюдал за встречами между шефом политической полиции, в обязанности которого входило составлять доклады, и Селим-беем. Все мы, кто работал в окружении двора, были объектом слежки, и в свою очередь мы следили за всеми, кто окружал нас. Всего года четыре назад султан стал объектом серьезного покушения. Группа армян, желавших отомстить за преследования своих соплеменников, бросила в него бомбу, когда он выходил после пятничной молитвы. Ворота мечети были окружены плотной толпой людей, ожидавших появления халифа верующих (этот титул он ценил более всего), чтобы посмотреть на него вблизи и восторженно приветствовать.

Селим-бей винил себя за это происшествие. Он должен был его предвидеть. Султан спасся чудом, и в ту ночь полетели головы не только за пределами президентского дворца.

С того момента был восстановлен абсолютный и полный контроль за всеми. Тайная полиция преследовала и пытала всех, кто был подозрителен или просто казался подозрительным. Высокая Порта не признавала никаких комментариев или действий вроде образования каких-либо групп, обладания иностранными книгами, сочинения произведений, хотя бы отдаленно намекающих на свободомыслие, ведение разговоров о демократии, членство в любой политической ассоциации. Любого армянского националиста, идеолога, философа или просто интеллектуала, связанного со своим народом, под любым предлогом задерживали, арестовывали, пытали.

Селим-бей был мозгом железного контроля, в тисках которого жила вся страна. И никто, за исключением нас, пользовавшихся абсолютным доверием этого загадочного человека, не знал об этом.

Но сейчас передо мной этот исключительный человек был раздавлен и сломлен. Его тяготило, что он не смог ликвидировать в самом начале движение, которое всего полтора года назад было преобразовано в Комитет за единение и прогресс, «Иттихад вэ Теракки Семейети» — ассоциация различных политических групп, пытавшихся вынудить султана восстановить конституцию.

Селим-бей пытался контролировать выборы в прошлом году. Сейчас он с горечью признавал, что кандидаты от Комитета выиграли у кандидатов султана благодаря одной ловушке: Комитет заявил, что он не стремится к власти, а хочет только вернуть в страну демократию. Но это был всего лишь маневр, чтобы выиграть время и тайно помочь своим сторонникам...

Всего лишь месяц назад султан приостановил действие конституции, и Селим-бей был вне себя от радости, что наш господин восстановил свою единоличную власть. Казалось, все вернулось в привычное русло. Но что-то вышло из-под его жесткого контроля. Армия в Салониках под командованием генерала-предателя Махмуда Севкет-паши выступила против столицы и после нескольких безобидных залпов своих пушек добилась смещения султана Абдул-Гамида Второго.

Эти обстоятельства были причиной слез, растекавшихся по щекам Селим-бея и смывавших его тщательный макияж. Селим-бей горько оплакивал свое поражение. Согласно поступившим приказам, надлежало до рассвета освободить дворец. Было ясно, что Комитет

назначит Мехмета Резада новым султаном. Мехметом Пятым. «Эту марионетку предателей», — ворчал человек, занимавший пока должность шефа евнухов.

Но Селим-бей не хотел уходить из дворца. Он не мог снова быть рядом с нашим господином и испытывать острое чувство стыда. Именно поэтому он проводил меня до моей комнаты на мансарде Долмабахче.

Селим-бей вытер слезы шелковым платком. Он пристально смотрел на меня, пока я поднимался с постели, и подошел ко мне. Я знал, что этот человек хочет что-то сказать мне, но не мог понять, о чем могла идти речь. В конце концов он направил взор своих голубых глаз на видневшиеся из окна крыши города. Казалось, он уже успокоился, и разыгравшаяся буря не коснется нас, и у наших ног лежит весь мир.

Когда я понял, что мои предчувствия подтверждаются и в них есть нечто ужасное, холодок пробежал по моей спине. Какой смысл был в его откровении?

Вдруг мне показалось, что этот человек умрет по своей воле, и что бы там ни было, его уже ничто не волнует.

Селим-Бей посмотрел мне в глаза.

«Послушай, что я скажу тебе, Халил. Думаю, что сейчас наступило то время, когда ты имеешь право узнать, кто ты на самом деле. Ведь ни ты, ни я не являемся теми, чем кажемся».

Селим долго смотрел в окно. Розоватое солнце начинало скрываться за горизонтом, «Остается мало времени. Иногда „мало“ означает „все“».

Он безуспешно попытался улыбнуться. Я чувствовал себя как на углях. Что означали его слова? Что пытался сказать мне этот человек?

«Послушай, Халил-бей. Ты появился здесь, когда тебе было почти шесть лет. Ты, наверное, уже забыл большую часть твоей, предыдущего периода, жизни. Или, лучше сказать, думаешь, что забыл. Но нет, оно все равно останется где-то внутри тебя. Когда-нибудь ты проснешься ночью и почувствуешь, что тебе кто-то необходим. Кто-то, кого ты едва помнишь. Я знаю это, со мной происходит то же самое, несмотря на годы. Но будь терпелив, потому что ты вот-вот узнаешь; возможно, это знание и не изменит твою жизнь, но, по крайней мере, облегчит твои ночные кошмары».

Селим надолго замолчал, по-прежнему глядя в окно. Я был уже вне себя от нетерпения и, хотя и старался выглядеть спокойным, это давалось мне с большим трудом.

Невероятно, но, несмотря на ситуацию, Селим-бей, казалось, не спешил. Его состояние было вызвано глубокой грустью, самобичеванием за провал в работе, но, на мой взгляд, какой-либо его вины за происшедшее не было.

Тогда я услышал нечто невероятное и совершенно неожиданное.

«Халил, мы оба с тобой армяне по рождению. Мы не турки, не черкесы, не славяне. Мы армяне. Просто армяне».

Селим наблюдал за моей реакцией. Я потерял дар речи. Что он хотел мне этим сказать? Что я армянин? Я смотрел на него с удивлением, ожидая, что он пояснит свои слова.

«Да, Халил-бей. Ты армянин. И, насколько я знаю, чистокровный. Ты родился христианином, а сейчас ты мусульманин. Сейчас это твой мир. Обстоятельства решили твою судьбу за тебя. Конечно, от армянина у тебя только кровь. Я говорю „только“, потому что, в конце концов, это не будет иметь большого значения».

Селим снова пристально посмотрел на меня, и я заметил, что его глаза уже высохли.

«Я тоже родился от армянских родителей. И тем не менее всю свою сознательную жизнь я был хорошим турком. Верным слугой султана и полумесяца. Сейчас, когда мир, в котором мы жили, рушится, у тебя, может быть, будет время изменить свое будущее. Что касается меня, то я завершаю свою миссию в этой жизни».

Я хочу, чтобы ты знал об этом, каждый человек имеет право знать о своих корнях. Тебя, Халил, выкрали. Твоих родителей убили. Родственников уничтожили. Хотя, возможно,

один твой брат смог случайно выжить. Когда-нибудь ты случайно встретишься с ним, не зная, что он твой брат. Но этот неизвестный тебе человек останется твоим братом, и оба вы останетесь армянами.

Ты родился в Ване. Может быть, в какой-нибудь близлежащей деревне. Солдаты султана взяли тебя во время одного из своих рейдов. Ты знаешь, это была обычная практика. Ты потерял семью, но обрел ценное будущее. Так появляются в нашем дворе люди, облеченные доверием. Со временем султан узнал о твоём раннем развитии. И сказал мне, что хотел бы сохранить тебя для ответственных должностей. Если бы не случилось то, что произошло сейчас, ты, может быть, стал бы визирем.

У меня была другая жизнь. Меня привезли, когда мне едва исполнилось четыре года, и сразу же кастрировали. Превратили в евнуха. И хотя у меня была жизнь, полная привилегий, я всегда ненавидел тех, кто сделал это со мной. Я никогда не был полноценным мужчиной. Статус евнуха позволил мне как-то жить, но всегда было ощущение, что из меня вынули душу. Я не стал тем, кем мог бы стать.

Ты должен знать вот что. С того самого момента, когда тебя привезли во дворец, я взял над тобой покровительство. Ты жил здесь всего один месяц, следя за рабынями гарема, когда тебя и еще шесть мальчиков твоего возраста выбрали для того, чтобы сделать из вас кастратов.

Я знал, что ты, так же, как и я, — армянин, я прочитал об этом в докладе одного военачальника, некоего Юсуфа Бекира. Я тебе даже могу назвать точные даты, если хочешь. Может быть, когда-нибудь тебе пригодится. Тебя пленили 22 ноября 1896 года в Эдремите во время какой-то операции по зачистке.

Так мы называли облавы, потому что для нас, считавших себя турками, — хотя мы и не были ими, — это были именно зачистки.

В докладе сообщалось, что твои родители и вся твоя семья умерли во время облавы. Ты оказался „подходящим“ сиротой, и полковник привез тебя в качестве „подарка“. Славный подарок для султана. В то время ты только и был им.

Когда-то мы были армянами. Так же, как наши родители и деды на протяжении многих поколений. Мы принадлежали другому миру, но в какой-то момент кто-то из этого дворца изменил порядок вещей. Воля султана оказалась выше обстоятельств. — Селим положил руку на мое плечо — Ты, Халил, сейчас являешься всего лишь инструментом того, чем была и остается османская бюрократия.

Когда-нибудь, в не очень далеком будущем, тебе предстоит править людьми в какой-нибудь провинции. Доводить до народа желания султана и жестко контролировать людей... С сегодняшнего дня ты всегда будешь осознавать в глубине своего сердца, что ты не турок. Может быть, это что-то изменит для тех или иных людей. Это — то небольшое, что я могу сделать для тех, кто когда-то были моими соплеменниками...

Однако у нас мало времени. Ночь наступает с такой быстротой, как будто хочет закрыть своей тенью этот зловещий день. А поскольку сейчас уже все потеряло свое значение — по крайней мере, для меня — я хочу, чтобы ты узнал то, что произошло несколько месяцев тому назад и что может для тебя весьма поучительным. Во всяком случае, для меня это оказалось весьма полезным. Позволь мне рассказать тебе об этом так, словно это лекция по истории. Вообще говоря, это не что иное, как последний урок, который ты услышишь от меня».

Селим снова поднялся и посмотрел в окно, как бы пытаясь что-то вспомнить.

«Это случилось недавно, в феврале. В Константинополе было холодно, день был серый, накрапывал мелкий дождь. Султан, беседуя с посторонними людьми, всегда старался, чтобы я был при нем. Он очень осторожный человек, не доверяющий никому на свете, и всегда боялся, что его убьют. А когда закапчивалась встреча, он желал обменяться со мной впечатлениями и узнать мое мнение. Для кого-то это могло быть большой честью, но на самом деле представляло собой огромную ответственность и тяжелый труд. Положительным



при всем этом было то, что можно было знакомиться с действительностью из первых рук, узнавать о ней напрямую, стать ушами султана.

В то утро в книге записей о встречах Долмабахче значилось всего два визита. Это было довольно странно — султан уделял не больше нескольких минут тем, кому оказывалась честь личной встречи. Даже полномочным послам. Помню, в книге было записано: „генерал фон дер Гольц“ и следующей строкой „доктор Макс Эрвин фон Шебнер-Рихтер“. Самое поразительное, что султан должен был их принимать в одно и то же время. Это удивило меня, потому что, как правило, он принимал посетителей по одному. В обычае нашего господина было принимать послов одного следом за другим. В том числе и потому, что он предпочитал говорить каждому то, что считал нужным, и не смешивать между собой разные тезисы. Но эта встреча не оставляла сомнений, Они должны были прийти вместе.

Я выглянул через слуховое окно, из которого просматривался большой коридор и главный вход. Продолжал идти дождь, и автомашина остановилась как раз напротив главного входа. Слуги, держа огромные зонты, летом служившие также защитой от солнца, открыли дверь автомобиля. Из него вышел крепкий мужчина лет шестидесяти. Я знал, что это Кольмар фон дер Гольц. Я заметил, что асфальт был блестящий и скользкий, и испугался, как бы гость не поскользнулся. Один из слуг хотел было взять его под руку, но он отверг эту помощь властным жестом человека, привыкшего повелевать.

Мне говорили о нем. Несмотря на возраст, он был в хорошей физической форме. Я взглянул на часы. Он приехал почти вовремя, но в этом не было его вины. Город превращался в сплошной хаос.

Наши информаторы представили полный доклад о генерале. Он был настоящим пруссаком из Биелкенфельда. Я опасался за наших слуг из Долмабахче — согласно протоколу они могли извиниться на французском языке. Но в той ситуации это могло показаться оскорбительным для немца.

Я знал, что он выехал из посольства более часа назад. И что он простоял почти двадцать пять минут перед тем, как проехать Золотой Рог. Наши агенты располагались на чердаках домов и сообщались с дворцом с помощью зеркал системой тайных знаков. Так что мы все узнавали сразу же. Новости в Константинополе перемещались быстрее ветра, и османская администрация потому оказывалась успешной, что информация к ней поступала очень быстро.

В докладе подчеркивалось, что этот человек жил в Турции почти двенадцать лет. Все эти годы он совершал кратковременные поездки в Германию, куда возил ценные доклады. Благодаря внушениям и деньгам нам удавалось добывать их копии. Для нас исключительно важно знать, что говорят и даже что думают правительства стран, с которыми мы поддерживаем отношения.

По этой причине мы знали, что, несмотря ни на что, этому вояке не очень нравилась наша страна. Только дисциплина, верность долгу и любовь к кайзеру удерживали его на этом посту. В его сообщениях осуждался беспорядок, грязь и кажущаяся анархия жизни в Турции. Но все это было не более чем субъективное мнение. Что мог знать немец, каким бы умным он ни был, сколько бы лет он ни прожил с нами, о настоящей природе турок! Ничего.

Даже если бы он поставил перед собой такую цель, даже если бы это составляло основу его жизненных устремлений, он был в состоянии лишь едва уловить аромат Турции. Слабые духи нашей природы. Вряд ли больше.

Я видел, как один из наших офицеров, капитан Кемаль Гелик — кстати, очень хороший офицер, — вытянулся перед гостем и щелкнул каблуками. Я почувствовал гордость: он один из самых перспективных офицеров Генерального штаба. Он провел три года в Пруссии и знал, что султан готовит ему блестящее будущее.

Капитан Гелик часто разговаривал со мной. Он рассказывал, что Пруссия и вся Германия — это исключительно чистая, организованная, спокойная, культурная и националистически настроенная страна. Несмотря на мой опыт и мой возраст, я никогда не выезжал из здания дворца. Но считал, что понимаю внешний мир. Я как слепец который

развивает в себе особую чувствительность, научился тонко воспринимать явления, заранее предвидеть развитие событий, угадывать, что мне хотят сообщить еще до того, как человек решится на это.

Ты не должен удивляться тому, что я говорю. Ты на собственном опыте познал, как функционирует не только этот дворец, но и весь двор. Не буду скрывать, тем более сейчас, что я ходил расстроенный. Я был кастрированным, ограниченным и подчиненным существом. Потом я понял, что все это не имеет значения. Так или иначе все мы были такими с той лишь разницей, что я к тому же был администратором огромной власти.

Однако позволь мне продолжить рассказ. Я смотрел, как фон дер Гольц медленно шел, прикрытый зонтами от усиливающегося дождя. Этот человек будет сохранять достоинство и значение своей должности, даже если мир вокруг него полетит вверх тормашками.

Он не знал о нашей осведомленности. Возможно, он недооценивал ее. Он и представить себе не мог, как много мы знали о нем. И как мы ценили эту информацию. Какое значение мы придавали самой незначительной, самой тривиальной детали. Фон дер Гольц пренебрежительно сравнивал упорядоченную тишину Пруссии с шумным беспорядком Константинополя. Человек, направлявшийся ко входу во дворец, не понимал, что наш беспорядок — это всего лишь видимость и что мы, подданные Османской империи, являемся одним из самых организованных народов на земле.

Но будем справедливы. Здесь речь шла об одном из самых близких наших союзников. И это было очень важно, ведь достаточно окинуть взглядом горизонт, чтобы увидеть там созревающую ужасную бурю.

Я спустился по лестнице с той же осторожностью, с какой генерал шел мне навстречу под дождем. Тогда я гордился тем, что представлял султана и приветствовал тех, кто заявлял о готовности помочь нам.

Ты знаешь, как создавали ощущение торжественности, царящей в этих стенах. По крайней мере, на сегодняшний день. Я приостановился на лестничной площадке, с нее можно скрытно наблюдать за большим коридором и видеть, как камергер встречает фон дер Гольца.

Согласно протоколу, необходимо было подождать десять минут, прежде чем получишь сигнал о том, что можешь сопроводить гостя к султану. Но в данном случае все зависело от другого посетителя — фон Шебнер-Рихтера, поскольку, как и предусмотрено, они вместе должны войти в кабинет султана.

Я видел, как генерал крутил головой, впечатленный размерами и исторической обстановкой дворца, который нам суждено сегодня покинуть.

Насколько я помню, он ни разу не бывал здесь. Человек, входящий сюда впервые, должен быть поражен, сколько бы иных дворцов он ни видел до сих пор. В нашем дворце есть нечто, что заставляет посетителей задуматься.

Один из моих слуг шепнул мне сзади, что второй посетитель только что прибыл. Я стал ждать его на той же лестничной клетке. Он появился через несколько минут. У него был претенциозный и вульгарный вид, хотя было ясно, что перед встречей с султаном он тщательно приоделся.

Я видел, как камергер Али-бей Паса — ты знаешь, насколько он компетентен, — представлял гостей друг другу. Он и не должен был знать, знакомы ли посетители между собой. Но я-то это знал. Об этом было написано в докладах. Они никогда не виделись, хотя знали о существовании друг друга.

Вообще говоря, как коренной прусак, фон дер Гольц презирал тех, кто не был родом из Пруссии. Никто не может быть выше сына Пруссии. Так он считал, и, хотя мы знаем наверняка, что турок выше любого немца, мы не собирались спорить с ним.

Я видел, как они пожимали руки. До меня донеслись слащавые вежливые слова „господин Макс Эрвин фон Шебнер-Рихтер... Для меня большая честь, генерал фон дер Гольц...“ Я заметил, как генерал прищурил глаза и понял его мысль. Он и руку пожимал своему земляку без особого энтузиазма. Я спустился с лестницы и подошел к ним. Они уже

знали кто я. Доверенное лицо султана. Шеф евнухов. Я заметил, как они бросали на меня любопытствующие взгляды. Восток умеет разгадывать их. Сначала я поздоровался с генералом. Этот человек должен будет реорганизовать нашу армию, превратить ее в эффективный и дисциплинированный механизм. В последнем докладе цель излагалась вполне конкретно. В письме, направленном самим канцлером на имя фон дер Гольца, говорилось: „Ваша работа поможет нашей родине сохранить тысячи жизней молодых немецких солдат“. Если бы генерал знал, что я читал это письмо, он бы очень нервничал, потому что кайзеру не хватало лишь добавить: „Пусть лучше умрет турок, чем немец“.

Фон дер Гольц пожимал мне руку, вытянувшись во фрунт. Для него я был прямым представителем султана. Он должен был представлять себе, какова на самом деле моя власть.

Потом я протянул руку Шебнеру-Рихтеру. Он вяло пожал ее, пытаясь изобразить на своем лице гримасу, слабо похожую на улыбку.

Я заметил, что между этими двумя людьми уже стояла стена. Фон дер Гольц не мог скрыть своего подлинного отношения к своему земляку. Что касается Шебнера-Рихтера, я уловил, что генерал ему тоже не симпатичен.

Я повел их вдоль по коридору. Когда мы пришли во внутренний дворик, потолок которого представлял собой сделанный из стекла сферический купол, генерал был удивлен. Он несколько раз провел рукой по перилам лестницы, как бы проверяя, не из стекла ли они. Может быть, он подумал, что увидел всего лишь выставленную напоказ конструкцию. Как говорилось в докладе, генерал был известен как весьма экономный человек.

Вспоминаю как нечто невероятное реакцию султана на наше появление в салоне для гостей. Султан империи, халиф верующих никогда не вставал, чтобы приветствовать гостей. Такое не могло прийти в голову ни одному из его предшественников. Но в то утро господин султан Абдул-Гамид Второй встал с позолоченного кресла и пошел им навстречу. Это заставило меня задуматься.

Кроме этого, я отметил еще одну необычную деталь. Султан был одет на западный манер в темно-серый костюм и итальянский галстук. Я не мог не подумать, как же изменились обстоятельства по сравнению с тем далеким днем, когда он занял трон.

Действительно, все поменялось. В последнее время султан почувствовал, что стареет. От преждевременного ревматизма у него болели суставы. Но тогда он не хотел проявлять ни малейших признаков слабости, и тем более выслушивать слова сочувствия. Только наедине со мной он иногда жаловался на свое недомогание. Ты знаешь, Халил, как врачи бегают вверх и вниз по дворцу. Один из них, иностранный доктор, признался мне, что считает нашего господина ипохондриком. Это означает, что его беспокоят все болезни на свете и ни одна, в частности. Все зависит лишь от его настроения.

Но на самом деле его мучило больше всего то, что его заставили принять конституцию и иметь враждебный ему парламент. Все это являлось скрытой революцией, поднимавшейся все выше и выше по ступеням дворца. Несмотря на то, что время еще не пришло, сам султан мне признался в день, когда открывал сессию нового парламента, что, по его убеждению, ему осталось уже мало времени пребывать у власти. Он винил во всем предательский Комитет за единение и прогресс. По правде говоря, мы попытались подавить его, но, несмотря на все наши усилия, это оказалось невозможно.

Поприветствовав гостей, он сразу пригласил их сесть. Я, как всегда, остался стоять чуть справа от нашего господина.

Я хорошо знал, что у него должно быть на уме. Он думал о том, как быстро его власть уходит из его рук. Все эти интеллигенты с подрывными идеями, офицеры-предатели, коррумпированные чиновники. Эти младотурки, которые — он знал — обманывали его. Несколько дней тому назад он говорил мне с горечью в голосе. У него создалось впечатление, что все плели заговоры против него. Он начинал чувствовать себя прижатым к стене. Сейчас, по прошествии нескольких месяцев, мы убеждаемся, что его беспокойство имело под собой веские основания.

Султан пытался делать хорошую мину при плохой игре. Но с каждым днем ему было

все труднее делать это. У него уже тогда — я видел это совершенно ясно — был тот же синдром, который всех нас тяготит сегодня. Синдром птицы, заключенной в золотую клетку.

Каждое сообщение из любой части его обширной империи было для него ударом судьбы. Будь то Босния, Сербия, Болгария или Египет. Он знал, что за всем этим стоят англичане и французы. И это после того, как он так относился к странам! Особенно к Франции.

Только немцы вроде бы уважали его. Кайзер был ему как брат. И этот генерал фон дер Гольц пытался сделать так, чтобы у Турции была своя армия. Несмотря на тайное письмо, в котором говорилось, что мы могли бы занять передние окопы, за которыми располагалась бы славная германская армия. То, что военные презрительно называют „пушечное мясо“.

Помню, что Абдул-Гамид поднял правую руку, указывая на генерала фон дер Гольца. Это был сигнал к тому, чтобы он начал говорить.

„Ваше Величество, — фон дер Гольц на мгновение запнулся, краем глаза держа в поле зрения Шебнера-Рихтера. — Ваше Высочество. Для меня большая честь находиться здесь. Иметь возможность сотрудничать в деле модернизации вашей армии. Я уже был в Турции в течение двенадцати лет — с 1893 по 1895 годы. Потом я длительное время находился в Германии, вплоть до последнего месяца. Эти двенадцать лет, проведенные на родине, мне показались очень долгими, и я признаюсь Вашему Высочеству, что я горел желанием вернуться сюда. Я слишком много времени провел среди карт и многочисленных бумаг Имперского генерального штаба...“

„Я знаю, генерал, — снисходительно прервал фон дер Гольца Абдул-Гамид. — Я знаю. Именно вы организовали армию моего брата кайзера. В ней действительно прекрасная дисциплина. Здесь у меня письмо Его Имперского Высочества Вильгельма. В нем он пишет о методах, которые вы использовали, о великолепной организации, о гармонии, установленной в вашей армии. Именно вы, и никто другой, разработали новые шинели, каски, краги. Вы проверили до последней детали все вооружение. От ружей до пулеметов и пушек. Вы внедрили бронированные автомобили и стратегические железные дороги“.

Абдул-Гамид сделал небольшую паузу, глядя на обоих посетителей. Он посмотрел в близорукие глаза фон дер Гольца и сразу же перевел взгляд на нервные и острые глаза тяжело дышавшего Шебнера-Рихтера.

„О, друг мой! Здесь, в этой стране, которая в другие времена вызывала страх у врагов и гордость у нашей династии, вас ждет большая работа. Балканские войны, отсутствие дисциплины, внутренние передраги, терроризм, эти фальшивые политики... О, я не буду обманывать вас, потому что это было бы так же глупо, как вводить в заблуждение врача. И вы будете для меня выполнять эту миссию. Быть лечащим врачом. Вы будете пользоваться моим полным доверием, когда будете принимать те или иные меры на свое усмотрение, организовывать армию, формировать дух наших бойцов, не заслуживающих сегодня звания наследников Сулеймана.“

Да. Принимайтесь за дело с твердостью и дисциплиной. С болью, если это необходимо, потому что ничто не может родиться без страданий. Обещаю вам, что сырье будет в вашем распоряжении. Мните его как мягкую глину. Укрошайте дерзких, поднимайте слабых, выделяйте будущих генералов.

Эта страна еще никогда не находилась в подобном положении. Героизм никогда не был еще так востребован. Но чтобы привить его, необходим вождь. Именно вы будете тем человеком, который превратит самоотверженность в героизм. Сменит подчиненность на дерзость...“

Султан снова остановился. Ни фон дер Гольц, ни Шебнер-Рихтер не решались прервать его. В огромном салоне можно было услышать, как пролетает комар. Это помещение выглядело настолько статичным, словно само время окончательно остановилось.

Тогда Абдул-Гамид перевел свой проникающий взгляд на Шебнера-Рихтера.

„Кайзер прислал вас ко мне. Он сказал, что мне надо послушать ваши теории. Он считает, что они мне будут очень интересны и послужат на пользу для страны. Сам кайзер

посоветовал, чтобы на беседе присутствовал генерал фон дер Гольц. Он заверил меня, что Германия всегда поддержит Турцию. Чтобы ни случилось“.

Султан замолчал и глубоко вздохнул. Потом указал на генерала и спросил:

„Как вы считаете, генерал, каковы сейчас главные проблемы Турции? Прошу вас ответить со всей откровенностью. Хочу знать, какова точка зрения Германии, страны, которую я глубоко уважаю и которая неизменно была нашим надежным другом. Ответьте мне, что вы думаете, и расскажите, что собираетесь делать со своим лучшим другом“.

Показалось, что фон дер Гольц удивился этому вопросу. Он не хотел обижать султана, но сомневался, разумно ли быть полностью откровенным. Кроме того, я заметил, что ему хотелось бы ответить без свидетелей. Ему действительно придавало уверенности то, что его послал сам кайзер. Он решил, что не может разочаровывать султана, прокашлялся и решил сказать то, что думал.

„Ваше Высочество. Не думаю, что мое скромное мнение будет вам интересно. На самом деле мне кажется, что я хорошо знаю вашу великую страну. Но я не уверен, что должен...“

Абдул-Гамид был нетерпеливым человеком. Он знал, что это его главный недостаток, но ничего не мог поделать с ним. Своими толстыми пальцами, на одном из которых сверкал огромный голубой алмаз (он верил, что алмаз приносит счастье), он постукивал по маленькому круглому столику, стоявшему рядом с его диваном. Фон дер Гольц прекрасно понял намек, кашлянул и после небольшой паузы продолжал:

„Хорошо Ваше Высочество. Ваши армейские соединения переживают не лучшие времена. Невозможно скрыть то, что в их рядах многие военнослужащие деморализованы. Франция, Англия и Россия — это многоголовая медуза, которая хочет расколоть вашу империю и разделить ее между собой. Они уже добились независимости балканских стран. Не менее важно и то, что христианское меньшинство внутри империи тоже претендует на свою долю пирога. Извините, господин... я хочу сказать, что они требуют собственной независимости. Для этого они образовали тайные общества и стремятся усилить свои требования за счет терроризма. Пред вами пример болгар и сербов в Европе. Здесь, внутри территориальных границ Турции, греки и армяне. Вы не можете закрывать глаза на их устремления. Они используют террор, чтобы добиться смягчения вашей позиции.“

Более того, — казалось, фон дер Гольц колеблется, — они знают, что, если им удастся спровоцировать естественные репрессии со стороны армии или даже полиции, они, возможно, смогут добиться того, к чему стремятся. А это не что иное, как интервенция ваших недругов в Европе.

Было бы нелепо скрывать, что в последние годы терроризм получил большое распространение в ваших провинциях. Бомбы рвутся на улицах, на рынках, даже в мечетях, убивая невинных людей. Имели место волнения и грабежи. Вы сами были объектом покушения на Ваше Императорское Величество при выходе из мечети. Среди офицеров есть недовольные. Другие заражены предательством. Кроме того, скажу так же откровенно, как вы просили: страна разделена — и это, пожалуй, самое худшее — на панисламистов, сторонников Османской империи и поклонников Запада. А за ними идут националисты... Полагаю, Ваше Высочество, что у вас много крупных врагов, которым хотелось бы смести вашу империю с лица земли. Не менее верно и то, что к вам питают симпатии другие страны, одну из которых я здесь с гордостью представляю и которые являются верными союзниками Турции. Что бы ни случилось. И это не пустые слова. Сам император хотел, чтобы я подчеркнул это. Что бы ни случилось. И чего бы это ни стоило“.

Я между тем наблюдал за Шебнером-Рихтером. Он слушал молча, и казалось, что внутри его обуревают странные чувства. Я опасался, что с минуты на минуту он потеряет сознание по причине нервного напряжения.

Я отметил, что генералу фон дер Гольцу хотелось встать, пройтись по большому салону, жестикулировать. Он привык к этому. До недавнего времени он был профессором

военного училища в Берлине. Он говорил со знанием дела, с полной убежденностью. Этот опытный военный мог наговорить столько... Но мне было видно, что он сдерживает себя. Он и так много сказал самому султану. Он не мог обижать его. Он не был дипломатом и должен был хорошо соизмерять свои слова. Он не должен провоцировать нежелательные последствия, поскольку считал турок весьма обидчивыми людьми.

Наш господин Абдул-Гамид тем не менее не казался задетым, скорее наоборот. У меня создалось впечатление, что его весьма заинтересовали слова генерала. Снова в салоне воцарилась пауза, и я понял, что фон дер Гольц испугался, не сказал ли он чего лишнего.

Султан вновь обратил свой взор на Шебнера-Рихтера, словно ожидая, что же скажет он. Султан даже слегка пошевелил правой рукой.

Но Шебнер-Рихтер был в ужасе. Было очевидно, что его охватила паника. Он, казалось, был не в состоянии говорить в присутствии этих двух великих людей. Было видно, что он знает, что должен сказать, но в тот момент он не мог произнести ни одного слова.

В этом был его слабый пункт. Именно этот момент отмечался во всех докладах о его личности. Его неспособность прочесть лекцию, выступить перед публикой. Он приехал сюда после того, как получил специальное письмо от Министерства иностранных дел. Сам министр пригласил его в свой кабинет в Берлине. Он заявил, что кайзер поручает ему специальную миссию. И объяснил, в чем она состоит. Миссия была секретная и деликатная. Мы узнали о ней от секретаря министра. Он был не в силах отказать нам. Да и как он мог отказать?

Шебнер-Рихтер поднял голову и, моргая, посмотрел в глаза султану Абдул-Гамиду. За этими зрачками скрывалось много секретов. И все-таки он хорошо понимал, зачем его прислали сюда. Он отчетливо понимал, что именно хотели от него.

Но в подобные моменты этот мужчина был всего-навсего измученным человеком, стремившимся поскорее выйти из этой ситуации. Было видно, как у него потели руки, как колотилось сердце в его груди, как подступала головная боль. Я не знаю, как ему удалось превозмочь себя. Прикрыв глаза, мобилизовав всю свою волю, он, казалось, рассматривал узорный рисунок на крышке стола, покрытого черным эбеновым деревом.

Поначалу он слегка заикался. Потом собрался и сосредоточился на том, что должен был сказать.

„Безмерно благодарен вам, Ваше Высочество, за вашу благосклонность. У меня слишком мало заслуг, чтобы находиться здесь. И тем более, чтобы вы выслушали меня. Но не сомневайтесь, что я в вашем полном распоряжении. Позвольте мне сделать очень короткое вступление...“

Султан сделал снисходительный жест рукой. Я хорошо изучил его. Он был в нетерпении, чтобы услышать Шебнера-Рихтера. И думаю, что не зря. Если ты не согласен, послушай, что он говорил.

„Вы знаете, Ваше Высочество, что граф Анри де Буленвийе в 1732 году написал книгу „Этюды о французской аристократии“. В ней он описывал господствующую расу — франков и подчиненную расу — галлов.

Намного позже, более века спустя, а именно в 1854 году, граф Гобино выпустил свою выдающуюся книгу „Этюды о неравенстве человеческих рас“. Он пришел к выводу, что история человечества это не что иное, как отражение, следствие превосходства одних над другими. Для него самая чистая раса — это арийцы. Это индоевропейская раса, к которой — для меня это очевидно — принадлежат и турки“.

Помню, что при произнесении этих слов Шебнер-Рихтер поднял глаза и встретился с непроницаемыми зрачками султана, которые, казалось, просверливали его насквозь. Шебнер-Рихтер быстро опустил глаза, ведь мало кто был способен выдержать такой взгляд. Может быть, последняя фраза не понравилась султану? Я подумал, что немцу стоило быть, пожалуй, поосторожнее. Он ведь знал, что подобную миссию ему доверяли впервые. И его выбрали среди многих, в том числе дипломатов и военных... Я заметил, как Шебнер-Рихтер краем глаза следил за фон дер Гольцем. В отличие от соотечественника, он внимательно

рассматривал невероятное искусство местных мастеров. Казалось, он был поглощен роскошью в стиле барокко потолка в зале.

„Да, Ваше Высочество. Ваш народ, равно как и немецкий народ, тоже арийцы. Тот факт, что у одного народа светлые волосы и голубые глаза, а у другого — черные волосы и темные глаза, — не более чем следствие приспособляемости к климату. И те и другие — арийцы. К ним же относятся персы, индийские брахманы, скандинавы и классические греки. Арабы и евреи — другие. И те, и другие — семиты. Народы Средиземноморья представляют собой невероятную помесь. Вы знаете, этот гениальный человек — Жозеф Артур Гобино — умер в 1882 году. Но в Германии остался его рельефный оттиск, его школа, сохранившаяся благодаря открывшим его великим людям, таким как Вагнер...“

И тут я увидел, как Абдул-Гамид прищурил глаза. О, слава! Султан хорошо знал эту тему. Его династия насчитывала несколько веков. Он часто говорил мне, что подумывал о Сулеймане, об Османе, об Измаиле, о Селиме. Он уже осознавал, что ему оставалось мало времени. Он попытался модернизировать страну, развить Танзимат, новое законодательство — Танзимат — Хаирие. Полезное законодательство, внедренное его дедом Селимом Третьим. Оно было основано на созданных некоторыми людьми идеях, которые должны были править миром.

Шебнер-Рихтер смотрел на него, не решаясь говорить дальше. Он не знал, что его собеседника очень заинтересовали его слова. Эти европейцы были умными людьми, но тонкого восприятия у них не было. Казалось, они были способны понять мир, существовавший пятьсот лет назад, но не могли разобраться в окружающей их действительности... Султана должны были полностью проинформировать обо всем, что связано с его собеседником.

Вдруг установилась тишина. Султан сделал легкий жест правой рукой, в которой держал платок из зеленого шелка. Он хотел выслушать собеседника, потому что нечто похожее на эту новую идею уже бродило в наших умах. Султан слегка шевельнул рукой, и Шебнер-Рихтер продолжил свою речь.

„Да, Ваше Высочество, многие немцы восприняли послание графа Гобино. Несколько позже Людвиг Шеманн, Филипп фон Эуленбург и Ганс фон Вольцоген основали в 1894 году Гобинистский союз, „Гобино — Ферайнигунг“. Но потом произошло вот что: гениальный мыслитель Фридрих Ницше, хорошо знакомый, естественно, с идеями Гобино, сформулировал среди этого тумана разных мыслей концепцию сверхчеловека. Могу сказать, Ваше Высочество, что это заставило вздрогнуть всю интеллектуальную жизнь Германии. В сердце интеллектуальной жизни Германии зажегся свет. Не так важна родина, как раса“.

Я заметил, как султан не мог удержаться и не посмотреть в глаза генерала фон дер Гольца. Шебнер-Рихтер тоже заметил, как они переглянулись и, сглотнув слюну, продолжал:

„Позвольте, Ваше Высочество, развить эту мысль. Существует всего три основные расы. Белая, желтая и черная. Например, англичане, немцы и турки принадлежат к белой расе. Гвинейцы, банту, пигмеи и австралийские аборигены относятся к черной расе. Китайцы, японцы, малайцы и тайландцы — к желтой.“

Но внутри этих трех основных рас есть примеси. Так, у средиземноморских народностей перемешано тысячи кровей. вспомните об испанцах. Готы, аланы, свевы, иберы, арабы, евреи, фениции. Это не что иное, как мозаика. Позвольте мне сказать вам, Ваше Высочество, что турки не такие. Правда, черкесы добавили к ним немного своей крови, но, в конце концов, она тоже арийская...“

Я видел, как у Шебнера-Рихтера потели ладони. Он сам осознавал, что он не совсем искренен. Но зато он знал цель, которую хотел достичь. Он был, в конце концов, интеллигентом. Все это было не более чем теорией. Но с той маленькой разницей, что она была весьма выгодна Германии, которую он в этот момент представлял. Даже фон дер Гольц казался весьма заинтересованным в том, что говорил его соотечественник, и мы все, даже султан, заметили, что впервые с момента начала разговора генерал не мог скрыть чувства

гордости.

„В вашей стране турки представляют собой однородную расу. Это вполне сложившаяся арийская раса, свободная от проблем, существующих у других народов. За исключением, пожалуй, национальных меньшинств. Таких, как армяне, курды, нескольких тысяч евреев и какого-то числа черкесов. Что касается этих меньшинств, евреи никогда не будут покушаться на единство Турции. Их немного, и с давних пор они знают, что находятся здесь благодаря вашей доброй воле. Но для всего мира Турция — это Пруссия исламского мира. Позвольте...“

Абдул-Гамид резко повернулся на диване. Шебнер-Рихтер на мгновение замолк, и они молча посмотрели друг на друга.

Слова султана резко прозвучали в огромном зале. Они были произнесены в нервном, нетерпеливом тоне. Он был не из тех, кто привык ждать кого-либо или что-либо.

„Прошу вас, продолжайте. Говорите без обиняков. Я слушаю вас так, как если бы передо мной был сиятельный брат кайзер Вильгельм. Говорите без стеснения, ваши слова для меня куда более важны, чем вы можете себе представить. Пожалуйста, говорите же...“

Я увидел, что Шебнер-Рихтер вошел в состояние эйфории, нервозность и страх, казалось, улетучились. Он взглянул на фон дер Гольца, и, как мне показалось, они почувствовали себя немного сообщниками. Своего рода сговор, который до сих пор не проявлялся. Он попытался изобразить нечто вроде уважительной улыбки и продолжал:

„Ваше Высочество. Простите мою несвязную речь. Я постараюсь быть более красноречивым. Я всего лишь скромный посланник Его Императорского Высочества кайзера перед вами. — Он не удержался от мимолетного взгляда в сторону фон дер Гольца, — В нынешних обстоятельствах единственно, что имеет значение, — это единство нации. Если внутри ее есть кто-то, кто не чувствует себя мусульманином, он вряд ли будет чувствовать себя турком. Это известно многим народам. Такой была испанская инквизиция. Она решила добиться единства религии, поскольку не могла обеспечить себе единства расы...“

Хочу заявить вам, что Германия с пониманием отнесется к любым действиям, предпринятым Вашим Высочеством. Никто лучше Германии не сможет понять некоторые вещи.

Поэтому хочу выразить вам наше абсолютное понимание тех мер, которые вы будете вынуждены принять для контроля за некоторыми национальными меньшинствами...“»

Помню, Селим-бей как бы слегка вздремнул, словно впал в глубокий ступор. Я подошел к нему и заметил, что у него были слабые судороги. И я вдруг понял, что происходит. Селим принял какой-то отвар трав, который начинал действовать. Этот человек не хотел больше увидеть новый рассвет. Он был не в силах вынести приближающихся перемен и решил свести счеты с жизнью. Разом положить конец всему.

Для меня это стало огромным опытом. В тот день я стал свидетелем самых значительных перемен в истории Османской империи.

Это привело меня к данным воспоминаниям и написанию этого документа. Может быть, когда-нибудь он поможет понять многое.

\* \* \*

### Воспоминания Ламиа-паши

В день, когда мне исполнилось восемнадцать лет, турецкое правительство назначило моего отца Мохаммед-пашу старшим инженером строящейся железной дороги между Константинополем и Багдадом.

Несмотря на соглашения, подписанные французами, англичанами и нами, турками, строительство железной дороги не продвигалось так быстро, как того желало правительство. Тогда моего отца пригласили заняться этим проектом.

Я хорошо помню причины назначения — оно переменяло нашу жизнь. До этого мой



папа вел удобный образ жизни, и его главное занятие состояло в том, чтобы каждый день ездить от станции Сиркеси до новой станции Хайдарпаса. Но приказ, в котором фигурировало его имя, предписывал ему установить своим новым местом жительства Багдад.

Мой отец очень не любил жить один, и моя мать Фатима Мунтар тоже не хотела быть далеко от него. А тут еще я. Я закончила колледж, и моя мать решила, что мне надо готовиться к замужеству. Разумеется, я говорю о вещах, которые в то время были нормальными и вполне логичными. Брак, согласованный между родителями, в котором мне оставалось только смириться со своей судьбой. Что еще могла сделать женщина в Турции в те времена?

Я не хотела идти по этому пути, а мой отец уже почти договорился со своим дальним родственником, что он женит на мне своего сына Хасана Карабекира, вдвое старше меня по возрасту. Это был толстый человек с непропорционально маленькими руками и пальцами, увешанными кольцами. Нет, этот мужчина никак не привлекал меня.

Поэтому радикальные перемены в нашей жизни показались мне подарком, посланным небом. И я была готова не упустить его.

Дело было в том, что до свадьбы оставалось мало времени, да и сам Хасан в глубине души не очень хотел жениться. Ему нравилось жить в роскоши в своем дворце в Пера с видом на центральную часть Босфора в окружении молодых юношей — слуг, которые обслуживали его в самом широком смысле этого слова.

Так что когда мой отец мрачно сообщил нам, что мы должны быть готовы в течение недели выехать в Багдад, я поняла, что планы с моим замужеством расстроились. Я сделала сочувствующее лицо, но когда вернулась к себе в спальню, от радости прыгнула на кровать с такой силой, что какая-то пружина лопнула и я покатила по полу.

Несколько дней наш дом выглядел как больница для умалишенных, ведь моя мать ничего не хотела оставлять в нем. Абсолютно ничего. А мой отец, выглядевший подавленным, не мог противиться ей. У него едва хватало сил терпеть ее.

С другой стороны, сердитый настрой моей матери можно было понять.

Она не хотела отказываться от комфортной, роскошной жизни без каких-либо проблем в одном из лучших районов Константинополя. Тем более что она не уставала повторять, что такого другого города, как наш, в мире не найти.

Поэтому она переживала. И, кроме того, она винила во всем моего отца, хотя и не отваживалась сказать ему об этом прямо в глаза. Она приняла этот удар судьбы с медоточивой улыбкой на устах... Багдад! Но ведь он был всего лишь городком, оазисом посреди пустыни, населенный дикими племенами бедуинов.

Да, моя мать плакала безутешными слезами. Отец уходил подальше от греха. А я потирала руки от удовольствия. От всей этой ситуации в выигрыше оставалась только я.

Я уже устала от Константинополя, от частных уроков английского и немецкого. Устала от пианино. Устала от наставников по нормам социального поведения. Устала от всего. Моя мать мне всегда говорила, что мне надо было родиться мальчишкой. Однажды, чтобы помучить меня, она рассказала, как она плакала, узнав, что родилась девочка, и как рассердился отец.

Можно понять его. Девочка была источником постоянных проблем. Вся жизнь в проблемах. А потом это приданное... Все равно как всю жизнь опекать малолетнего ребенка. Кому нужна была девочка? Никому.

В глубине души я тоже не хотела быть девочкой. Моими игрушками были пистолеты. Я их меняла на куклы у своего двоюродного брата. Я не хотела надевать на себя украшения или наряды, которые казались мне нелепыми. Я читала книги о приключениях, была в восторге от Жюль Верна.

Так что, когда судьба предстала перед нами в виде приказа, посылавшего нас в Багдад, я решила, что это подходящий случай и упускать его нельзя.

В те дни я стала покорным и послушным ребенком. Помогала упаковывать узлы, книги,

разные предметы. Лично для меня казалось безумием демонтировать целый дом. Гигантская ошибка, но такова была воля родителей, да к тому же она была мне на руку. Я не собиралась спорить, причем не только потому, что на мои слова никто не обратил бы никакого внимания, но и потому, что существовал отдаленный риск убедить их, что они совершают ошибку... И что потом?

Поездка в поезде до Алеппо казалась невыносимой и бесконечной. Иногда поезд останавливался посреди совершенно пустынного места, чтобы заполнить паровоз углем или водой. На дорогу ушло три дня. Мой отец уверял, что это совсем неплохо.

Несмотря на то, что нас устроили в специальный вагон с двумя независимыми купе и отдельным салоном, моя мать постоянно была недовольна. В конце концов она закрылась в своем купе и не хотела выходить из него, пока мы не прибыли в Алеппо.

Мы выходили из поезда под проливным дождем. Дождь лил как из ведра, с большим шумом, так что нам пришлось бегом бежать до ожидавшего нас автомобиля, который отвез нас в гостиницу.

Из окна я увидела пейзажи, похожие на картинки, висевшие в нашем колледже. Над городом — если его можно было так назвать — нависала крепость. Моя мать сидела молча, время от времени вытирая слезу, катившуюся по ее щеке и напоминавшую ее мужу, что только он был причиной этой катастрофы.

Мой отец тоже был не в лучшем настроении. Новости, поступавшие к нам из Багдада, далеко не радовали.

Потом вдруг в довершение всего ситуация ухудшилась. Мама заболела, и ее пришлось поместить в военный госпиталь. Врачи определили у нее депрессию и рекомендовали отцу отправить ее обратно в Константинополь.

Но дело было не только в депрессии. Это был аппендицит, и, когда решили оперировать, было уже поздно. Когда хирург сообщил, что она скончалась, отец упал в обморок. Он не мог этому поверить. Не мог этого принять. Он снова и снова повторял, что все потеряло смысл. Потом он плакал в течение двух часов, не в силах воспринимать какие-либо доводы. Не могу сказать, что отношения между ними были очень хорошими, но они терпели друг друга. Несмотря на всю тяжесть переживаний, отец был уверен, что в конце концов она поступила по-своему.

В Алеппо мы прожили еще одну неделю. Я никак не могла привыкнуть к тому, что она ушла навсегда, и чувствовала угрызения совести за свое поведение.

Все переменилось, а мой отец жил только своей работой. Он должен был выполнить приказ, и это самое главное. Потом мы поехали из Алеппо до Дер Зора в совершенно новом грузовике, поступившем из Германии. Он был закуплен компанией турецких железных дорог. Мы ехали вдоль Евфрата до самого Багдада.

Я чувствовала себя маленьким ребенком среди огромной пустыни, окаймленной узкой полоской зелени, резко обрывающейся среди скал. Мы сидели рядом с водителем — молчаливым человеком, казавшимся гордым оттого, что управляет новым транспортным средством, способным заменить караваны верблюдов, которые мы обгоняли, оставляя позади клубы пыли и рев испуганных животных. Прогресс пришел даже в эту каменистую пустыню.

После Дер Зора дела пошли хуже. У нашего грузовика дважды прокололись шины, потом мотор перегрелся и заглох. Водитель воспринял это философски, бормоча, что вокруг слишком много пустыни на один небольшой грузовик.

Нам пришлось расположиться у реки в пальмовой роще. Я с любовью вспоминала о своей матери, но не была уверена, что ей бы здесь понравилось. Нам пришлось перекусить тем, что было под рукой, в том числе галетами и мясными консервами. Мой отец казался нелюдимым и каким-то удалившимся от меня, и я не решалась вмешиваться в его мысли.

На следующий день он нанял нескольких человек из племени бедуинов, для нашего сопровождения. Они были верны Высокой Порте и ненавидели племена, перешедшие на сторону англичан. Они показались мне дикими и примитивными, и мне совсем не понравилось, как они смотрели на меня. Но нам ничего не оставалось, как довериться им,

поскольку эскорт из двух солдат железнодорожной роты был явно недостаточным и даже смешным, если представить себе атаку на нас хотя бы такого дикого племени, как то, которое нас сопровождало.

Мой отец проворчал, что турецкая империя далеко уже не такая, как раньше. Я впервые увидела его беспокойство, потому что, как сказал командир нашей нынешней личной гвардии Ибн Рашид, англичане уже находятся на пути к Багдаду с целью его завоевания.

Все посходили с ума — правительство, англичане, французы и даже немцы. К этому выводу пришел мой отец на следующий день, пока мы разбивали лагерь. Он был железнодорожным инженером, и ему не нравилось слово «разрушение». Да и к тому же, с каким настроением он будет строить железную дорогу, зная, что за ним следом идут террористы, чтобы взорвать ее? Он был огорчен и грустен. Я увидела, как он постарел за последние несколько дней.

И все-таки эта совершенно новая для меня жизнь вызвала у меня прилив энергии. Еще в колледже я научилась ездить верхом на лошади — каждая девушка из общества должна была уметь это делать. Сейчас же мне приходилось ездить верхом в силу необходимости. А верховая езда в течение почти всего светового дня под палящем солнцем — это не детская забава. Но я решила, что если эти дикие арабы могут, то я тоже смогу.

На практике это выливалось в то, что с приходом ночи я чувствовала себя совсем разбитой, не хотела ничего делать, даже есть. Но через несколько дней я привыкла. Однажды вечером Ибн Рашид ехал рядом со мной, и я уловила восхищенный блеск в его глазах. Я подумала также, что, если с папой что-то случится, я стану еще одной женой этого дикаря. И, несмотря на жару, почувствовала холодок между лопаток.

Однажды под вечер, когда мы прибыли в маленькое селение у реки Аннах, к нам подъехало несколько всадников. Это были турецкие военные, которые тепло приветствовали моего отца. У них были прекрасные новости, и они расселись с нами вокруг костра.

Майор Юсуф Исмет был очень спокоен и с удовольствием растягивал свой рассказ. Англичане поймались на приманку в Галлиполи. Франко-английская экспедиция попыталась завоевать Константинополь, чтобы вынудить Высокую Порту выйти из войны. Их десант в Седдубахр и в Капатепе потерпел поражение, и агрессоры были вынуждены ретироваться с большими потерями.

Ходили слухи, что два огромных английских крейсера («Триумф» и «Мажестик», сказал он на ухо) пошли на дно моря. Потом все подняли стаканы с чаем за Турцию.

Эти новости успокоили моего отца. Англичане не были непобедимыми, и война могла дорого стоить им. Они надеялись, что взятие Басры откроет им путь на Месопотамию. Они, правда, уже были в Кут-эль-Амара на Тигре, но мой отец утверждал, что наши войска выбьют британцев из империи и отомстят за полученные обиды.

В конце концов мы прибыли в Багдад. От гордой и воспитанной семьи, всего лишь четыре недели назад уехавшей от цивилизации и буржуазного образа жизни, осталось очень немного. Отец смотрел на меня довольно настороженно. Его удивила моя способность быстро освоиться в пустыне.

Он признался мне, что опасался, что один из тех диких арабов вдруг закапризничает и захочет выкрасть меня. В этом случае вызволить меня не было бы никакой возможности, даже если бы меня по всей пустыне искала вся турецкая армия.

Багдад, как и указывало его название, был Божьим даром. Тигр с гордостью пересекал этот город, неся сюда жизнь из далеких мест моей страны. Пальмовые и лимонные рощи отмечали границы богатых садов, а вода разливалась повсюду благодаря скважинам и широкой сети оросительных каналов.

Контраст был особенно явным, если посмотреть на скалистые склоны и овраги вокруг Евфрата. Караваны верблюдов и надменных арабских всадников на них входили и выходили из города непрерывной каруселью.

Но, как бы то ни было, мы уже прибыли. Ибн Рашид довольно уважительно поприветствовал меня и пробормотал что-то вроде того, что он бы не прочь иметь такую невестку, как я.

Потом сказал, что я могу оставить себе его коня. Немногие люди были способны ездить на нем. И если он принял меня, то никто не может разделить нас.

Я поблагодарила его за этот жест. Действительно, это был удивительный конь, не знаю почему, но мой голос умирал его. Это очень удивляло арабов, выражая свое удивление, они ударяли себя рука об руку, хлопали руками по ногам.

Мой отец не был ярым мусульманином, но в тот вечер я увидела, как, обратившись в сторону Мекки, он благодарил Бога за его милосердие. Потом за ужином он сказал, что ему не следовало соглашаться на эту должность. Он чувствовал свою вину за смерть мамы, но я успокоила его тем, что все в мире уже предопределено и предписано и что огорчаться по этому поводу не стоит.

Тем не менее что-то внутри говорило мне, что на самом деле это не совсем так — книгу жизни мы пишем ежедневно нашими делами. Думаю, что дни и ночи, проведенные в пустыне в наблюдении за звездами, изменили многие понятия, навязанные мне ранее.

Багдад мог показаться местом, в котором нечего делать. Если выходишь на террасу при заходе солнца, можешь наблюдать за роскошным закатом и петляющей среди пальмовых рощ и небольших садов рекой. Константинополь был совсем другим. Когда-то, очень давно, он мог бы стать столицей мира. Но это время давным-давно прошло.

С другой стороны, еще очень много предстояло сделать. Папа понимал, что одно дело отдавать распоряжения и добиваться их исполнения, а совсем другое — рвать на себе жилы, запуская проект, для реализации которого никто и пальцем не пошевелит.

Через несколько недель он понял, что все это ни к чему, и стал ездить со мной верхом вдоль берега реки. Поезд мог еще подождать, поскольку никто не проявлял ни малейшего интереса к тому, чтобы он дошел до вокзала Гайдарпаша в Константинополе.

Те дни были единственными в нашей жизни, когда мы общались с настоящими друзьями. Сначала на его лице отражалось большое огорчение. Никто не понимал его и не обращал на него ни малейшего внимания. Потом он решил, что жизнь слишком коротка и рискованна и пустил все на самотек.

Он заходил за мной под вечер, когда солнце начинало садиться, и приводил с собой двух оседланных лошадей. Я молча выходила из дома, садилась на своего гнедого коня, который издавал короткие радостные звуки в предвкушении прогулки.

Папа всегда был служащим. Он никогда не обсуждал приказы и принимал только один способ жизни — спокойный, размеренный, будничный и серый. Там, в Багдаде, он быстро понял, что может существовать и другая жизнь, к тому же вполне доступная.

В первые месяцы все шло хорошо. О маме мы никогда не говорили. Как будто она осталась дома в Константинополе, а мы просто уехали отдохнуть. Такая ситуация устраивала нас обоих. Отец оставил свою жизнь позади и не имел ни малейшего желания возвращаться к ней. Я тоже.

Это должно было случиться. Однажды вечером мы отъехали довольно далеко от Багдада. Когда мы спохватились, уже стемнело, и моя лошадь заметно хромала. Я не захотела оставлять его одного. Я знала, что если он останется здесь, то я его больше никогда не увижу. Сначала папа немного рассердился, потом пожал плечами, и я подумала, что он сильно изменился.

Пользуясь остатками света, мы начали искать удобное место, чтобы провести там ночь. На берегу стояла полуразвалившаяся хибара. Вокруг было много травы для лошадей. У нас всегда были с собой бутерброды, и мы вмиг покончили с ними, молча сидя на земле. Папа сказал, что он подежурит, а когда захочет спать, он разбудит меня.

Страха у нас не было совсем. Люди, жившие у реки, были спокойными крестьянами. Они знали, что для них лучше не приставать к туркам. Я долго не засыпала, предпочитая

смотреть на звезды. Потом усталость одолела меня.

Я проснулась, когда только-только начинало светать. Слабый луч с востока освещал силуэты пальм. Стояла абсолютная тишина.

Я позвала отца. Никто не ответил. Я вновь позвала его и подумала, что он, возможно, ушел к пальмам. Я даже не встревожилась. Он не мог уйти без меня. Может быть, он прогуливается поблизости. Он был беспокойным человеком и никогда не мог сидеть без дела. Он вернется.

Прошло несколько минут, я поднялась и снова позвала его. Потом закричала, чтобы он услышал меня. Я вдруг забеспокоилась и даже подумала, что он, может быть, упал в реку. Лошади были привязаны и стояли спокойно.

Я начала искать его вдоль берега. Я боялась за него. Много раз я звала его, но никто не отвечал. Прошло довольно много времени, и я поняла, что, наверное, случилось что-то серьезное.

Я решила пойти в ближайшую деревню. Накануне вечером мы проезжали мимо нее. Там я попрошу несколько мужчин помочь мне в поисках отца.

Так я и сделала. Старейшина деревни позвал всех. Мы все прошли к реке и стали искать. Проходили часы, и я все больше беспокоилась, уверенная в том, что случилось худшее.

Тело нашли уже к вечеру. Оно плавало лицом вниз среди тростников, всего в метрах двухстах вниз по течению.

Эта смерть потрясла меня больше, чем смерть мамы. У меня никогда не было особого взаимопонимания с ними. Но когда отношения начали принимать не только семейный, но и дружественный характер, случилось это несчастье.

Прошло много лет, и я не могу не думать о том, как же все это случилось. Сегодня я прихожу к мысли, что он покончил жизнь самоубийством — он, наверное, чувствовал, что не было смысла жить дальше, что он не в состоянии реализовать проект по строительству железной дороги, что потратил впустую лучшие годы своей жизни. Я никогда уже не узнаю подлинных причин, но даже сейчас я продолжаю это чувствовать. Мы могли бы стать друзьями.

Железнодорожная компания повела себя очень хорошо. Моего отца похоронили с надлежащими церемониями. Имам произнес прочувствованные слова: «Этот человек приехал в Багдад, чтобы попытаться сделать что-то для других людей». Потом меня проводили до дома, выделенного нам для проживания, и сказали, что я могу жить в нем столько, сколько потребуется. Потом мне помогут вернуться в Константинополь. У меня не будет также проблем с деньгами. Папа открыл счет в банке, и директор пришел ко мне и сказал, что я могу располагать этими средствами по своему усмотрению.

Так я осталась одна в Багдаде. В течение всего трех месяцев все изменилось для меня. Я должна привыкнуть решать свои вопросы сама без чьих-либо советов.

Несколько первых недель товарищи моего отца, инженеры, видные военные чины города, другие служащие помогали мне. Приглашали на обед, на чай, на прогулку. Потом понемногу все вошло в свой ритм, я почувствовала себя вне этого общества, и, кроме того, мне стало неловко, потому что некоторые офицеры стали приставать ко мне.

Однажды ночью я осознала, что самое лучшее для меня было бы вернуться в Константинополь. Там у меня была семья и много друзей. Кроме того, я скучала по некоторым удобствам. Тем не менее вернуться было не так просто, и я прикидывала, как лучше это сделать, — той же дорогой или через Аль-Мосул. Оба эти маршрута были длинные, тяжелые и сложные. В конце концов мне предложили поехать вместе с семьями других инженеров, возвращавшихся в Константинополь. Нам даже выделили отряд солдат для сопровождения по маршруту от Аль-Мосула до Алеппо. Этот путь был более долгим, чем через Евфрат, но зато более безопасным. Я увидела ясное небо, и уже через пару часов мои чемоданы были собраны. Мне пришлось оставить много вещей, привезенных нами из

Константинополя в уверенности, что мы едем в Багдад надолго. Ко мне пришло понимание, что в жизни, в конце-концов, всегда берут верх обстоятельства.

Мы должны были выехать на следующий день утром. Мне сказали, что для меня найдется одно место в машине, но я знала, что нас будет сопровождать отряд кавалерии, поэтому я предпочла ехать верхом. Это, по крайней мере, позволит мне иметь большую свободу и не зависеть от господ, желавших взять надо мной шефство. Командиру отряда не понравилась моя инициатива, но потом он, наверное, подумал, что не стоит спорить со мной, тем более что неудобства верховой езды заставят меня переменить решение. Такое решение меня устраивало, и мы разделились, убежденные, что это оптимальное решение. Я была настроена перенести все трудности и, если моя лошадь не падет от усталости, въехать в Алеппо верхом. Вряд ли этот нелепый караван сможет покрывать более пятнадцати миль за день. Начальник-то считал, что еще до прибытия в Самарру я сломаюсь.

Из Багдада мы выехали на рассвете. Четыре автомобиля, в одном из которых ехало шестнадцать человек, четыре телеги, каждая запряжена шестью мулами. Передвижная пушка, два пулемета, двадцать два верблюда и двадцать четыре солдата и офицера. Я подумала, что на дорогу до Алеппо у нас уйдет вся жизнь. Этот нелепый караван не мог делать более пятнадцати миль в сутки.

Через неделю мы прибыли в Самарру. Путешествовать в разгаре августа было очень тяжело. С двенадцати часов дня мы вынуждены были искать тень, чтобы устроить себе привал. В противном случае животные не выдержали бы.

Начальник отряда быстро удостоверился в том, что я была такой же сильной и подготовленной, как и его офицеры. Кроме того, я решила вести себя благоразумно, чтобы у меня не отняли лошадь и не заставили путешествовать в машине вместе с дамами и детьми. Для меня это было бы унижением, и я не собиралась его выносить.

На рассвете мы собирались очень быстро. Дежурные солдаты разжигали костры и варили кофе. Потом все должны были участвовать в демонтаже и уборке стоянки, а в шесть мы уже были в дороге. Потом шесть часов пути, а в двенадцать программа повторялась. Еда, отдых и ужин в восемь. Вечером раскладывался лагерь до следующего утра.

Вскоре это превратилось в рутину. Жара становилась невыносимой, и когда нам удавалось, то под охраной солдат мы купались в удивительно прохладных водах Тигра.

Это было настоящее удовольствие, и, хотя это считалось нарушением норм, я как могла удалялась, чтобы искупаться наедине.

Эта недисциплинированность мне спасла жизнь. Мы были в центре совершенно пустынного места, но отзвуки военных пушек долетали аж до середины пустыни.

Англичане вели партизанскую войну. Некоторые из них щедро раздавали золото, чтобы отдельные племена восставали против нас. На протяжении многих лет мы, турки, смогли создать целую систему стимулов в этом нецивилизованном пространстве. Арабы нас боялись, курды ненавидели, но, несмотря ни на что, мы могли перемещаться вполне уверенно с одного места в другое.

Британцы хотели «окончить с этим. Они начинали разжигать неприязнь бедуинов и других племен против нас. Они раздавали золото и нечто более ценное — оружие, бинокли, тюки с чаем, привезенным из Индии. Против этих подарков устоять было невозможно, и некоторые племена сдались на милость наиболее щедрых купцов.

С другой стороны, надо признать, что они уже устали от османского господства, а некоторые стали распространять слухи, что султан в Константинополе не настоящий халиф.

Я услышала выстрелы, плавая в одной тихой заводии образовавшейся среди тростников. Я была скрыта от посторонних взглядов, а температура воды была исключительно приятной. Сначала я подумала, что кто-то охотится. Это уже бывало и раньше.

Но это было не похоже на охоту. Выстрелы были такими, словно шла атака на наш лагерь. Я быстро выскочила из воды, мигом оделась прислушиваясь к выстрелам. Я находилась относительно близко, метрах в трехстах, но полная тишина, стоявшая вокруг,

создавала впечатление, что я была намного ближе.

Я не знала, что мне делать. У меня не было оружия, и ехать верхом в лагерь было бессмысленно. Я взяла лошадь под уздцы зашла в высокие заросли тростника, росшего вдоль реки, и стал ждать, когда уляжется буря. Выстрелы звучали довольно долго потом они стали удаляться и затихли совсем. Я подождала еще около часа, а потом пешком, ведя лошадь за собой и прикрываясь зарослями тростника, подошла поближе, чтобы посмотреть что же произошло.

Я вся дрожала от страха. Я боялась увидеть нечто ужасное хотя и не знала, кто напал на нас и по какой причине. Стараясь не выдать себя шумом, я привязала лошадь к высокому кусту и почта на животе вползла на небольшой пригорок, с которого стало видно место, где мы разбили лагерь.

Группа арабов что-то искала среди нашего багажа. Автомобили полностью сгорели, а солдаты лежали то там, то здесь, как будто смерть застала их перебежавшими от одной машины к другой, женщины и дети стояли кучно и дрожали от страха, а некоторые арабы смотрели на них, словно пытались выбрать себе жертву.

Я была в ужасе и не знала, что предпринять. Если пытаться бежать, то арабы меня сразу найдут. Они ведь знали эти места как свои пять пальцев. Казалось, что спрятаться в пустыне легко но им были знакомы все заросли, места водопоев, тропы, они были способны увидеть на огромном расстоянии зверя или человека о этом я могла убедиться во время нашего путешествия от Алеппо до Багдада.

Со мной была всего лишь маленькая фляга, из которой я отпивала по глотку, пока мы ехали верхом. Я была в отчаянии. Я видела открытые баулы и чемоданы, в том числе и мои.

Но я не собиралась сдаваться. Я хорошо знала, что со мной будет, если меня захватят. Оставалось только одно: попытаться бежать. Если очень повезет, то можно вернуться в Багдад большой осторожностью я вернулась к тому месту, где оставила свою лошадь. Мое отчаяние росло при мысли о том что ничем не могу помочь пленникам. С другой стороны мне было очень жаль убитых солдат и офицеров. Некоторые из них в пути стали выказывать мне знаки симпатии и даже рассказывать о своей жизни... И вдруг это все закончилось.

Моя лошадь проявляла нервозность, мотала вверх-вниз головой. Я подумала, что она может начать бить копытом землю или ржать, и это выдаст меня. Надо было уходить, и как можно скорее. Отойти к тростниковым зарослям и ждать там до ночи. А потом бежать под покровом темноты и при свете луны. Как я и сделала. Арабы продолжали заниматься своим делом, а я, отъехав от них, была во власти смешанного чувства страха и сочувствия к моим товарищам по путешествию. Я долго шла пешком, ведя лошадь под уздцы. Животное привыкло ко мне и следовало за мной как собачка. К счастью, луна светила достаточно ярко. Недостаточно, чтобы ехать верхом, но света вполне хватало, чтобы передвигаться пешком.

Я понимала, что мои шансы минимальны, но я должна была верить в свою звезду. Я хотела верить, что со мной ничего не и это ощущение овладевало мной и придавало мне силы.

Всю ночь я провела в пути без остановок и отдыха. Всякий раз, когда я останавливалась от усталости, вид арабов, выбиравших женщин и детей, заставлял меня продолжать путь.

Я удалялась от реки и шла вдоль какого-то рва, и мне показалось, что это верный путь к Багдаду. Вскоре я поняла, что добраться до Багдада невозможно. Если меня не найдут арабы, напавшие на нас, то солнце и жажда ускорят мой конец.

Друг я испугалась, осознав, что моя лошадь тоже долго не протянет в этой засушливой пустыне. Мне ничего не оставалось, как вернуться к реке, от которой я отошла уже на шесть или семь миль — около трех часов пути.

Я пошла в том направлении, которое мне показалось верным, стараясь укрыться под редкими деревьями вдоль рва. У Фурата кровоточили копыта, и он заметно хромал. У меня начала болеть голова, на коже появилось жжение. В довершение ко всему ров закончился и превратился в глубокий овраг. Эта дорога не могла привести куда-либо. Мне ничего не оставалось, как вернуться и попытаться до наступления ночи выйти на правильную дорогу.

Фурат остановился. Ему нужно было напиться. Из его пасти шла пена, конь смотрел на меня и устало дышал. Потом он упал на бок с глубоким вздохом, как будто уже не собирался когда-либо встать.

Какое-то время я пыталась поднять его. Потом начала плакать, чего никогда до сих пор со мной не случалось. Я не хотела, чтобы Фурат умирал, да и сама не хотела умирать.

Я вдруг увидела, насколько я ничтожна в этой пустыне. Я вспомнила об огромном расстоянии, которое надо было пройти до реки, и прилегла рядом с лошастью.

Это место было подходящим для смерти, впрочем, как и всякое другое. Я почувствовала глубокое облегчение, что больше не надо бороться. Это ощущение меня успокоило. Фурат все-таки будет со мной, я закрыла глаза и представила, как я снова буду ехать на нем верхом.

\* \* \*

### Из биографии Халил-бея

Я нашел Ламию-пашу без сознания около трупы ее лошади. По правде сказать, дело было не совсем так. Один из сержантов Мусса Кансу прочесывал местность и увидел мертвую лошадь. Он подошел и увидел девушку. Убедившись, что она жива, он послал солдат за мной. Чудо спасло жизнь Ламии. Мы часто говорили об этом. Чудеса иногда случаются.

Три месяца тому назад меня назначили на должность лейтенанта. Это было в тот же день, которым обозначили мой день рождения — 14 июня 1915 года. Эта дата была так же хороша, как и любая другая, и, когда мне предложили сменить ее, я отказался. И так хорошо.

Я был одним из пажей, которым было поручено сопровождать Абдул-Гамида, настоящего султана, в те дни халифа верующих, пока он не был свергнут Комитетом. Потом было принято решение, что его дворец не может вместить столько челяди и что некоторым из нас придется выехать. Согласно книгам мне было восемнадцать лет, и я вместе с другими пажами был направлен в Военную академию в качестве стипендиата империи.

Может быть, я и не выбрал бы эту карьеру. Мне нравились книги, исторические документы, старинные вещи. Меня приучил к ним мой опекун, шеф евнухов Селим-бей. Этот человек испытывал настоящую страсть к вещам, он считал, что у красивых вещей есть своя душа, и он обращался с ними с пиететом и исключительной осторожностью.

Он научил меня понимать их, улавливать разницу, интерпретировать ее. Он говорил, что там, во дворце Долмабахче, у нас была возможность потрогать руками историю тех, кто жил там до нас. Он дотрагивался до мозаики, до терракотовых фигурок, до фарфора как музыкант дотрагивается до своего инструмента. Он рассказывал мне о Византии, о Риме, о Греции, о персах. О китайской империи. Об Индии.

Селим выделил меня среди других. У него не было сексуального интереса ко мне. Иногда он гладил меня по щеке или обнимал меня, но это было всего лишь отражение его глубокого одиночества. Селим-бей был одинок даже тогда, когда на приемах его окружали сотни людей, расхваливая его ум, его мудрость, его близость к нашему господину султану.

Но он выбрал меня. Он разговаривал со мной в тот вечер, когда свергли султана. Потом он всю ночь объяснял мне вещи, которые считал самыми важными для выживания в этом маленьком мире, полном интриг, ревности, могущества и нищеты. Он сказал мне, что ему жаль уходить из этого мира, потому что ему хотелось бы видеть, как я расту, а потом он тихо скончался. Думаю, что он принял отвар трав, заготовленный во дворце. Он, видимо, пришел туда и попросил изготовить отвар. Никто не решился отказать ему. Может быть, кто-то подумал, что султан не хотел уходить из Долмабахче.

Но те времена быстро ушли в прошлое. Я провел в Военной академии пять лет. Там я завел себе несколько друзей, не очень много, ведь к этому времени меня приучили к одиночеству, вести себя скрытно, никогда не выдавать свои мысли. В ночь своей смерти



Селим-бей показал мне, что такое поведение не имеет смысла. Он открылся для того, чтобы я смог услышать его последний наказ. Все мы рано или поздно должны умереть и, умирая, должны отчитаться за наше поведение. Прежде чем нас начнут судить там, наверху, нас должны оценить те, кто остается после нас.

Я очень сожалел о смерти Селима. Ведь он был моей единственной семьей. В известной степени он был моим отцом, моей матерью, моими братьями. Я не знал, что значит иметь их, и он заменил мне их. И у него это очень хорошо получилось, так, по крайней мере, мне казалось.

С того самого вечера я узнал, что такое боль, страх перед неизвестностью и ощущение того, что все изменится, что вокруг нет ничего стабильного, и ты всегда идешь по краю пропасти. Однако не могу сказать, что это не нравилось мне, потому что меня приучили к монотонному существованию без начала и конца, как если бы Долмабахче находился внутри французских часов, а султан, наш господин, был нашим часовщиком.

Один султан вышел через дверь, а другой вошел в нее. Тем не менее в ту ночь Высокая Порта закрылась навсегда, оставляя за собой долгий период завоеваний, мечтаний, мести и страстей. Селим-бей унес с собой невероятный багаж, потому что он был свидетелем многих событий, изменивших мир. О некоторых из них — немногих — он рассказал мне, но я уверен, что при этом он раскрыл передо мной далеко не все, словно боялся, что я смогу узнать много запрещенных истин.

Поэтому то, что он рассказал мне незадолго до своей смерти, мне очень помогло, чтобы понять новый мир. Он показался мне поначалу очень враждебным, но потом я понемногу привык к нему.

Как я сказал выше, я провел пять долгих лет в академии. Парадоксально, но для меня это была свобода. Я находил нечто новое буквально во всем. Мне все было интересно. Даже учеба. Сам факт познания нового меня восхищал.

О своем секрете я никому не рассказывал. Никто не должен был знать, что я армянин. Это осталось только между Селим-беем и мной. Для всех я был Халил-беем из Долмабахче. Не то чтобы меня принимали за османского аристократа, но на меня смотрели с уважением, ведь там, во дворце, нам дали всестороннее образование, в том числе обучили фехтованию, плаванию, верховой езде и борьбе. Во всех этих дисциплинах я выделялся с лучшей стороны, и капитан, ответственный за мою подготовку, хвалил меня за мой быстрый прогресс.

В год моего окончания академии нам прочитали несколько лекций о ситуации в Турции. Говорили о единстве, о политике и прогрессе. В этом была философия Комитета. Комитета за единение и прогресс.

Много говорилось также о внутреннем враге. Об армянах. Нажимали на то, что армянский народ не был верен своей стране. Мы, будущие офицеры, должны знать, кто является нашими врагами, а также научиться пользоваться инструментами для борьбы с ними и решения всех проблем.

Однажды полковник пришел к нам в сопровождении другого офицера подполковника Васфи Басри и человека в штатском доктора Бехаеддина Шакира.

Они говорили без обиняков. Начали с того, что рассказали о критической ситуации в стране. Потом изложили возможные решения. Шакир подчеркивал, что, если Турция хочет выжить, у нее нет другого выхода, кроме как „очиститься изнутри“. Это были его слова. Потом он пояснил свою мысль. Надо уничтожить всех армян. Внутри и вне Турции. Как бы там ни было, это оставалось внутренним делом Турции.

Я думал, что они, возможно, знали очень много обо мне. Они могли найти где-нибудь секретные архивы. Селим-бей говорил мне об этом. Должна быть какая-то страница, в которой один служащий соберет данные всех докладов, подготовленных офицерами после их „подвигов“. В докладе будет сообщено: „Халил-бей, доставленный из... раса — армянин, передан для услуг личного характера во дворец“.

Может быть, будут и более конкретные данные. Рассказано об обстоятельствах пленения. Может быть, указан поселок, деревня, город, где все это произошло. Кто был командиром части. Кто меня передал. Может быть, он еще жив. Я мог бы попытаться найти его, чтобы он рассказал мне что-нибудь... Потом поехал бы на то место. Нашел бы стариков. Они никогда это не забудут. Я поговорил бы с ними. Они бы изложили мне свою точку зрения „А, да! В 1895 году! В феврале или в марте! Да, да, я помню! Не знаю зачем, но появились военные, захватили поселок. Много народу погибло. Пропало трое, четверо, два мальчика и пять девочек...“

Старик посмотрит на меня: „А ну-ка, встань в профиль. Да. Ты — из рода Замарянов. Нет, нет! Ты — из Кафидянов, или... дай-ка я присмотрюсь... Точно. Точно. Сейчас я вспомнил. Ты наверняка сын Оганесяна. Совершенно верно. У тебя тот же профиль, те же глаза. Его сын тогда пропал. Мы уже посчитали его мертвым. Никто не хочет признавать, что его любимый сын стал мусульманином, что его воспитывали, что его пытали или еще черт знает что делали. Лучше уж считать человека мертвым. Мы ведь знали, что похищенных мальчиков и девочек увозили и превращали в новую аристократию османов. Никто не хотел признаваться себе в этом“.

Да. Такие мысли приходили мне в голову, пока член Комитета говорил и говорил о Турции. Об обновленной Турции, когда эта проблема будет решена. Он говорил о нас, об армянском вопросе.

Так проходили дни в академии, в интернате, в больших спальнях с ровными рядами коек, безупречно заправленных, без единой складки, как того требовал советник майор фон Рихтер. Там, в Пруссии, по-другому нельзя. Все точно, соразмерено, все под строгим контролем. Как по-другому можно представлять себе жизнь? Вот это сюда, это — туда, а то — на то место. И только так.

Вот именно. Армянский вопрос. С каждым днем я все острее чувствовал, что являюсь частью этой проблемы. Где-то мой брат, или моя сестра, или, может быть, мои двоюродные братья, мои родители, мои дяди — все они представляли собой армянский вопрос. Докладчик все мусолил эту идею. Турция принадлежит туркам и служит только туркам. Мы не можем жить рядом с этой деградировавшей эгоистичной расой. Уничтожить их. Стереть с лица земли. Уничтожить ее следы.

И так день за днем. После военной подготовки, после занятий с оружием, топографии, математики, истории с офицером приходил какой-нибудь человек в штатском. То, что должно было произойти, было необходимо. Может быть, это было неприятно, даже тягостно или в некоторые моменты с этим даже было трудно согласиться, но полезно. Полезно. Полезно!

Однажды вечером к нам пришел полковник. Все ждали какую-то важную шишку. Нас заставили надеть парадную форму. Кто бы это мог быть? Ходили разные слухи. Может быть, президент. Нет, командующий, министр обороны...

Вскоре наши сомнения развеялись. Это был посол Германии фон Вангенхайм, советник Карл Хуманн, генерал фон дер Гольц. Их сопровождал высокопоставленный представитель Комитета Бехаеддин Шакир.

Нас собрали в актовом зале. Никто даже не смел кашлянуть. Легкое поскрипывание, отдельный стук сабли о пол. Мы были в нетерпении. Нельзя было разговаривать и даже тихо перешептываться. Голова поднята, плечи назад, сидеть ровно, не касаясь спинки мебели. Пришел час.

„Господа офицеры! Встать!“

Они вошли один за другим. Разве что не чеканили шаг. Шеренгой, слегка наклонив голову. Полковник уступил почетное место фон Вангенхайму. Все мы сели одновременно. На мгновение установилась тишина. Я вспомнил о Селим-бее.

„Необходимо, чтобы высшие люди объявили войну массе, — фон Вангенхайм говорил по-немецки, языке, обязательном для изучения в академии, — Вы хотите знать, как

называется этот мир? Хотите знать ответы на все загадки? Хотите увидеть свет и для вас, самых сильных, самых бесстрашных, скрытых от других? Этот мир — это „воля к власти“, и ничего более. Вы тоже представляете собой эту волю к власти, и ничего больше“.

Вангенхайм сделал паузу, словно желая проверить эффект, произведенный его словами.

„Нет, эти слова принадлежат не мне. Я их только озвучил. Это мысль Ницше. Думаю, что вы сможете понять эти мысли лучше, чем кто бы то ни было. Вы призваны и обучены летать на свободе, как орлы, паря в высоте и следя за всем, что происходит внизу, и ничто не скроется от вашего взора.

Да, дорогие друзья, все мы, собравшиеся здесь, — это люди действия. Мы не мыслители. Мы не принадлежим к этим интеллектуалам, которые только и говорят о том, чтобы они сделали, если бы могли сделать“.

Вангенхайм сделал паузу.

„Главная разница в том, что мы сможем и мы сделаем... Турция и Германия это не просто союзники. Германия есть и будет недругом врагов Турции.

Мы не будем помогать врагам Турции. У нас не будет сочувствия к ним. Мы прибыли сюда, чтобы вы узнали об этом от меня лично. Здесь и сейчас я — голос Германии.

Наступят суровые времена, при которых нам предстоит ужесточить наши чувства, предстоит выбирать между долгом и нашими Желаниями. Не дайте себя обмануть. Отдайте предпочтение долгу, хотя это и будет трудно. Только так вы сможете помочь своей родине“.

Вся речь была выдержана в таком тоне. Никто не говорил об „армянском вопросе“. Но Вангенхайм ясно изложил, что думает о нем Германия. Через месяц мы получили свои назначения. 14 июня 1915 года.

Ламия быстро поправилась. Она рассказала мне о своих приключениях. Я был восхищен ее смелостью и силой воли. Не скрою, она мне сразу же понравилась. Я встречался с женщинами в Константинополе. Но ничего не чувствовал по отношению к ним. Мои приятели очень интересовались сексом. Я — нет. Мне приходилось притворяться перед ними, иначе бы они насмеялись надо мной. Они говорили о роскошных куртизанках, работавших исключительно для офицеров. Я хорошо помню, как это произошло в первый раз. Я никогда не был с женщиной, пока не пошел в одно заведение с Али Васифом. Он был экспертом. По крайней мере, он рассказывал о своих любовных приключениях со смешанным чувством гордости и удовольствия. Обо мне он ничего не знал. Мы были просто товарищами по учебе. Он мне рассказывал о своих связях и сказал, что я могу пойти с ним. Это был бордель рядом с Большим базаром. Старинное здание, целый дворец любви.

Я не смог отказаться. С одной стороны, мне было страшно, а с другой — мне нужно было доказать самому себе многие вещи.

Мы пошли быстрой походкой, почти бегом, подгоняемые своими желаниями. Прошли через район Базара и вошли в лабиринт крытых улиц. Он заверил меня, что таким образом можно сократить путь. Пока мы шли, я почувствовал, что что-то переменится в моей жизни.

Али с силой постучал в дверь. Слуга-негр медленно приоткрыл огромную дверь. Увидев, что мы кадеты, он иронически улыбнулся и пропустил нас во внутренний дворик. Я поднял голову и почувствовал, что из-за куполов пальм и плотных жалюзи нас кто-то пристально рассматривает. Али указал наверх. Рай для гурий. Не нужно быть слишком верующим, чтобы насладиться этим раем. Али усмехнулся, заметив мое волнение. Он чувствовал себя на высоте. Он-то уже имел опыт, а я — нет.

Нас встретила мадам. Толстая женщина, видевшая многие поколения бойцов, вступавших в свои первые битвы. Обмануть ее было невозможно, она прекрасно знала, что думал каждый из нас.

Она взяла меня за руку и отвела на второй этаж. Я не сопротивлялся. Открыв дверь в комнату, она нежно подтолкнула меня внутрь, как бы приободряя.

Пахло жасмином. В комнате царил полутьма. Я прошел к полуосвещенной ставне. Кто-то остановил меня, не говоря ни слова. Я вспомнил о гареме дворца. Я ни разу не входил в него, но несколько раз наблюдал за ним с потайной галереи. Входить туда было нельзя, наказание за это было суровым, но некоторые из нас иногда шли на риск. Компенсацией служило то, что можно было подсмотреть за женским телом, грудь в профиль, бедра...

Действительность отрезвила меня. Она медленно подвела меня к дивану. Заставила лечь. Так, наверное, нужно. Я смотрел как в гипнозе на два параллельных луча света. Между ними появился женский профиль. От жасминовых духов можно было задохнуться.

Я молча соглашался на то, что делали со мной. У нее были опытные руки, хорошо знавшие размещение пуговиц на военном мундире. Я вновь увидел молчаливый образ моей мечты — меня когда-то уже раздевали. Потихоньку, нежно, без спешки. Я подумал о Селим-бее. Что бы сказал он? Она раздела меня полностью. На ней была, кажется, шелковая накидка, и она сняла ее.

Потом она стала ласкать меня. Поначалу я ничего не почувствовал. Потом ее ловкие пальцы заставили меня напрячься, и я обнял ее. Она направила мою руку, и я понял, как я много терял до сих пор.

Глаза постепенно привыкали к полумгле. Угадывалось красивое лицо. Миндалевидные глаза. Я почувствовал учащенное дыхание. Я отдал себя на волю изматывавших меня новых ощущений, и мы стали двигаться в унисон, словно сговорились о нем заранее.

Она пролежала подо мной еще несколько мгновений. Потом поцеловала меня. Никто еще не целовал меня. Я глубоко вздохнул и впервые заговорил, поинтересовавшись ее именем.

Она помолчала несколько секунд, словно сомневалась, стоило ли называть себя незнакомому человеку. Потом теплым и красивым голосом она сказала: „У меня нет имени, но все зовут меня армянкой“».

Это судьба! Она играет с нами в суровые игры. Армянка. Могло ли быть иначе? Потом мы молча возвращались — уже без каких-либо желаний — в офицерское общежитие. Али шел впереди. Иногда он улыбался мне. Он знал, догадался, что это со мной случилось в первый раз. Я не то чтобы занялся любовью, просто я влюбился.

Я больше не видел ее. Как только смог, я вернулся туда. Мадам снова взяла меня за руку, поднялась со мной и открыла дверь. Я спросил у нее об армянке. Она покачала головой. Нет. Ее не было здесь. «А где она?», — настаивал я. Она пожала плечами. Ее уже здесь нет.

Мне расхотелось заходить. Я ведь шел только к ней. Я не хотел заниматься любовью с неизвестной мне женщиной. Мадам молча посмотрела на меня. Она когда-то тоже была молодой. И могла понять меня. Я побежал к двери, жасминовый запах мешал мне дышать.

Через две недели меня направили в пятый полк. Там нужны были добровольцы для исследования пустыни. Я поднял руку. Мне там нечего было делать. Просто я хотел уехать отсюда, и уехать далеко.

Меня направили в Багдад. В подразделение по охране строящейся железной дороги. Под моим началом был эскадрон, но кто действительно хорошо знал там обстановку, так это старший сержант Махмуд Ахмад, проживший там уже несколько лет. Он уважал мое звание, а я его опыт.

Судьба преследовала меня. Когда Ламия открыла глаза, приходя в сознание, мне показалось, что передо мной армянка. Я почти не видел ее в том полумраке, через который пробивались слабые лучи света, но я вновь и вновь мечтал о ней. И вот она снова передо мной. Я не мог убежать от своей судьбы.

Я дал указание доехать до Аль-Мосула, а потом вернуться в Багдад. Ламия рассказала мне, что с ней случилось. Я написал рапорт и отправил двух солдат в штаб с подробным докладом. Я знал, что происходило с некоторыми племенами. Англичане проникали внутрь территории, предлагали им золото и осыпали обещаниями. Пустыня была необъятной, и мы

редко сталкивались с ними. Кроме того, в моем отряде было мало солдат и офицеров. Всего восемнадцать всадников, из которых пятнадцать — солдаты. Капрал, старший сержант и я. Слишком мало сил для какой-нибудь стычки. На практике наша задача состояла в том, чтобы изучать, докладывать и уходить с опасного места, не допуская вооруженных столкновений. Наша маневренность помогала нам больше, чем инстинкт нашего сержанта.

С нами был обоз из десяти мулов для перевозки провианта и амуниции, а также две резервных лошади. Мы сделали остановку у близлежащего сухого ручья, защищенного огромными скалами. Ламия пришла в себя очень скоро, через несколько часов. На следующий день, едва рассвело, она подробно рассказала о том, что с ней произошло. Я спросил ее, может ли она ехать верхом. Она утвердительно кивнула и сказала, что ей очень жаль своих товарищей по путешествию и своей лошади.

В тот день нам надо было проехать около сорока километров в направлении север-северо-восток. Температура воздуха стала невыносимой еще до двенадцати часов дня, и нам пришлось укрыться в тени больших скал. Лошади были слишком усталые, чтобы продолжать путь. И я принял решение остановиться в подходящем месте. Я почти не разговаривал с Ламией, но заметил, что она свободно перемещается с одного места на другое. Создавалось впечатление, что эта женщина родилась в пустыне.

Дорога до Аль-Мосула заняла у нас еще пять дней. Я послал двух своих подчиненных в главный штаб, и они привезли мне закрытый конверт с указаниями. Мне надлежало ехать дальше в Рас-аль-Аин, не останавливаясь в Аль-Мосуле. Речь шла о контроле депортаций. Я не понял толком, что все это значит, но в приказе говорилось, что в Нусайбине мне предоставят более подробную информацию.

Ламия попросила моего разрешения следовать с нами. Она хотела добраться до Алеппо, и маршрут для этого вполне подходил. Я охотно разрешил, руководствуясь разными причинами. Она была скромной девушкой, прекрасно переносила трудности путешествия по пустыне, и, кроме того, я все больше влюблялся в нее.

Лучше сказать, она меня привлекала, нравилась мне. Пожалуй, нет. Все намного серьезнее. «Армянка» осталась в прошлом. Глаза Ламии затмевали собой воспоминания былых приключений.

Дорога стала намного цивилизованней. Время от времени мы наталкивались на караван или какой-нибудь другой отряд. Жара по-прежнему была адской, и какие-либо капризы не допускались. Приходилось быть начеку, потому что резервных лошадей у нас уже не оставалось, а в Аль-Мосуле нам отказали в новых лошадях.

Мы стали разговаривать по вечерам после ужина, сидя у костра. Она рассказала о своей жизни. Я подумал, что она мужественно перенесла смерть своих родителей. Она не знала, что ей делать в Константинополе. Это время было не самое удачное для Турции — война, ситуация в стране и «армянский вопрос», создававший конфликты практически во всех городах.

Она поделилась со мной своими мечтами. Она хотела стать журналисткой. Это удивило меня. Ведь такая работа была для мужчин. Она ответила, что все изменится, когда закончится война. Потом она спросила, почему я сделал скептическую мину. Я сказал, что бывают войны, которые никогда не кончаются.

Ламия хотела узнать, кто я. Мне пришлось несколько раз менять тему разговора — не хотел ворошить прошлое. Кем я был? Изгнанник из Долмабахче, приемный сын Селим-бея. А в действительности — армянин без семьи, мусульманин без убеждений, без прошлого и, боюсь, без будущего. Она была совсем не похожа на меня. Я не хотел осложнять ей жизнь. Кроме того, я не был уверен, что она примет меня, и, сомневался, что смогу обеспечить ей то, что женщина ждет от мужчины. Я не знал, удастся ли мне забыть кошмар моей первой молодости. Пока я был там, внутри, заточение не казалось мне чем-то плохим. Наоборот.

Я уже знал, что меня не кастрировали, как Селим-бей, но у меня отняли многое.

Я отвезу ее до Алеппо. Пусть даже мне придется дезертировать. Я попрошу разрешения. Отставку из-за болезни. Но я расстанусь с ней на железнодорожном вокзале,

передав ей билет до Константинополя. А потом попытаюсь добиться невозможного — забыть о ней.

Я не мог сделать ничего больше этого. Мой мир был совсем другим по сравнению с тем, каким она себе его представляла. Мы не могли понять друг друга, но моя Дисциплинированность поможет, по крайней мере, избежать катастрофы.

Через трое суток мы прибыли в Рас-аль-Аин. Там — небольшой рынок скота. Что-то еще. Там мне надо было встретить другой кавалерийский отряд. Нас ждал один солдат. Он показал нам знаком, чтобы следовали за ним до небольшой реки с мутными водами, возле которой они разбили стоянку.

Офицер был одним из моих немногочисленных друзей в академии. Лейтенант Якуб Исмет. Я представил ему Ламию, и он приветствовал ее со всей церемонностью. Потом он сказал мне, что нам надо поговорить наедине.

Мы поехали с ним верхом до ближайшего холма, с которого была видна наша стоянка. Я даже мог различить Ламию, помогавшую разбивать лагерь. Она была лучшей из всех тех, кто служил под моим началом. Я как-то глупо почувствовал гордость за себя.

Лейтенант Якуб Исмет предложил мне сигарету. Я отказался. Мне показалось, что ему было трудно начать. Мы привязали лошадей к небольшому дереву и сели на камень. Действительно, оттуда вид был, как из обсерватории.

«Халил-бей, ты спросишь меня, почему я не начинаю информировать тебя. По правде говоря, я не знаю, с чего начать. Я постараюсь быть объективным и кратким.

Моему отряду поручено контролировать дорогу между Алеппо и Аль-Мосулом. Всего на этом участке — четыре отряда. Я — старший над ними.

Месяц назад я получил сообщение. Мой солдат привез его в руках из главного штаба в Алеппо. В пакете лежала телеграмма, которую надлежало сжечь после прочтения).

Якуб пристально посмотрел на меня. Потом он вытащил голубой лист бумаги из верхнего кармана своего мундира и передал мне его.

Развернув бумагу, я прочел: «Все армяне в восточных провинциях должны быть уничтожены с сохранением осторожности и секретности» Подпись: «Абдулхамид Ноури». Якуб следил за моей реакцией. Потом продолжал:

«Прочитав это, я ничего не понял. Что это значит? Почему этот приказ поступил именно мне? Я отпустил посыльного не дав ему никакого ответа. Потом всю ночь думал над этим посланием. Я не сжег его, а положил в журнал записей. Не знаю, почему, я просто решил, что, если я сожгу послание, никто мне потом не поверит.

На следующий день рано утром мы выехали в Рас-аль-Аин. День обещал быть очень тяжелым, и мы выехали пораньше. Но еще до полудня нас догнали два солдата и попросили телеграмму. Произошла ошибка, и мне передали не тот приказ. В нем не было ничего про это. Приказы мне были вполне нормальными — пройти по маршруту, прибыть в Аль-Мосул и т. п. Ты понимаешь, что я имею в виду. Ничего особенного.

Я сказал им, что выполнил то, что мне было приказано — сжег сразу же после прочтения. Кто-то хотел пошутить со мной через зашифрованное послание. Глупая шутка, о которой я уже забыл.

Они приняли мое объяснение. Его так и передадут полковнику. Потом они забрали у меня двух лучших лошадей, оставив мне своих достаточно измотанных.

Никто не будет гробить двух лошадей из-за пустяка. Я знал что это была не ошибка. Кто-то должен был получить такую телеграмму. Халил, кто-то хочет уничтожить армян. Всех армян. Ты понимаешь, что это? Изничтожить».

Якуб посмотрел на меня с грустью и добавил:

«У меня мать армянка. Хотя никто этого не знает. Мой отец перед смертью заставил нас поклясться, что никому об этом не скажем. Но я уже не связан клятвой. Мы сейчас говорим о нечто ужасном».

Я попытался успокоить его. Я не собирался говорить ему, что я тоже армянин, потому что в его возбужденном состоянии он может не понять меня. Но он не дал мне говорить.

«Несколько дней мне хотелось думать, что это чья-то зловещая шутка. Кто-то прознал про меня и захотел помучить. Я принял это послание за безобразную насмешку надо мной, но подумал, что, если кто-то узнает обо мне правду, меня могут уволить из армии. В последнее время на армян указывают пальцем. Ты понимаешь, о чем я говорю.

Прошло несколько дней. Однажды вечером, когда мы были недалеко от Рас-ал-Аин, мне сообщили о прохождении какого-то каравана. Мы подъехали поближе, тем более что у нас не было официальных сообщений о нем. Я, по крайней мере, не знал, в чем дело».

Якуб в волнении встал, яростно жестикулируя.

«Это был не караван! Это были призраки. Почти все — женщины и малые дети. Немного стариков. Ни одного мужчины. Ни одного парня старше тринадцати или четырнадцати лет. А их вид! Многие женщины были одеты в жалкие лохмотья. Другие были практически голые, с многочисленными ранами и синяками от ударов. Некоторые явно изнасилованные. Все они были похожи на закоренелых преступников, отбывающих жестокое наказание за свои преступления.

Их конвоировало несколько солдат-пехотинцев из четвертого полка во главе с сержантом. Я поругал его. Он ответил, что только выполнял приказ... Приказ!

Тогда я понял, что телеграмма не была ни злой шуткой, ни розыгрышем. Я расспросил сержанта. Он рассказал, что полтора месяца тому назад, от силы два, поступили приказы депортировать всех армян без исключения. Это — указания сверху. За всем этим стоит Талаат. И, естественно, Энвер и Джемаль-паша. Я не могу понять этого. Это невозможно постичь.

Это настолько отвратительно, что вызывает тошноту. Как можно так обращаться с людьми? Из-за того, что они армяне. У меня тоже есть армянская кровь! И турецкая тоже. И я горжусь этой смесью. Лучше сказать — гордился. Сейчас же я не знаю ни что думать, ни во что верить.

Мы действительно уже много времени только и слышим пропаганду, враждебную к армянам. На самом деле среди них могут быть и плохие люди. Но то, что я увидел, мне кажется преступлением! Халил, ты всегда казался мне разумным человеком. Мне нужно было выговориться перед кем-нибудь. Я не могу говорить об этом с сослуживцами. Они в восторге от этой идеи. Мне пришлось уйти, чтобы не видеть, как оскорбляют этих бедных женщин.

Я не знаю, что делать. И не знаю, что будет дальше. Мне говорили, что такая картина повсюду. По всей Турции. Что в городах, поселках и в деревнях не остается армян. Все губернаторы получили строгие указания „уничтожить всех армян“. А мужчины? Куда девались армянские мужчины? Я отвечаю тебе, сержант рассказал мне.

Солдаты в армянских батальонах были расстреляны без всякого сожаления. Мужчин захватывали в плен и в любом случае убивали. Молодых парней захватывали, расстреливали или забивали до смерти. Всех! В телеграмме все это было правда...»

И лейтенант Якуб разрыдался. Его сознание не могло примириться с таким преступлением. Он не знал, что я армянин, но доверился мне, потому что ему надо было найти человека, который сказал бы ему, что соглашаться с подобными явлениями нельзя.

Тогда и я рассказал ему о себе. Я объяснил, кто я на самом деле. Мне не надо было делать этого. Я поклялся, что не расскажу об этом никому и сохраню эту тайну до конца своих дней. Я буду жить с ней. Но я не смог. Якуб Исмет был таким же, как и я, османским офицером. Я был уверен, что таких, как мы, или похожих на нас, было немало.

Злодеи, организовавшие эту дикую агрессию против всего народа, еще будут наказаны. Как ни странно, я не чувствовал себя армянином. Я был османским офицером с нелепым прошлым, влюбленным в молодую турчанку. О, судьба! Ей еще не раз придется проявить себя...

Мы были уже совсем близко от Алеппо. Я бы предпочел никогда не приезжать туда. Я

страшно боялся потерять Ламию. Никогда ранее я не испытывал ничего подобного. Она была очень нужна мне, как вода в пустыне, обожженной солнцем.

Ламия прекрасно понимала мое состояние. Я не знал, чувствовала ли она если не то же, что и я, но, по крайней мере, хоть что-нибудь ко мне. Я бы не вынес, если бы она сказала мне, что я ничего не значу для нее. Я подумал, что, если бы это случилось, тогда я ночью ускакал бы на лошади в пустыню с пустой флягой и умер бы там от жажды. По крайней мере, не мучился бы так долго.

Но когда Ламия улыбалась мне... в моей голове начинала играть нежная музыка. Я тогда понял, что стоило жить и что я готов на все. Я был готов без колебаний пойти на любое безумство ради нее.

И вновь судьба поджидала меня там, недалеко от Алеппо, возле железнодорожных путей, в каменистой сирийской пустыне.

Накануне вечером мы с большим трудом разбили лагерь, потому что сильный восточный ветер мешал нам закреплять палатки. Большую часть ночи мы не могли сомкнуть глаз. Порывы ветра, смешанные с проникающей повсюду пылью, вырывали крепления. Лошади были очень возбуждены, и сержант предложил попытаться добраться до Алеппо, используя моменты, когда ветер слегка утихает. Два года тому назад он пережил все усиливавшуюся бурю, превратившуюся в катастрофу.

Мне ничего не оставалось, как последовать его советам. На мне были лейтенантские знаки различия, но у него был опыт. И я согласился. Это было разумно.

Так мы и сделали. В моменты, когда ветер утихал, мы демонтировали то, что оставалось от палаток. Ламия, как всегда, помогала. Она не возражала и ничего не требовала. Такое поведение мне очень нравилось. Она отнюдь не была грузом на наших ногах, совсем наоборот.

И тогда мы услышали, как к нам подходит длинная колонна. В клубах пыли они были похожи на призраки. К нам приближались маленькие привидения, которые, как ни странно, не видели нас. Их было более ста, более двухсот. Одетые в лохмотья, с болезненным видом, они шли медленно, раскачиваясь из стороны в сторону. Мы застыли, не в силах идти дальше. Что это значило? Откуда они?

Создавалось впечатление, что они пройдут через нас, не обратив на нас внимания. Как настоящие призраки, способные пройти через любое тело, не задев его.

Ламия подошла к первому из них. Это был мальчик лет десяти, может быть, одиннадцати. Она встала перед ним, взяла его за руки и спросила, кто они, куда идут, и вообще, что тут делают.

Мальчик остановился, за ним остановилась вся колонна. Он посмотрел на Ламию, как будто не понимая, что она говорит. Ламия отпустила его руки, и мальчик пошел дальше, не сказав ни слова.

Ламия посмотрела на меня глазами, полными слез. Может быть, это было от пустынной пыли и сильного ветра. Или от жалости. Я не стал спрашивать о причинах.

Вдруг один из мальчиков упал на землю. Ламия подбежала к нему, я тоже. Он смотрел на нас потухшими глазами. Я склонился над ним и спросил: «Ты кто? Где твои родители?» Он не ответил. Ламия увидела, как упал другой ребенок, и побежала к нему. Я взял флягу, наполнил металлический стакан и поднес его к губам мальчика. Было холодно, но его кожа пылала жаром. Я видел, что мальчик умирает.

Я поднялся. И тут до меня донеслось: «Джамбазян. Джам-базян...» Я вплотную наклонился к нему и прислонил ухо к его губам: «Джамбазян».

Потом он затих, глаза его остались открытыми. Они смотрели в небо и не видели его. Он умер.

Не знаю, как мы управились в тот день. Из ста семидесяти двух человек на следующий день осталось в живых сто пятьдесят девять. Мы никуда не пошли, оставшись на прежнем месте. Как смогли поставили палатки. Те же самые солдаты, которые — я хорошо знал —



испытывали неприязненные чувства к армянам, помогали нам: приносили воду, раздавали одеяла, доили коз, сгрудившихся в сарае неподалеку.

Самым трудным оказалось довести их до Алеппо. Заплатить добровольцам. Загрузить на небольшой парусник, доставивший апельсины из Кипра. Ламии пришлось достать мешочек с драгоценностями ее матери, чтобы капитан-турок стал смотреть в другую сторону.

Когда парусник отплыл в сторону Никозии, я понял, что другой такой женщины, как Ламия, у меня не будет никогда, даже если я проживу тысячу жизней. Время показало, что я не ошибся. Она — луч света в моей жизни.

Жизнь некоторых мужчин и женщин, возможно, изменилась благодаря ей. У них будут подъемы и падения. У них будут семьи, они будут отмечать дни рождения своих детей, а потом и внуков. Но всегда они будут помнить женщину, явившуюся в образе доброго ангела в густой золотистой песчаной пыли пустыни.

\* \* \*

Когда я прочитал историю Надиных родителей, я решил, что круг замкнулся. Все эти люди прожили жизнь согласно своим этическим принципам. У кого-то хаос пробуждал их самые низкие инстинкты, у других — появлялась возможность помочь ближним, иногда не жалея собственной жизни. Ни собственные потери, ни своя боль не останавливали их.

Эти записки подтверждали мою теорию о том, что многие турки помогали армянам, не ожидая ничего взамен. Они руководствовались только своим моральным долгом, как говорил Кант: «Звездное небо надо мной, а законы морали внутри меня».

Ламия унаследовала от своих родителей этические принципы и применяла их всю свою жизнь, помогая тем, кому нужна была помощь и кого больно била судьба.

Не скрою, эти записки произвели на меня глубокое впечатление. Но в глубине души я был рад, что смогу поместить эти два произведения в сложную мозаику, которую я собирал.

С другой стороны, подумал я, судьба не играла здесь большой роли. Так же, как и везение. Каждому приходилось принимать свои собственные решения, выбирать свои дороги. Все остальное — лишь оправдания. Как легко можно было успокоить свою совесть! Все написано в книге судьбы! Ни одну букву нельзя изменить! Что касается меня, то у меня оставался свободный выбор, контролируемый только совестью.

Халил-бей и Ламия-паша — оба знали, каков должен быть их выбор. У них даже не было сомнений на этот счет. Просто они шли туда, куда направляла их своя этика.

\* \* \*

Потянувшись, я заметил, что камин погас, а в комнате похолодало. Несмотря на это, я чувствовал себя хорошо. Надя и Лейла обращались со мной как с очень близким человеком, и это мне очень нравилось.

Но мой возраст не прощает излишеств, мне надо было немного поспать. Я пошел в спальню и надел пижаму. Почистил зубы, размышляя о превратностях судьбы. Когда я уже хотел было забраться в постель, на ночном столике я увидел листки бумаги. Их оставила Надя, не предупредив меня об этом.

Я понял, почему она проявила такую деликатность. На письме стоял логотип немецкого психиатрического учреждения. Надя получила это извещение о самоубийстве человека, который какое-то время был ее мужем. В письме мой сводный брат Крикор Нахудян пытался оправдать свое решение. Я никогда не общался с ним, но все же в наших жилах текла практически одна и та же кровь.

Не могу объяснить, что я почувствовал, прочитав его. Этот человек пошел по ложному пути. Возможно, его извиняет и снимает с него вину тяжкий груз наследия Кемале и Османа, ставшего для него балластом в деле понимания окружающей его реальности.

Тому, кого это касается.

Меня зовут Крикор Нахудян. Я родился в Берлине в 1922 году. В этом городе укрылся мой отец по окончании конфликта в Турции. Туда он перевез также мою мать-армянку по фамилии Алик Нахудян.

Мне известно с ее слов, что он покончил жизнь самоубийством в тот день, когда я родился. Предварительно он передал ей закрытый конверт, в котором рассказывал о себе и о своих делах.

Моя мать не могла простить ему его деяний против армян.

И тем более того, что он проделал с ее сводной сестрой Мари Нахудян.

Попытаюсь разъяснить. Несмотря на свой молодой возраст, мой отец пользовался большой властью в годы армянского геноцида. Он вел себя безжалостно по отношению к армянскому народу, став одним из самых жестоких его палачей. С сожалением признаю, что это я понял довольно поздно. Самое безобразное было то, что он устроил похищение Мари Нахудян, когда она жила в безопасности во Франции, вернул ее в Трапезунд, изнасиловал ее, а потом, когда у нее родился сын, бросил ее, а позже соблазнил и мою мать.

Когда в Константинополе начали действовать трибуналы, они бежали в Берлин. Там через несколько лет родился я.

Это очень долгий рассказ. Ее изгнали из Германии. Меня же воспитали как немца. Я был членом гитлерюгенда. Меня направили в офицерское училище мои друзья, уговорили меня пойти на службу в СС и помогли мне устроиться там.

Я был одним из немцев. Я действовал сообразно моим убеждениям. «Превосходство одной расы над другой», «окончательное решение вопроса с евреями» и т. п.

Однажды мне пришло письмо. Мои приемные родители погибли во время бомбардировки. Они оставили мне немалое наследство и закрытый, запечатанный сургучом конверт. В нем сообщалось, кто были мои настоящие родители.

К тому времени война заканчивалась. Я сдался американцам и провел три года в военной тюрьме. Потом меня просто выпустили. Без какого-либо суда. У них было много пленных немцев, и им нужно было запустить развитие Германии. Никто никогда не спрашивал меня, что я делал во время войны. Хотя, как это ни парадоксально, это не имело большого значения. Приходилось скрывать столько грехов, столько преступлений без наказаний с той и с другой стороны, что не стоило ворошить всю эту кучу дерьма. Поэтому меня отпустили. Мне как будто сказали: «Иди, мы не хотим больше знать тебя, лучше бы ты пропал где-нибудь...»

Тогда что-то надломилось во мне. Большую часть моей жизни я был обучен ненависти. Не доверять другому, вплоть до того, что лучше уничтожить его, чем пытаться его понять.

Трудно понять, что же случилось. Я вдруг почувствовал потребность вновь повидать свою мать. Я поехал в Турцию и попытался найти ее. Не получилось.

Обстоятельства привели меня в Дамаск. Там я познакомился с Надей Халил. С самого начала мне захотелось, чтобы эта женщина стала принадлежать мне. По какой-то странной причине она неудержимо влекла меня к себе.

Не буду скрывать — я обманул ее. Меня ведь научили обманывать. И я был неплохим учеником. 14 марта 1963 года наш брак был зарегистрирован в юридической конторе Ганновера.

В течение двух лет мы пытались осесть в Германии. Я хотел остаться там, а ее тянуло в Турцию. Наши отношения напряглись. Она забеременела, и наше взаимное влечение сошло на нет.

По правде говоря, мой характер стал меняться. По ночам мне снились общие могилы в Литве. Я видел, как туда падали тела евреев и как литовские наемники закапывали их, —

многие люди были еще живы, когда на них падали первые комья земли.

Мы шутили на этот счет, что они еще надеются, что у них будет шанс сбежать.

Но это было не самое страшное. Несмотря на то, что прошло столько времени, я еще не разобрался в своем поведении. Когда в порыве откровенности я сказал ей об этом, она ответила, что больше не хочет меня видеть.

Она вернулась в Турцию, а я остался в Германии. У меня были проблемы с полицией, и, в конце концов, один судья заставил меня пройти лечение в психиатрической больнице.

Я предпочел покончить со всем этим. Мир был несправедлив ко мне. Так же, как и к моему отцу. В результате верх взяли лжецы. Я больше не могу так жить. Лучше всего покончить со всем этим раз и навсегда. Это мое окончательное решение.

\* \* \*

Так заканчивалось письмо Крикора. Так же, как его отец и его дед, они запятнали всю нашу семью. Но, несмотря ни на что, в конце концов оставалась Лейла, поэтому Надя никогда не согласится с тем, что «была совершена ошибка». Она называла это по-другому: «сила обстоятельств».

\* \* \*

Об этом я узнаю через несколько часов. Рано утром мне позвонил Мохамед Нури, мой старый приятель. Его недавно произвели в генералы, и он сказал, что в своей новой должности сможет иметь доступ к историческим архивам турецкой армии.

Я многократно пытался проникнуть туда. И всякий раз меня не пускали. Теперь обстоятельства были на моей стороне.

## 9

### **Затерянное донесение (ноябрь 1996 г.)**

Найти это донесение было непросто. Капитан Саид Тофик не поддавался на мои уговоры, пока я не показал ему письмо генерала Нури. После этого он часто извинялся и старался быть очень услужливым. Это учреждение напрасно называлось архивом. По словам капитана, все документы исторического характера были собраны от разных воинских подразделений, разбросанных по всей стране, и помещены в новый Генеральный архив армии в Анкаре.

Когда я увидел состояние хранилищ и огромное количество ящиков, я подумал, что мы никогда не найдем то, что нам нужно. Это все равно, что искать иголку в стоге сена. Когда капитан спросил, что меня интересует, я ответил: «Эдремит, 1896 год». Тогда он, слегка волоча левую ногу, прошел между пыльных ящиков. «Курдская пуля в Дийарбакире», — пробормотал он. Потом он принялся искать в картотеке, и нашел «Эдремит». Он щелкнул языком и нервно пристукнул раненой ногой по полу.

Тофик пригласил меня проследовать за ним и деревянной рукой показал на длинную лестницу. Вдвоем мы подняли ее — я в моем немолодом возрасте, и он, наполовину инвалид. Он прислонил лестницу к полке, на которой была прикреплена темная бумажная этикетка с надписью «1896», и вновь улыбнулся мне. Он указал наверх, и я понял, что если хочу найти документы, то мне придется рискнуть жизнью.

Все началось уже давно и пошло от Нади. Ее брак с моим сводным братом Крикором Нахудяном, распавшийся под влиянием обстоятельств, от которого родилась Лейла, сблизил меня с ней.

Она нашла часть дневников Халил-бея в доме Нади и позволила мне скопировать их. Тогда я подумал, что если мне повезет, то смогу узнать, кто были родители Халил-бея, и стал

заниматься исследованиями. В одной из газет появилась дата пленения и имя генерала, участвовавшего в нем. Я позвонил генералу Нури, занимавшему большой пост в Генеральном штабе. Нури сказал, что турецкая армия организована куда лучше, чем думают многие, и предложил мне поехать в Анкару, куда направлялись все армейские архивы.

\* \* \*

Я нашел нужную папку с бумагами без особых проблем. На ней был слой пыли толщиной с палец, края были изъедены мышами, а бумага рассыпалась под пальцами. Но документы были здесь. Обрадованный, я спустился по лестнице под бормотание Тофика, что, мол, мне сильно повезло.

Он разрешил мне занять его кабинет и воспользоваться копировальной машиной. Но, поскольку она не работала, сообщение мне пришлось переписывать от руки. Это будет большим сюрпризом для Нади Халил и Лейлы, его дочери и моей племянницы.

Мое расследование было трудоемким, сложным, утомительным и нередко разочаровывающим. Но оно приносило и удовлетворение, самое главное из которых состояло в том, что можно было добавить еще одну ветвь на дерево, которое, благодаря нашим усилиям, понемногу росло и набиралось сил.

Халил-бей никогда не знал о нем. Несмотря на все старания, он не смог найти бумаги, лежавшие передо мной. Я понял, что не зря приехал сюда в такую даль.

Тофик хотел продемонстрировать мне свое дружеское расположение — принес чашку чаю и тихо попросил разрешения удалиться. Он продолжит свою работу на той огромной горе бумаг.

Я отпил чай. Он был таким, как я люблю, — горячим и горьковатым. Я расстегнул веревочки на папке, открыл ее и смог прочесть то, за что Халил-бей отдал бы свою жизнь.

Ш. Императорская армия.

2-й пехотный полк.

Его Превосходительству Камил-паше, Великому визирю Империи.

Донесение генерала Юсуфа Бекира о зачистке, проведенной в Эдремите, озеро Ван, 22 и 23 ноября 1896 года.

Именем Всемогущего и Милостивейшего Бога.

Второй полк под моим командованием выполнил приказы Генерального штаба.

Полковник Хусейн Джафер.

Майоры Ахмед Фехми, Ибрахим Исхан, Осман Хамид.

Прочитав это имя, я почувствовал, как по мне прошла нервная дрожь. От волнения я пролил немного чая на стол. Осман Хамид! Это уже не была судьба. Там было написано имя моего деда. Развратное существо, тягостный след которого преследует меня уже много лет. Я хорошо его знал. Я следовал за ним, лучше сказать, преследовал его всю жизнь. Но в тот момент среди сотен тысяч рапортов и донесений, собранных в том огромном помещении, он снова удивил меня, представ перед моими глазами.

О, эта судьба! Никто так не верил в судьбу с большой буквы. Как ни парадоксально, но я всегда был сторонником полной и абсолютной свободы. Но время от времени она появлялась вновь, словно хотела предупредить меня: «Я здесь! Ты от меня не уйдешь!..»

Нет, я не мог уйти от нее. Она поджидала меня там, среди папок в плотной обложке, прячась под слоем пыли, словно хотела остаться незамеченной. Там меня поджидал Осман Хамид. Сто лет спустя он смотрел мне в глаза.

В соответствии с приказами Генерального штаба, Второй полк выдвинулся из Битлиса на Гурпинар. Была проведена зачистка в Гевасе и в самом Гурпинаре. Я назначил майора Османа Хамида ответственным за проведение рейда по зачистке Эдремита. Нам было известно, что несколько видных армян города укрылись в этой деревне, надеясь, вероятно, совершить побег через озеро Ван на другую сторону, где можно было пришвартоваться.

Назначение майора Хамида было вызвано тем, что у него имелся определенный опыт в проведении подобных рейдов и он хорошо знает армян и особенность их маневров.

При проведении зачистки нам было оказано сопротивление, из-за которого мы понесли потери — всего 11 человек, в том числе шесть убитых и пять раненых. Среди последних сам майор Осман Хамид. Операция прошла вполне успешно, поскольку все видные армяне были уничтожены.

Ван, 30 ноября 1896 года.

Примечание. Как обычно, прилагается донесение, надиктованное самим майором Османом Хамидом штатному писарю, поскольку майор Хамид ранен в правую руку.

Вот он. Осман Хамид. Отец Кемаль Хамида — человека, который зачал меня. Он пришел, чтобы сообщить мне лично о некоторых фактах, считавшихся затерянными под серой пылью того, что когда-то было сердцем Армении. А я уже был готов получить это затерянное наследство.

Временный лагерь на холмах Гурпинар, провинция Ван.

Его Превосходительству генералу Юсуфу Бекиру 26 ноября 1896 г.

Именем Всемогущего и Милостивейшего Бога.

Направляю настоящее донесение о моих действиях в поселке Эдремит вечером 22-го и утром 23 ноября 1896 года.

В соответствии с приказами вышестоящих инстанций я выехал из лагеря Гурпинар с подразделением в составе двадцати четырех всадников. Наше задание состояло в подавлении бунта армянских предателей, укrywшихся в Эдремите. Согласно поступившим сообщениям, один из их лидеров Ширак Арамян — глава семьи Арамян — был причастен к беспорядкам в армянском квартале в Ване. Мне было приказано употребить все человеческие и технические средства, чтобы захватить и уничтожить его а также его пособников и приближенных.

Как офицер, с удовлетворением докладываю Вам, что указанные приказы исполнены надлежащим образом, описанном в направляемом секретном приложении.

В подтверждение изложенного перед вышестоящим командованием подписываю настоящее донесение в месте и в день, указанные выше.

Подпись Османа Хамида была вычурной и нечитаемой. Я никоим образом не считаю себя опытным графологом, но в подписи Хамида были видны черты сильном и амбициозной личности. Эта подпись много говорила о нем, и я почувствовал сильный холодок в затылке.

К моему удивлению, «секретное донесение» находилось там же, в конверте с расплывшейся синей печатью с надписью «уничтожить». Но кто-то когда-то закрыл дело, не доведя его до конца. Или, может быть, прочел его и не захотел, чтобы это документальное свидетельство исчезло. Наде Халил, Лейле Халил и мне лично этот человек оказал очень большую услугу.

В донесении не было ни заголовка, ни подписи. В нем было всего два листа той бумаги, которой, как я убедился, часто пользуются военные. Я прочел его, стараясь сдерживать свои эмоции, поскольку весь я был очень напряжен.

Через стекло, отделявшее меня от соседнего помещения, я видел, как Тофик ходил туда-сюда, припадая на свой «курдский сувенир». Я старался не думать ни о Лейле, ни о Наде и сосредоточиться только на Халил-бее — армянском мальчике, сыне христианина Ширака Арамяна, одного из руководителей мятежа в Ване в 1896 году. А случилось это всего ничего — сотню лет назад.

\* \* \*

### Секретное донесение

Мы прибыли в окрестности Эдремита вскоре после полудня и заметили движение в домах, окружавших поселок с юго-востока.

Я приказал моим подчиненным развернуться в три колонны по шесть человек в каждой. В каждой из них был лейтенант и один сержант, всего насчитывалось двадцать четыре человека.

Мятежники встретили нас ружейными залпами, и мы решили, что еще одной операции нам не понадобится.

Мы заняли позиции, укрывшись за сохранившимися строениями. Удостоверившись, что силы примерно равны, я послал двух человек за подкреплением, поскольку не знал, каков объем вооружений, находящийся в распоряжении мятежников.

Перестрелка продолжалась почти до вечера. Мы видели, что четыре мятежника были поражены нашим огнем. К тому моменту подошло подкрепление, и я принял решение атаковать, предприняв обходный маневр.

Несмотря на их сопротивление, стоившее нам двух человек, и после долгой перестрелки нам удалось сократить их численность. Их было шестнадцать взрослых мужчин, двадцать две женщины и четырнадцать детей в возрасте от одного до двенадцати лет. Они были обеспеченными людьми, у них наверняка были спрятаны деньги и драгоценности, в связи с чем мы вынудили их начать переговоры.

Не добившись ничего, мы подвесили одного из детей за ноги над костром. Женщины сразу же стали вынимать алмазы, драгоценности и золото из подкладки своей одежды, причем все было так искусно запрятано, что мы вряд ли сами смогли бы найти их. Потом мы отвели мужчин на берег озера и в соответствии с приказом расстреляли их. Что касается женщин, то пришлось пристрелить двух самых старших, а остальных передать курдскому племени, предоставившему нам информацию.

Дети старше восьми лет в количестве семи человек были уничтожены. Из остальных семи мы отобрали двоих наиболее здоровых для передачи их, согласно обычаю, в Генеральный штаб для возможного покровительства им со стороны нашего господина султана.

Остальные были разыграны между офицерами.

Найденное имущество было описано. Дети, предназначенные для покровительства, были сыновьями главы мятежников Ширака Арамяна, о чем под нашим давлением призналась его жена.

\* \* \*

Я не удержался и вскинул руки вверх. Я был в восторге. Я нашел его! Это казалось невозможным, но дополняло мое древо. На нем уже были Ширак Арамян, Халил-бей, Осман Хамид...

Никогда бы не поверил, что мне удастся найти их. Древо начинало расти, оно росло медленно, преодолевая катастрофы и неудачи, и приносило минуты мира и радости.

Не в силах сдержаться, я снова замахал руками. Подняв глаза, я увидел растерянное лицо Тофика, решившего, что я сошел с ума. Я улыбнулся ему. Этот человек мне нравился.

\* \* \*

Так заканчивалась история той «зачистки». Она подтверждала, что Халил-бей был сыном Ширака Арамяна, видного человека, поднявшего мятеж в Ване и безуспешно пытавшегося спасти свою семью.

Это будет моим рождественским подарком для Нади Халил и ее дочери Лейлы Халил. Они никогда не поверили бы, что об этом можно узнать.

Я сложил все оригиналы в папку. Тофик постучал по стеклу. Он уже давно с нетерпением ждал меня, ему было пора уходить.

Я поблагодарил его за любезность и вышел из здания Генерального архива. В Анкаре наступал вечер.

В конце того же дня я улетел в Стамбул. Уже дома я позвонил Наде, но мне ответил только автоответчик. Мне срочно надо было переговорить с ней.

Я вышел на балкон. Босфор сверкал в лучах заходящего солнца, и я подумал, что Ширак Арамян и его семья заслуживали лучшей участи.

### **Конец рассказа Дарона Нахудяна**

## **10**

### **Арам Нахудян (Баку, апрель 1997 г.)**

Думаю, что случайностей не бывает. По крайней мере тогда, когда я летел из Вашингтона в Анкару на принадлежавшем Пентагону самолете С-130 и размышлял о том, что вчерашний день сыграл со мной злую шутку.

Расскажу подробнее. Я уже четыре года имею отношение к спецслужбам Государственного департамента по иностранным делам. Они не связаны ни с ЦРУ, ни с Пентагоном, хотя, по правде говоря, мы оказывали друг другу взаимную помощь. Я считался дипломатом. То есть человеком, служившим своей стране и своим идеям с куда большим старанием, чем это компенсировалось получаемой зарплатой.

Всего две недели назад мне исполнилось тридцать четыре года, и я начал осознавать, что моя молодость окончательно ушла в прошлое. Вздохнув, я попытался что-то разобрать в туманной каше странного фиолетового оттенка, окружавшей самолет на высоте тридцать три тысячи футов над Северной Атлантикой. Это было путешествие длиной почти девять тысяч километров в совершенно неизвестное мне место. Вообще-то говоря, я не совсем прав — я неплохо знал эту страну. Потому что моя мать часто рассказывала мне о Турции.

Моего отца звали Дадхад Нахудян, он родился в Каире в 1930 году и скончался в Париже всего три года назад. Это был исключительный человек, передавший мне свои знания и идеалы. Он был прежде всего армянином, ведь мой дед Оганнес Нахудян и бабушка Нора Азатян родились в Трапезунде и в Эрзеруме. После долгих мытарств они приехали в Каир, судьба была к ним благосклонна, и они умножили свое благосостояние благодаря выдающемуся уму Оганнеса и решимости Норы.

Так что и я по существу являюсь армянином, поскольку моя мать, Элен Уорч, передала мне двадцать пять процентов армянской крови, остальная же кровь — французская. Потому что внутри меня уживались две личности, каждая из которых пыталась заявить о себе либо занять ведущие позиции. В последнее время верх брало, несомненно, армянское начало — генетически армянский удельный вес был явно большим.

Так или иначе я чувствовал себя американцем. Все остальное — просто история. Интересная, драматическая и даже жестокая. Только и всего. Не более чем история.

\* \* \*

Я хорошо знал, что когда-то произошло между турками и армянами. Моя мать неоднократно рассказывала мне об этом, потому что это было частью ее жизни, хотя непосредственно внутри конфликта ей жить не пришлось.

Моя мать родилась в Париже от брака между Эженом Уорчем, человеком тонким и образованным, и Анной де Вилье, бесстрашной женщиной, дочерью секретаря посольства Франции в турецкой столице тех лет.

Обстоятельства сложились так, что я родился в Нью-Йорке и потому пользовался всеми правами гражданина США. Много лет мой отец отказывался говорить со мной об армянских делах, пока не пришел день, когда он счел меня достаточно зрелым, чтобы я смог понять их.

Должен признаться, что поначалу все эти вопросы ни в коей мере не интересовали меня. Мне было восемнадцать лет, и я ни разу в жизни не говорил ни с одним армянином или армянкой, за исключением моей матери. Я был знаком с двумя армянами, которые занимались торговлей на Манхэттене, но я узнал об их национальности только по их экзотическим фамилиям. В то время меня интересовало совсем другое. Например, поступление в Йельский университет, что мне удалось благодаря заветам моего деда Эжена, дальновидного человека, который до самой смерти надеялся, что его внуки выучатся. Из его внуков только я получил высшее образование.

Я не был блестящим студентом, но стал специалистом в области политических наук. Потом я защитил докторскую по Стратегическим ресурсам, а позже прошел курс в Дипломатической школе в Лондоне. Честно говоря, мне было нелегко добиться поступления в Академию в Вашингтоне, а позже поступить на дипломатическую службу.

Мне пришлось провести два спокойных года в посольстве в Париже, и лишь после этого меня пригласили для выполнения специальной миссии. Она состояла в том, чтобы выяснить, насколько реален проект строительства нефтепровода из Баку до Черного моря через Азербайджан и Грузию.

Потом на первый план вышла необходимость, о которой говорил Моно. Мне хотелось думать, что это назначение вызвано только моими профессиональными достоинствами, а не тем, что в моих жилах течет армянская кровь. Но я был не совсем прав. Оказалось, что здесь сошлось много случайностей.

\* \* \*

Мне пришлось лететь из Анкары в Баку на рейсовом самолете. Конфликт в Азербайджане создал нестабильность в регионе, и я осознавал, что у меня могут быть проблемы. Но иного выхода у меня не было.

Самолет С-130 был более шумным и менее комфортабельным, чем коммерческие самолеты. Кроме того, я летел один, и никто не зашел ко мне в салон, чтобы предложить мне что-нибудь. Мне вручили небольшой переносной холодильник с кока-колой и несколькими бутербродами. Эти люди из Пентагона, видимо, должны были тратить бюджетные деньги на другие вещи.

В конце концов мы прибыли в Анкару на рассвете. Разница во времени с Вашингтоном восемь часов. Я падал от усталости, аэропортовые формальности, оказались, к счастью, короткими, и меня отвезли в гостиницу «Хилтон» на машине посольства. По пути мне повторили, что мне предстоит провести в городе сорок восемь часов. Здесь же мне передадут последние инструкции.

Я проспал глубоким сном почти весь день. В шесть вечера мне позвонили из посольства. Кто-то заедет за мной в гостиницу, и мы поедем ужинать в полвосьмого.

Приняв душ, я оделся так, как нарядился бы обеспеченный турист, и спустился в холл. Точно в назначенный час появилась женщина, в которой безошибочно можно было узнать американку. Служащий администрации указал на меня, и она направилась ко мне, изображая улыбку.



Она назвала себя Энн Кемпбел. Глядя на ее рыжие волосы и розовое, веснушчатое лицо шотландки, я почувствовал себя как дома. Мы присели на несколько минут и представились друг другу. Она предложила поехать в ресторан «Зенгер-паша» в старой части города. Я кивнул в знак согласия. Эта женщина могла везти меня куда угодно — она была красива и к тому же от нее исходила какая-то положительная энергия.

Уже в машине она сказала, что в посольстве занимает должность второго секретаря. Ей поручили занять меня во время моего пребывания в Анкаре. Снова улыбнувшись, она добавила, что это не самое неприятное поручение, которое ей приходилось выполнять.

Обстановка была самая располагающая, но больше всего меня поразил вид крепости. Находиться там и ужинать в столь приятной компании компенсировало напряжение тяжелого пути. В конце концов, это был далеко не худший вариант развития событий.

После ужина и долгого сидения за столом она проводила меня до гостиницы. Она сама предложила подняться в номер. Я действительно чувствовал себя совсем одиноко, и мне нечего было возразить. Мы распили бутылку турецкого вина, оно было исключительно дорогим, но нам показалось его мало.

Энн была прекрасной любовницей, а я — тоже постарался быть на высоте. Через пару часов я понял, что больше нет сил, и предложил ей немного отдохнуть. Она так заразительно засмеялась, что в конце концов мы расслабились и заснули.

Едва рассвело, она вскочила с постели и объявила, что должна ехать на работу, но вернется к середине дня, чтобы проводить меня в аэропорт. Я остался один, размышляя о том, что приятные минуты пролетают слишком быстро.

Энн не смогла вернуться и отвезти меня в гостиницу, как обещала утром. Она позвонила, извинившись, что имеет важное поручение, что кто-то заедет за мной и что мы еще увидимся. Ну ладно, если так все складывается, то ничего не остается, как согласиться.

Официальная машина посольства довезла меня до военного аэропорта. К моему удивлению, там меня ждал военный атташе и человек в штатском, который не мог быть никем иным, как сотрудником ЦРУ, хотя он ни слова мне не сказал.

Последние указания состояли в том, чтобы я полетел в Баку на военном турецком самолете. У меня не было возражений, и я поднялся на борт вместе с семьей турецкими военными и двумя гражданскими лицами. На них были солнечные очки, и они даже не взглянули в мою сторону.

Я приготовился провести два часа полета за чтением протоколов о моих предстоящих действиях. Я их помнил практически наизусть, но и делать мне там было совсем нечего.

\* \* \*

Баку оказался точно таким, каким мне его описывали. Серый город, спускавшийся к морю с окружавших холмов. Огромный нефтеочистительный завод, продолжавший работать, являя собой одно из чудес света, доказывающих, что жизнь на развалинах Советского Союза еще продолжается. Территория, которая в свое время была как бы опорой моста империи Александра Великого, благодаря нефти стала местом столь стратегически важным, сколь и некрасивым. При всем при этом стены, защищавшие эту территорию, до сих пор сохранились.

Гостиница была некрасивой, холодной и темной. Ее украшал человек, у которого явно было иное призвание. С номера был выход на улицу. Мне предстояло прожить там три дня, и такая перспектива отнюдь не радовала меня.

Это была темная сторона блестящей позиции любого дипломата. Часть пути, который ему надо было одолеть, если он хотел чего-нибудь добиться.

В моих инструкциях строго указывалось, что следует избегать прогулок в одиночку по городу. Американский дипломат становился легкой добычей любой местной террористической группы, участвующей в азербайджанском конфликте. Меня предупредили, что русские не очень хорошо контролируют эту республику. По правде говоря,

разведывательные службы отговаривали меня от этой поездки. Они были готовы предоставить любую полную информацию, позволявшую принять правильное и объективное решение без необходимости лично ехать в Баку.

Но Пентагон хотел получить информацию из первых рук. Поэтому я и выглядывал из окна двоянного номера 316 гостиницы «Отель Каспио».

Мы стояли на пороге мая месяца, но еще было очень холодно. В номере красовался огромный крашенный радиатор, он был такой же холодный, как и стекло, которого я касался. Может быть, для жителей этого города уже и не стоило отапливать помещение, но в номере было не больше десяти градусов тепла.

Я решил пренебречь всякими советами и рекомендациями и пройтись по городу. Смеркалось, и мне захотелось пройтись по рынкам, которые я видел из окна такси. Ярко освещенные ларьки стояли рядами вдоль тротуаров. На следующий день мне предстояло совещание с директорами основных государственных нефтеочистительных заводов. Потом я поеду вдоль берега до Аляты — пристань, где мне должны указать место контакта с нефтепроводом до Тбилиси. Он должен пройти и через армянскую территорию вдоль одного из северных отрогов Малого Кавказа.

Спотыкаясь на плохо освещенных ступенях лестницы (лифт только поднимал пассажиров), я думал, что эту миссию надо было бы поручить какому-нибудь специалисту, инженеру или какому-нибудь другому технарю. Я-то, вообще говоря, высказывал уже такое мнение, но мне сухо ответили, что в моем мнении по этому конкретному пункту они не нуждаются.

Уличный рынок был настоящим людским калейдоскопом. Там были русские, татары, калмыки, армяне, турки, иранцы, грузины и многие другие, которых я уже не мог распознать. Мои волосы были темными, глаза серыми, а цвет лица как у латиноамериканцев. Никто не сказал бы, что я американец. Разве что по качеству моей одежды, хотя в дороге она нещадно измялась. Но хочешь не хочешь, но есть нечто неуловимое, что нас выдает, кроме того, окружавшие нас люди были в основном продавцами. А у них есть шестое чувство, по которому они угадывают стоящего перед ними человека.

Сильный запах еды, усиленный специями, перебивал все. Это место находилось относительно недалеко от Европы, но в нем, несомненно, царил азиатский дух.

В гостиницу я вернулся очень быстро. Мы договорились с доктором Сергеем Бахза позавтракать в восемь утра. Он явился как раз в тот момент, когда часы на стене холла отбивали восемь часов. Его пунктуальность вызвала у меня улыбку, потому что во время моей последней миссии в Женеву представитель швейцарского правительства опоздал на полчаса.

Бахза был грузином родом из Тбилиси. Это был мужчина лет сорока пяти, с практически белыми волосами и зеленоватыми глазами. Он приветствовал меня глубоким наклоном головы, а я протянул ему руку, которую он крепко пожал, поглядывая на меня из-под полуприкрытых ресниц.

Мы позавтракали медленно и обильно. До сих пор я ни разу не встречал, чтобы кто-нибудь завтракал таким образом. Он делал это размеренно, словно этот вульгарный и плохо организованный буфет представлял собой прекрасную возможность для роскошной еды. Он дружески улыбнулся мне, услышав мое замечание, но продолжал есть точно так же.

Когда он уже больше не мог кушать, он стал пристально смотреть на меня, словно в ожидании того, что я объясню ему, что собираюсь тут делать.

Он не выказывал намерений поскорее уйти отсюда, так что мне пришлось подняться из-за стола, давая понять, что пришло время начинать рабочий день.

У Сергея Бахзы была дребезжащая «Лада», точно такая, как и сотни других подобных автомобилей в Баку, за исключением нескольких старых «мерседесов». Мы поехали на Аляты — пристань, где находилось большинство крупных нефтеперерабатывающих заводов и нефтепроизводств страны.

Он рассказал мне, что конфликт между Арменией и Азербайджаном за Нагорный

Карабах делал, по его мнению, нереальным любое сотрудничество по такому сложному и дорогостоящему проекту, как нефтепровод. Он грустно улыбнулся. Кто будет вкладывать деньги в столь дорогое и рискованное предприятие? Сергей говорил на довольно искусственном английском языке, но его можно было прекрасно понять. Он никогда не одобрил бы столь безумного проекта. Он добавил, что, будь его воля, он уже давно бы жил в Майами. Он подмигнул мне. Бывал ли я в Майами? Из всех мест на земле именно этот город больше других походил на рай.

В условленном месте нас ждала группа инженеров. Почти все они были русскими, работавшими по контракту на правительство Азербайджана. Они бегло говорили по-английски и, казалось, были горды своим знанием языка.

Это устраивало меня, поскольку я едва был в состоянии пробормотать двадцать или тридцать готовых фраз по-русски. Английский язык одержал победу над эсперанто и над дипломатами.

Мне показали на карте, раскрашенной цветными карандашами, место стыка. Иранская нефть поступит сюда из поселка Бандар Анзали, расположенного в ста пятидесяти километрах на северо-восток от Тегерана. Это был хороший бизнес для всех, к тому же Москва смягчила свое отношение к местным политикам. Проблем не будет. Сергей тем временем пристально смотрел на горизонт Каспия, словно не понимал, о чем у нас идет речь.

Но инженеры, казалось, очень хотели проведения нефтепровода. Более того, в порыве энтузиазма они повели речь о параллельном нефтепроводе с автомобильной дорогой, с которой можно контролировать его и проводить необходимые ремонтные работы. В выигрыше будут все — Иран, Азербайджан, а следовательно, и Россия, Армения и Грузия. Кроме того, конечно, и Турция, которая станет первым потребителем. Будут гарантированы справедливые цены. В районе установится стабильность. Это была прекрасная идея.

Потом они замолчали, ожидая моей реакции. Было очень трудно убедить их, что моя миссия ограничивается подготовкой доклада, который станет частью большого досье, и что оно всего лишь еще один бюрократический шаг на долгом пути принятия решения.

Но я не смог убедить их в этом. Им хотелось нефтепровода. Стратегические позиции Баку ослабевали в этом новом мировом раскладе нефтяных богатств. Но нефтепровод изменит положение. А тут стоял я с моей папкой, фотокамерой и бейсболкой спортивного клуба «Нью-Йоркерс». Видимо, у меня был внушительный вид, потому что на меня смотрели молча и уважительно.

Мне терять было нечего. Я подумал, что было бы неплохо вселить в них надежду. В конце концов мы всю нашу жизнь живем в мире иллюзий, и без особых раздумий я заявил:

«Будет построен. Нефтепровод будет. Совершенно точно».

Меня чуть ли не начали качать. Все широко заулыбались, и я какое-то время чувствовал себя прекрасно. На обратном пути в Баку я уловил, что Сергей смотрит на меня с уважением.

Это произошло в самый неожиданный момент. Мы вышли пообедать, предвкушая терпкое грузинское вино и подтрунивая над собой. Эти русские понравились мне. Они хотели уехать, но не куда-нибудь, а именно в Соединенные Штаты Америки.

\* \* \*

Взрыв отбросил меня на дерево. Думаю, что я пролетел не меньше шести метров. Может быть, и больше. Только Сергей, отошедший за машиной, не пострадал. Четыре инженера, шутившие со мной всего секунду назад, погибли сразу.

Нет, сознания я не терял. Я почувствовал ужасную тошноту, страшную боль в руке. Я почувствовал, как кровь заливает мне лицо. Я даже не испугался. Я только понял, что что-то мешает мне нормально дышать и что я остался в живых.

Думаю, что машины скорой помощи, приехали быстро. При этом я был неспособен чувствовать время и у меня было ощущение, что оно замерло, остановилось. Потом вдруг

оно побежало быстро-быстро, я заметил это по дыханию.

Сергей стал оказывать мне помощь. Мне показалось, что он плачет, и я видел, что он обхватил свою голову руками. По-моему, в этот момент я потерял сознание.

\* \* \*

Я пришел в себя в реанимации Главного госпиталя Баку. Сначала я не понимал, где нахожусь. Как ни странно, ничего у меня не болело.

Я решил, что мне дали успокоительное. Я только слышал громкий шум в ушах. Я вновь и вновь видел вспыхнувшие возле меня языки пламени. Я понимал, что был в шаге от смерти. Я не был уверен, что меня по-настоящему прихватило и что мне жить осталось совсем немного. Обо всем этом я думал как бы со стороны, словно находился в стороне от своего тела.

Сколько времени я провел в таком странном состоянии, неизвестно. В какой-то момент я услышал чьи-то осторожные шаги. Кто-то наклонился надо мной и стал пристально рассматривать меня. Это была красивая женщина со светлыми глазами, ее светлые волосы были коротко подстрижены. Я мог наблюдать, как ее грудь поднималась и опускалась как раз на уровне моих глаз. Она пристально смотрела мне в зрачки, словно что-то искала в них. Помню, я попытался улыбнуться, но не смог. Она разгадала мое старание и ответила мне широкой улыбкой.

Она указала на себя и произнесла свое имя. Почему-то оно осталось у меня в памяти — Лейла Халил. Она была доктором. Она очень деликатно дотронулась до моей перевязанной руки и прошептала, что мне очень повезло. У меня не останется шрамов, и уже через несколько недель я смогу выписаться из госпиталя. Очень повезло, повторила она, улыбнувшись. Потом она ушла, оставив после себя легкий запах духов, показавшийся мне странно знакомым.

На следующий день меня навестил Сергей. Он выглядел расстроенным и старался не смотреть мне в глаза, как будто чувствовал себя виноватым. У меня болели все кости, но я хотел переменить позу, чтобы достойно встретить его. Он подошел к кровати и протянул руку. С ним была папка из коричневой плотной бумаги самого дешевого сорта. Он что-то пробормотал, но я не разобрал. Он молча смотрел на меня. Мне было очень интересно, что в папке, но у меня не хватило сил открыть ее, и я уронил ее на кровать.

Он понял мое состояние и положил папку в ящик прикроватной тумбочки. Потом он, видимо, решил, что мешает мне, поднялся и стал задом, не спуская с меня глаз, выходить из комнаты.

Позже мне объяснили, что это было еще одно покушение азербайджанских националистов. Своего рода невнятный протест против Армении, против России, против Турции. Против всех.

Люди, оказавшиеся жертвами покушения, ничего общего со всем этим не имели. Но для авторов это не имело никакого значения — в конце концов они добились своего — привлекли к себе внимание всех. Пусть оно и стоило жизни четверым людям. При их образе мыслей, это было не важно — подходящая цена для их пропагандистской акции.

Однако я не мог не думать о докторе Халил. Что делала там такая женщина, как она?

В госпитале я провел больше времени, чем мне хотелось, но больше я ее не видел. Я только вспоминал ее глаза странного золотистого цвета и ее духи, ставшие знакомыми, когда я вызывал их в своей памяти.

Несколько дней у меня, видимо, держалась высокая температура. Я чувствовал себя весьма беспокойно и в голове появлялись разные фантазии. Иногда температура снижалась и фантазии уходили. Не знаю, сколько времени я провел в таком состоянии. Когда я был в сознании, я относил их за счет головной боли. Врач пытался убедить меня, что взрывная волна вызвала у меня легкую контузию, и с убежденностью добавил, что все это у меня пройдет через несколько дней, в крайнем случае недель.

Мне хотелось уехать из этого госпиталя. Я стал замечать несвежесть простыней, недостаточную гигиену в туалете, когда уже начинал делать свои первые шаги. Все это вызывало у меня депрессию, а головная боль, появлявшаяся неожиданно и вызывавшая тошноту, была причиной сильных страхов, что она никогда не пройдет и будет мешать мне вести нормальный образ жизни.

Единственно, что облегчало мне существование в те моменты, было воспоминание о серьезных глазах Лейлы Халил. Я не мог не думать о ней. Мне казалось, что я знал ее всю жизнь, хотя и понимал, что наше знакомство продолжалось всего несколько секунд.

Наконец меня выписали из госпиталя. К тому времени меня уже не очень волновали условия в нем. Это было похоже на то, что именуют «синдромом Стокгольма». Мне уже не хотелось уезжать. Я даже сказал лечащему врачу, что до поступления в госпиталь я чувствовал себя намного хуже, чем сейчас. Я-то понимал, что единственной причиной для продления моего пребывания там было ожидание, что она появится вновь. Я не мог свыкнуться с мыслью, что никогда больше не увижу ее.

Кто действительно появился в госпитале, так это второй секретарь посольства в Анкаре Декстер Бруль. Он приехал сообщить мне, что меня увезут отсюда обратно в Соединенные Штаты. Пытаясь передать мне свой оптимизм, он улыбнулся мне.

Я убедил его, что этого делать не следует. Я чувствовал себя прекрасно, и должен пробыть в городе еще одну неделю. Кроме того, инженеры, ответственные за работу перерабатывающих заводов, взяли надо мной шефство. Это была прекрасная возможность внедриться в их среду и узнать их подлинное мнение о реальности строительства нефтепровода. Причем не с позиций неизвестного человека, представляющего стратегические интересы такой страны, как США, а с позиций их настоящего друга, доверенного человека. Они узнали через Сергея Бахзу, где я нахожусь, и ежедневно приходили ко мне, чтобы выразить свое сочувствие. Они приносили с собой водку домашнего приготовления, и эти бутылки скапливались у меня под кроватью. Они говорили, что это напиток богов, который мы должны будем как-нибудь вместе выпить.

Декстер Бруль, казалось, не очень проникся моими аргументами. Он настаивал на том, что ему поручили вытащить меня отсюда. Помимо прочего они опасались, что покушение может быть повторено. В конце концов гарантии самого правительства Азербайджана, задержавшего террористов и предавшего их суду, сыграли свою роль и оказались более убедительными, чем мои собственные аргументы.

На следующий день меня выписали из госпиталя. Я собрал вещи и, прежде чем выйти из госпиталя, направился к кабинету директора.

Я хотел поблагодарить его за проявленное ко мне внимание. Я понимал, что большего они не могли дать, имея такой скромный бюджет. Он принял меня весьма сердечно и был рад, когда я подарил ему несколько бутылок водки, чтобы он распил их вместе со своим персоналом.

Уже вставая, я спросил у него (стараясь показать, что для меня это не имеет большого значения) о докторе Лейле Халил. При этом я пробормотал, что, мол, хотел бы поблагодарить ее за визит.

Директор посмотрел на меня с любопытством. Лейла Халил? Да, он помнил ее. Она провела один день в госпитале. Но она не работала здесь. И даже ни в одном медицинском учреждении Азербайджана. Она была турецким врачом, работавшим в Красном Кресте. Она приезжала по заданию Красного Креста только для того, чтобы оценить мое состояние.

Директор бросил на меня заинтересованный взгляд. Она навестила меня? Он пробурчал, что до конца не понимает, в чем дело. В любом случае ее уже нет в городе. А где ее найти, он не знает.

\* \* \*

На главной лестнице меня ждал Сергей. Увидев меня, он стеснительно заулыбался. Он

был рад, что я уже хожу, но по-прежнему прятал свой взгляд, как будто продолжал считать себя единственным виновником случившегося. Я с улыбкой протянул ему руку, и он обнял меня в знак своего расположения и, возможно, благодарности за то, что я не только не имел ничего против него, но и считал его своим другом.

Я уже был в машине, когда вдруг вспомнил, что забыл папку, переданную мне Сергеем. Я пробормотал извинения и вышел из машины, опасаясь не найти ее на прикроватной тумбочке.

Я вошел в палату в тот самый момент, когда уборщица выходила из нее, и подумал, что она выбросила папку. Но нет. К моей радости, папка лежала на месте. Причем именно так, как две недели тому назад ее оставил Сергей.

Я взял папку и быстро вернулся в машину. Сергей увидел папку и ухмыльнулся. Потом резко тронулся с места, выпустив клубы черного дыма и извинившись за низкое качество советских моторов.

То, что случилось со мной, изменило некоторые мои воззрения. До сих пор я никогда не думал о смерти как о чем-то определенном и неизбежном. Покушение поставило ее настолько близко, что она практически коснулась меня, а это, несомненно, меняет личность. Смерть в конечном итоге затрагивает других. Всегда только других. Парадокс состоит в том, что, когда приходит наш час, это уже не наш вопрос.

Сергей захотел устроить ужин в мою честь и пригласил меня в один из самых роскошных ресторанов Баку. Рискую задеть его чувства, я ответил отказом. Я предпочел бы перекусить где-нибудь на берегу моря, где подают свежую рыбу, в скромном и безлюдном ресторане. Он согласился, сказав, что понимает меня. Это, конечно, хорошая мысль, тем более что вряд ли нам подадут в дорогом ресторане более свежую рыбу.

За едой мы не разговаривали. Я был рассеян, и Сергей уважал мое состояние. У меня начинала болеть голова, это улучшало мое настроение, но желания разговаривать не появлялось. Я предпочитал молчать, пока Сергей неожиданно не уставился на меня. Тогда он и спросил, прочитал ли я бумаги из его папки.

Я в удивлении отрицательно покачал головой. Нет. Не было подходящего момента для этого. А почему он так хочет, чтобы я прочитал бумаги? Он пожал плечами, пробурчав, что он предпочел бы, чтобы я сам это понял. Эти бумаги прислал ему его старый друг, имевший, как ни странно, такую же фамилию, как и я. Его друга звали Дарон Нахудян. Он познакомился с ним в Стамбуле лет двадцать назад. Хороший человек, добавил он.

Потом он захотел сменить тему разговора. Он спросил, когда мы продолжим нашу работу. Ему очень хотелось поскорее вернуться к ней.

Мне не хотелось обманывать его. Я ответил, что все эти события повлияли на меня намного сильнее, чем я сам ожидал. У меня уже не было большого интереса продолжать работу. Мне трудно сосредоточиться, да к тому же время от времени сильно болит голова.

Сергей, моргая, внимательно смотрел на меня, словно не желая слышать эти слова. Он хорошо понимал, что я представляю собой его шанс, и ничего не хотел больше слышать.

Я закончил ужин, подняв тост за дружбу, а Сергей обхватил свою голову руками. Мне было по-настоящему жаль огорчать его, но я не мог оставаться в Баку только из-за того, что моему новому другу нужна работа. Я предпочел дать ему тысячу долларов, потому что мне было уже ясно, что надо делать. Раньше у меня не было такой ясности.

Потом я раскрыл папку. Целая куча листков, исписанных на машинке. Был поставлен заголовок: «Армянское древо». Тогда я вспомнил, что у моего отца был дальний родственник, племянник Дарон Нахудян.

## 11

### Лейла Халил

Я хорошо помню день, когда Дарон Нахудян появился в нашей жизни. Это была

пятница, март 1978 года. В тот день мне исполнилось двенадцать лет.

Когда я вечером пришла домой, он уже был там. Он сидел в библиотеке, разговаривал с мамой, и у меня появилось ощущение, что я знаю его всю жизнь. Мне показалось, он был рад находиться среди нас, и я увидела, что и мама была довольна.

В тот вечер перед сном мама объяснила мне, кто такой Дарон. Потом она впервые в моей жизни рассказала мне о моем отце Крикоре Нахудяне, сводном брате Дарона Нахудяна.

Помню, она закрыла лицо руками и разрыдалась, не в силах успокоиться. Я обняла ее, и мы так просидели довольно долго, понимая, что у меня есть она, а у нее есть я.

Дарон неожиданно оказался для нас приятным сюрпризом. Это был добропорядочный человек, довольно пожилой, ему тогда было лет шестьдесят, но он производил впечатление человека, обладающего большой жизненной энергией.

Он объяснил нам, чем занимается, и мама отнеслась к этому с энтузиазмом. Она всегда говорила, что получила османское воспитание, унаследованное от своих родителей, — моего дедушки Халил-бея и бабушки Ламии-паша. Но меня она хотела воспитать по-другому и устроила во Французский колледж.

На меня произвела впечатление та цель, которую поставил перед собой Дарон. Для меня прошлое было чем-то расплывчатым, потерянным навсегда, сохранившимся разве что в памяти того или иного человека.

История тоже не нравилась мне тогда, вернее, не нравилось, как мне ее подавали. Я отдавала предпочтение естественным наукам и химии.

\* \* \*

С тех пор наши отношения с Дароном стали постоянными. Он иногда приезжал к нам и звонил не реже одного раза в месяц. Он был как бы членом нашей семьи, и мама высоко ценила его. Кроме того, она хотела помочь ему в реализации его проекта. Эта работа казалась мне невыполнимой, но, как он сказал, она стала смыслом его жизни. По какой-то причине мама не разговаривала со мной на эту тему. Тогда я была слишком маленькой, чтобы понять суть дела.

Что касается нас, то в Дамаске мы жили неплохо. Политическая ситуация была стабильной, хотя иногда все усложнялось абсурдным характером сирийцев, которым нравилось совать нос в чужие дела, изображая из себя донкихотов и пытаясь помочь другим народам, например палестинцам, хотя сирийцам было бы куда полезнее оказывать помощь самим себе. Мы считали себя не сирийцами, а турчанками, но вполне вписывались в окружающую жизнь.

Окончив среднюю школу, я сказала маме, что не желаю больше учиться в Дамаске, на что она ответила мне, что я хочу усложнить себе жизнь. Потом она потихоньку привыкла и согласилась на нашу разлуку.

Я прожила в Лондоне шесть лет. Домой я приезжала только на несколько дней летом, чтобы сменить обстановку и отдохнуть. Думаю, что для нее такой режим был более болезненным, но время проходит быстро, и когда, я закончила учебу, она призналась, что мне удалось добиться того, о чем она могла только мечтать.

В 1992 году я защитила диплом. Незаметно для себя я стала врачом и, по правде говоря, была горда этим.

Тогда я подумала, а каково будет мое будущее? И поскольку я никогда не была домоседкой, я попросилась на работу в качестве врача Комитета ООН по беженцам — ACNUR. Со мной провели предварительную беседу, а потом включили в число претендентов. В конце концов мне позвонили и сказали, что меня приняли. Меня поздравили с поступлением и сказали, что через две недели я вылетаю в Сомали.

Так вот, я не буду пересказывать все, что было тогда. Работа мне показалась очень тяжелой — я никогда не видела, чтобы так страдали люди. Я делала все, что могла, хотя этого было явно недостаточно. И я поняла, что мир совсем не такой, каким я его себе

представляла.

Из-за этого со мной случилась депрессия. Несколько дней и ночей я провела в слезах, понимая, что наши усилия — это не более чем капля воды в необъятном океане человеческих страданий. Я научилась разделять чужую боль, ведь, несмотря на то, что мы относились к системе ООН, наши средства были весьма ограничены. Кроме того, мы оказались посреди гражданской войны, у нас воровали припасы, медикаменты, да и среди личного состава миссии ACNUR были потери.

\* \* \*

После шести месяцев, проведенных в Африке, я вернулась домой на каникулы и рассказала матери обо всем, что там увидела. Караваны людей, шедших за водой к далекому колодцу, часть из них умирала в дороге; дети, настолько обезвоженные, что казались картонными; многие из них были брошены в кустах живыми, без надежды выжить. Ты можешь попытаться спасти одного, десять детей, но пытаться спасти сто или тысячу уже невозможно. Этих детей пожирала звери, ведь мы не могли объехать все бескрайние просторы, где скрывались беженцы.

Она внимательно слушала меня. Потом сказала, что она представляет себе то, о чем я рассказываю. Я с удивлением посмотрела на нее — я не знала, что ей пришлось видеть это своими глазами. «Нет, — она покачала головой, — напрямую нет, я не видела». Она встала и прошла в библиотеку. Открыла один из ящиков и вытащила старую папку, одну из тех, что завязываются веревочками.

Эта папка мне показалась знакомой. Иногда мама работала с ней. Но я никогда не интересовалась ею.

Мама посмотрела на меня и пробормотала, что пришло время, чтобы я узнала, что однажды случилось в Армении и как эти события затронули нашу семью.

Я знала, что во мне была армянская кровь, и чтение мемуаров моего деда Халил-бея и бабушки Ламии-паша взволновало меня.

Потом мама показала мне генеалогическое древо, полученное недавно от Дарона, и рассказала о каждом из тех, кто был на нем изображен. Дерево стало итогом многолетней работы, и мама была горда тем, что помогала его составлять.

\* \* \*

Прошло несколько месяцев, и я забыла обо всем этом. Мне позвонили и предложили составить доклад для ACNUR о Республике Нагорный Карабах. Снова Армения, и я подумала, что было бы интересно что-нибудь узнать об армянском народе.

Когда я находилась в столице Нагорного Карабаха Степанакерте, мне позвонили по телефону. Слышно было очень плохо, но я смогла разобрать мамин голос. Она сообщила, что Дарона Нахудяна срочно положили в больницу в Стамбуле и что он спрашивал обо мне. и Случаю или судьбе было угодно, чтобы это совпало с моей поездкой в этот город, где мне нужно было встретиться с ответственными лицами в ACNUR и с Красным Полумесяцем. Я вылетела той же ночью и на следующее утро была в холле Международного госпиталя в районе Есилкой.

Мне разрешили зайти проведать Дарона, когда я представилась его племянницей. Меня предупредили, что он в критическом состоянии и может умереть с минуту на минуту. Его лечащий врач был удивлен его умственными способностями, потому что, несмотря ни на что, он был в состоянии поддерживать разговор и помнил многие вещи. Врач прошептал, что, судя по анализам крови и мочи, больной должен находиться в сумеречном состоянии, без желания что-либо делать. Он повторил, что это очень удивительно, и провел меня в палату.

Дарон полулежал на кровати, весь в трубках и катетерах. Но он узнал меня и попытался



поднять руку. Я сжала его пальцы. Они были холоднее обычного. Кожа у него была сухая и упругая. Я подумала, что есть люди, которые отказываются умирать, и этот странный армянин был из их числа.

Дарон показал на кучу газет. Все они были датированы неделей назад. Я взяла верхний экземпляр и прочла заголовки: «Североамериканский дипломат серьезно ранен при террористическом покушении в Баку».

Я посмотрела на Дарона и увидела, что он одобрительно кивнул. Я села возле него и прочитала вслух «раненый дипломат Арам Нахудян находится в тяжелом состоянии в Главном госпитале в Баку. Есть надежды на благоприятный исход».

Я посмотрела в глаза Дарона. Маска покрыла его рот и часть лица, но по его ресницам я догадалась, что он хочет улыбнуться.

Тогда я поняла, что мне надо делать, и сказала ему об этом. Я вылечу первым же рейсом в Баку и увижу там Арама Нахудяна, если он хочет именно этого.

В знак согласия он медленно кивнул. Потом я довольно долго просидела возле него. Перед уходом я поцеловала его в лоб и не могла удержать скатившуюся слезу. Мы больше не увидимся, мам обоим это было ясно.

На пути в Баку я думала, что это, пожалуй, не судьба. Каждый из нас выбирал свой собственный путь, и поэтому мы несли ответственность за нашу жизнь и были ее действующими лицами.

Самолет легко коснулся полосы в аэропорту Баку. Через этот город многие годы проходило много армян. Около полосы я увидела несколько деревьев. Одно из них было, несомненно, армянским деревом.

*Агуадутьсе, ноябрь 2000 г.*